Семен Бобров * Рассвет полночи * Херсонида

1

Семен Бобров

Рассвет полночи

*

Херсонида

СЕМЕН БОБРОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Семен Бобров

Рассвет полночи
*
Херсонида

В двух томах

Том первый

Издание подготовил
В.Л. КОРОВИН

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Б72

Ответственный редактор
Д.П. ИВИНСКИЙ

ТП 2007-I-259

ISBN 978-5-02-035591-0
ISBN 978-5-02-035666-5 (т. 1)

РАССВЕТ ПОЛНОЧИ,
ИЛИ
СОЗЕРЦАНИЕ СЛАВЫ, ТОРЖЕСТВА И МУДРОСТИ ПОРФИРОНОСНЫХ, БРАНОНОСНЫХ И МИРНЫХ ГЕНИЕВ РОССИИ

с последованием
дидактических, эротических
и других разного рода
в стихах и прозе опытов

Семена Боброва

Часть первая

Порфироносные Гении России

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ ДЕРЖАВНЕЙШЕМУ
ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

ИМПЕРАТОРУ
И САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

ГОСУДАРЮ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ

– Hic magnos potius triumphos,
Hic ames dici pater atque princeps.
. . . .
– Instar veris enim vultus ubi tuus
Adfulsit populo, gratior it dies,
Et soles melius nitent.

Horat. Od. II, l. I et od. V, l. IV

– Здесь паче возжелай трофея и венца!
Здесь имя возлюби владыки и отца!

– Твой взор блистает здесь перед лице народа,
Подобно как весна в приятно время года.
Се дни с прелестнейшей усмешкою бегут!
Се солнечны лучи прекраснее текут!

Горац. Од. II, кн. I и од. V, кн. IV

Всемилостивейший Государь!

Исступленная Полигимния дерзает возвысить глас из среды одушевленных сению Августейшей благости сынов России и повергнуть слабую жертву пред священнейшим Престолом. – Трепещущая лира ея доселе ищет животворной души; – стезя к оной еще сокрывается. – Самодержец! – благоволи о ея жребии и удостой Высочайших взоров сие приношение, яко возможнейший фимиам, единственно подобающий земнородному божеству! – С умиленным и признательным благоговением уповаю внять божественный глас Порфироносного, – благодетельного Гения,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

верноподданнейший

Семен Бобров

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Новое наименование книги сей не может единственно относиться к произведениям пера, составляющим оную, но преимущественно и в особливости к подвигам великих Гениев России, которые с начатия осьмогонадесять столетия доныне тщились образовать отчужденную, так сказать, дотоле нашу гемисферу и по глубоком мраке установить в ней совершеннейший день просвещения, благопоспешности и славы. Таким образом рассветала полночь. – Ныне наступает ея полдень. Вечная признательность Провидению.

Сей *Рассвет полночи* должен заключать несколько перемен или по крайней мере четыре части и более, из коих первая, как полагаю, будет называться *Порфироносные Гении России*; вторая *Герои Севера*, или *Военные оды*; третия *Занимательные часы для души и сердца*, которые разделятся на два рода: один будет содержать *священные размышления, духовные и нравственные песни*, а другой *домашние жертвы и некоторые эротические черты*; четвертая: Картина *Херсониса Таврического*, или *Мои лучшие летние сутки в Тавриде*. – В дополнение сих частей последуют разные случайные произведения сердца и воображения, также и переводы из славнейших английских, французских и латинских писателей.

Надлежит здесь предуведомить, что большая часть помещаемых здесь трудов была уже напечатана в различные времена к концу минувшего века в некоторых периодических изданиях. Они приняты, кажется, благосклонно. Я льщусь, что ежели члены тела порознь были столь счастливы, что понравились, то и целое тело, с желаемою теперь исправностию составляемое из оных, принято будет не без благосклонности. Конечно, ничего не найдется в них особливого или вновь сотворенного, ибо нет нового под солнцем; но

когда чувствительный и великодушный читатель вспомнит басню о соловье и канарейке, которая в сокровенном и скромном уединении подражала ему в пении и иногда удостоивалась внимания Дамоновых друзей и особливо любезной подруги его сердца, то смею надеяться, что и голос моей души кем-нибудь иногда будет слушаем без отвращения, и я – тогда наравне с оной небесной подражательницей почту себя довольно награжденным.

1. СТОЛЕТНЯЯ ПЕСНЬ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО ОСЬМОГОНАДЕСЯТЬ ВЕКА РОССИИ

Глубока ночь! – а там – над бездной
Урания, душа сих сфер,
Среди машины многозвездной
Дает векам прямой размер;
Бегут веков колеса с шумом.

Я слышу – стон там проницает;
Пробил, – пробил полночный час!
Бой стонет, – мраки расторгает,
Уже в последний стонет раз;
Не смерть ли мира – вздох времен?

Преходит век – и все с веками;
Единый род племен падет
И пресмыкается с червями,
Как из червей другой встает;
И все приемлет новый образ.

Пробил – завеса ниспадает;
Я вижу длинный зал сквозь тень;
Вдали – там свет лампад мелькает;
Висит под ними бледный день,
Подобно как в туманну осень.

Там ряд веков лежит особый;
На них планет влиянья нет;
Стоят в помосте тусклы гробы;
Не восстает там утра свет;
В зарнице слава лишь мелькает.

Случаи – следствия судьбины –
Летят, летят – и гибнут вдруг,
Как легки солнечны пылины,
Крутящись в воздухе вокруг,
Блестят, блестят – и нет их боле.

Там мир глубокий обитает;
Лишь некий старец при гробах
В своем челе сто лет являет
И тусклый сумрак во очах.
Таков согбенный веком *Янус*.

«Не ты ль, латинов обладатель? –
Я в трепете ему вещал. –
Не ты ль, небес истолкователь,
Пути судьбины открывал
И мир чрез то народам строил?

Что за тобой, что пред тобою
Не ты ль в единой точке зришь?
Не ты ль владений над судьбою
И их рожденьем вкупе бдишь?
О старец! ты всего свидетель.

Повеждь, кто в Севере толь славно
Начало века и конец
Величит и свершает равно?
Пой! пой столетия венец!
Он памятен, бесценен россам».

«Сын персти! – вдруг *тень* зашумела. –
Се там столетья страшна дверь
Подобно грому заревела
На медных вереях теперь! –
Ты слышишь звуки их ужасны.

Отверзлась дверь, – все ново в мире;
Се виден происшествий строй! –
Но музу призовем мы к лире
И скажем: “Песни, дщерь, воспой!
Векам о сем воскликни веке!”

Довольно надо мной летело
От миробытия веков;
Но ни едино не имело
Столетье толь благих духов,
Как исполинский век сей славы.

Пред ним шли звезды, как пророки; –
Я то на небесах прочел; –
Огнистый шар сквозь мрак глубокий
Из дальних долов тверди шел;
За ним хвост влекся против солнца.

Кто? – кто не содрогался в страхе?
Кто не вопил: “Увы! падет
Вселенная теперь во прахе?
Сторичный пламень все пожжет,
Пожжет висящи в тверди земли.

Взревут горящи океаны,
Кровавы реки потекут;
Плеснут на твердь валы багряны,
Столпы вселенной потрясут”.
Так все в комете зло стретали.

Но твердь иное предвещала;
Тогда Россия в мрачный век
В своей полнощи исчезала;
«Да будет ПЕТР!» – Бог свыше рек;
И бысть в России солнце света.

Бысть ПЕТР, – и юный век в зарнице
Из бездны вечности летит;
Звучит ось пылка в колеснице,
И гордый век ПЕТРОМ гремит;
Вселенная зрит, – недоумеет.

Великий ПЕТР изобразует
Творца и Гения в себе;
Россию зиждя, торжествует.
О росс! – с его времен в тебе
Порфироносны дышат духи.

Так в области светил возженных
Сокрыт был искони *Уран*;
Хоть тьмы очей вооруженных
Пронзали бездны горних стран;
Но не нашли еще *Урана*.

Родился *Гершель*; – вдруг блистает
Мир новый посреди миров;
Он в царстве Солнца учреждает
Знакомство будущих веков
С *Ураном*, как с пришельцем неким.

Но можно ль с мерою желаний
Великого возвеличать?
Пусть не было б ПЕТРУ ваяний,
Пусть летописи умолчат!
Пусть памятники все исчезнут!

Россия – есть его ваянье,
Есть памятник, трудов цена;
Она – его бессмертно зданье,
Полупланета есть она,
Где был он божеством ея.

Слыхали ли, чтобы в *Элладе*
Иль в *Риме* Зевс иль Цесарь мог
Скрыть скипетр к благу и отраде?
Но ПЕТР, как некий новый бог,
Престол полмира оставляет.

Он покрывает тьмой священной
Величества сиянье с тем,
Чтоб, зрак раба прияв смиренный,
Познать науку быть Царем
И из зверей людей соделать.

Держа светильник, простирает
Луч в мраках царства своего;
Он область нощи озаряет,
И не объемлет тьма его;
Бежит она пред ним – и гибнет.

На место скипетра приемлет
Секиру, циркуль и компас;
Со рвеньем действует, не дремлет.
Иному год, – ему же час
Быть в деле мастером потребен.

Летит в *батавские* селенья,
Летит в гремящий *Альбион*,
Летит в *паннонские* владенья,
Летит в *Бурбонов* славный дом
И семена наук сбирает.

Борясь в гордыней, с злостью черной,
Борясь с упорством диких сил,
Борясь с толпою суеверной,
Он всех чудовищ низложил,
Он все, как молния, проникнул.

Сквозь кровы мрака углубленны,
Сквозь все стихии мятежей,
Сквозь сети злобы ухищренны
Восстал Герой в красе своей,
Как воскресающее Солнце.

Рожден средь общей мрака сени,
Без руководства чуждых сил,
Чрез свой богоподобный *Гений*
Он сам себя переродил,
Чтоб прередить сынов России.

Все, – все покрылось новым видом –
В полях полки и флот в волнах
За нашим новым *Озиридом*
Летят на пламенных крылах.
И все из ничего, – мне мнится.

Не он ли в прахе драгоценность
Умел познать, умел обресть?
Умел животворить он бренность
И в ней открыть дух, славу, честь?
Таков мудрец был в Прометее.

Он созидал полки героев,
Из черной выводя толпы,
Что пред лицем рожденных воев
Как огненные шли столпы
На *Карла* – ужаса вселенной.

Он с ними крепко сокрушает
Наставников в войне своих
И тем Европу изумляет;
Кто был *Лефорт* средь воев сих?
Кто *Меньшиков* и *Шереметев*?

Где *Августейша героиня*,
Из низкой сени что исшед,
Как пленница и как богиня
К победоносцу предстает
И дух сама его пленяет?

Везде сей дух богоподобный
Велики чудеса творит,
Проникнуть сгибы душ способный,
В простой великость нимфе зрит
И зрит подругу в ней достойну.

Уже пастушка, как богиня,
Из хижины на трон парит;
Уже не нимфа – Героиня
Перун и скипетр с ним делит
Среди стихий горящих браней.

Се ПЕТР творит – и оживляет;
Так внешним казнь дает врагам
И внутренних врагов карает,
Дает престолы он царям,
Черты войны и мира пишет.

Повсюду быв присущ и славен,
Всего себя на все делил;
Он, мнится, был многосоставен,
Как Исполин безмерных сил
Или как Прометей великий.

На троне он законодатель,
В полях он Марс, Нептун в волнах,
Первосвященник, обладатель,
Повсюду истинный Монарх, –
Везде велик, везде чудесен.

Еще б дышал он в царской сени;
Устав судьбою изречен...
Ах! – для чего великий Гений
В пределах жизни заключен?
Чего б еще не сделал? – Небо!..

Так луч перуна, рассекая
Густой туман среди небес
И воздух всюду очищая,
Еще б очистил, – но исчез;
Лишь остаются слезы в долах.

Но хоть Монарх скончался вмале,
Он долгих лет исполнил чин;
Хотя уже не в силах дале
Тещи свой путь сей Исполин,
Но он свершил все то, что должно.

Что надлежит достичь в три века,
Он в тридцать лет тем ускорил;
Нет в древнем веке человека,
Чтобы ПЕТРУ подобен был; –
Пусть книги бытия разгнутся!

Натура чрез столетья многи
Должна безмолвно отдыхать
И выдержать долг тяжкий, строгий,
Чтобы подобного воззвать; –
Великий требует величья.

Почто вздыхать? – Его супруга,
Блюдя в груди супружний дух,
Блюла завет Царя и друга
И отражала свет в полкруг,
Подобно как луна луч солнца.

По толь великой перемене,
Как с поворотом солнца вдруг,
Где благодатный свет был в плене,
Преемствовал весенний дух;
И Север отдохнул весною.

Рожденна с ангельской душою,
Отцу подобная умом,
А матери – своей красою,
ПЕТРОВ поддерживает дом,
Грядет на трон, – и с ней дни майски.

Она, с небес покой воззвавши
По приснопамятном отце,
Над полпланетой дольней вставши,
Сияла в радужном венце
И осеняла всю державу.

Во дни ея не вопияла
Невинно пролиянна кровь,
Но токмо тишина дышала,
Суд, милость, правда и любовь,
А музы пели Меценатов.

Се наконец небес судьбина
Великую в женах зовет! –
Божественна ЕКАТЕРИНА
Чертеж ПЕТРА и скиптр берет,
Да образует дух Полнощи!

Дает небесные законы
И множит мир с числом градов;
Приемлет и дарит короны,
Дух муз возносит средь громов,
Как небоокая *Афина*.

Птенцов из рук судьбы суровой,
Прияв на лоно, бережет,
Меж тем средь шумных царств вес новый
Чрез силу мудрости берет;
Европа тщетно воспящает.

От света трона истекают
Мудрец, вождь сил или герой,
В поля и бездны отражают
В шумящем блеске луч второй; –
И в сем недоумеют царства.

Вотще сармат и галл кичливый
Крутились вихрями в полях.
Кавказ, Эвксин и Тибр бурливый,
И с Вислою Архипелаг
Промчат ея трофеи в вечность.

Но где Афина? – Нет Афины! –
Ах! – Средь бессмертья смертна сень
Покрыла взор ЕКАТЕРИНЫ!
Прешел ли росской славы день?
Нет! – внук ея зарей восходит.

Так век меж россов знаменитый
Летал средь славы, красоты;
Так и конец его маститый,
И век Петрополя златый
В громах прославлен АЛЕКСАНДРОМ».

Сие рек старец, – обратился;
Что зрю? – Я зрю в нем юный лик!
Куда же старец мой сокрылся?
Иль, возродяся, вновь возник?
Но старец продолжает слово:

«Не удивляйся мне, сын мира,
Что зришь меня о ликах двух!
Я *Янус*, основатель мира,
Я ими зрю два мира вдруг,
Два века и два года вместе.

Вдруг зрю, как солнце, удаляясь,
Наводит бури надо мной
И как оно же, возвращаясь,
Сквозь бунт стихий несет покой,
Чтоб растопить хлад зимний в весну.

Едва ль когда мой храм цветущий
Затворен был в минувший век?
Не чаю, чтоб и век грядущий
Без молнии в тиши протек. –
Чу! – Первый час столетья звукнул!

Природа! – сколь ты изнурялась,
С ПЕТРОМ минувший век зачав,
И сколько после утомлялась,
Толь многих Гениев создав
Из матерней своей утробы?

Но если отдыхаешь ныне, –
Теперь – иль в несколько веков
Очреватей в вторичном чине!
Еще роди других ПЕТРОВ,
ЕКАТЕРИН и АЛЕКСАНДРОВ!

Се небо новый век дарует!
Начни его с духов таких! –
Младый Монарх их знаменует;
А слава россов, счастье их
Теперь о том к тебе взывают.

Внемли, – сын века изумленный! –
Встречай сей новолетний час!
Летит он, роком окрыленный;
Да будет он священ меж вас!
Да счастье россам с крыл ниспустит?

Россия! – Славь с благоговеньем
Сей век! – Он всех веков светлей;
Поздравь себя с превозвышеньем
Счастливыя судьбы твоей!
Се Гениев твоих столетье!»

2. К НОВОСТОЛЕТИЮ XIX

Страшна отрасль дней небесных,
Вестник таинств неизвестных,
Вечности крылатый сын,
Рок носяй миров висящих,
Радуйся! – Будь Исполин
Меж веков быстропарящих!
Обнови нам ныне ты
Век *Сивиллин* золотый!

3. К ВЕЛИКОМУ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЮ РОССИИ

Let antiquity be dumb, nor boast
her Alexander or her Caesar.
Да умолкнет древность, ниже хвалится
своим АЛЕКСАНДРОМ или Цезарем!
Вивилл

Умолкни, *Амфион*, *Музей*
И ты, божественный *Орфей*! –
Ужель леса для вас скакали?
Ужели звери вам внимали?
Ужель утесы шли в ваш плен
И стройно клалися меж стен?

Се, именем здесь камень бывши,
Но Божий огнь в душе вместивши,
В великих величайший ПЕТР
Стоит между полубогами,
Как меж простыми купинами
В величестве *Ливанский* кедр!

Пред ним подвиглись камни дики
И, стройны составляя лики,
Связуются в крутой оплот;
Пред ним гранитные утесы,
Смягчася, источают слезы;
Пред ним твердеет ил болот;
Холмы из облаков нисходят,
Из бездн долины происходят.

Велит – и робкий лес пред ним
В плавучи замки ниспадает;
Речет – и ток един с другим,
Дружася, в тесный брак вступает;
Скала и дебрь, прияв союз,

РАЗСВѢТЪ ПОЛНОЧИ

или

СОЗЕРЦАНІЕ

СЛАВЫ, ТОРЖЕСТВА И МУДРОСТИ ПОРФИРОНОСНЫХЪ, БРАНОНОСНЫХЪ И МИРНЫХЪ

ГЕНІЕВЪ РОССІИ

съ послѣдованіемъ

Дидактическихъ, Эротическихъ и другихъ разнаго рода въ стихахъ и прозѣ

опытовъ

Семена Боброва.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ,

Въ Типографіи Ив. Глазунова 1804 года.

Титульный лист «Рассвета полночи». Изд. 1804 г.

ПОРФИРОНОСНЫЕ

ГЕНІИ РОССІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Титульный лист 1-й части «Рассвета полночи». Изд. 1804 г.

Пред ним блистают в храме *муз*,
Озера, реки и пучины
Пред ним склоняют вод стремнины;
Он новый ввел в Россию век,
И росс – тогда стал человек.

О *Амфион*! и ты, *Музей*,
И ты, божественный *Орфей*!
Не тщетно ль древний дух веков
Включал вас в лик полубогов?

4. К ПОДНОЖИЮ МОНУМЕНТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Велик Филиппов сын отважный,
Велик Помпей и Цезарь важный
В числе Зевесовых сынов;
Но ПЕТР меж их – как царь богов. –
Когда сам *Гром*[1], благоговея,
Из сокровенных недр идет
И, как пред Зевсом, цепенея,
Перед стопы ПЕТРА падет,
О ты, громами ополченный,
Склонись к брегам Невы, Зевес!
Се ПЕТР, в меди одушевленный,
Удела требует небес!
Вручи ему страны громовы!
Пусть Зевс векам блистает новый!

[1] Здесь заключается некоторый род игры в мыслях. *Гром*, так назван гранитный огромный камень, привезенный из одного места, известного под именем *Лахты* близ Петербурга, для подножия монумента сего бессмертного Государя, а проименован так может быть или ради величия и крепости, или переносно ради дикости сердец прежних россиян, как бы попранной и умягченной силою мудрости его. (Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат Боброву. – *В.К.*)

5. К ГРОБНИЦЕ ВЕЛИКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ РОССИИ

ПОДРАЖАНИЕ СЛАВНОМУ *ПОПЕ*

Россия крылася в полнощи много лет;
Бог рек: *да будет ПЕТР*! и бысть в России свет. –
Бог рек: да меркнет солнца свет!
Увы! – Его в полнощи нет.

6. К ПОРТРЕТУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

ПЕТРОВА кротка дщерь вмещает
Возможный в лике мир красот,
А в нежном сердце сохраняет
Возлюбленный эдем доброт. –
О росс! – Ты в дни ЕЯ блаженны
Увидел рай благословенный;
Пади пред нею! – именуй
Ввек Ангелом багрянородным!
И ангельскую длань целуй
С безмолвием богоугодным.

7. ПОСЛЕДНИЙ ЧАС СЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ

В те дни – как сень трофеев нова
Склонялась на ЕЯ венец –
И *Озирида дщерь* готова
Тифону смертный дать конец, –
Их сень – в сень гроба превратилась,

На ангельско чело спустилась,
И райский тихий свет очей
Порфироносной *нимфы* сей
Увы! – навеки погасила...
Но Ангелу – рассвет открыла.

8. ДРАММАТИЧЕСКОЕ ПЕСНОТВОРЕНИЕ НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II В ТРЕХ ЯВЛЕНИЯХ

Quis desiderio sit pudor aut modus
Tam cari capitis? – praecipe lugubres
Cantus, Melpomene!

Horat.

Что может быть вожделеннее и приятнее,
как сия драгоценная глава? – О Мельпомена!
Научи меня плачевным песням.

Горац.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хор

Плачь! – плачь, Россия огорченна!
Бей в перси, область возмущенна!
Вздыхай, Кавказ! – стони, Рифей!
Почто льешь реки? – слезы лей!
Ты, бездна льдиста, расступися
И в слезно море растопися!
Увы! погас в полнощи свет...
Нет просветительницы! – нет!

1 голос

Как ясно лучезарной
Звезды полярной
Над вами свет горел?
Как ясно свет Царицы
Огнем денницы
Над вами пла́менел?

2 голос

Увы! как слез моря, туманы
Закрыли луч звезды багряный
Среди полуночных небес;
Как тускла ночь на холм пустыни,
Сень смертная с росою слез
Спустилась на чело богини.

3 голос

И так Астрея оставляет
И все с собою в гроб скрывает! –
О росс! – внимай! – немей! – вздыхай!
Нет больше мудрыя богини!
Нет матери! – Нет героини!
О сын отечества! – рыдай!

Хор

О росс! – Она не все скрывает,
Се дух благий сквозь гроб блистает!
Се Матерь свет чрез Внука льет!
Астрея паки в нем живет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хор

Прости, божественная тень!
Прости до славныя зари,
Где добрые с тобой цари
Зреть будут невечерний день!
Мы с плачем зрели вечер твой;
Заря тебя не воззовет;
Но в Внуке утро нам открой!
Ты будешь в нем, – и будет свет.

1 голос

Не вечен мрак вечерних туч;
Не вечно слезный час мерцает;
Надежды в АЛЕКСАНДРЕ луч
В унылый Север проницает.

2 голос[1]

Внук Астреин, воссияй!
Облекися в багряницу!
Озари полночный край
И яви с росой денницу!

Хор

Ах! не плачь, не плачь, Россия!
Лей потоки слез иные,
Слезы радости живыя! –
Скоро, – скоро возблестит

---

[1] Радость, естественным образом заставляя переменить ключ чувствований в сих стихах, заставляет также переменить и ямбическую меру стоп на хореическую.

В первых перлах злак полей. –
Юный Царь облечь спешит
Царски мышцы, как зарей,
Багряницею своей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Хор

Се в червленную одежду
Царь одеянный течет
И с усмешкою надежду
За собою вслед ведет!

1 голос

О надежда, осклабляйся!
АЛЕКСАНДР грядет на трон,
И при первом шаге он
Пишет милостей закон. –
О надежда, возвышайся!

2 голос

Славься, АЛЕКСАНДР, ЕЛИСАВЕТА,
До вечерней тихих дней зари
И сияние в страну полсвета
С высоты престола распростри!

3 голос

Возвеличься, Августейше племя!
Изливай на росских луч сынов,
Так как звездный полк на верх холмов!
Ты умножь *Петрово* славно семя
К чести, благу и красе страны,
Как на горней тверди путь млечный!

Хор

Север, Запад, Юг, Восток!
Позабудьте слез поток!
Не слезитесь, бездны льдисты!
Не стони, Рифей кремнистый!
Не крушись, крутый Кавказ!
Новый свет в полнощи зрите!
Горы! – двиньтесь и скачите!
АЛЕКСАНДР – МОНАРХ у нас.

9. ВЕЧЕРНЕЕ СОЗЕРЦАНИЕ ГРОБНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Here under deposited lies all,
that could die of women immortal.
Здесь лежит все то, что токмо смерть
могла отъять от бессмертныя в женах.

Едва в небесных Океанах,
В вечерних рдеющих туманах
Погрузла гаснуща заря,
Погрузли пурпуры огнисты,
Что сыплются в холмы камнисты
Сквозь гореносные моря,
Звезда вечерня проглянула
И по морским зыбям сверкнула.

Свилися паки тени длинны,
Ложась в удолия пустынны,
Что падали витым столпом
От стен *Петровых* величавых,
От гордых башней златоглавых
В пенистый *Невской* зыби сонм,
Что, в Бельт катяся под туманом,
Седеет в гробе водосланом.

При трепетном луны блистаньи,
Как бледный дух в ночном мерцаньи,
Мне мнится, некто тихий там
В одежде скорби слезошвенной,
С главой печальми осененной
К *Петровым* шествует стенам;
Не ветр, – не дождь шумит из тучи,
Но вздох, – но капли слез горючи.

По мышцам марморным и здравым,
По русым волосам кудрявым
И по лавровому венцу,
По важной статности орлиной,
По твердой груди соколиной
И кровомлечному лицу
Я познаю жену почтенну
И мать мою в ней огорченну.

Остановясь у стен священных,
Где перстъ полубогов блаженных,
Богинь, – героев – и отцов,
Что, кончив поприще в сем мире,
Еще живут в сердцах и лире,
Почиет в глубине гробов, –
Она на тихий брег садится,
Где мимо тихий ток стремится.

Воззрела – члены содрогнули;
Вздохнула – из очей сверкнули
Два слез сребристые ключа;
Ланит лилеи выражали
Живейши чувствия печали. –
Тут всей тоске себя вруча,
Трикраты прежде воздыхает;
Потом – глас скорбный возвышает:

«Там спит *Она*, – там отдыхает;
Вот знак, которой разделяет
Концы миров противных двух!
Вот сад, где семя зреет к славе!
Но славы нет в моей державе. –
Тут спит, – где спит Ея Супруг.
Ах! нет *Ея* теперь меж нами! –
О слезы! – лейтеся реками!

Пусть вечно будет мудрость бдяща
И добродетель, с ней сидяща,
На гробе стражею *Ея*!
Пусть музы в плаче растопленны
И грации уединенны
В юдоли скорби своея
Иного языка не знают,
Как тот, чем грусть изображают!

Когда катящиеся годы
В грядущи возвратятся роды,
То лики будущих девиц
С благоуханными венками
И распущенными власами
Всегда искать между гробниц
Ея священну урну станут,
А слезы – в тысяче перл канут.

Когда начнут твердить потомки,
В слезах *Ея* деянья громки,
Восплачет мудрой и герой:
Тогда дальнейши поздны веки
И нерожденны человеки
Благословят *Ея* покой;
Благословят – и каплей дани
Прольют средь томных воздаханий.

Петрополь сохранит священный
Ея остатки драгоценны
Себе в залог, красу и честь,
Доколе ветхо небо, рдея,
В перунах тайных пламенея,
Ея возбудит паки персть
И *Ей*, во славе пробужденной,
Вручит дар света совершенной.

А ныне тамо отдыхает;
Свод темный гроб *Ея* скрывает. –
Ах! – мне Она дала закон,
Вторую в чувства жизнь влияла,
И душу мне образовала;
Но где душа земных корон?
Где благодатных уст глаголы,
Проникнувы холмы и долы?

Где мудрости язык всемочной,
Который из среды полночной
Вещал судьбу народов тьмам?
Где очи тихие небесны,
В которых суд и милость вместны?
Где сердце, – велеречья храм, –
Огнем любви к сынам объято! –
Все, – все здесь в тесном месте сжато!..

Се ключ! – Се ключ надежды спящий
Забыл свой прежний ток кипящий! –
Как поздо ищущий честей
Желанный жребий свой гадает?
Как поздо счастье умоляет? –
Здесь ключ иссяк в струе своей;
Он пар его лишь созерцает
И пар надежды лишь вкушает.

Но если б ключ еще стремился,
А пурпур в царских мышцах бился,
Коль сильны б мысли от того,
Грядущим благом оживленны
И упованьем воскрыленны,
Парили вкруг ключа сего? –
Вот здесь един между мужами
Теперь мне зрится с чертежами!

Там он сидит, – потупя взоры,
В уме клубя воздушны горы,
В тьме ищет чертежам успех;
Нить тонка дел его отважных
Крутится в оборотах важных. –
Он молит божество утех;
Он зрит их лик над чертежами,
И лик кружится пред очами.

Сидит; – надежды блеск трепещет,
Впреди мелькая, искры мещет;
Лишь блеск мерцает – он дрожит;
В нем реет зыбь страстей в кипеньи;
Картина зыблется в сумненьи,
И горести прилив спешит
Пожрать все замыслы зачаты;
А он – тут видит в бездну скаты...

Вдруг легкий сумрак прилетает
И в храмине его мелькает;
Лишь начал он вздымать чело,
Как Ангел смерти налетает,
Надежды запад задувает,
Потрясши бурное крыло;
Свет чаяний его заемный
Без царска солнца – мрак стал темный.

Так нощи облака протяжны
Когда, раздвинув недра влажны,
Откроют полость в синете,
Где, сквозь прозрачный пар немея,
Звезда просверкивает рдея;
Тут странник зрит вождя в звезде;
Но тучи сдвиглись, – луч закрылся;
А странник – током слез облился.

Так, – все здесь в темном склепе сжато;
Блеск, – гром – и солнце тьмой объято. –
Почто ж теперь мне вычислять
Деянья успшия Царицы,
Что знают все земли границы?
Почто мне мыслью измерять,
Как тень олив и лавров длилась?
Я не могу – слеза скатилась.

Пусть будет память россов верных
Трудов зерцалом беспримерных,
Что в дни соделала их мать!
Пусть книга бытия откроет,
Как брань *Кагульска* в буре воет,
Как росс один там гонит пять,
Как волны пламенны курились,
Где тощи в тьме чалмы носились?

Се над *Чесмой* свет молний блещет!
Чесма бледнеет и трепещет...
Какая ночь была над ней?
Ночь грозна, – ночь кровава цела
Другого неба не имела,
Как раскаленный свод огней,
Что лишь перуны подпирали,
Как россы гром от волн бросали.

Вообразить ли *Бельт* ревущий,
Где росски сосны, казнь несущи,
Соленых роют зыбь холмов! –
Стенящий *Бельт* их звук внимает,
Царицу россов обожает;
Но яркий гул от их громов
В Эвксине глас свой повторяет
И флот срацинский поражает.

Дунай, несмесными струями
Ложась меж слаными волнами,
На семь путей Эвксин сечет;
Туманы пепловидны рдеют,
Над ним зажженны пламенеют,
Неся полночных молний свет;
Сечет – и зыблет дух *Стамбула*
Шумливой токмо силой гула.

Представлю ль утро роковое
И те часы дымящись в бое,
Когда *Узийский*[1] гордый холм,
В косматом пламени багрея,
Шатался, над пучиной млея?
Ни огнь, ни сталь, ни рок, ни гром
Полнощи чад не ужасали;
Они чрез сталь и гром скакали.

О *Таврия*! – предел прекрасный!
Ты зрела ль громы столь ужасны? –
Едва на *Флориных* сынах,
Растущих средь твоей долины,
Кровавый сыщешь след единый;
Не обагрен в своих лугах,
Ты перед россом преклонился,
Свободой в плене веселился.

[1] *Очаков* издревле на сарматском языке назывался *Узи*.

Представить ли в дыму Варшаву
И росский гром, несущий славу? –
Кичливый *савромат* дрожит,
Мятется – и, упадши, бледный,
Лобзает наш перун победный. –
Представить ли *Дербент*? – твердит,
Твердит удары он *Петровы*
И отдает ключи не новы.

Почто пишу сии картины,
Коль в мире нет ЕКАТЕРИНЫ,
Нет сих виновницы побед,
Нет в ратоборстве несравненной,
Нет в сладком мире возвышенной?
Ах! чада! – Героини нет! –
Возможно ль дале скорбь простерти? –
Там спит Она; – о жало смерти!

Народы! – зрели ль, как Астрея
Кончалась на одре немея? –
Возможно ль сей списать удар?
Сперва он тайно созревает,
Потом – вдруг падши огромляет;
Подобно как эфирный пар
Сначала в тайном вихре рдеет,
Потом – вдруг с треском резким реет.

О рок суровый! – не твои ли
Внушенья *Парку* научили
Пресечь неоцененны дни?
Щади, – ты рек, – царей позорных!
Щади цариц одних злотворных!
Мой бич иль мышцы суть они;
Что млеть? – рази благоутробну,
Святую, – ангелоподобну!..

Он рек; – и Ангел низлетает;
Смерть на челе его сверкает;
В Монархине он матерь зрит,
Премудрую в непобедимой. –
По сей гармоньи, редко зримой,
Посол небес признать спешит
Собой боготвориму жертву;
Увы! – тут я узрела мертву.

Какие краткие ступени
От трона в гроб, – от света к тени? –
Вздохнула; сей последний вздох
Сколь тих меж гробом и меж троном,
Столь громким в лире звукнул стоном.
С каким стремленьем он исторг
Из струн прискорбны звоны лирных,
Из тонких струн сердец умильных?

О если бы мой стон унылый
Пресуществился в бурны силы;
Слеза – в согласный песней тон;
В уста – слезоточащи очи! –
То б небо и земля в полночи,
Язык слез вняв, – узрели стон.
Се спит Она между стенами!
О слезный ток, – катись стопами!

Катись! – но смею ль клясть жестокой
Сей рок, что, зев открыв широкой,
Глотает пастуха с царем,
Что посох с скиптром раздробляет,
Что меч с серпом переломляет,
Что раздирает с митрой шлем?
Ах! – всуе тщуся скорбь простерти!
Там спит Она; – о жало смерти!»

Так скорбная жена почтенна
И смертным звуком пораженна
В сии сумрачные часы
Грудь марморную растопляла
И, преклоняясь, расстилала
По праху русые власы;
Так в темный час она стенала;
Потом умолкла – и вздыхала.

«Кто стонет тамо в злой кручине,
Как воюща волна в ложбине?» –
Тут *тень*, представши, вопиет;
Чудесна тень сия ночная,
Как мгла на тверди дождевая,
Сквозь кою мещут томный свет,
Как очи, две звезды багряны
В осенни сумраки туманны.

Уже десница не опасна,
Что столь была врагам ужасна;
Меч был подобен полосе
Паров зажженных вполовину,
А щит – в Атлантскую пучину
Луне катящейся в росе;
Но глас подобен был зефиру;
Лишь не вещал законов миру.

«Кто вопиет там в скорбном стоне,
Как томны волны в горном лоне? –
ЕКАТЕРИНЫ тень рекла, –
Ты ль горько сетуешь, Россия?
Ты ль токи слез лиешь такие?
Почто средь твоего чела
Покров сей черный грусти веет? –
Знай! – жребий в общей урне спеет.

Почто клянешь судеб уставы? –
Сень смерти – сень есть мира, славы,
Где из нетленных нитей вновь
Бессмертно бытие крутится,
Где цезарь пастыря стремится
Обнять, признав в нем братню кровь,.
Где персти, снова обручася,
Почиют, в персти съединяся.

Сия гостиница небесна
Для всех пришельцев равновместна;
Для всех, – что значит мир тогда?
Жизнь – бурна ночь; земля – долина;
Трон – холм; а путь – стремнина;
Но лишь отверзся вход туда;
Пастух и царь в нее вступают
И скиптр и посох покидают.

Довольно; – Я торжествовала,
Желаний меру испытала;
Я зрела новый рода род;
Я внуков в пеленах лобзала
И наконец – их сочетала;
Уже преспел деяний плод;
Мой тихий вечер потухает;
Но слава – в гробе рассветает.

Уже нить жизни скоровратной
Давно созрела к непонятной,
Недвижной вечности небес,
Где добрые цари воззванны
Порфиры носят боготканны,
Где чада света и чудес,
Где сонмища многоочиты
В гармонию небесну слиты;

Где буря мира умирает,
Где шум заботы умолкает,
Где тридесять пять трудных лет,
Которых цену царства знают,
На лоне вечном отдыхают;
Где братья, – Ангелы мне цвет
Из славы жизни извлекают
И красоты венец сплетают.

Довольно; – Я торжествовала,
Тебе *Скрижали*[1] даровала;
Я в полной мере свет сей зрю,
Горящий на престоле славы,
Отколе заняла в уставы
Священну мудрости зарю. –
Мое перо, – мои уроки
Должны излить блаженства токи!

Мое перо от царств почтилось,
А имя – вечно водрузилось
В святыне *эмпирейских* мест,
Где Петр Великий отдыхает,
Великих в ликах душ сияет;
Где вечных повелитель звезд
Велит и Мне, да труд забуду;
Однак – в тебе дышать лишь буду.

Еще ль томишься в горькой скуке? –
Иль *Гения* не видишь в Внуке? –
Он Царь, – он полубог сердец;
Пусть память лишь о Мне живая,
Как утрення звезда златая,
Украсит ввек Его венец
И в царстве путь Ему сказует!
Не плачь! – Мой дух сего взыскует.

---

[1] Чертеж законов, или бессмертный *Наказ* бессмертной ЕКАТЕРИНЫ.

Императрица Екатерина II с текстом «Наказа» в руках. Миниатюра неизвестного художника. Конец 1760-х – начало 1770-х годов

Но если ты тоской стесненна
Не в силах слез сокрыть смятенна,
Пусть горьки вздохи ты с Царем
Во звуках погрузишь *Беллоны*,
Чтоб не был слышен вздох и стоны!
Пускай на взор опустишь шлем,
Чтоб Мне среди утех небесных
Не видеть каплей в оке слезных!

Плиады путь свой в море кроют[1],
В вечерней бездне чела моют;
Ступай! – противных научи,
Сколь дух велик твой средь страданий,
Что, сетуя, ликует в брани!
Ступай – и средь валов звучи! –
А Я в последний раз вздыхаю,
Прощаюсь, – в вечность возлетаю.

Ах! нет! – потоки слез спокойных
Взыскуют дней и песней стройных;
Пусть маслина покроет взор!
Пусть ляжет *Марс* между снопами!
Пусть гром отдохнет меж парами,
Иль ссет висящи снеги гор!
Тогда потоки слез спокойных
Струится будут в имнах стройных.

Хранитель Ангел! – Дух эфирный!
Спаси от бед предел обширный!
Ты зришь весь шар сей с высоты
Лишь тусклой точкой, – каплей бездны;

---

[1] Сие размышление писано по кончине Государыни в октябре месяце, при конце коего оное созвездие обыкновенно имеет свое захождение в северо-западе.

Но сей предел – мой круг любезный;
Ах! – буди другом круга ты!
А Я – гряду в миры другие;
Прости! – еще прости, Россия!»

10–11. ДВЕ НАДПИСИ ЕКАТЕРИНЕ II

1

Цари и царства мира! – прослезитесь!
ЕКАТЕРИНА в гробе; – научитесь.

2

О боги века, – плачьте, плачьте с нами!
Не видите ли, что полярный свет,
Горя чрез тридесять пять лет над вами,
Уже погас – и вновь не возблеснет?..
О боги! – здесь ЕКАТЕРИНЫ нет.

12. ГЛАС ВОЗРОЖДЕННОЙ ОЛЬГИ К СЫНУ СВЯТОСЛАВЛЮ

Едва лишь полночь под звездами
В глубокой томной тишине,
Махнув снотворными крылами
Прешла, – и в утренней стране
Белеть свет начал сквозь завесы;
Я зрю – два жителя *славянски*
С смущенным неким видом там
Из хижин тихо выступают. –
Единый млад и воин был;
Другой от многих лет согбен
И представляет гражданина.

«Не слышишь ли, – младый вещает, –
Протяжный тамо томный стон?
Не знаешь ли, что значит он? –
Он простирается оттоле,
Где вдруг спираются на тверди
Кроваво-огненны столпы
И где Полярная звезда
Дрожит сквозь неку слезну влагу».

Старец

Я слышу, юноша, шум ветров
И вижу там огни живые;
Но взор и слух мой слаб, – о рок! –
Мне мнится, – дух бесплотный ходит
Там над порогами *Днепра*;
Он тихо прорицает жребий...
Толики знамения мрака
Не носят рок простых людей,
Но час вздыхающих князей,
Час судорожный полбогов.
Да, – смерть касается престола...

Юноша

Как? – неужель!..

Старец

Владыки нет...
Да, – нет его, – мне шепчет дух.
Едва минувший век пал в бездну
И лег с другими в ряд веками,
То *князь* – туда ж за ним вослед.
Едва лишь возгремел над нами
В горящей юности сей век, –

Век, скрыпнув медным колесом,
Погнался в мрак *грядущей дали*,
А пламенны миры по тверди
В гармоний новой двиглись плавно;
Князь, – томный князь взглянул на них, –
Вздохнул, – вздохнул в последний раз.

Юноша

О рок всемощный! – пред тобою
И вечные громады гор,
И одночасные пылинки
С одной внезапностию гибнут.
Уж нет того, пред кем колеблясь
Судьба племен висела в страхе;
Кто, новые уроки *Марса*
Внимая, шел сквозь огнь и бездны;
Кому ни шумный *Буг*, ни бурный *Истр*,
Ни пропасти – жилища теней,
Ни омрачны *Фракийски* горы,
Ни даже *Тибр*, ни *Эридан*
В стремлении не воспящали;
Кто, будучи среди бессмертья,
Вдруг смертной сенью был покрыт;
Разрушив легионы *греков*,
Погиб – от кова *печенегов*.
Он, – как огнистый метеор,
В полудни своего владенья
Познал внезапу ранний вечер.

Старец

Я вижу, нечто там – вдали – мелькает,
И слышу глас – как ветра шум,
Что сквозь глухую дебрь взывает. –
Не слышишь ли? – Или не видишь!

Отходящая душа Святослава

Где я? – Что сделалось со мною? –
Но омрак мой минул! – он тяжек.
Куда лечу? – А там – кого я вижу! –
Там – одаль – в сфере светлых теней,
Не тень ли матери? – Да удалюся!
Духов согласных поищу!
Зрю, как главою покивает
И глумным оком зрит она!
Прости, брегов *Днепровских* дщерь!
Я отхожу; – прости навеки!

Тень Ольги
(вещающая внуку)

Владимир! – Ольги внук, Владимир,
Тебе реку; – внемли! – в час гневный
Мой сын, несчастный твой отец,
Оставил ввек сей дол плачевный,
Приял и дел и дней конец.
Лишь *росс* со мной навек простился,
И зреть меня он в нем не смел,
Как и того теперь лишился. –
Я зрела, как он в твердь летел...

Да, – зрела я, как *печенеги*
Изобретали страшный ков; –
Он воздохнул; – *Днепровски* бреги
Промчали вздох сквозь тьму лесов,
Чертеж небесный и священный,
Чтобы народ весь возродить,
Оставлен на случай пременный. –
Чертеж сей должен ты открыть.

Чертеж теперь *славянам* лестен,
В нем целый дух мой помещен,
А дух душе твоей известен. –
Разгни его! – и *росс* блажен.

Ты узришь в нем, что дар сладчайший,
Что Небо земнородным шлет,
Есть царь любезный, царь кротчайший,
Который свой народ брежет.

Народ к нему любовь имеет;
Народу доверяет тот;
Сей в верности к царю твердеет
И из любви дает живот;
Сей царь далече вздохи внемлет;
Он пагубы гнездо сечет. –
Змеится ль крамола? – не дремлет;
Вражда ли близ? – далече вред.

Как прах, вражду он рассыпает;
Он вне Отечества оплот,
Внутри судья – и созидает
Благим и мудрым свой народ;
Как *Промысл* миром управляет
По мере сродных миру прав,
Так царством он повелевает, –
Как царственный велит устав.

Любимец Неба! – ты не боле
Воззришь на блещущий свой сан,
Как на залог, что к лучшей доле
Тебе в народе свыше дан.
Тебя порфира украшает;
Чело твое венец златый
С величеством приосеняет;
Жезл силы в длани носишь ты;

Но в сем убранстве, в сей одежде
Ты будешь столько лишь блистать,
Сколь служит то к прямой надежде,
Чтоб в царстве счастье соблюдать.

Питомец мой багрянородный!
Ты должен мудрость насаждать
Среди пелен в умы народны,
Чтоб с сердцем души воспитать.

В бичах вселенной дерзких, злостных,
О коих гром один твердит,
Век каждый щедр и плодовит;
Но чтоб найти в порфироносных
Того, кто бы умел хранить
Владенье в тишине блаженной,
То надлежит переходить
Всю древню летопись вселенной
И происшествий мира нить.

Ни стен гранитная твердыня,
Ни ополчений страшный вид,
Ни лесть, ни ложная святыня
Страшилища не защитит;
Судьба проникнет сквозь граниты;
Личина спадша обнажит.
Кто он? – волк, кровью лишь омытый,
Любовь, – одна любовь – твой щит.

Ты князь – пусть все отверзутся укрепы!
Пусть ржавые врата скрыпят!
Пусть с костью свыкшиесь заклепы,
С сухих спадая ног, звучат!
Пусть Ангела земной ад внемлет,
Где свет едва бывал знаком!
Пусть свежий луч его объемлет
Изгибы темны в аде том!

Тогда полки смертей погибнут
По вымышленным там гробам;
Висящи косы все поникнут;
Дух жизни паки взвеет там.

Се вид! – отец сынов сретает;
Сестра внимает братний глас;
Супруга мужа прижимает;
Слезится радость их из глаз.

От сих родятся верны внуки,
Друзья престолам и сердцам:
Пожарский, Минин, Долгорукий,
Румянцев и *Суворов* сам.
Но лавры рано ль, поздно ль злачны,
Сколь слава к жатве ни зовет,
Вменятся в кипарисы злачны
В той длани, что их в поле жнет.

Так ты твори! и будь спаситель,
Отец и друг своих племен!
Отец твой не был просветитель,
Он витязь, – к рыцарству рожден.
Я водрузила Божье знамя
В холмах *Аланских* с чертежем;
В *Иулиане* гибло пламя...
Ты возроди! – прости затем!

Юноша

Так, – слышу я, – ужасный Боже!
Какие словеса с небес! –
Се мудрость вечности самой! –
Се глас – глас *Ольги* возрожденной!

Старец

Нет теней сих, – все тихо;
Пойдем! – мы лучшей ждем судьбины.

13. СТАНСЫ НА УЧРЕЖДЕНИЕ КОРАБЕЛЬНЫХ И ШТУРМАНСКИХ УЧИЛИЩ ПРИ АДМИРАЛТЕЙСТВАХ ⟨1⟩798 ГОДА

Священный *Гений* полунощи,
Простерши легкие крыле
В дремучи северные рощи,
Что спят далече в синей мгле, –
Недавно им вещал!

«Почтенны дубы, сосны, буки!
Почувствуйте средь дивных снов
Орфически волшебны руки
Российских ныне отроков,
Урании питомцов!

Услышьте в чертежах начальных
Закон младых *Орфеев* сих!
Бегите из пустынь печальных!
Падите под секирой их
И возрождайтесь снова!

Они теперь живей воздвигнут
Крылатых китов из дубрав,
Смелей их медны чресла сдвигнут
В лазурь Нептуновых держав,
Чтоб бездной обладать.

Вы, зодчие! – почийте вечно,
Тифис, Каноп и ты, *Мнестей*!
Здесь в каждом отроке конечно
Другой живет *Тифис*, *Орфей*
И может вас стыдить».

Так Гений рек – и, обратяся
К вертепам гор, где вихрь залег,
И к *Океану* устремяся,
Где стонет царство вод вовек
И дно с песком мутит;

Где льдиста бездна полуночна,
Где в мраке горы белых вод,
Где черны воды, зыбь восточна,
Рукою плещут в горний свод, –
Он паки возопил:

«Доколе, буря, свирепеешь,
О ужас бездны, буйный род!
Доколе ты с насмешкой реешь
Расторѓнуть все бразды меж вод? –
Покорствуй перстам сильным!

Се здесь *Алкиды* в колыбели,
Как львов, вас учатся карать
И скоро той достигнут цели,
Чтоб пред богами показать
В себе владык над вами.

Как в поле медные перуны
Строптивым суть бичи врагам;
Так в бурном море руки юны
В кормиле и компасе вам
Явят державу с скиптром.

Крылаты киты их, имущи
На казнь сто медяных ноздрей,
Не токи вод, но гром ревущий
Из них испустят средь морей,
Испустят, победят.

Российски юноши отважны
Воссед на китах сих пойдут,
Средь бурь откроют опыт важный
И имя россов пронесут,
Где не был и *Веспуций.*

Сквозь вихри, пламень и туманы
Там царско имя пронесут,
Где были славою венчанны
Гаральд, и *Ваза*, и *Канут,*
Густав Адольф, и *Карл;*

Где под *Гесперовой* звездою
Алкид постановил столпы,
Где с юною *Язон* толпою
В *Колхиду* направлял стопы
К *Руну* или – к *Медее...*

Где *Митридат* был Понта славой
И *римлян* иногда бичом;
Где в жертве чуть не пал кровавой
Орест под сестриным мечом,
Сей древний *Крыма* гость;

И там, где ты, *Овидий* страстный,
Уснул, как жалкий человек;
Или – где хлеба *вождь* несчастный
Просил, – но в нем остался ввек
Великий *Велисарий.*

Там чада полунощи смелы,
Лишь в знаньи моря возрастут,
Средь бурь откроют опыт зрелый
И имя россов пронесут,
Где не был и *Веспуций.*

О боги севера и юга,
Восточных, западных полей!
Вожди подсолнечного круга!
Ты, *Ваза*, *готских* честь царей!
Канут и *Оссиян!*

Ты, *Ахиллес*, конеправитель,
Что в устье *Бугских* плыл брегов!
И ты, *Колхиды* повелитель,
Язон, Орест, пример другов!
И ты, *Фоант* ужасный!

Ты, *Велисарий* терпеливый,
Кому в очах отъяли день
Безвременно враги ревнивы,
И ты, *Назона* скорбна тень,
Тоскующа при *Истре*!

Тифис! – и ты, *Сегест*! – воспряньте!
Проснитесь, боги, из гробов!
Над темным полюсом здесь станьте
И зрите с высоты холмов,
Кто там дерзает в бездны?

Кто там дубравы покоряет?
Кто проницает вихрь и вал?
Кто столь отважно посрамляет
Тот флот, что славой бы считал
И *римлянин* и *еллин*?

Не *аргонавты* ль быстроноги
В честь россов ныне восстают?
Не юные ли полубоги
В полуночных полях растут,
Уранией любимы?

Дриады! чьи звучат здесь руки?
Восстаньте от одров глухих!
Вы, горды дубы, сосны, буки,
Упадши под секирой их,
Восстаньте снова в море!

Нептун! – и ты, *Эол* суровый!
Престань грозить среди морей!
Целуй спасительны оковы!
Почти в сих отроках царей!
Повергнись пред кормами!»

14. УСТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА 1797 ГОДА

Мыслящий зритель, чудясь преобразованию Галерной верфи, а паче прозорливости зиждущего духа, не может сокрыть особливых движений сердца: он призывает лиру, да возгласит, колико ни слаба, на трепещущих струнах то, что прежде существовало тамо и что в сии дни. – М⟨ордвинов⟩

Там, – где бурливый *Бельт* сретает
Кипящи *Невские* струи
И с шумным плеском простирает
Объятья сребряны свои;
Там, – где перед лицем *Петровым*,
Пред сим *Орфеем* росским новым
Дремучи падали леса
И превращались в флоты юны, –
Какие строились перуны?
Какие зрелись чудеса?

Надежда лестна ободряла
Дотоль *Петров* устав хранить,
Доколе ревность там дышала,
Чтобы продлить деяний нить;

Но после, томность как вселилась,
Любовь к порядку охладилась:
Исчез торжественный предмет;
Все без души там мертво стало;
Все в древний Хаос свой ниспало;
Все там себя не узнает.

Не *Гений* ли речный прискорбный
Выходит из-под вод *Невы*
И, видя оборот позорный,
Подъемлет верх седой главы
И, будто глас свой начиная,
Как шум вод бурных воздвигая,
Сумнится, – ту ли верфь, где флот
Досель рождался, – он находит;
И вдруг – ужасну мысль приводит,
Не в цвете ль самом вянет плод?

Иль божество с высот эфирных
Среди огнистых облаков
Нисходит в заревах порфирных? –
Так, – слышен, – слышен глас *Петров*.
«Как? – рек он, – что я созерцаю? –
Ужели брег тот примечаю,
Где я, проникнув важну цель,
Решася строить флоты юны
И новы учредить перуны,
Определил им колыбель?

Так, – я успехом веселился,
Доколе бодрость там жила;
Но что же? – тут ли гроб открылся,
Где верфи колыбель была? –
Престали там кормы отважны
Катиться ныне в бездны влажны. –

Там лишь развалины висят;
Иная мшистый кров склоняет,
Другая землю подавляет,
Ища могилу среди блат.

Сколь часто нимфа приплывает
Ко брегу сирому в слезах
И брег не славный обретает,
Каков в недавных был годах?
Она не видит искривленной
На влаге тени отраженной
От прежних зданий и судов,
Но лишь от дремлющих развалин
Меж диких берега прогалин
Упадшу странну тень бугров.

Сколь часто сам я видел рощи,
Что под секирой здесь легли?
Но где они? – спят в мраке нощи
И погребенны в тлен пришли;
Они сколь были драгоценны,
Столь всей цены теперь лишенны. –
Я зрел – *весельные* суда
Из них на берег возникали;
Теперь труды все замолчали;
Секир не чуть – без рук всегда.

Ах! – дух уже во мне немеет,
Что место толь драгой цены
Забвенно в мраке опустеет;
Исчезнет польза сей страны
И бытие свое забудет. –
И кто? – кто вновь речет: *да будет*!
Се! – вспомнит *сын* моих сынов!»
Так он изрек – и в твердь взлетает;
Раздался глас средь облаков.

Великий *Петр*! – Ты прав в глаголе;
Потомок мещет взор живой
На то, что в неизвестной доле
Лежит бездушно в тьме густой. –
«Какие, – рек он, – здесь руины?
Да будут зданья и равнины
На место диких сих бугров!
Как может от меня быть скрыто,
Что служит к пользе, – но забыто?» –
Сей царский глас – был глас *Петров*.

И вдруг – где топь ложилась блатна,
Гнездились гады где одни,
Там возвышается приятна
Равнина в нынешние дни;
Где сквозь развалины ужасны
Свистали вихри ежечасны,
Там зданья высятся с земли;
А где глотали берег волны,
Там скат, – там зиждут корабли.ё

Там строит чудеса велики
Секира и резец живой;
Там жизнь приемлют вещи дики
Под механической рукой;
Дубравы там неповрежденны
Падут пред нею низложенны;
Уже ни хлад, ни дождь, ни град
Среди сих новых зданий прочных,
Где *вид судов* готовят точных,
Уже руке не воспретят.

Под сими кровами *Гигея*,
Печась о здравии людей
И самые труды лелея,
Венчает подвиг их скорей. –
Теперь не в тысяче, – как прежде,

Но во сте здравых рук к надежде
Счастливейших плодов стократ
Блестят орудия прекрасны,
Со вкусом прочны, чисты, ясны,
И малым большее вершат.

Но кто достоин был сей доли,
Чтоб скоро все то совершить? –
Князь моря, – страж монаршей воли, –
Блюститель верфей – мог тем быть.
Пусть всяк минувше представляет
И с настоящим соравняет! –
Увидишь, что в короткий срок
Из неустройства перемена
Открылась в славе совершенна
И побежден трудами рок.

Едва лишь третья низлетела
Из облаков млечных весна,
Как вдруг ожить уже успела
Сия усопшая страна. –
Что в двадцать лет бы совершилось,
То в три весны преобразилось. –
Столь важно мысль Царя хранить,
С сподвижниками в путь стремиться,
Нестройну смесь устроить тщиться
И труд трудами сократить.

Никто в забытом сем пределе
Без ревности бы не успел;
Но *попечитель* в важном деле
Блюл царску мысль – и не слабел.
Едва еще восток багреет,
Как бдящий взор там крылатеет;
Встречает там его заря,
А поздный вечер провождает. –
И вот, что бодрый дух рождает!
Вот долг, как сердце чтит Царя!

Так муж спешит неутомимый
Вершить свой подвиг в прочну честь;
Так исполин неодолимый
Решится путь к концу довесть. –
Тогда *пермесски* чисты дщери
Ему отверзут к славе двери
И в *будущем* кладут венец;
Он шествует стезей прямою;
Он чтется царскою рукою;
А Царь – отечества Отец.

Уже мой дух предъизвествует,
Что брег забвенный в темноте
Немедленно восторжествует
Во славе, пользе, красоте;
Усердья памятник представит,
Отца отечества прославит;
Уже настанет вскоре час,
Как новы здесь кормы родятся,
В пучину с брега покатятся,
И новый грянет грома глас.

Отец отечества венчанный,
Пример для всех земных царей,
По сердцу Божию избранный,
Достойный вечных олтарей! –
Ты исполинскими шагами
Стремишься Прадеда следами. –
Что принесем мы от сердец?
Не песнь, – не речь высокопарну;
Воззри на душу благодарну! –
Ты Севера второй творец.

15. К КОРАБЛЮ СТОТРИДЦАТИПУШЕЧНОМУ

Божественная дщерь прелестна,
Небороженна *Благодать,*
Душ собеседница небесна,
Святой любви и веры мать! –
Се пред тобой мыс в бездну мчится! –
Скат стонет, – тучный дым крутится.

Сойди с сафирных ты холмов
И вниди в сей ковчег громов!
Сам Бог тебе его вручает. –
Ты юных там громов не зришь;
Но в должный час их возродишь.
Коль буйный враг твой раздражает
Внести не *мир* в сей мир, но *брань*,
Прими перуны в нежну длань!
Сверкни над бездной в тучах черных
И возгреми в сердцах зловерных! –
Пусть флот их пред тобой дрожит!
Пусть бледный полк их ввек молчит!
Яви, что сколько ты нетленна,
Столь слава сей горы живой,
Хоть и гора прейдет, с тобой
Пребудет вечно неизменна,
Доколе Феб спускает день
Иль месяц осребряет тень.

Когда ж ты, быв мирна, беззлобна,
Всегда сама себе подобна,
Несешь в руке своей десной
Не с громом *меч*, но *мир* святой,
Возьми меч собственный священный!
Открой им очи ослепленны
И сим восторжествуй в сердцах!

Прославь Царя на тех водах,
Где в розах утро возникает,
Где солнце запад познавает! –
Там показуй, что росский дух,
Твой сильный мститель, *веры друг*,
Умеет в гневе громы мстящи
С твоим дыханьем сопрягать
И молнии кропить палящи
Твоей росою, – *Благодать!*

16. ВЕЛИЧАЙШИЙ ВО ФЛОТЕ ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ НА ВОДЕ

Чей слышу стон глухий, плачевный
В кипящем сердце *Финской* бездны?
Иль страждет ныне *царь морей*
Под тяжестью таких желез?
Иль новый исполин, налегши,
Ужасно давит бога вод? –
Се исполин между волнами! –
С какой гордынею бежит,
Сечет дубовыми хребтами
Пенисту бездну под собой,
Главой касается до облак,
Стопою топчет сердце моря?

Царь моря, гордо нажидая
К себе низринувшуся гору,
Мечтал, что бремя столь легко,
Как ощущал досель другие;
Мечтал бог вод – и подхватил
На плеча неисследно иго;
Вдруг треск в костях его раздался;
Он страшно в царстве застонал;
За ним шумя валы завыли; –

Таков корабль на рамо лег! –
Из области сей водосланой,
Где дики чада вод блестят
Серебряными чешуями, –
Нетерпеливый старец вдруг,
Кров моря протесня челом,
Окидывает гору взором.
«Клянуся древним Океаном, –
Так среброчелый бог вещал, –
Клянуся синими морями,
Что пред лицом сея вселенной
Я истину реку от сердца.

Бессмертное сребро венчает
Мою божественну главу,
Как зрел я первобытну воду,
Где юный мир образовался. –
Но здесь не сим началам путь. –
Видал я корабли *мемфийски,*
Секущи быстро *Чермны волны;*
Видал суда отважны *тирски*
Владыками *Средьземных вод*;
Видал суда *александрийски,*
Как скачущие острова;
Видал я смелых *аргонавтов,*
Летящих быстро сквозь *Эвксин*;
Видал суда я *карфагенски,*
Вкруг целой *Африки* бегущих
И вкруг камнистых берегов
Гесперии и *Альбиона*; –
Но такового *Феномена,* –
Клянусь, – нигде – и никогда;
Клянусь священной сединою,
Что зрю теперь явленье ново.

Не дивно, что гора толь страшна
Мое давнула шумно царство

И средь его волнистых сводов
Стон ропотный произвела. –
Таков в сем веке *росский Гений!*
Как сам он ныне исполин
И исполинскими стопами
В полях *Ириды* и *Беллоны*
К бессмертию летит с отвагой;
Так исполинские кормы
На *Невских* зиждет берегах
И воскрыляет их в пучины
Для лавров и искусств *Минервы.*

Я зрю – и чувствую власть *россов.*
Сей исполин прекрасен, статен,
Тверд в силах и легок стопами;
Стотридесять гортаней медных
Пылают из дубовой выи,
Из коих громы роковые,
Подобны *Зевсовым* ударам,
Не всуе некогда сверкнут.

Таков крылатый сей *волот*
На сини царства устремленный! –
Он ужас флотов, – мой ярем;
Но он средь вод – прямой оплот».

17. СУДЬБА РАТОБОРНЫХ ГЕНИЕВ РОССИИ

Где *Родриг*, сей *российский Август*?
Где *Ольга*? – *Святослав*, бич *греков*?
Где храбрый и святый *вождь веры*?
Где сей *Мстислав* – сей наш *Ахилл*?
Где *Ярослав* – зерцало правды?
Где *Мономах* – *Атрид российский*?
И где сыны его *Мстиславы*,
Златого корня ветви славны?

Где *Изьяславы* велемудры?
Где нерушимые *Романы*?
Где братья – *Кастор, Поллукс россов* –
Василий, Володарь, честь скиптра?
Где славный *Всеволод* с сынами?
Где *российский Годофред – Донской*?
Где *Шуйские*? – и где *Пожарский*?
Где род *Романовых* великий?
Где *Меньшиков*? – где *Шереметев*?
Где *Миних*? – *Салтыков*, длань Марса?
Где? – где *Румянцов*, громов сын?
Где? – где *Репнин – Паллады* сын?
Где? – где *Спиридов*, *Крюйз* и *Грейг*?
Где *Вейсман, Миллер, Горич, Сакен*? –
Где все сии полбоги? – спят.
Увы! – под тенью кипарисов –
Под тенью нерассветной. – Можно ль?..

18. НОЧЬ

Звучит на башне медь; – час нощи;
Во мраке стонет томный глас.
Все спят, – прядут лишь парки тощи;
Ах! – гроба ночь покрыла нас. –
Все тихо вкруг; лишь меж собою
Толпящись тени, мнится мне,
Как тихи ветры над водою,
В туманной шепчут тишине.

Сон мертвый с дикими мечтами
Во тьме над кровами парит,
Шумит пушистыми крылами,
И с крыл зернистый мак летит.
Верхи *Петрополя* златые
Как бы колеблются средь снов,
Там стонут птицы роковые,
Сидя на высоте крестов.

Так меж собой на тверди бьются
Столпы багровою стеной,
То разбегутся, то сопрутся
И сыплют молний треск глухой.
Звезда *Полярна* над столпами
Задумчиво сквозь пар глядит;
Не движась с прочими полками,
На оси золотой дрожит.

Встают из моря тучи хладны,
Сквозь тусклу тверди высоту
Как вранов мчася сонмы гладны,
Сугубят грозну темноту. –
Чреваты влагой капли нощи
С воздушных падают зыбей,
Как искры, на холмы, на рощи,
Чтоб перлами блистать зарей.

Кровавая луна, вступая
На высоту полден своих
И скромный зрак свой закрывая
Завесой облаков густых,
Слезится втайне и тускнеет,
Печальный мещет в бездны взгляд,
Смотреться в тихий *Бельт* не смеет;
За ней влечется лик *Плиад*.

Огни блудящи рассекают
Тьму в разных полосах кривых
И след червленый оставляют
Лишь только на единый миг.
О муза! толь виденья новы
Не значат рок простых людей,
Но рок полубогов суровый.

Не такова ли ночь висела
Над *Палатинскою* горой,
Когда над *Юлием* шипела

Сокрыта молния под тьмой,
Когда под *вешним зодиаком*
Вкушал сей вождь последний сон?
Он зрел зарю, – вдруг вечным мраком
Покрылся в *Капитолий* он..

Се полночь! – петел восклицает,
Подобно роковой трубе.
Полк бледный теней убегает,
Покорствуя своей судьбе.
Кто ждет в сии часы беспечны,
Чтоб превратился милый сон
В сон гроба и дремоты вечны
И чтоб не видел утра он?

Смотри, – какой призрак крылатый
Толь быстро ниц, как мысль, летит
Или как с тверди луч зубчатый,
Крутяся в крутояр, шумит?
На крылиях его звенящих
В подобии кимвальных струн
Лежит устав судеб грозящих
И с ним засвеченный перун.

То Ангел смерти, – Ангел грозный;
Он медлит, – отвращает зрак,
Но тайны рока непреложны;
Цель метких молний кроет мрак;
Он паки взор свой отвращает
И совершает страшный долг...
Смотри, над кем перун сверкает?
Чей проницает мраки вздох?

Варяг, – проснись! – теперь час лютый;
Ты спишь, – а там... протяжный звон;
Не внемлешь ли в сии минуты
Ты колокола смертный стон?

Как здесь он воздух раздирает?
И ты не ведаешь сего!
Еще, – еще он ударяет;
Проснешься ли? – Ах! – нет его...

Его, – кому в недавны леты
Вручило небо жребий твой,
И долю дольней полпланеты,
И миллионов жизнь, покой, –
Его уж нет, – и смерть, толкаясь
То в терем, то в шалаш простой,
Хватает жертву, улыбаясь,
Железною своей рукой.

Таков, вселенна, век твой новый,
Несущий тайностей фиал!
Лишь век седой, умреть готовый,
В последни прошумел, – упал –
И лег с другими в ряд веками, –
Он вдруг фиалом возгремел
И, скрыпнув медными осями,
В тьму будущего полетел.

Миры горящи покатились
В гармоний новой по зыбям;
Тут их влиянья ощутились;
Тут горы, высясь к облакам,
И одночасные пылины,
Носимые в лучах дневных,
С одной внезапностью судьбины,
Дрогнувши, исчезают вмиг.

Се власть веков неодолимых,
Что кроют радугу иль гром!
Одни падут из тварей зримых,
Другие восстают потом.

Павел I. Портрет работы С.С. Щукина

Тогда и он с последним стоном,
В *Авзоний,* в *Альпах* возгремев
И зиждя гром над *Альбионом*,
Уснул, – уснул и грома гнев.

Так шар в *украйне* с тьмою нощи
Топленой меди сыпля свет,
Выходит из-за дальней рощи
И, мнится, холм и дол сожжет;
Но дальних гор он не касаясь,
Летит, шумит, кипит в зыбях,
В дожде огнистом рассыпаясь,
Вдруг с треском гибнет в облаках.

Ах! – нет его, – он познавает
В полудни ранний запад свой;
Звезду *Полярну* забывает
И закрывает взор земной.
«Прости! – он рек из гроба, мнится. –
Прости, земля! – Приспел конец! –
Я зрю – трон вышний тамо рдится!..
Зовет, – зовет меня Творец...»

19. К ПРАХУ РОССИЙСКОГО ГАННИБАЛА

Вот персть бессмертного в героях,
Пред кем, как серна, смерть шла в боях,
За кем, как тень, шла слава вслед,
Родяся, мнится, с ним на свет! –
Поправши *Альпов* страх громовый,
Он лег на отдых – в сноп лавровый. –
И Ангел чуть дерзал дохнуть,
Бессмертие его тронуть;
Тронул, – час звукнул боевый! –
И Ганнибала нет – увы!..

При колыбели – слава трепетала,
Чтоб ране в дни его не онеметь
Или чтоб ране с ним не умереть; –
При гробе же его торжествовала,
Что в вечность купно с ним уже пойдет
И с *росским Ганнибалом* – не умрет.

20. УСЫНОВЛЕННАЯ ГЕОРГИЯ, или ПРИРАЩЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ ГРУЗИНСКИМ ЦАРСТВОМ

Да торжествует карталинский Бард и да возвеличит свое благоденствие, которым он наслаждается под сеномасличным скипетром России! – но российское сердце радостней песнословит и трепещет в сладком восторге; ибо усыновление Георгии есть первая и приснопамятная *эпоха* нынешнего века и вкупе новолетия.

Облегшись об утес кремнистый,
Отчаянна в глухих горах,
Пустых лишь вихрей внемля свисты,
Дщерь Грузии скорбит в слезах:
«Все наконец теперь свершилось! –
Се час уже последний бьет!
Час бытия! – и все сокрылось;
Отвсюду ад, – и ад ревет...
Что делать? – где злосчастна денусь? –
Посыплю пепел на власы,
В уныло вретище оденусь,
Изглажу прежние красы

И буду ввек стенать в пустыне. –
Кто даст мне горлицы крыле,
Чтоб я туда летела ныне? –
Нет, – нет надежды в сей земле...

С страны единой *эламиты*[1],
Иль буйный *скиф*, сын диких скал,
Иль сын *Исмаила* несытый
Мои сурово перси жал;
С другой крамол железо скрыто
Растлило в жилах кровь мою,
А жало злобы ядовито
Сожгло всю внутренность сию. –
Как на главе дрожит венец!
Как дол трепещет подо мною?
Знать, близок мой уже конец;
Ах! – где? – где свой позор сокрою?
Остался в власть един мне вздох. –
О горе! горе! слез бы море
Пролить! – их нет, – их ключ иссох;
Куда ж прибегну я? – о горе!

К тебе теку, *Славена* сын!
Я прежде лишь жила тобою;
Будь ты мне полный господин!
Будь вновь *Кавказской* мне горою!
Вот трон! – тебе его даю;
Венец! – тебе его слагаю;
Порфиру отдаю мою;
А без тебя – я издыхаю;
Дай дух! – и оживлю себя;
Клянусь и небо призываю,
Что я в сем мире уповаю
Дышать для одного тебя. –
Тогда мои слезящи очи

[1] *Эламиты* – древнее именование *персиян*.

Свет тихий узрят в полуночи. –
Иль – пусть рок рушит мой покой!
Пусть вечный гром гремит над мной!..
Так, – слышу, – гром гремит небесный;
Свод тверди треснул надо мной!
Что значит оный глас чудесный?
Судьбу стихий! – иль жребий мой?

Увы! – что зрю? – кто искры мещет? –
Какая огненна черта
На тусклом сем утесе блещет? –
Ужли Всесильного уста
Произрекли мне страшну долю? –
Свершилось; – чту небесну волю!»

Рекла; – венец гранитный сняв,
На теме язвы показав,
Россию томно умоляет. –
Тут с сироты слеза стекает.

«Постой, несчастна дщерь! – Постой! –
Тогда воззвал ей Ангел мира, –
Луч счастья, а не жребий злой
На темя падает с эфира;
Ты россам усыновлена. –
Та бездна, что ты зиждешь в мысли,
Теперь уже заравнена. –
Зри громы их, – внемли, – расчисли!
Повергнися пред Богом сил!
Бог сил тебе во избавленье
В Монархе *Кира* возродил. –
Зри, как печется Провиденье!
Зри, как *Алкиды* их летят
Покрыть броней тебя стесненну!
Зри, как их лики муз спешат!
Обшед по солнцу всю вселенну,
Начав от утренних полей

Чрез запад, чрез холмы полночны,
Оставя всюду след лучей,
Опять грядут в луга восточны,
Чтоб факелом тебе светить.

Нет, – непростительно грустить
И позабыть улыбки прежни;
Отри ток слез, тоску отринь!
Рассмейся вновь! – и вновь раскинь
В лице лилеи, крины нежны!

Под тенью виноградных лоз,
Или под тутом, иль меж роз
Твои подруги, сестры милы,
Что были б жертвой наглых рук,
Уже петь будут россов силы;
Не будут знать поносных мук;
В тенях лишь станут улыбаться
И с росской музою свыкаться.

Ты будешь цвесть; – и твой сосед,
Тебе ревнуя, пойдет вслед. –
Мингрелец с имертинцом троны
Под росски подчинят законы. –
Дубравы тучной их земли
В *Эвксин Рионом* покатятся
И рано ль, поздо ль в корабли
Российские переродятся. –
Тут флоты, ополчивши месть
Среди *Эвксина* громом новым,
Отмстят твою страдавшу честь,
Отмстят врагам твоим суровым.

Мужайся! – воскрыляй свой дух! –
Се АЛЕКСАНДР тебя объемлет,
Твой Царь, – твой вождь, – отец и друг!
Се он глубокий стон твой внемлет!
Пади пред ним и лавр его

Целуй в крови необагренный! –
Лавр – века первенец сего –
Ему на Юге возвращенный.
Досель ты кланялась Луне,
Столь низко быв порабощенна;
Теперь повергнись в тишине
Пред общим Богом восхищенна!» –

Так Ангел утешитель рек,
Простер крыле – и выспрь востек.

Проток то в долах, то сквозь рощи,
То сквозь пески иль горы тощи
Кривые берега ведет,
То стонет инде, то рыдает,
А после – как бы устает
И томные струи внедряет
В чадолюбивый Океан;
А сей сединой Бог венчан,
Осклабяся, его объемлет. –
Так стран азийских сирота,
Что буйны токмо бури внемлет
Среди *Кавказского* хребта,
Столь часто быв насилью жертва,
Колеблема, почти полмертва
В объятья Севера падет,
Но с сим паденьем восстает.

Кавказы и моря пред вами
Хребты свои с покорством гнут;
Цари и сильны царства сами
В наследье вечно к вам текут.

Прешедший век имел ту славу,
Что к Северу Великий ПЕТР
В даль двигнул Росскую державу,
Где мраз не мрет, не спит где ветр,
Где готски горы содрогали,

Где льдисты рубежи дрожали;
А сей, – сей век тем возгремел,
Что скиптр российский углубился
В среду полуденных предел,
И скиптр в бескровный лавр увился. –
Царь россов, как *Паллады* сын,
Как *Геркулес*, как Исполин,
Течет сквозь льды, – сквозь зной разженной;
Свидетель – *Висла, Эридан,*
Везувий, Альпы, Океан,
Кавказ, вершины *Араратски*
И все долины азиатски.

Так высится полнощи сын,
Как в туче гром иль Исполин.

21. ТОРЖЕСТВЕННОЕ УТРО
марта 12 1801 года

О росс! – ты видишь, – погружает
Луна дрожащий свет в водах? –
Ты слышишь, – петел возглашает! –
Зри! – там в восточных небесах
Играют полосы багряны!
Но возведи туда свой взор,
Кто там сквозь утренни туманы,
Как луч, летит с небесных гор?

Кто в царственный чертог влетает
На розовых зари крылах? –
Кто? – мысль моя изнемогает;
Я млею в сладостных мечтах.
Ах! дух! – се дух ЕКАТЕРИНЫ
Ко АЛЕКСАНДРУ низлетел! –
Ея вид кроток, взор Афины. –
С ним дух Ея беседу вел.

Божественная тень вещает;
А весть Ея, – как сладкий звук,
Как майский зефир, провевает;
«Восстани, – тень рекла, – мой внук!
Восстани! – для тебя небесный
Теперь оставила я кров,
Да возвещу, что рок чудесный
Творит на глас Отца духов.

Се час! – *Весна* тебя с цветами,
Светило, – царство, – Бог зовет.
Почто вздыхать? – Твой путь пред нами
Сам Божий оправдал совет. –
Гряди на трон, куда в дни прежни
Вела тебя душа моя!
В тебе восстанет *Невский* древний,
Восстанет ПЕТР, – восстану Я.

Ты россов Гений добрый, милый;
Ты быть достоин таковым;
Ты оживишь их дух и силы;
Вторая Я ты будешь им. –
Всесильная судьба вручила
Тебе полсвета жребий весь. –
Полсвета чадам Я светила;
Но ты свети им паче днесь!

Чертеж мой для полсвета лестен;
В нем целой дух мой впечатлен;
А дух душе твоей известен;
Разгнешь его! – и росс блажен;
В нем узришь ты, что дар краснейший,
Какой лишь небо смертным шлиот,
Есть царь любезный, царь святейший,
Который любит свой народ.

Как Бог вселенну управляет
Естественных по мере прав;
Так он о царстве промышляет.
Любимец Божий! – се устав! –
Се блеск весь! – по сему лишь праву
Конечно будешь насаждать
Ростки блаженства в общу славу
И с сердцем души назидать.

Из таковых чад воздоенных
Во граде будешь гражданин,
Мудрец у трона, друг стесненных
Иль верный в поле исполин;
Трофеи рано ль, поздно ль тленны,
Сколь слава в слухе ни звучит,
Преобратятся в гробы темны;
Одна любовь – трофей и щит.

В сынах *Аммона* исступленных
Век каждый щедр и плодовит;
Но чтоб найти того в рожденных,
Кто над семейством мира бдит
В гармоньи, в тишине блаженной,
То надлежит переходить
Всю древню летопись вселенной
И происшествий мира нить.

Свет мало *Титов* исчисляет,
Аврелиев, Петров других;
Но он уже тебя включает
В чреду таких духов благих. –
Природа долго, – долго млеет,
Чтоб сих комет на свет явить;
Летит тьма лет;– тут чреватеет
И силится *Петров* родить.

Державный внук Мой! – в просвещенной
Душе твоей душа Моя
Найдет свой вечной храм нетленной;
О если! – и с эфира Я
Сквозь недра облачного мрака
Узрю с восторгом красоты
В тебе драгого *Телемака*,
Что обновил Мои черты.

Тебя священных теней лики
Приветствуют из сих гробниц;
И *Невский* князь, и ПЕТР Великий,
И Я – во образе зарниц
Сливаемся с твоей душею. –
Ты сим слияньем душ счастлив;
И Я – едва ль не верить смею,
Что в мыслях *Пифагор* правдив...[1]

Перун и плуг с златой державой
В себе вес равный сохранят;
Ермиев жезл, *компас* со славой,
Весы и лира зазвучат;
Церера, Марс и *Урания,*
Фемида, Гермес, Аполлон
Улыбки обновят живые
И хором окружат твой трон.

Оливна ветвь с победой мила
Обнявшися начнут расти;
Любовь, мир, правда, мудрость, сила,
Как стражи, станут на пути;
А тучи ужасов не будут
Вкруг трона благости висеть;
Достоинства всю скорбь забудут
И станут из-под тьмы яснеть.

[1] Он полагал преселение душ.

Тут в радости слез перлы канут
Из глаз, отвыкших от лучей,
И на щеках румяных станут
Дрожать, как капли роз зарей. –
Се нежна власть благотворений!
Аласканин[1] и сильный *росс*
Обнимутся во изумлений
И жить не будут средь угроз.

Сердца гранитных скал в полнощи
Биясь поймут восторг тогда;
Рифей, носяй косматы рощи,
И *Алаунска* высота
Перед тобою пойдут в хоре;
Кавказ, священный *Арарат*
И *Таврус* в радостном соборе
Тебе поклонятся стократ.

Любезный внук! – велико бремя;
Но мудрые в предмете сем,
Что призовешь в счастливо время,
Конечно облегчат ярем. –
Супруга ангелоподобна,
В ком райский мир красот сияет,
Всегда нежна, благоутробна
Твой царственный труд усладит.

И Августейшая Мария,
Вина твоих блаженных дней,
Воззвавши времена благия,
Отдохнет в тишине своей. –
Тогда, мой внук! – о внук бесценный,
Как будет в мире полумир,
Мой будешь памятник священный,
А полвселенна – твой кумир;

[1] Житель *Аласки*, полуострова в Северной Америке, принадлежащего России.

Престол же будет непреложен,
Как круг *Полярныя* звезды,
Незыблем, мирен, бестревожен;
Трещат под ним лишь вечны льды. –
Ты сим путем до звезд достигнешь,
Как росских душ избранный Царь;
Ты в облаках трофей воздвигешь;
Но лучший твой в сердцах олтарь».

Так тень небесная вещала
И, мудрости вдохнувши дух
В Монарха, – и незрима стала;
Цветет, цветет *Ирида*;– вдруг
Сольется с синевой всемирной,
Так дух богини лишь возник,
То внедрясь паки в свет эфирной,
В бессмертный возвратился лик.

Так в взорах *Одиссея сына*
На сизом облаке с щитом
Голубоокая *Афина*
В Зевесов возносилась дом. –
Но се рассвет! – се мрак склонился;
Воот, Медведицу стрегущ,
В бурливый Океан спустился
Последний кинув робкий луч.

Се юно солнце на востоке! –
Се АЛЕКСАНДР востек на трон! –
Се луч румяный скачет в токе!
Туманный рдеет небосклон! –
Мгла облаков блестящих тает! –
Монарх отводит скорби тень,
Что светлость трона покрывает;
В сердцах светает теплый день.

Какое радостно стеченье! –
Монарх при утре лет своих,
При утреннем звезды явленье,
Времен при утре годовых,
Как солнце в знак Овна блаженный,
На полнебесный трон восшел;
Или как Ангел воплощенный,
На царствие подлунно сел.

Се девственна весна сретает! –
Несет к Царю из роз венки!
В подножье трона низлагает
Фиалок, ландышей цветки! –
Росс! – что слабеть? – одушевися!
Взойди на прежнюю степень!
Возвесели́сь! возвеселися!
Минула ночь; – на троне день!

Все те орудия священны,
Что довершали славный путь,
ПЕТРОМ Великим углубленный,
Теперь воззванны паки суть. –
Монарх в жилища тьмы вселяет
Праматернего духа свет. –
Мессия, мнится, в нем сияет;
Он в тайный ад луч быстрый шлет.

Земной ад ужас Божий внемлет,
Где свет едва бывал знаком;
Торжественный луч тьму объемлет;
Дух жизни паки веет в нем,
Отец слезящих чад сретает;
Друг слышит томный друга глас;
Супруга мужа прижимает, –
В восторге перлы льет из глаз.

К отцу младенец подбегает;
Чуть узнает, – и на щеках
Румянец утренний играет.
«*Ты ль здесь? – где был? – какой был страх?*» –
Так нежное дитя немтует
И трогает браду отца,
Темничну отрасль, – и целует. –
Тут тают кровные сердца.

Вотще толпы смертей играют
По изобретенным гробам;
Висящи косы ниспадают;
Дух пагубы тончает там;
Там отмыкаются укрепы;
Там ржавы вереи скрыпят;
Там с костью свыкшися заклепы,
Спадая с дряхлых ног, звучат.

Добычи смерти простирают
На солнце умиленный взгляд
И с ужасом назад взирают
На свой художественный ад;
Чудятся, – в радости немеют;
Признательность поет сквозь слез;
Природы мышцы крылатеют;
В ея полете прежний вес.

Се! *человечество* ликует!
Невинность возвращает честь!
Свободу *совесть* торжествует,
Достоинство стрясает персть,
И все гласят: «Облобызаем
Десницу ангельску Царя
И всяко утро пусть вещаем:
Да будет вечер, как заря!»

22. ГИМН АЛЕКСАНДРУ I

12 марта 1801 года

От вечных льдов, от вод полночных
До *Араратской* вышины,
От солнечных дверей восточных
До славной *Праги* глубины,
Народы разны, восклицайте!

«Се АЛЕКСАНДР престол и скиптр приял!
Он Царь, – он небом Царь обетованный;
С ним век *Астреин*, вновь призванный,
В часы весенни воссиял! –
Фемида паки здесь приникнет
С нагою истиной с небес,
А *Клия* с ликами воскликнет
Средь отголосистых древес.

Полимния в гитаре говорливой
Поющий дух свой вознесет к звездам,
Возвысит жребий свой счастливой
И скажет о себе векам. –
Весна! – неси венки зелены!
Неси! – вот трон! – вот твой олтарь!
На троне – Ангел воплощенный, –
Любезный полвселенной Царь».

От *Колы* до полей *Тифлисских*,
От росских западных долин
До вод далеких *Аласкийских*
Различных глас племен един. –
Разнословесные языки!
Возвысьте глас! возвысьте лики!

«О АЛЕКСАНДР! – ты стран сих Гений – Царь;
Ты Царь не всех пределов света;
Твоя держава – полпланета;
Но вящий твой в сердцах олтарь. –

Сердечны струны! – стройте, стройте
Свой гармонический язык
И в слух столетий новых пойте,
Коль в АЛЕКСАНДРЕ Бог велик».

Монарх! – се глас полупланеты! –
Се также из среды певцов
Во тьме столь выспренни предметы
Немтует *муза* меж громов! –
Она трепещет и слабеет;
Но тайных во груди словес
Сокрыть в восторге не умеет, –
Лишь капли льет отрадных слез...

23–25. МОНАРШАЯ ПОПЕЧИТЕЛЬНОСТЬ О ЦАРСТВЕ

⟨1⟩

ВЫГОДЫ ВОЙСКА

Монарх! – не Гений ль ты венчанный,
Когда твой ранних свет часов,
Твой полдень, вечер недреманный
Ничто, – как жертва лишь трудов? –
Такой день – всю жизнь образует
И тихий вечер предсказует.

Когда ты нощию не дремлешь,
В высоких помышленьях бдя,
И у себя покой отъемлешь,
При свете мудрости сидя,
Как чад полнощи не спокоишь,
Когда им так блаженство строишь?

Уже все вои восприяли
Иную жизнь в груди своей,
Какой доселе не дышали. –
В их жилах кровь кипит живей;
В их сердце бьется ново рвенье,
В их мышцах ново ощущенье.

Се! – там училище блистает,
Где бурный *Марс*, водим тобой,
Твоих героев наставляет,
Как мерно шествовать на бой!
Там во ученье совершенно
Искусство брани претворенно.

Уже охота благородна
Отныне будет им вождем;
Уже стремительность свободна
Управит пламенным мечем. –
Сам *Царь-отец* их оживляет;
Смерть им ничто, – не ужасает.

В возврате солнца двадесятом
Годичный луч престанет рдеть
На шлеме витязя пернатом;
И хоть охотный меч иметь
Еще желал бы опыт славы!
Довольно; – мстил он честь державы.

Потом – гордыня благородна,
Хвала и лавр поверх власов,
Язык побед и честь народна
Его проводят в прежний кров,
Где с чадами супругу милу
Оставил во слезах унылу.

Хотя несчастная не мнила
Под кровом сим его узреть;
Но вдруг печаль бы позабыла,
В восторге стала бы неметь;

Его зря в шлеме, – усмехнется;
Прижмет чад к сердцу, – сердце бьется.

Тут скажет он средь исступленья:
«Вот гром, что смерти глас твердил
На страшных тех полях сраженья,
Где *Месть,* паря на раме крил,
Чело стигийско в тучи взносит
И казни на противных просит!

Меж треснувших развалин темных,
Уснувших трупов вечным сном
И между льдин согнивших бренных,
Где ржавеет ветшалый гром, –
Она клянется мстить во веки,
Доколе дышут человеки.

Клянется – и шишак объемлет
Она с улыбкой адской, злой;
Клянется – и рукой колеблет
Во мраке дымный факел свой. –
Вот гром, – твердит сей старый воин, –
Который чести был достоин!

Он покарал врагов без меры
И, паром крови их покрыт,
Отмстил честь царства, славу веры;
Он ныне из раба творит
От страхов вольного героя
И *именитого* из воя».

Так витязь восхищенный скажет
И, снявши шлем, – в своем челе
Число и цену ран покажет;
Потом в темнеющем угле
Поставит гром надолго скромный
И успокоит чресла томны.

В то время юноши, открoя
Печати пламенных заслуг,
На сердце бьющемся героя,
Почувствуют живейший дух,
Слова его уразумеют,
В кипящих персях впечатлеют;

Не будут ужасаться боле
Перун на рамена приять,
Чем серп зубчатый в тихом поле;
Не боле будут ужасать
Катящися на осях громы,
Чем плуг кривый, средь глыб влекомый.

Конечно, – польза звать их станет
К снопам, желтеющим в браздах;
Но коль защиты слава грянет,
Они явятся в тех полях,
Где смертный звук толь миру нужен. –
Монарх! – и *Марс* с *Иридой* дружен.

⟨2⟩

УСПЕХ МОРСКИХ СИЛ

Монарх! – ты Царь мудролюбивый;
Не на единых ты полях
Остановляешь взор ревнивый;
Твой взор летит в седых морях,
Где лес крылатый сосн скрыпучих,
Гордясь твердыней страшных сил,
Бежит среди валов гремучих
И алчет ветров недром крил.

Ты зришь; – вкруг их вершин отважный
Перунов с сизым дымом луч,
Секущий пар на тверди влажный
И мрачны кровы черных туч,

Отныне будет извиваться,
Подобно молнии крутой,
И против чуждых стрел вращаться,
Чтоб дать удар свой роковой!

Вернейши покатятся громы
Средь *Бельта* и *Эвксинских* вод;
Враждебны содрогнутся сонмы,
Сжимая страх, – безумья плод. –
Се окрыляя ум твой зрелый
На суше к торжествам перун
Живит полеты флотов смелы! –
Монарх! сколь нужен и *Нептун*!

⟨3⟩

БДИТЕЛЬНОСТЬ О ВНУТРЕННИХ ДЕЛАХ

Монарх! – в гражданской тверди ясной,
Где суд в сумрачные часы
Из облака рукою властной
Спускает звонкие весы,
С тобою *истина* возникнет,
Сумнений тьму и ков проникнет.

Щадя бессильных и убогих
И скудородных жизнь храня,
Она мстит горький жребий многих,
Драгой ценой их кровь ценя,
И будет столь же неизменна,
Как в *Полюсе* звезда возженна.

А милость, – как роса живая,
Что каплет с утренних небес,
На нивы жаждущи стекая,

Из томных в горести очес,
Простерши сердобольны длани,
Исторгнет каплющие дани.

Исторгнет радостные токи
Из глаз невинности простой,
Терпящей терния жестоки. –
Тогда серебряной струёй
Признанья слезы устремятся
И розы – лицам возвратятся.

Ты бдишь; – и се шумят в широких
Златые колосы полях!
Се нивы всходят на высоких
Тучнеющих везде холмах,
Как усыренные *ливаны*,
Волнистой зеленью венчанны!

Монарх! – *Рифеи* оснеженны
Твой суд и милость возвестят;
Кавказ и *Чатырдаг* почтенный
Дотоле правду возгласят,
Доколе солнце в небе рдеет,
Доколе месяц серебреет.

26–28. МОНАРШАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ К ПАМЯТИ СЛАВНОГО ПОБЕДИТЕЛЯ ФРАНЦУЗОВ
Маия 1 дня 1801 года

1

Тебя, Суворов незабвенный,
Монарх в металле сем воззвал,
Дабы вождь трех царств несравненный
В металле сто веков дышал.

2

Герой в героях возвышенный!
Триех держав архистратиг!
Сын молнии! кумир вселенной! –
Сойди с пределов громовых! –
Как майский зефир в дол слетает,
Так ты в сей Марсов луг сойди! –
Любовь твой зрак одушевляет
Для будущих веков в меди;
Невидим – видим быть в ней станет
И в глубину сердец заглянет.

3

Сын грома и кумир веков!
Сойди с превыспренних холмов!
Как тихий май, в сей луг сойди! –
Отсель в меди дышать начнешь;
Но в ней ли вечность обретешь? –
Нет, – вечно проживешь в груди.

29. ВЫСОЧАЙШАЯ ВОЛЯ К ДОВЕРШЕНИЮ НОВОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА НА МЕСТО БЫВШЕЙ ГАЛЕРНОЙ ВЕРФИ,

последовавшая при случае спуска корабля *Гавриила* 1802 года, в октябре

И там, – где чтили все ничтожным,
Все суетным, – все невозможным,
Зрит ныне изумленный свет,
Как в бездну мчится мыс лесистый,
Отважно делит вал сребристый. –
Бог бездны высит свой хребет.

Еще пред лицем ПЕТРОВЫМ,
Пред росским сим *Тифисом* новым
Там дебри, преклоня главы,
Преображались в флоты юны
И новые несли перуны
За шумно поприще *Невы*.

Но только лишь светильник скрылся,
Дух рвенья к пользе охладился,
Померк блистательный предмет;
Там без души все мертво стало,
Там в древню все ничтожность пало;
Там все себя не познает.

ПЕТР зрит, – гремит в зарях порфирных,
Подобно *Зевсу* с гор сафирных:
«Как? – где, предвидя знатну цель,
Судил я строить флоты новы,
Там все труды пропасть готовы,
Там гроб, – где оных колыбель! –

Но разве росс меня забудет,
Забывши мой глагол: *да будет!* –
Не мню; – в потомстве глас жив мой». –
Так тень божественна вещая
И вдруг ко сферам возникая,
Раздала глас свой громовой.

Великий ПЕТР! – Ты прав в глаголе;
Где все мертвело в топком доле,
Там ныне здания стоят,
Хранилища, сокровищ полны;
Где берег омывали волны,
Там ныне корабельный скат.

Дубравы тамо низложенны
Вновь дышут, бывши возрожденны;
Там зиждут чудеса велики

Перст творческий и перст живой;
Покорствуют там вещи дики
Под жизнодательной рукой.

Что веком разве бы свершилось,
То вмале вновь осуществилось. –
Столь важно бдеть и день и ночь,
Нестройну смесь устроить тщиться,
Идти вперед, не совратиться
И мужеством судьбу премочь.

Ах! ПЕТР премудрый! ПЕТР Великий!
Еще сумнящись духи дики
Небытия желают там,
Где ты давно изрек: *да будет*!
Но мудрость ли себя забудет
И не откроет силы нам?

Так, – мудрость с трона восклицает,
Что край сей боле возблистает
И что приспеет скоро час,
Как новы горы здесь родятся,
Со ската в влагу покатятся,
Прострут торжественный свой глас.

Настал, – настал сей час; – глас грянул,
И дух сомнения увянул. –
Кто верить до сего не мог,
Тот сам зрит, как гора ужасна
Бежит до бездны безопасна,
Как гору подхватил вод Бог.

Бежит; – *дух мужества*[1] слетает,
И сквозь осенний пар блистает,
И зыблет молнию мечей! –

[1] Гавриил, по имени коего назван новоспущенный первый корабль в сей верфи, значит на *еврейском* языке *дух мужества*.

Но на кого? – ужель Тифоны
Еще колеблют в бурях волны? –
Дух! – будь кормы блюститель сей!

Промчи ты имя АЛЕКСАНДРА
Чрез *Таг*, чрез *Нил*, чрез зыбь *Меандра*!
Греми, что он пример царей,
Что исполинскими стопами
Грядет Праматери следами,
Что он достоин олтарей!

Он, зря событность польз чудесну,
Как храм твой, с славой вникнул в бездну,
Решил сим лучший рок местам;
Он рек: «Пусть брег гранит связует,
Обля́жет вкруг, препоясует
И посмеется вод зыбям!»

Небесный дух! – когда у ⟨брега⟩
Взревет Тифон, – грянь из ковчега! –
Рази! – карай! – казни! – ах! нет...
Внуши, что трон Царя священный
Блестит, не в громы облеченный,
Но в радужный покоя свет!

30. МОНАРШЕЕ ШЕСТВИЕ В МОСКВУ ДЛЯ ТОРЖЕСТВЕННОГО КОРОНОВАНИЯ

Священна буди мне отныне
Денница северных небес!
Ты, рдяный луч пустив в пустыне
Сквозь тусклый полунощи свес
Лапонски мраки убеляешь,
Рифейски снеги воспаляешь.

Какие там небесны строи
Сквозь ночь, лежащу на холмах,
Бегут, как пламенные вои,
В крылатых рдеющих рядах! –
Ужель теснится свет восточной
Сквозь темный занавес полночной?

Порфирные столпы, возникши
От шатких моря льдистых гор
И Юга спящего достигши,
Как дебрей огненных собор,
Остановляются, – зияют, –
Сбегаются, – и все сверкают.

Гора *Аланска*[1], цепенея,
Облекшися в багряный свет,
Подъемлет к облакам живея
Червлено-снежный свой хребет,
Где рдеют реки серебристы,
Где рдеют боры древ пушисты.

Сын сей горы среди полнощи
Вспрянувши зрит огней столпы,
Румяный снег, огнисты рощи;
Он зрит – и чтет черты судьбы
В мелькающем лучей сраженьи,
Гадает – и правдив во мненьи.

Но столь ли б в ясной славе встала
Над сею высотой заря,
Когда бы не знаменовала

---

[1] Сия гора названа *Аланскою,* или *Алаунскою,* потому что древние называли жителей сих мест *аланами*, а после *рокс-аланами*, или *росс-аланами*, ныне же *россиянами*. Она не что иное, как широкая и возвышенная плоскость, составляющая *Московскую, Смоленскую, Тверскую* и *Тульскую* губернии.

Сиянье нового Царя,
Который сам на сей вершине
В зарях явится славы ныне?

Зри, сын *Аланския* вершины!
Кто будет на брегах Москвы,
Пришед с *Балтийския* пучины,
Алмазный сыпать луч с главы
Сквозь мрак, что осенил пустыни
По смерти северной богини?

Познай! се внук ея бесценной
Торжественно почтить грядет
С своей Супругой несравненной
Сей древний, – славный сей хребет,
Потом простерть сиянье в целы
Полувселенныя пределы!

Он млад; – что рек я, изумленной?
Уже судьбы святый совет,
Что зиждет степенью блаженной
Премудрому небесный свет
Тогда, – как в поздный род отыдет,
Теперь его стопам предыдет.

Еще тогда – как год, седевши,
Путем туманным ускользнул
В развалины веков истлевши, –
Когда, – о если б я минул
Сих горьких чувств в часы веселий, –
Его усопшу Бабку зрели;

Когда она под темным сводом
Почила, – ах! навек уснув
С уснувшим равно ветхим годом,
Когда надежда, проблеснув
В сердцах пылающих несчетных,
В ударах гласа громометных;

Когда на крыльях он законов
На верх престола возникал, –
Тогда – надежду миллионов
В сердцах дрожащих ободрял. –
И оправдал, что упованье
Не изменяет в обещанье.

Он оправдал, что превитают
Благие паки в нем отцы,
Что паки ныне воскресают
Блаженства нашего творцы...
В небесной стройности слиянны,
С ЕКАТЕРИНОЙ ПЕТР воззванны.

Монарх! – будь утром росоточным,
Как в сумраках восточный свет!
Пусть жемчугом странам полночным
Роса щедрот твоих падет,
Падет на тополы тенисты
И на подлески их душисты!

Да утвердится на престоле
Незыблемо стопа Царя! –
Се утренюет в лестной доле
Твоя порфира, как заря!
Корона, как звезда высока,
Багреет посреде востока!

31. ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ

сентября 15 дня 1801 года в Москве

Huc ades, imponam tibi – coronam; hanc amor,
hanc virtus, hanc tibi iura dabunt.

Гряди, Монарх, да воссияет
В венце величества глава!
Тебе, – тебе его вручает
Любовь, доброта и права.

Светись сквозь утренни туманы
В огнистом пурпуре, – восток!
Пролей янтарный свой поток
На долы и холмы песчаны! –
Отныне будешь ты священ. –
Твой розовый венец, денница
И боготканна багряница,
Блестяща вкруг твоих рамен,
И облак, что изобразует
Прекрасну над тобою сень,
Сынам России предсказует
Торжественный в полнощи день.

Не Гений ль, мнится, солнцезрачной,
Одеян в розовый твой свет,
С сребристой арфою течет
По высоте твоей безмрачной? –
Не Он ли празднество часов
В гармоньи сладкой возглашает
И звучным гласом проницает
Слои жемчужных облаков? –

Не перед Ним ли сотрясаясь
Пары, как легкий дым, бегут
И, в тонкий воздух растопляясь,
На крыльях зефиров текут?

Бездушны тени, – чада нощи,
В последни потускневши раз,
Летят далече в ясный час
То в бездны гор, то в темны рощи. –
Ужасна птица тьмы ночной,
На крутизне стражницы бдяща
Или на куполах сидяща,
Познала час свой роковой. –
Се кони Солнцевы стремятся,
Сквозь твердь огнистый сыплют дождь,
В зодиак новый быстро мчатся;
Едва их держит светлый вождь.

Сей вождь, с гордыней отвращая
От недр небесной *Девы* зрак,
Стремится в дожденосный знак;
Из пылка лона вылетая,
Крылатых нудит он коней;
Но, образ зря плодов царицы,
Стягчает пламень колесницы,
Летит в объятия, чтоб с ней
На пире осени багровой,
Держа в весах румяный плод,
Торжествовать в природе новой
Зачатый семеносный год.

Всё тихо; – громы умолкают;
Орел *Зевесов* зрит покой;
Лишь над излучистой *Москвой*
Станицы лебедей летают. –
Из самых бранных облаков
Перуны, тайно протяженны,

Сжимаясь, влагой напоенны,
Отпрянули в среду паров. –
Все тихо; – нет ни бурь, ни брани
Между *Беллониных* сынов;
Помона плещет в белы длани,
И *Марс* храпит среди снопов.

Как? – слышу гром! – что прерывает
Сии блаженные часы? –
Иль в гневе *Зевс* потряс власы
И в молниях в сей дол слетает?
Иль то бурливой *Иры* сын,
Любитель громозвучных браней,
Опять ревет из тьмы гортаней,
Как многозевный исполин? –
Нет; – гром торжественный внимаю; –
Моя грудь бьется; – он парит. –
Еще гремит; – я содрогаю; –
Я восхищаюсь; – он летит...

Владычица градов блаженных,
Москва! – возникни до небес!
Не *Марс* спешит и не *Зевес*
На верх холмов твоих священных;
Но шествует *Марии* сын,
Паллады внук прекрасна вида,
Праправнук россов *Озирида*
На высоту твоих вершин. –
Отверзи взор свой изумленной
И зри, кто средь зарниц над ним,
Как *Зевс* с *Минервой* ополченной,
Над *Телемаком* молодым?

С ним идут божества воззванны;
С ним ПЕТР, ЕКАТЕРИНА с ним. –
Они блестят лучем тройным,
С благой его душей слиянны,
Где, зря себя как третий луч,

Беседуют с его душею. –
Так, – если свет двух звезд струею
Падет в светоприемный ключ,
То, мнится, в нем они глядятся,
И, с скачущим сребром слиясь,
Огни сугубы их катятся,
Кипящим пурпуром струясь.

Бессмертный сонм доброт сердечных,
Подруг божественных владык,
Как некий серафимский лик,
В зарях над ним сияет вечных
И дух его боготворит. –
Щедрота, мудрость возвышенна,
Любовь – и правда неизменна
В нем образ Бога нам дарит. –
Хотя оне и оттеняют
Друг друга разною ценой;
Но тем яснейший отражают
Свой свет единая к другой.

Какие лестные прозренья
Вослед доброт небесных сих
Представились в очах моих? –
Афина в виде ополченья,
Арахна, спорница в уме,
Церера с пуком златокласным,
Ермий с жезлом своим ужасным,
Нерей, сидящий на корме,
Урания с компасом верным,
Фемида, неба чиста дщерь,
Текут за нами следом мерным;
Вот царски спутники теперь!

Гряди, Монарх, с сим светлым ликом!
Гряди! – Се Промысл Божий сам,
В путях непостижимый нам,
В совете сокровен великом,

Вручил тебе российский трон,
Чтоб ты, порфирою одетый,
Был Гением полупланеты! –
Се ныне Сам предыдя Он
С стопами дух твой воскрыляет
В подобный небеси твой храм
И тайной дланью развевает
Святое знамя Веры там.

«Гряди, – рек *Веры* глас блаженный, –
Гряди под сей высокий свод,
Где праотцев твой славный род
Порфиры принимал священны;
Где рвением они дыша,
Мое лишь имя прославляли
И тем себя возвеличали! –
Твоя подобна им душа;
Она державствовать достойна
Средь душ, как средь духов Творец;
Порфира славы ей пристойна,
Пристоен света ей венец.

На кипарис сложи печали,
Чтобы лучи венца при сем
На царственном челе твоем,
Как свет полярный, возблистали,
Да утренюет, как заря,
Твоя порфира царска ныне,
Да станет, – станет во святыне
Торжественно стопа Царя!
Сияй! – будь утром благодатным!
Рассей тех облаков собор,
Что кроет мраком седьмикратным
Слезящий *Утешенья* взор!»

Какое торжество небесно?
Какой неоцененный час? –

В восторге дух; – немеет глас;
Я вижу зрелище чудесно! –
Там – юный Царь наш с торжеством
С своей супругою драгою
Небес невидимой рукою
Творится россов божеством;
Премудрость с правдой возвышает
Венец, как солнце, над главой,
Где бог незримый полагает
Свое селенье, – образ свой.

Се Царь с Царицей образует
Двух Гениев венчанных нам!
В нем обитает бог сердцам,
В нем Бог нам Ангела дарует. –
Как солнце свой владычний свет
Луне прелестной уделяет,
Так он ей славу сообщает,
Да луч она второй лиет. –
Она – чертог его любови;
Ея лик – светлый мир красот,
Отличность Августейшей крови,
Душа – гармония доброт.

Так Ангел в небе вознесенный,
Что высшей одарен ценой
Любви и мудрости святой,
Парит, на вечность облеченный
В одежду пламенну свою,
Блистающу живым рубином,
И носится над низшим чином,
Где дух отличность зрит сию;
Но в степени сей уступает
По мере лепоты своей
И облеченный лишь летает
В одежду света иль лилей.

Что внемлю паки, изумленный?
Еще торжественнее гром. –
Стрельницы в пламени живом
Рыгают громы возвышенны;
Повсюду треск, повсюду блеск;
Повсюду слышны шумны клики,
Как сонмы бурных вод велики;
Повсюду слышен стройный плеск. –
Из уст, восторгом упоенных,
Едва в весельи льется глас;
Лишь сердце в чувствах воскрыленных
Творится языком у нас.

О *радость, – радость* многоценна;
Небесна искра, сладость дней,
Эдемских легка дщерь полей,
В млечну́ю ризу облеченна! –
Почто не усугубишь ты
Своих даров волшебных ныне?
Почто почиеши в долине?
Изыдь из райской красоты! –
По стогнам сим одушевленным
Любезный рай свой насади
И осклабленьем вожделенным
Россиян души услади!

Пусть струны зазвучат сердечны!
Пусть на ланитах капли слез
Дрожат из радостных очес!
Пусть сладки мысли быстротечны,
Подобно сребряным лучам
Луны над тьмою, разлиются!
Пусть гулы в мире раздаются,
Что Царь в венце сияет нам,
Что небо мир с ним разделяет,
Свои весы ему дает,
Перун свой на враги вручает
И что мы зрим в полнощи свет!

Уже божественный служитель
Курит Царю и небесам;
Уже сердечный фимиам
Жжет мудрый, воин и властитель. –
Там юноша младый в летах
И нежна с ним отроковица,
На коих розова денница
С стыдливостью цветет в щеках;
Вдали прилежным ищут оком
Помазанника и отца;
Находят в зрелище высоком;
В восторге бьются их сердца...

Здесь дряхлый старец ликовствует,
Что шаткою ногою сам
Отцов ступает по гробам,
В зеницах тусклых показует
Последний жизненный свой луч. –
Так луч на западе мерцает,
Когда он поздо проницает
Сквозь кущи из косматых туч. –
Лишь он Монарха созерцает,
Слеза отрад в очах висит;
Улыбку прежню призывает
И в исступлении гласит:

«Се ныне с миром отпущаешь
Меня, Владыко, в мир иной!
Я ныне сретился с тобой;
Ты упованье совершаешь;
В тебе найдут отца сыны,
Невинность – щит, и блеск – заслуга,
А мудрость – Августейша друга.
Все счастьем сим оживлены,
Что славой истинной считает
Благим быть россов божеством,
И будет, – будет, как ты чаешь;
А я – в гроб сниду с торжеством...»

Александр I

О сколько *радость* вдохновенна! –
Но ты, во вретище своем
И в черном покрывале сем
Толь пренебрежно облеченна,
Дщерь тьмы, тоскливая *печаль*!
Почто в сей робости смятенной
Из храмины уединенной
Взираешь слезным оком вдаль?
Почто сей ныне вздох глубокий
Вздымает томну грудь твою? –
Теперь бессилен рок жестокий
Подъять железну длань свою.

Не зришь ли солнца? – выдь из мрака!
Надежда ли умерша спит? –
Восстанет вновь и воспарит,
Как феникс, в юном цвете зрака. –
Железо ли гнетет? – падет;
Иль смерти, над тобой висящи
И видом стропотным грозящи,
Скрежещут? – все, как тень минет. –
Твой тихий день уже светает
В счастливом обороте сем,
Где истина любовь сретает
С прелестным девственным лицем.

Зри! – кто в оливном облаченьи
В лице богини там спешит? –
Не ей ли с розовых ланит
В дань каплют слезы в умиленьи?
Не к ней ли жмутся сонмы чад?
Так, – те на лоне почивают,
Сии из персей извлекают
Врачебный сок драгих отрад. –
Не страх, не слабость, не кичливость
Сопутствуют богине сей;
Но сострадательность, правдивость
И царственна любовь при ней.

Зри! – луч богини бесприкладный, –
Как мысль, – далече тьму сечет
И радужной чертой течет
В твой ранний гроб ужасный, хладный!
Сретай ее! – она идет;
Как? – ты сумнишься! – ты немеешь! –
Или гранитну грудь имеешь? –
Воззри! – она сюда грядет;
Ей имя – *милость* беспримерна;
Она сестра *любви* святой,
Подруга АЛЕКСАНДРА верна. –
Лобзай с порфирой скиптр златой!

Помазанник! – так росс ликует,
Горящим чувством окрылен,
И новым духом оживлен,
Пресветлый день твой торжествует. –
Священ державе Твой венец;
Твоя держава полпланета;
Ты божество судьбы полсвета,
И вкупе Ты благий отец. –
Се *Клия* с ликом, вслед текущим,
Уже к звездам стремит полет,
Чтобы воспеть векам грядущим
Престола животворный свет!

Престол Твой будет непреложен,
Подобно как *Кавказ* второй,
Что, черпая *эфир* живой,
Стоит издревле бестревожен;
Столетье каждое пред ним
Как атом трепетный, *мелькает*
И только мимо пролетает
С своим фиалом роковым. –
Ревут ли окрест бури яры?
Перун ли при челе гремит?
Смеясь векам, – презрев удары,
Еще незыблем он стоит.

32. ВСЕРАДОСТНОЕ СРЕТЕНИЕ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ

по торжественном Их короновании в Москве, октября

Salve vera Jovis proles, decus addite divis,
et nos et tua dexter adi pede sacra secundo.
Virg. Aeneid. L. VIII.

Радуйся, истинная отрасль Юпитера, радуйся, богоподобная краса! – спеши к нам во благоденствии! прибуди на благопоспешных стопах к твоим святилищам!

Готово сердце вдохновенно
С сияньем утра воспевать,
Готово сердце воскриленно
И взор стопы Царя сретать! –
Заря восходит светолучна;
С зарей восстану также я. –
Восстани, арфа сладкозвучна!
Восстани, слава ты моя!

О тишина обетованна,
Лиюща жизни ток во грудь!
Краса держав боговенчанна!
Отсель священна сердцу будь!
Се Самодержец избирает
Твою возлюбленную сень,
Да в ней Россию обручает
Тебе в блаженный славы день!

Твои одни ему священны
Победы тихи над душей;
Не из костей сооруженный,
Из маслин – мил ему трофей. –

Пусть под туманом засыпает
Теперь в дремоте естество!
Пусть влажны крылья потрясает
Осенних ветров божество!

Пусть рощи томные немеют
И на дремучих их главах
Тенисты листвия желтеют!
Пусть Гений прясть престал в лугах
Из сочных жилочек цветочек
И роет гробы для семен,
Чтоб по зиме восстал росточек,
Из пестрой ткани соплетен!

Пусть леторасли издыхают,
Сосуды зерен испразднив,
И в обще лоно рассыпают,
Где греется зародыш нив
И года точная основа, –
Где жизнь, – не смерть есть листопад, –
Как мир, что древле силой *Слова*
В стихиях девственных зачат.

Пускай *Церера* воздыхает,
Что светоносный вождь планет
Ея объятья презирает,
Что с ним *Помона* пир дает
В роскошны осени дни позды,
И в ⟨гордой⟩ пышности своей,
Держа в Весах багровы грозды,
Начнет торжествовать над ней!

Но мы весну и в осень срящем,
И новолетье тишины,
Век новый в царстве мы обрящем
И в естестве росток весны. –

Не сам ли вождь планет небесный,
Вступя в *Весы*, вещает нам,
Что суд и милость равновесны
Полночным жизнь дадут странам?

Ты, кою вечно провождает
Неправда, месть, убийство, смерть,
Перед которой содрогает
Вселенная и горня твердь!
Ты, коя, в тучи возлетая
На черных ропотных крылах
И *Стиксово* чело вздымая,
Смерть ближним молит в облаках!

Ты ль средь развалин потускневших
Уснувшей жизни медным сном,
Меж желтых черепов истлевших,
Где ржавеет зарытый гром,
Клянешься вызывать все силы,
Всех адских сих бичей лихих,
Пока биются жизни жилы
И кончат бой у ног твоих?

Клянешься, – шлемом покрываешь
Чело, ископанно в громах,
Клянешься, – и в кохтях шатаешь
Косматый пламенник в зыбях,
И с фурией, – своей подругой, –
Минервы труд ты вержешь вмиг,
Что был вершен времен услугой,
Что в поте перст веков воздвиг.

Твоя ль рука ниспровергает
Число толиких редких чуд,
Где весь *гармония* сбирает
Своей небесной силы труд?

Так, – ты, земного ужас рода,
Луга волшебны скрыла те,
Где девственна еще природа
Хранилась в полной чистоте;

Где *непорочность* неистленна,
Еще блюдя свой цвет прямой,
Еще не бывши уловленна
Искусства сетью золотой, –
Прелестным ковам покорилась
И, в сердце ощутя яд вдруг,
Навеки пояса – лишилась;
О брань! умри – убей свой дух!

Умри! нет воплей с стоном слезным:
Уже куми́р сей ада спит; –
О если б сном уснул железным! –
Он спит; – геенна с ним храпит
Во глубине косматой нивы;
С ним молкнет потушенный гром;
Лишь, мнится, в долах сосны, ивы
И мшистый вздрагивает холм.

От медной *брани* колесницы
Помост по стонам не дрожит;
Она, низвершись близ бойницы,
С нагнутой осию лежит. –
Где *брани* бурной и жестокой
С стопой копытистою конь? –
Лег конь ея к траве глубокой
И тушит ратный свой огонь.

Где бранные доспехи звучны?
На ветвях маслины висят
И искры мещут златолучны? –
Где шлем, где щит ея лежат?

Где копий сноп? – где меч широкий?
Он нивы меряет предел,
На ниве режет след глубокий,
И серп на меч его насел.

Не знать ни вихрей в поле пыльных,
Ни серных облаков густых,
Ни топоту копыт насильных,
Ниже потоков потовых
Поверх хребтов лихой стадницы;
Ни струй кровавых не видать;
Ни смертных свитов из стрельницы,
Ниже хрипений не слыхать.

Сам *Зевс* багреющей десницей
Не мещет в раскаленный свод
Катящихся громов с зарницей. –
Сверкнул; – и вновь средь горних вод,
Превыше небеси висящих,
Со громоносной птицей он,
Свившись во облаках дождящих,
Возник почить на тихий трон.

О тишина благословенна! –
Так при тебе почиет край;
Так усыпляется геенна;
Так веет в край наш сладкий рай. –
Осенне солнце тускло ныне;
Но тщетно, разлиясь, туман
Мрачит его в своей пучине. –
Мне мнится, – дух весны воззван.

В сии часы неоцененны,
Как с нимфой пастырь на лугах,
Свиряя, нежно восхищенный,
В плющевых прыгая венках,

Дни сельски празднует блаженны, –
Полнощи слава, – россов свет
В пределы паки восхищенны
Петрополя теперь течет.

Петрополь! облекися в радость!
Того взыскует торжество,
Взыскует долг, восторга сладость
И благоденства существо. –
Упейся чувствием небесным!
Простри объятья! – се идет!
Спеши! – сретай с лицем прелестным! –
Се Ангел с скипетром грядет!

Грядет Помазанник в сияньи,
Как утро тихия весны,
Которое, исшед в блистаньи,
Среди восточныя страны
Льет розовой своей рукою
Струистый пурпур пред стопой
Иль щедро сыплет за собою
Свой жемчуг в дол и холм крутой.

Се Он во славу облеченный! –
И се Она! – прими ты их,
Как *Авраамов* дом почтенный
Приял в сень Ангелов благих!
Пади лицем – и, умиленный,
Лей ток из радостных очес! –
Се шествуют боготворенны! –
Возникни духом до небес!

А ты, сребристыми власами
Венчанна мать иных градов,
Мастита многими веками,
Но не согбенна от веков!

Ты, что Монархов воздоила
И многих во гробах блюдешь,
Сама средь урн подъемлешь крыла
И в орлей юности цветешь!

Москва! – колико ты блаженна,
Что видела в своих стенах
Царя в порфиру облеченна,
С державой, скипетром в руках?
Ты блеск познала сей не слухом;
Познала полным оком зря. –
К тебе я прелетаю духом,
Да зрю венчаема Царя.

Зрю, – втайне *благодать* святая
Венец возносит – над челом,
В порфиру мышцы облекая,
Творит владыку божеством. –
ЕЛИСАВЕТА разделяет
Богоподобие Царя,
В Нем большу сердца часть вмещает,
В Нем большую часть славы зря.

Царь солнце нам изображает;
Царица, как луна, блестит;
Он Ей свет славы уделяет;
Она сей тихий свет вторит.
Ея особа несравненна
В прекрасных нежных племенах
Лишь в божество непретворенна,
Как бесподобная в женах.

Ея в державе перст водимый
Твоей, Царь, мужеской рукой
Отныне облегчит носимый
Жезл силы царственный Тобой;

Рассыплет розы жизни в поле,
Оливны тени распростет,
Сирот и вдов внимая доле,
Утешит, оградит, спасет.

Тобой *Паллада* и *Астрея*,
И *Муза* вкупе оживут,
И, в дни покоя крылатея,
Все три вернейшу цель найдут. –
Тогда, – как суд *Весы* звенящи
Ниспустит в смутные часы,
Не будут, как листы дрожащи,
В сумненьи заблуждать весы.

Компас – планет соперник правый –
К полнощи клонит путь верней,
Где трон, как полюс величавый
Все силы суши и морей
И души к славе привлекает,
Или, как феб, со всех сторон
Миры подвластны соглашает
Под свой могущества закон.

Гремящи *лиры* строить станут
Всегда согласный свой язык,
И в слух земной планеты грянут,
Сколь *Титов* дух в тебе велик,
Сколь пламенно ты мудрых любишь,
Сколь много ты златых венцов
Прямым достоинством сугубишь,
И зрищь точнейший вес умов.

Воззришь, – и с *правдой суд* небесной,
А *правда с благостью* святой,
В гармоньи сретяся прелестной,
Лобзаться станут меж собой;

Мир снидет, яко дождь идущий,
На тихи шелковы поля,
Или как облак, капли льющий,
Да усырится вся земля;

А *милость,* яко луч приятный,
Что сыплет с утренних небес
В долины свет свой благодатный, –
Из отягченных тьмой очес
Исторгнет каплющие дани
И распрострет тогда свои
К злосчастным сердобольны длани,
Чтоб лить врачебные струи.

Воззришь, – и радостные тоны
Из уст *невинности* простой
Сквозь воздыхания, сквозь стоны
Составят гимн умильный свой;
Признанья слезы сотрясутся
В дань благотворности твоей;
В ланитах розы разовьются,
И сердце заиграет в ней.

Воззришь, – и из долин глубоких
Чело поднимут древеса,
А на хребтах холмов высоких
Откроют нивы чудеса,
Как кедроглавые *Ливаны,*
Что в древности гордясь собой
До облак высились венчанны, –
Умножат плод сторичный свой.
Столь *Титов* дух твой многоплоден,
Что если б чрез предел ступил:
То был бы с током *Волги* сходен. –
Сей *российский* ежегодно *Нил*

Чрез край всю урну выливает
И, усыря разливом вод
Долины дальни, – умножает
Смеющийся с цветами плод.

Почто столь томно солнце ныне,
Что слезное чело его,
Рассыпав по седой пустыне
Луч желтый света своего,
Вдруг паки слабые зеницы
Скрывает в облачный подзор
И, будто кровом плащаницы,
Туманный отирает взор?

Теперь весне подобна *радость*;
Как *майских* рос тончайший ток,
Слезится, – но слеза во сладость;
Иль, как порхливой голубок
Средь гор и долов в май, – порхает.
Так, – блеск, мольба, гром, плесков жар
Небесны своды проницает
И разбивает мглу и пар.

Там в исступлении глубоком
Взирает на тебя *любовь*;
Но зрит еще несытым оком;
Еще в груди пылает кровь;
Здесь *истина* с лицем неложным
Вернейше в перст перо берет,
Да в летопись векам возможным
Тебя, как божество, внесет.

Уже я зрю в лучах *спиральных*
Блестящу царскую зарю;
Разлитые в пределах дальных
Струи лучей повсюду зрю. –

Темнейша Росской часть державы,
Отдвигнутая в даль к морям,
Не смеет скрыть сиянья славы,
Не отсверкнуть не смеет нам.

Когда утесы возвышенны
Сквозь льды лапонские блестят;
Тогда ж сияют оснеженны
Рифей, Кавказ и Арарат;
Когда *Таврически* вершины
И *Днестр* в златом венце горят;
Тогда ж у тихия пучины
Кыхтак и *Афагнак* блестят.

Монарх! – толь лестны для блаженства
Бесценны качества твои,
Толь сильны меры совершенства
И чертежи ума сии
Каких венцов достойны вечных?
Каких достойны даней суть?
Каких курений жертв сердечных? –
Все то лишь ощущает грудь...

Гряди в Петрополь, гость венчанный,
И лей от утра мирных дней
Престольный свет в концы пространны
До западной зари своей! –
Бог чувствам и дыханью внемлет,
Жизнь нравственну твою любя;
Ни уснет ввек, ниже воздремлет
Храняй престол твой и тебя.

ПЕТР начал века круг средь молний;
ЕКАТЕРИНА, круг верша,
Сребрила звенья, блеском полны;
А ты, – душами их дыша, –

Как *Ной*, вступя в век новый мира,
⟨Возможно,⟩ озлатишь его. –
О *Сый*, благослови с эфира
Венец столетия сего!

Доколе катится над нами
Горяще солнце средь колес;
Дотоле трон сей над главами
Под сводом северных небес
Да льет живительно сиянье,
А *мудрость* с *опытом*, как щит,
Как марморное championанье
Твердыню трона сохранит.

Доколь луна сребриста мещет
На здешни горы свет млечной,
Дотоль пусть слава трона блещет;
А *милость* ток прольет златой
И говорящими струями,
Лелея в росских дух сынах,
Проникнет хижины с градами,
И скажет: «Бог земный – Монарх!»

33. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ СТОЛЕТИЯ ОТ ОСНОВАНИЯ ГРАДА СВ. ПЕТРА[1]

МАИЯ 16 ДНЯ 1803

Кто там, подобная деннице
В венце горящем над главой,
В величественной багрянице
Блистает в славе над *Невой*?

---

[1] Известно, что С.Петербург заложен в начале прошлого века, т.е. ⟨1⟩703 года, на таком месте, где по низкой и топкой почве казалось бы невозможным построение столь прекрасного города, каков он ныне.

Столетня юность с красотою,
С улыбкой важность в ней цветет;
В деснице дань она несет
Богоподобному Герою. –
Не призрак ли я зрю теперь?
Нет, – зрю Петрополя я дщерь.

«Сто лет, потомки восхищенны! –
Так дщерь престольна вопиет, –
Сто лет уже, как град священный
Возник из тьмы ничтожной в свет.
И кто? какой сей дух небесный,
Дух приснопамятный в веках,
Одушевя недвижный прах,
Воздвигнул стены столь чудесны?
Нимврод? – *Орфей*? – иль *Озирид*?
Нет, ПЕТР – полночный наш *Алкид*.

О полубог полувселенной,
Живый востока в высоте!
Сойди! – Сойди с горы священной!
Се возрожденный в лепоте
Взывает росс в гремящем лике!
Се дышет он хвалой к тебе
И славу воздает судьбе,
Как первозданный, – в шумном клике!
О тень! – божественная тень!
Да будет свят навек сей день!

В сей день, толико мне желанный,
Праправнук Августейший твой,
Небесным сердцем одаренный,
Екатерины внук драгой,
Предыдя в блеске славы ратной
Потомственным твоим полкам,

Велит торжествовать громам. –
Вдруг гром в полках гремит трикратный;
Вдруг миллионом повторен:
«О *Петр*! – живи! – ты нам священ».

Живя ты в вечности, – в том мире,
Живешь еще и в сих веках;
Ты жив в громах, – жив в тихой лире,
Ты жив в державе, – жив в душах,
Ты в чувствах вечен и негиблем. –
Так памятник твой свеж и юн;
Храм *грома*, – там горит перун;
Храм *славы*, – он вовек незыблем;
Храм мирных *муз*, – тебя он чтит.
Великий! – всё тебя твердит...

Дивятся царства изумленны,
Что столь огромный сей колосс,
На зыбкой персти утвержденный,
Через столетие возрос. –
Вселенной чудо, храм *Дианы*
Для блеска и твердыни сил
Три века с златом поглотил;
А здесь не храм – но град державный,
Престол полмира, через век
На степень доблести востек.

Гордящась чистыми струями,
Препоясующа сей град
Нева, чуждаясь меж стенами,
Мне мнится, хочет течь назад;
Чело зелено воздымая
Из-под волнистых кровов вод
И разверзая влажный свод,
Недоумеет, – взор вращает. –
Вдруг глас раздался волновой,
И гул помчался над водой:

«Как? – Стены предо мною ныне!
Ужель в стенах бегут струи?
Мне кажется, – в иной долине
Пустынны я вела краи. –
Доселе сосна, ель тенисты
Гляделися в моих водах;
Досель теснились в жидкий прах
Граниты стропотны, лесисты,
Где волчий взор в дубраве рдел,
Как огнь в зелену ночь горел.

А ныне там, – где скромно крались
Рыбачьи челны близ брегов,
С бесценным бременем помчались
Отважны сонмища судов. –
Ермий, сей купли вождь, со славой
Развешивая легкий флаг,
Меж полюсами на зыбях
Летит с гордыней величавой,
Летит то с Севера на Юг,
То с Запада в восточный круг.

Досель страшились робки боты
Предать себя речным водам,
А ныне ополченны флоты
С отвагой скачут по морям;
Кипящу бездну рассекают,
Хребет царя морей нагнув,
И, звучны своды вод давнув,
Пучину славой наполняют. –
Но кто виновник их побед? –
Сей *ботик*[1] – их почтенный дед...

---

[1] Сей ботик был выставлен на стопушечном в тот день корабле в воспоминание того, что он первый подал великому Государю великую мысль о флоте за сто лет назад.

Доселе дебри где дремали,
Там убран сад, цветет *Лицей*;
Где мертвенны утесы спали,
Там, из могилы встав своей,
Скудели в зданиях багреют;
Где ил тонул под серым мхом,
Там прянул водомет сребром;
Там куполы в огне краснеют;
Там стогны в мрачну даль идут
Или стражницы твердь секут.

Бессмертный! – кто тебе подобен!
Зевесов иль *Филиппов* сын
С тобой равняться б был удобен
Иль *Цезарь*, римский исполин!
Их памятник – бесчеловечность;
А ты – урок дал естеству; –
Так ты подобен божеству;
Ты пройдешь целу славы вечность,
Подобно как *Нева* меж рек», –
Рек *Невский* Гений и потек.

Так, россы! – зрите ль, что вершины
Надменных гор перед *Петром*
Поникнувши легли в долины
И пали в страхе ниц челом, –
А тамо, где долина крылась,
Возникнул холм, напружа дол,
И холм в блестящу твердь взошол? –
Так точно *гордость* низложилась,
А дар души из тьмы воззван,
Ценен, – возвышен, – осиян.

Се там хранилища закона
В священном ужасе стоят!
Се там *Паллады, Аполлона*
И *муз* святилища блестят,

Где усмирял он древню дикость
И злобу стер, где змий шипел,
Где самый рок он одолел,
Открыл души своей великость
И всё, – едва не всё возмог,
Как полпланеты полубог.

Се *храмина*[1], чертог законов,
Отколе боголепный глас
Решил судьбину миллионов;
Отколе не единый раз
Пылал перун, сопутник славы,
Карал вражду внутри и вне;
Отколь престолам, – царствам, – мне, –
Векам – твердилися уставы!
Се славы колыбель! – о росс!
Чудись, как в славе ты возрос!

О Первый Петр! во всем ты первый;
Хоть кратко факел твой светил,
Но твой праправнук, внук *Минервы,*
В себе его возобновил;
А ты, – ты в климатах безвестных;
Се гроб! – тут спит твой прах;
Тут торжествую – во слезах. –
Ужасна тень! – зри с гор небесных!
Се дань на гроб сердца кладут! –
И благодарны слезы льют!

Но, о премудрый основатель!
Одних ли сих творец ты стен?
Одних ли сих чудес ты здатель?
Народ тобою сотворен;

---

[1] Известный всем домик Петра Великого.

Народ – трофей в трофеях главный!
А ты – России всей творец.
О росс! благословляй венец
Петровых стен столетья славный!» –

Так *дщерь Петрополя* рекла
И жертву с страхом воздала.

Часть вторая

Браноносные и миролюбивые Гении России, или Герои Севера в лаврах и пальмах

Illis campusque forumque
Serviat, hi pacem cruda que bella gerant.

Ovid. Eleg. VIII. V. 57.

Иным то бурная война,
То мирной сени тишина;
Другим судилище иль поле
Назначено в сей жизни долей.

Овид. Элег. VIII. Ст. 57.

34. НА НОВЫЙ ГОД КО ВСТУПАЮЩЕМУ В ПУТЬ ЖИЗНИ И ПОДВИГА

Летит сын вечности пернатый,
Летит на юных крыльях год;
Шумит – и, жребием чреватый,
Рождает в мире оборот;
Вокруг перуны сокровенны
Без треску мчатся не зажженны. –
Так крадется стрегуще время,
Как скромный тать в глубоком мраке!

Там, – в небе он, колеса движа
И меж дрожащих звезд полков
Космату к нам комету ближа,
Что рдела за десять веков,
Знакомит мир сей, тьмой объятой,
С сей дикой странницей брадатой,
Дабы рассеять изумленье. –
Так страшен времени полет!

А здесь – моря переливая,
Сдвигает сушу в перелив,
Иль море в сушу прелагает;
Иль, *Этны* в небесах стопив,
В дожде камнистом их свергает[1];
Иль в безднах молнию пускает,
Велит сверкнуть Зевесу в аде. –
Так своенравен дней полет.

---

[1] Уже писано было в ведомостях о дождях каменных.

Одни престолы выспрь возносит;
Другие вержет в дол глухой;
Одних царей с рабами косит
Неумолимою рукой;
Других он с пастухом рождает,
На лоне счастия качает;
Из *ничего* – выводит *нечто*. –
Так дней могуществен полет!

О! сколь необоримо время?
Сколь мощен всякий новый год?
Имея в чреве зрело бремя,
Родит с великим малый плод.
И ты, – и ты в природе сущей
Дохнул, – стал перстью, слезы пьющей;
Вступил в обитель *искушенья*. –
Толь сильно *время* и *природа*!

Но ты в снотворной колыбели
Ни коловратности небес,
Ни гласа грома, ни свирели,
Ни в бездне воющих чудес,
Ни в царствах ведра, ни ненастья,
Ни диких своенравий счастья
Среди пелен не зрел, – не слышал. –
Вот, каковы тогда минуты!

Теперь – ты все то понимаешь,
Что в море мира восстает;
Страстей движенье ощущаешь,
Как некий странный бег комет;
Как страсть одна другую клонит
И в сердце тьму за тьмою гонит;
Теперь ты в поприще! – путь доброй! –
Но сколь страстей сих мрачно время?

Светает, – там уже светает!..
Смотри на полночь ты со мной! –
Восток на Севере блистает;
Там, – там в заре найдешь покой. –
Пусть семя страсти возникает!
Пусть кровь сей стебель согревает!
Лишь нужен добрый вертоградарь;
И се! – при корени секира!

Ах! – всё ли море поглощает,
Над коим мгла висит, как свод? –
Ужели тьма судьбы зияет
Пожрать с надеждой юный год? –
Еще ль восстанут бури мира? –
Но се! – при корени секира! –
Страшишься ль возраста страстей? –
Душевный *Исполин* – лишь призрак.

Се первый зодчий и строитель
Ходяй, как в суше, среди вод,
Твой пастырь, – вождь, – души учитель
Простер к тебе в сей новый год
Сквозь внутренние вихрей брани
Свои пастушеские длани!
Он твой *восток,* – судьбы властитель;
Дай руку пастырю свою!..

Дай руку! – Ей! сквозь бури мира
Проложишь столь же верный шаг,
С коликим усыпленьем мира
Ступил ты в первый мира праг;
Сколь тихо было в колыбели,
Столь тихо снидешь к общей цели...
К какой же, – храбрый мой сподвижник?
К могиле матерней – и дале...

35. НАДПИСЬ Г. МО⟨РДВИНОВ⟩У

Ступай на твердь честей, любезный *Исполин*!
Закруги не страшись! – Ты *правды* скромный сын.

36. ОБРАЗ ЗИЖДИТЕЛЬНОГО ДУХА[1]

Какое божество в сей дольний мир нисходит
И окрест стран его повсюдный взор обводит? –
Горящий пламенник держа в своих руках,
Он сыплет новый свет в темнеющих местах;
Ничто не кроется; пред светом тьма трепещет;
Все обнажается, когда свет высший блещет. –
И кто виновником толь чудных перемен?
Кто сей, которому мир внемлет, изумлен,
Которого меж звезд потомство помещает
Иль в твердом марморе навек одушевляет?

Вещает *Клия* мне, что это горний дух,
Кого шлют небеса преобразить сей круг. –
Он там творит народ, где пустота велика;
Там сушу с зеленью, где жидь и степь лишь дика;
Там долы жирные, где цепь лишь голых гор. –
Здесь претворяет в *град* иль в *весь* пустынный *бор*,
А там огромные выводит в зыбь кормила,
Где прежде лодия пловцам еще претила
Ступать по *тропикам, круг полдней* рассекать
И в Юг с полуночи через моря скакать. –
Он в малом образе, как *Вышний Всемогущий*,
Который иногда, над тусклой смесью сущи,
В прекрасной стройности из оной мир исторг
И славы Своея устроил в нем чертог.

[1] Сие произведение напечатано было в Собеседнике ⟨1⟩78⟨4⟩ года; ныне поправлено.

Он кроткой шел стезей противу зол ужасных,
Когда правления корабль *славян* злосчастных
Мятежный зев крамол готов был поглотить
И целый Север с ним в глухой ночи сокрыть.
Чрез *старца*[2] мудрого, как счастье преходило,
В *варяжских* витязях он сорудил кормило,
Которо повело корабль в тот тихий путь,
Где древние следы блаженства видны суть. –
Сим духом двигнут был *Владимир* велемочный,
Когда с небес призвал он Веру в край полночный,
Что древле суетной мечтой был обольщен
И пренебесныя надежды был лишен.

Он, вздохам Севера чрез двести лет внимая,
Сломил рога луны, пятой их попирая,
И право, коего росс нагло был лишен,
Он паки возвратил, стряхнув ярмо с рамен.

Он в *Иоанне* был, царе непреборимом,
Тогда, – как он покрыл Восток огнем и дымом. –
Печальна *Волга,* кровь давно крутя врагов,
Уже снесла ее в *Хвалынску* зыбь валов.

Но чей сияет дух средь теней сих спокойных?
Петра, – Петра, кому нет в силе хвал достойных,
В котором чудеса чудесный *дух* явил
И зверобразов всех в людей переродил.
Три шага, – и конце наш *Геркулес* вселенной;
Одной стопой попрать строй *готов* разъяренной,
Другой рога *луны* сжимая обуздать;
Одной рукою скиптр *Сармации* давать,
Другою *галлов* бить на их границах смертно,
И все вдруг, – значит быть в концах вселенной верно.

---

[2] *Гостомысл* – новгородский посадник, старейшина, или сенатор.

Сей дух так действен был, как майско дуновенье,
Что лишь по зимним дням сквозь серо испаренье
И сквозь серебряны дожди сквозить начнет,
Земля во младости из мрака восстает. –
Сей самый дух, зря в тьме блудящий Север льдистый,
Возвысил в дремлющей полуночи свет чистый. –
Грядущий помнит род, что оный новый бог –
Многоочитый бог – творил, творить что мог.

Не сей ли божеский зрим дух в ЕКАТЕРИНЕ,
Что, благоденственным полкругом правя в чине,
Закон дала ему, – в законе дышет мать. –
О если бы к ней смерть не смела приступать! –
Но ежели она возникла в вечный круг,
То в *внуке* дух ея, – в нем божеский сей дух...

Возможно ль, чтоб сей дух исчезнул, мгле подобно? –
Нет, – эхо дел летит в грядущий век удобно. –
Ни современная в том зависть не претит,
Ни будущее зло, – ничто не воспятит,
Как дух сей в поздный род нисходит и гремит. –
Тьмы обаянных душ он тамо собирая
И памятник себе среди их воздвигая,
Живет в восторгах их, хотя б и свергнул прах;
Деянья в бытии, хоть сам он в небесах.
Но что вещать? – Гремят, – гремят средь нас владыки,
Что, в дни свои сверша намеренья велики,
Еще поднесь живут, еще гласят в наш слух,
Коль тот блажен предел, где солнцем светит дух!

37. СЛАВА РОССИЙСКИХ ИРОЕВ с ⟨1⟩787 по ⟨1⟩791 год подвизавшихся на войне[1]

Do their beating breasts demand the strife,
And thirst of glory quells the love of life.

A poet to the Duke of Marlborough

Дрожащи их сердца себя превозмогают
И жаром к вечности жар к жизни погашают.

Песнь герцогу Марлбруху

Вотще *Цибела* воздыхает,
Пред *Марсом* токи слез лия;
Вотще рукой остановляет
Кроваво острие копья,
Моля, чтоб грады спас стенящи
И села, в ужасе дрожащи,
Которых пепел, возносясь,
Давно меж вихрями крутится
И с дымом с вихрями клубится,
Над ними тучей разлиясь.

Он, взор спокойный обращая
На дым и пламя падших стен,
Мечем насмешливо сверкая,
Летит на страшну месть племен;
Задумавшись в тоске немеет,
Пред ним *Цибела* цепенеет,
Что он, мольбы ея не вняв,
Бежит на подвиги кровавы
И мещет взоры величавы,
Над бледным миром длань подъяв.

---

[1] Сия пиеса и две следующие были напечатаны в разные времена; ныне поправлены.

Едину стопу на *Эвксинских*
Бурливых ставит он водах,
Другую в Севере на *Финских*
Под вихрем ропщущих волнах,
Иль – обе тяжко воздымает,
Златую жатву попирает
И топчет тучный злак в лугах,
Где, зря *Церера* след строптивый,
Что бурный бог проторг сквозь нивы,
Звенящий вержет серп в браздах.

За ним *Ирои* меж смертями,
Как пчел рои меж роз летят,
Мечьми махая, как серпами,
К ужасной жатве все спешат;
Их вопль те песни оглушает,
Что жнец на ниве воспевает;
Их быстро бурный конь бежит
И топчет ниву позлащенну,
Что, преклоня главу смятенну,
Дрожит от топоту копыт.

Каких я воев ратоборных
Вблизи *Очаковских* зрю стен?
Как смело на *срацин* упорных
Несут перуны меж рамен?
Свирепость мразов забывая,
Но пламень в сердце соблюдая,
Сжимают алчной смерти зев,
Перуном косу растопляют,
К стенам по трупам возникают,
Являя в серных вихрях гнев.

Там зрится мне душею воев
Привыкший к молниям *Репнин*;
Как *Марс*, ристает средь Ироев,
Не содрогаяся стремнин;

С ним *Меллер* грозны громы мещет,
Как *Зевс* во мрачных тучах блещет;
Всех прежде к верху стен градских
Волхонский с *Горичем* взлетают
И смерть всех прежде обнимают,
Что на стенах сретала их.

Где *Сакен*? – *Сакен* благородный,
Что, меж злокозненных врагов
Избравши в смерти путь свободный,
Трофей возвысил средь валов?
Считая смертью жизнь в неволе,
А смерть сочтя бессмертьем боле,
Сам мещет огнь в громовый прах;
Лишь розовый перун вспыхает,
Он в вихре пламенном взлетает,
Сретает славу в небесах.

Уже и *Витязь* величавый[1],
От западных внимая стран
Отзывам полуночной славы
И ими быв очарован,
К водам *Эвксинским* поспешает,
По росской чести поборает
И, северный перун прияв,
Суда *срацински* низлагает,
То в плен влечет, то сожигает,
На твердь дымящусь их взорвав.

Кого там черный дым скрывает,
Пред коим смерть сама дрожит,
Пред коим выть позабывает
Стенящий во слезах *Коцит*? –
Се тот, что *Кинбурн* ограждает

---

[1] Принц *Нассау-Зиген*.

И ковы *Порты* разрушает! –
Се тот, что *Рымны* берега
С кровавым долом уравняя
И в казнь железо претворяя,
Вращает ниц *луны* рога[2].

Как *Зевс*, перуны изгибает
Среди бледнеющих *срацин*,
Как вихрь пыль легку, развевает
Он их средь дебрей и равнин;
Хотя под громом отдыхает,
Но казнь еще приготовляет. –
Так лев и тигр по битве злой
Друг против друга разъяренны
Лежат, расшедшись утомленны,
И паки возжигают бой.

Уже круг пламенный катился
Обонпол дремлющей земли;
Гассан на длинну тень валился[3],
От россов крояся в дали;
Вотще *Коран* он ублажает,
Вотще *Пророка* возвышает
И помощи от *Мекки* ждет;
Все суетно; – *Гассан* немеет,
Скрежещет, – рвется, – свирепеет
И в злобе дерн сырой грызет.

В *бурливу Рымну* погруженны
Несутся трупы на конях,
Чалмы, с зловерных глав сраженны,
Клубятся на крутых зыбях;

---

[2] На щите, или гербе князя *Италийского* графа *Суворова-Рымникского* представляется между прочими луна, обращенная рогами книзу.

[3] *Гассан*-паша, турецкий *визирь*.

Верблюды под ярмом стенают,
Со всадниками погрязают,
В пучине бурной, бьясь стократ. –
Феб зрит трофей, – и величаво
Склоняет он чело кроваво
За рдеющий вселенной скат.

38. ЗАВОЕВАНИЕ ОЧАКОВА И БЕССАРАБИИ

Не от полудни ль тучи рдяны
Поверх *Эвксинских* вод летят?
Не грозны ль молнии багряны
С ужасным блеском в них гремят? –
Но в тучах гром орлы внимают,
Превыше облак возлетают,
И против стрел сих роковых,
Что с треском в воздухе скакали
И им смертями угрожали,
Свой двигли гром в кохтях своих.

Сколь часто *россы* низлагали
Агари дерзостных сынов?
Сколь часто в бездну их свергали
С *Эвксинских* страшных берегов?
Сколь часто флоты их смятенны,
От серна праха воспаленны,
Превращены все были в прах,
Которым бурный ветр играя
И дики свисты испуская,
Давно развеял на зыбях.

Ни мраз, ниже борей шумящий
Не силен *россов* охладить;
Их твердый дух, их дух горящий
Велит в стенах врагу отмстить;

Ирои не в снегах, на рати
Готовы лучше смерть вкушати;
Подвигнув громы средь колес
Они стремнины презирают,
К стенам *Очакова* ступают,
Неся с собой железный лес.

Пред ранними еще часами,
Как мир во сне был погружен,
Очаков росскими громами
Был в робком страхе поражен;
Очаков стон пустил безмерной;
Раздался стон в пучине черной,
Где чуды в диких снах своих,
Громовым треском возбужденны,
Верхи зря моря освещенны,
Подъялись к кровам волн седых.

Тогда зажженный прахом серным
Сей град дым серый издыхал,
Что, вьясь меж башен клубом черным,
Как туча, город покрывал;
Там стены лишь одне белеют,
От ясной молнии бледнеют;
Там *смерть* в дыму с своей косой
Ристает, алчный зев имея,
И с ней *Мегера*, свирепея,
Бежит и зыблет факел свой.

Чрез косу смерти скачут вои,
Вращая в пепел всё и тлен;
Летят крылатые Ирои
На крутизну гремящих стен;
Надежда и судьба теснятся
И рядом с воями стремятся. –
Среди расседшихся громад,

Средь серных туч, дождей свинцовых
По выям *агарян* суровых
Ступают *россы* в гордый град.

Прешла царица звезд, бледнея;
И солнце меж колес златых,
Эфиром чистым пламенея,
Верхи открыло стен градских. –
Тогда томяся град злосчастный
И вздох пуская в час ужасный,
К отважным *россиян* стопам
Чело печально повергает
И томный глас к ним простирает,
Дабы простить его сынам.

Объемля россы град покорной,
Который в гордости не мнил,
Чтоб верх чалмы своей упорной
Пред сильным Севером склонил,
Чалму с главы его снимают
И шлем *Паллады* надевают. –
Тогда, шум брани прекратя,
Богиню мудру призывают
И к ней в восторге возглашают,
К полнощи взоры обратя:

«О дщерь, *Юпитером* рожденна! –
Се меч кровавый твой лежит,
И жертва с ним лежит сраженна!
Се твой неразрушимый щит! –
Еще эгид не повредился,
И меч еще не притупился;
Но мы, сей страшный щит сокрыв
И меч вложив окровавленный,
Почием мало утомленны,
Всегда готовы к брани быв!

Когда сии толпы строптивы
Еще воздвигнут бурну брань
И, надымая дух кичливый
Еще прострут коварну длань,
Богиня! – будь присущна с славой! –
Имев твой щит и меч кровавой,
Луну фракийскую пронзим. –
Час бьет; – *Олимп* наклоним,
За *Истр*[1] громову мглу пригоним
И *Византию* сокрушим».

39. ПОБЕДЫ В БЕЛЬТЕ И ФИНЛЯНДИИ

Как? – может ли тот вождь *Ироев*,
Грядущих тот кумир времен,
Князь волн, – морских дух боев,
К бессмертным быть не сопричтен?[2] –
Тот, что седины забывает,
И гордость *готов* низлагает? –
Увы! – уснул глубоко – он...
Но что? – с трофея в гроб вступает,
На вечных лаврах засыпает;
Его Европа внемлет стон...

Какой еще там старец важной
Спешит за ним по бездне вслед? –
Не тот ли, кто стезей отважной
Великих осьмь пучин прошед,
Проникнул смело непроездны
Всех дале ледовиты бездны?[3] –

---

[1] *Истр* – древнее наименование *Дуная.*
[2] Покойный *Грейг*, российский адмирал.
[3] *Г. Чичагов*, другой российский адмирал. Давно уведомляют, что он, ехав к арктическому полюсу, был уже под 84 градусом.

Он, сохраня в сединах жар
И опытом блистая строгим,
За брань возженну златом многим
С мышц вержет мстительный удар.

Морские хитро строя громы
Среди *готландских* он валов,
На крылиях орла несомый
Разит скрежещущих врагов,
Которые, недоумея,
Бегут пред *россом*, цепенея;
Но *гот* лишь меч еще воздвиг,
Он, дерзостных врагов постигнув,
Морские громы все подвигнув
По Бельту *рассыпает* их.

Перед вселенной постыжденный
Вблизи *эстонских* берегов,
Гот правил парус напыщенный
Котлинских испытать валов;
Но там он *Крюйза* обретает
И нову смерть себе сретает. –
Сей *Крюйз*, – как каменный утес,
Смеясь валам внизу пенистым,
Разит валы хребтом кремнистым,
Взвивая брызги до небес.

Вотще туман их защищает
И тайный путь дает судам;
Вотще *гот* ветрила вверяет
Неверным воздуха парам;
Дрожат их, обуяв, тристаты,
В заливе Выборгском прижаты. –
Там он троякой смерти ждал
И умолял Борея боле;
Борей приспел; – что медлить доле? –
И *гот* пол-флота потерял.

Не тщетно ли *Плутус фракийский*
Налоги тяжки обложил
На *Африку,* страны *Азийски,*
Чтоб дождь златый с туч южных лил
И поливал поля вечерни,
Чтоб вывесть лавры вместо терний?
Ах! – всуе *готов* богатит,
Дабы, на *россов* шед войною,
Давили тягостью двойною. –
Дрогнет ли с Богом наш *Алкид*?

Чему еще враги чудятся
Среди лесистых Финских гор? –
Денисова низринуть льстятся,
Но страшный чувствуют отпор. -
Лукавы вымышляют ковы,
Чтоб в плен увлечь его суровый,
И тучу пуль пускают вдруг;
Он, свист и цель их презирая
И их удары предваряя,
Телами *готов* кроет луг.

Так торжествует брань кровава
Носясь по *Бельтским* зеркалам;
Так пламенеет в храме слава
По *Финским* реюща скалам. –
Алкид наш по трофеям скачет,
А *готский* зверь в ущельях плачет.
Но, о *Зевесов* славный сын,
Питомец мудрости! – Доколе
Зияет смерть в волнах и в поле! –
Смири! – Да будет мир един!

40. МИР СО ШВЕДАМИ
1790 года августа 3 дня

Постой! – Довольно в ратном поле
Гремел ты звуками желез;
Теперь умолкни на престоле!
Усни! – Сокрой огонь очес
И верзи пламенник злосчастный,
О *Марс,* земным странам ужасный! –
Я петь не буду крови ток,
Дымящись грады, граждан бедность,
Их членов трепет, лиц их бледность
И гаснущих дней грозный рок.

Давно слезящая *Цибела,*
Колена робки преклонив,
Моление к тебе имела,
Дабы, те слезы ощутив
И погасив перун горящий,
Семейства пощадил стенящи,
Где мать в унынии сидит,
Вопя над детскими костями;
Где бледная вдова слезами
Супружний в ранах труп кропит.

Когда довольно утучнился
Твой алчный меч в крови врагов;
Когда довольно утомился
От бранных твой эгид трудов;
Еще ль меча ты не влагаешь
И серп от жатвы похищаешь? –
Нет; само небо не гремит;
Но мнится, – паче сожалеет,
Что юношей число скудеет,
Что редко на земли их зрит.

Смотри! – владетель морь, летая
Среди коралловых колес,
Стремнины влажны озирая,
Зрит дымных мачт повсюду лес;
Зрит ветры всюду разъяренны
И волны, ветрами смятенны;
Он, хмуря свой лазорный взор,
Трезубцом бури прогоняет,
Морщины моря расправляет,
Кропит пенистых ропот гор.

Сварливый самый враг не сносит
Твоих пылающих зениц;
У храбрых *россов* мира просит,
Потупившись пред светом ниц;
Мечу и силе их дивится,
Глубоких ран своих стыдится
И, доли не стерпя своей,
Дверь *Янусову* затворяет
И тяжкий створ едва сдвигает
На крюках, покровенных ржей.

Где мысли, *гот,* твои кичливы,
Чтоб в спорной доблести успеть? –
Когда надежды несчастливы,
Забудь победами шуметь! –
Судеб прещеньем устрашенный
И слез струями орошенный,
Лобзай благотворящу длань
Богини той победоносной,
Против которой ты, поносной,
Воздвигнул святотатску брань!

Когда гремяще поле ратно,
Где жатва для меча растет,
Тебе явилось неприятно,
Что дождь златый туда нейдет,

Что дождь златый из туч *фракийских,*
Из дальних климатов *азийских*
При *Бельте* лавров не кропит,
Да минет ввек твой дождь свинцовый!
Да минет облак с ним громовый! –
За то наш мстил тебе *Алкид.*

Ты, вынудить отчаяваясь
Сребро чрез лесть из тучных стран
И за утесы удаляясь,
Вздыхаешь от постыдных ран! –
Там братий трупы зришь сраженны,
В ручьях кровавых погруженны! –
Здесь сил морских ты зришь урон,
Остатки коих в *Бельте* яром
Российским загнаны ударом
На робких ветрилах в *Карлскрон.*

Усни, о буря ополченна!
Усни средь дебрей и пещер!
Се в блеск *Ирида* облеченна,
Нисшед сквозь дождь от ясных сфер,
Над *Финскими* двумя холмами
Став седьмицветными стопами,
Вещает: «*Россы! мир даю!*» –
Вдруг россы: «*мир, мир*», – повторяют,
Угрюмых бурь не ожидают,
Тушат горящу месть свою.

Сколь часто в бурны дни ходила
Красавица в тоске к брегам,
Где мужа в шлеме проводила
На произвол седым волнам? –
Но лишь *Ириду* усмотрела,
Тогда от радости немела,

Что с лавром к ней супруг летит
И, нежно сжав ее руками, –
Спешит ей пышными словами
Врагов трусливость изъяснить.

Минули те минуты мрачны,
Как лютая грозилась смерть
Широко зев раздвинуть алчный
И разом *россов* всех пожерть;
Уже в полях труба немеет
И к смерти звать уже не смеет;
Лишь нежная свирель зовет
В леса тенисты и прохладны
Внимать пастушек глас отрадный
И мирный песней их предмет.

Не рыщут в нивах кони бранны,
Не топчут топотом копыт
Полей златых дары венчанны,
Над коими Церера бдит. –
Их шуму кроткий жнец не внемля,
Из рук богини серп приемля,
В зеленыя бразды идет,
Где мозг и кровь от убиенных
Местясь в колосьях позлащенных
Тучнейшей влагою течет

Спешите, воины, спешите
Из-за вечерних островов!
Мечи в серпы преобразите!
Вас ждет венок и дар лугов;
Но прежде в храм летите славы,
Где, свой сложа перун кровавый,
Что *готские* суда потряс
И их нанес удар гордыне, –
Божественной ЕКАТЕРИНЕ
Торжественный возвысьте глас!

41. КОНЕЦ ВОЙНЫ ПРИ ДУНАЕ[1]

Нет тучи; – зрелище преходит;
Над бурным Бельтом гром молчит;
Сквозь тучи *мир* дугу выводит,
И дождь железный не шумит. –
Дождь не шумит, – а гром внимаю! –
Где ж гром? – Подвигся он к *Дунаю*;
О если б я перуном мог
Изобразить перуны южны,
Щиты *срацинские* недужны
И раздробленный лунный рог!

Расступишься ль, *Дунай* смущенный,
Чтоб *россы* по твоим волнам
Пришли, мечами ополченны,
Пожать мечами лавры там!
Се ружей ржуща роща мчится! –
Измаил дрогнет, – твердь мрачится. –
На огненных мечей концах
Дрожащий свет перуна блещет,
И вторократно он трепещет,
Отсверкивая на стенах.

Там *стимфалиды*, возлетая,
Носами медными ревут
И, в кольцах дым из них рыгая,
Луны рога на башнях рвут;
Валятся кровью окропленны
Полмесяцы, оттоль сраженны,
И средь багровых стогн лежат,
Попранны бурными стопами. –
Но, ах! – кто пал там пред стенами?
Давно лишенный *Меллер* чад.

---

[1] Сия пиеса и последующие за нею две изданы были в свет особо. Теперь поправлены.

О племя, доблестью блестяще
При праге золотом небес
И ратны стрелы долу зряще,
Как малый искрометный лес! –
Ты рано в вечность возлетело
И града жребия не зрело;
Се град, пыша гееннским ртом,
Твердыней дикой оградяся,
Пред россом лег, в крови бияся
Изрытым молнией челом!

Довольно, – муза распаленна! –
В пределах молний, где парит
И трубит слава воскрыленна,
И громом гром своим вторит,
Доколь багровые туманы
Покров спускали в *Юге* рдяный,
Ты изумляла нас трубой;
Мы слышали то звуки славы,
То брани громы величавы,
То яркий глас иройский твой.

Когда теперь ты столь блаженна,
Что на челе Рифейских гор
Сидишь и зришь не возмущенна
Перунов долу бранных спор,
Играющих пред очесами
Кривыми под стопой стрелами,
Сама же пьешь ты солнца блеск
И над собой зришь твердь спокойну;
Прими в десницу *арфу* стройну!
Смягчи сей песнью молний треск!

«О ты, *Юноною* рожденный
В железных мира временах,
В ужасны громы оболченный,
Носящий смерть на раменах! –

Твое дыханье бурно рдеет
И пылким вихрем свирепеет
В полдневных дальних облаках;
Твоею бурей вдохновенный
Сын смерти, смертью ополченный,
В стремнинах реет и волнах.

Но зришь ли, что, перед тобою
Колена робки преклонив,
Земля, терзаема войною[1],
Вздыхает, кровь с слезой излив? –
Ея чело судьбу являет;
Венец скудельный гром сражает;
Зеленой ризы красоты,
Покрыты бледностию, вянут
И, мнится, – вечно не восстанут;
Кто сих премен виною? – Ты.

Так, – правым ты огнем волнуешь
Средь льдистых гор горящий дух;
Ты громом их препоясуешь,
Да двигнут горделивый *Юг*,
Смеясь судьбы стрелам грозящим,
Смеясь смертям, в дыму парящим. –
Но, о строптиво божество,
Тронись *Цибелы* ты мольбами!
Тронися слез ея словами!
Щади дрожаще естество!»

---

[1] Баснословы представляют обыкновенно *Землю* в виде богини под именем Цибелы; и потому земля здесь приемлется в лице.

42. ПОБЕДНАЯ ПЕСНЬ 1793 ГОДА

T's time shearth the sword and spare mankind.
Пора сокрыть мечи и смертных пощадить.
Аддисон

Вложи свой страшный меч блестящий
Во опустевшие ножны!
Увей оливой гром разящий
Среди пылающей войны!
Сокрой на веки щит свирепый
Среди расселин диких гор,
Сокрой во хладные вертепы
Сверкающий свой быстрый взор
И ввек оттоль багряной длани
Не износи, – о ангел брани!

Коль ратно поле ты мятежно
В кладбище слезно превращал
И кости воинов небрежно
Под мшистым дерном разметал;
Коль претворял Дунай стенящий
Во слезоструйный *Ахеронт*
И вздохами в *Коцит* шумящий
Преобращал ты черный понт,
Ужели ты не утолился
И кровию не упоился?

Зри! – сколько там бугров плачевных
В полях возникло пред тобой,
Где средь тоски и мук душевных
Печаль, томимая судьбой,
Покровом бледным осененна,
Скитается, как томна тень,
И где вдовица огорченна,
Ходя по дернам в знойный день
Иль при лучах луны дрожащих,
Костей супружних ищет спящих.

Там всюду плевел безполезной
На место класов израстал,
Где в колеснице ты железной
Средь жирных нив ни пролетал. –
Страшилище! – где ни касался
Ты бурною стопой своей;
Во мрачный гроб преобращался
Там твой торжественный трофей,
Трофей, из трупов соруженный,
Слезами сирых омовенный.

Ах! – Кто же гроб в трофей вменяет
И учит *парок* прясти нить?
Пред кем *Коцит* позабывает
В своей стенящей урне выть;
И кто, *Харону* издеваясь,
Омытой в *Стиксов* струй пятой
Безвредно топчет, осклабляясь,
Враждебных трупов холм крутой? –
Когда на россов взор возводим,
В нем торжество себе находим.

Он острием по праву блещет,
Когда *Палладой* к мести зван;
Он молнию по праву мещет
Карать перуном *агарян*,
Которых счастьем обольщая,
Гордящийся *Юсуф*[1] спешит
Перелететь валы *Дуная*,
Чтоб наш удар предускорить;
Репнин путь ранее приемлет,
Смеется ветрам – и не дремлет.

[1] Тогдашний *турецкий визирь.*

Средь нощи, теньми покровенной,
Где бледный месяц погружал
Чело сребристо в мрак сгущенной,
По стропотным стезям летал
На крыльях молнии подъятой
Между Ироями *Репнин*
И, славой быв внушен пернатой,
Достиг ужасных тех стремнин,
Где слышны клики сопротивных
И топот их коней строптивных.

Пускай гиганты возлагают
На холмы сто иных холмов!
Пускай, прельщенны, забывают
Небесных мщение громов! –
Зевес блестит с высот священных,
Палящий зыбля молний сноп,
И из утесов растопленных
Чрез грозный гром им строит гроб. –
Так всякой *росс срацин* карает;
Так с гор гигантов сих свергает.

Там внемлю ядер свист в стремнинах;
Там дымны зрю столпы в полках;
Там вьются молнии в вершинах
Во искривленных полосах;
Там мещутся не с опрометом
С вершин драконы на орлов;
С лукавым и живым полетом
Стремясь гремят с крутых холмов;
Но року быв порабощенны,
Возмогут ли стоять сраженны?

Возмогут ли превысить лживы
Мечты сновидящей луны
Чертеж Ироя, ум счастливый
И дух особый средь войны? –

Вотще толпа врагов гнездится
В колеблющихся тростниках:
Свинец российский с свистом мчится,
Жужжит в дрожащих камышах,
Он, глав ища, камыш взрывает
И *турков*, как камыш, сражает.

Тьмы *турков*, молнией гонимы,
Бегут, теснясь, и мещут меч;
На крыльях ужаса носимы,
За *Гирсов* ломятся утечь;
Брат солнца[1] всуе уповает
Рабов судьбы остановить;
Он, сам быв рока раб, не знает
Надежды с роком съединить;
А наш Ирой превыше рока
Попрал полмесяц и пророка.

Но если пять крат облекалась
Земля в весенние цветы
И кровью пять крат обагрялась,
Лишась блестящей красоты,
Колико пало под мечами
Отважных юношей число?
Колико верных меж врагами
Под громом в страшный гроб сошло?
Увы! – трепещет слезна лира! –
О сниди, *мир*, блаженство мира!

[1] *Турецкий султан.*

43. ПОЛНОЕ ТОРЖЕСТВО МИРА
того же года

Безмолвны тени, осиянны
Превыше сфер на небесах,
Бессмертным лавром увенчанны
За пролиянну кровь в полях! –
Ужа над вашими гробами
Паряща слава на зыбях
Покрыла звучными крылами
Почиющий ваш в мире прах;
Природа прах почтит слезою;
Но мужество – почтит хвалою.

Вы рано к тверди удалились
От соподвижников своих
И долу здесь не насладились
Воззванным миром между их;
Но снидьте, тени присносущны!
Вы снидьте к ним во облаках
И, ныне быв им соприсущны,
Приближьтесь с арфами в руках!
Воспойте с ними мир бесценный! –
Се ныне бог уснул военный!

Уснул сей дышущий смертями
На мягком лоне *Девы* той[1],
Что чреватеет меж полями
Осенней жатвою златой;
Уснул он в те ж часы блаженны
И скрыл чело в густых снопах,
Как *готы* мир блюсти священный
На западных клялись брегах;
Но око он одно смыкая,
Другим взирал на край *Дуная*.

[1] Под сим *Зодиаком* прекращалась война.

Бог бурный спит; – и *мир*, проснувшись,
Грядет на радужный свой трон;
Пред ним гром бледный, изогнувшись,
Летит, и следом слышен стон;
Ревуща туча умолкает;
Ирида, в тверди веселясь,
Чело его дугой венчает;
Тут *нимф* поющих слышен глас;
Сам *Зевс с Олимпа* приникает,
На мир, осклабяся, взирает.

Косматый не виется пламень
По распадающим стенам,
И в башнях не чернеет камень,
От молний опаленный там;
Нигде грозы не видно бранной;
Лишь тихие часы теперь,
Низвед покой от сна воззванной,
Смыкают с треском *Яна* дверь;
Скрыпит, сдвигаясь в диких звуках,
Упругий створ на ржавых крюках.

Он спит; – *Дамон* уже не внемлет,
Что стонет гром обон-пол гор;
Но, седши в луг, свирель приемлет;
На *нимфу* кинув нежный взор,
Дамон свирелит, – не страшася,
Чтоб молнией гонимый враг
Вздымал, в ужасных стогнах мчася,
Столбами под собою прах;
Но зрит одних жнецов с серпами
Между шумящими снопами.

Он спит; – Церера не вздыхает,
Что пламенною он стопой
Средь нив путь рдяный пролагает
И рушит на полях покой;

Она зовет к себе Морфея,
Дабы он бога усыплял
И, средь пушистых недр лелея,
Его сном вечным обуздал,
Да паки сын ея[1] тучнеет
И в злате больше не скудеет.

О если б к счастью было можно,
Чтоб бурный бог сей вечно спал!
В сем мире мир бы непреложно
Престол алмазный основал;
Но он, бессмертен пребывая,
Алкает крови ввек племен
И часто, сон перерывая,
Изъемлет меч свой из ножен,
Да уснет *Марс* с своей гордыней
Пред северной сердец богиней!

44. ЧЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЮ ЗА ДУНАЕМ ПРИ МАЧИНЕ
к⟨нязю⟩ Н⟨иколаю⟩ В⟨асильевичу⟩ Репнину

Sic itur ad astra. –
Так к небесам парит.

Где краски? – где та кисть, чтоб начертать
счастливо
В картине пламенну, бурливу, шумну рать? –
Где то перо, чтоб я тебя, *Репнин*, мог живо
В дымящихся полях, как *Марса*, описать?

О если бы преобратилось
В пернат перун – перо сие! –
О если б в молнию прелилось
Горяще чувствие мое!

[1] *Плутус*, бог изобилия и богатства.

Я знаю, – скромный дух ниже имен надменных,
Ни хвал от чуждых уст не ищет напыщенных;
Но самым тем велик, – велик в самом себе;
Я знаю; – и могу ль дать больший блеск тебе?

Где свой есть сонм доброт блестящий;
Там кисть была б всегда слабей. –
Дозволь, чтоб я полет дрожащий
Простер за славой в след твоей!

Когда над ратными полями облак черный
Перуны извергал и клубом вил дым серный;
Где вызывал на прю *Мессию Лжепророк*
И чаял превозмочь насильно сильный рок,

Не ты ль под грозными громами
На шумных крылиях парил?
Под резким треском, под стрелами
Не ты ль *Исмаила* сразил?

Когда чревата *смерть* метальными плодами
Из строя рыщет в строй гигантскими стопами
И, воев низложа несчетный в долах сонм,
Стремится наметать из трупов в поле холм,

Не там ли *смерть* вострепетала
Пред страшный щит твой приступить?
Не тщетно ль там косой блистала,
Чтоб острый меч твой притупить?

Не ты ли при брегах летя *лиманских* к граду
С сынами молнии чрез рвы, через преграду,
Кровавую *луну* с крутых *полден* сломил,
Сломил и лук, и щит, град гордый низложил?

Ах! – можно ль скрыть ту мысль правдиву,
Что там, как молния, твой меч
Проник *геену душ* строптиву,
Узлы *змия* успел рассечь?

Не ты ли *росский* гром над роком возвышая
Создал себе *трофей* по ту страну *Дуная*,
Вселив великий страх среди фракийских стран,
Разбив несметны тьмы сварливых агарян?

Еще в смятеньи цепенеет,
Ударом огромлен, *Мачин*;
Еще *Дунайский* брег бледнеет
От молнии твоей, *Репнин*!

Возможно ль описать? – возможно ль все представить? –
Быть должно *Репниным*, чтоб *Репнина* прославить;
Чтоб изъяснить, сколь он в трудах неутомим,
В коликих ужасах ужасен, нерушим!

Когда *Германия* радеет
Тебя столетиям предать,
Моя ли слаба кисть успеет
Тебя, *Репнин*, изображать?

Когда *сармат* и *скиф, фракианин* бурливый,
И вольнодумный *галл, британец* горделивый, –
Европа воздала тебе всю должну честь
И имя в летопись твое потщилась внесть,

Могу ль, имев толь робки крилы,
В хвале вселенну превышать?
Имевши муравьины силы,
Могу ль в *соколий* след дерзать?

Я лишь скажу, что ты рок самый превышаешь
И многозвездных стран уже ты достигаешь;
Верь! – быстро воспаришь на пылких крыльях муз,
Доколе с бреньем дух блюдет еще союз;

А если смерть бесчеловечна
Тебя отъемлет от живых,
Верь! – мирный гроб твой слава вечна
Покроет тенью крил своих.

45. ЛАВР РОССИЙСКОГО АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА
при славном отражении шведского флота маия 2 дня 1790 года[1]

Румяны *Близнецы*, блистая,
Целебный низливают *май*,
С землею небо примиряя,
На землю с неба сводят рай. –
Везде *природа* торжествует;
Везде с улыбкою ликует;
Любовь, обнявшись нежно с ней,
Венчанна розой выступает,
Трояким царством обладает –
Эфиром, морем и землей.

Там резвятся меж облаками
Зефиры тихо меж собой;
А здесь меж мшистыми холмами
Струя сливается с другой;
Там гибкий древо плющ объемлет,
И жизнь в его тени приемлет;
Здесь *Дафнис*, пламенем горя,
Прелестну нимфу лобызает;
Все, – все любви закон внимает –
Земля и небо и моря.

[1] Сии стихи особо напечатаны были добровольным иждивением Его Пр⟨евосходительства⟩ Ив⟨ана⟩ Ив⟨ановича⟩ Ш⟨увало⟩ва. Ныне с переменами издаются.

Но что за буря возмущает
Любви роскошно торжество? –
С брегов вечерних вылетает
На шумных крыльях божество;
Там *готы* тайно примечают,
Что им бореи поборают;
Эстонский флот алкая стерть,
Надувши ветрила, несутся;
Лишь волны с стоном, пенясь, бьются;
Предыдут им и страх и смерть.

Рекли: «Еще ль орел двуглавый
Отважных львов дерзнет терзать?
Еще ль потомки их кровавы
Его не могут упитать?
Пойдем! – Пренебрежем судьбину!
Дадим удар в главу едину!
Трикратный мы удар дадим! –
Когда же тако ополчимся,
Сию главу сломить потщимся,
Легко другую раздробим!

О други! – верьте, что *сарматы*
Противу наших сих судов
Имеют меньше флот в трикраты
Вблизи *эстонских* берегов;
И сколько мал числом он зрится,
Столь к бою не готов стремится. –
Лишь сей рассеем иль сожжем,
Другой сразим, как прах смятенный;
Пойдем, как львы воспламененны!
Густава имя вознесем!»

План хитр; – но, *готы*, берегитесь,
Дабы мечтою не был он! –
Коль все за вас, – скорей стремитесь
Прелестный оправдать свой сон!

Стремитеся, враги строптивы,
Исполнить замыслы кичливы!
Вы *россов* можете карать,
Отпору слабому смеяся
И превозмочь числом их тщася,
Спешите жребий испытать!

Вдруг *готски* львы, рыкнув, скакнули,
Из медных жерл рыгая смерть;
И страшно челюсти зевнули,
Чтоб *россов* вдруг могли пожерть;
Орлы *российски* не страшатся,
Что Исполины к ним валятся,
Наводят свой перун на них;
Сам *Зевс* в то время изумился,
Что смертный в бога претворился,
Бросая гром из рук своих.

Тогда день *майский* потемнился,
И смрадный жупел над водой,
Как сизо облако, клубился,
Как гром меж тьмой сражал другой;
Железный с свистом град пустился,
Кровавый дождь в судах разлился;
Там эхо в грозный час одно
Ответом громким оглушало
И полчища морских чуд гнало
В песчаное пучины дно.

Ничто *россиянам* не вредно;
Ни ветр, противный грому их,
Ни их число судов, столь бедно,
Не препинало действ морских;
Пускай не верят горделивы,
Чтоб *россы* были прозорливы! –

Но *тиряне* ль одни в волнах
Зелены лавры похищают?
Иль меньше *россы* созидают
Себе трофеев на валах?

Возможно ль, чтоб, тройной бросая
Тогда на наш удар один,
Упал к ногам, от ран вздыхая,
Иноплеменный Исполин?[1] –
Как? – *готы* при вернейшем плане
В постыдном должны быть обмане? –
Льзя ль верить? – Но, хитрец! – познай,
Как *росска* молния блистает,
В каких излучинах сверкает,
И их по ранам измеряй!

Смотри! – се тень встает блаженна,
Сокрыв – в приморской урне прах,
Успехом *россов* оживленна,
Усмешку кажет на устах! –
Чья, *готы*, тень сия летает?
Кто сей главою помавает? –
Не вас ли бил доселе *он*?[2] –
Но тень довольна, – тень светлеет...
Пусть урна персть ея лелеет! –
Не смейте больше рушить сон!

Тогда суда их побежали
За славой ропотной вослед;
На дряхлых ветрилах умчали
За *Вульф* недужный свой хребет,

[1] *Принц-Карл*, так называемый *шведский* корабль о 64 пушках, тогда взятый в плен.

[2] *Г. Грейг*, бывший славный *российский* адмирал, который после победы над шведами 1788 года скончался и погребен в *Ревеле*.

Не о победе ликовствуя,
Лишь ветр попутный торжествуя,
Что, с *южных* вылетевши стран,
Стыд гордых *готов* прохлаждает
И с грустным шумом провождает
Целить болезнь их скорбных ран.

Угрюмая гроза престала;
И серна туча над водой,
В последний раз свившись, пропала;
Нигде не видно мглы густой;
Лишь чисты небеса яснеют,
В прозрачной глубине синеют,
И паки *майский* день цветет;
Меча крестьянин не пугаясь,
Еще на плуг свой опираясь,
Бразды по ниве вдоль ведет.

Зеленовласые *наяды*,
Не грозный слыша рев громов,
Но песнь победы и отрады,
Смеются *готам* меж валов;
К заливам тихим приплывают
И в дружном лике восклицают:
«Доколе будет лавр венчать
Твои седины драгоценны,
Тебя мы, – *Чичагов* почтенный, –
Немолчно будем величать.

Мы чаем, – враг еще воздвигнет
В пучине мачт ужасный лес;
Но *бог морей* его постигнет
С тобой средь сребряных колес;
И *Тубалкаин*[1], в *Этне* рдея,

[1] То же, что Вулкан; но так называться может правильнее.

Бессмертия тебе радея,
Еще морский перун скует,
В горниле раскалит отлично
И в *Стиксе* погрузит сторично,
Да враг сторично твой падет».

46. ПАМЯТНИК МОРСКОМУ ГЕРОЮ Г. ГРЕЙГУ

О дух, превыше звезд парящий,
Страны эфирны проходящий!
Склони к унылой песни слух,
Что мне вдыхает скорбный дух!
Ты песни сам предмет; – что ни вещаю,
Что в лире здесь ни возвышаю,
Лишь повторяю грома звук,
Что в Бельте ты кидал из рук.

Как тамо желты львы рыкали
В сумраках западных брегов? –
Как там, крутя концы хвостов,
Зубчатый зев свой разверзали
И, в алчности рыгая смерть,
Стремились *россов* всех пожерть?

Но *россы, Грейгом* ободренны,
Алкида духом оживленны,
Расторгли страшны зевы их
И, лавр держа в руках своих,
В блестящий славы храм вступали,
И тамо звук ея внимали;
Ах! – с звуком вняли смертный звон! –
Се *Грейг*, что *готов* величавых
Карал среди валов кровавых,

Что, свой провидя страшный час,
Как *Зевс*, всю молнию потряс,
Металл, как град, на них пуская,
И сам, как туча, протекая.

Не враг свой меч в него вонзил;
Удар судьбы его сразил;
Незыблем он средь ядр жужжащих,
Бессмертен средь смертей грозящих;
Увы! – бессмертный в гробе спит;
С ним купно бранный гром молчит;
Геройско пламя погасает;
Пригробный факел лишь пылает.

Где рвал он лавры средь побед,
Там кипарис уже растет. –
Бессмертен он – и спит под дерном,
Там, – где во гневе *Бельт* безмерном
Шумливые валы влечет
И о края камнисты бьет;
Где *царь морей* шум волн внимает,
В бурливом чреве рев смиряет,
Да обретет себе покой
Под хладным дерном сей Герой;
Там, – где *наяды*, приплывая,
Власы зелены распуская,
Спешат в серебряных слезах
Омыть его бесценный прах.

О *росс*! – твой долг сей гроб унылый,
Сей гроб приморский посетить,
Где *Марсов* жар, геройски силы
Единый час мог погасить;
И льзя ль там воям не вопить?

Ах! – только, как брега цветущи
Начнут венчати *Бельт* ревущий,
Не раз в тоске *Герой* придет

И слезы там свои прольет. –
Пред урною уединенной,
Плачевной рощей осененной,
Он будет томно воздыхать
И горестны слова вещать:

«Сей муж, под шлемом поседевши,
Но юным сердцем пламеневши,
Тогда как угрожала смерть
Нить жизненну его претерть,
Толь грозно в *готский* флот сгущенный,
В главы судов их напыщенны
Бросал свой смертоносный гром,
Что зрелся неким божеством,
Что смерть сама его страшилась
И против *готов* обратилась;
Где! – где сей муж? – под камнем спит! –
Поблекший лавр вблизи лежит;
Там спят перуны, леденея;
Здесь бранная труба, немея,
Молчит, склонясь на мавзолей;
Лишь стонет вихрь и воет в ней. –
Где? – где сей муж? – где Витязь сей?

Не плачь, Герой! – сей камень хладной
Не есть знак скорби безотрадной;
Сей камень, бессловесен быв,
Тебе благовестит: *он жив*!»

47. ЧЕРНОМОРСКИЕ ТРОФЕИ, ИЛИ ПАРАФРАСТИЧЕСКИЕ СТИХИ ПРЕДВОДИТЕЛЮ СИЛ ЭВКСИНСКИХ
на трикратное поражение турецкого флота ⟨1⟩791 и ⟨1⟩792 годов,
почерпнутое из мыслей некоторого самовидца...

Престань *Меркурия* лобзать, *Нептун* бурливый! –
Престань! – Приходит час, как *Иры* сын кичливый
Распространит в водах *Эвксинской* глубины
Бессмертных *чад Креста* и бурных *чад Луны.*

Уже пылает кровь кипяща в *агарянах*
И чает обрести прохладу в *россиянах*;
Уже яд зависти живит их алчный взгляд
Против счастливыя страны полночных чад;
Их очи, масличны зря ветви, свирепеют,
Что толь давно в кохтях орлиных зеленеют.
В числе несметных толп облекшися они
Аравским серебром в обложенны брони,
Хватают жадною *мисирску* сталь рукою
И, медный гром катя *натольский* пред собою
Под страшной тению косматых их хвостов,
Готовят месть и смерть для северных орлов. –
Одни, подвигнувшись через *Дунай* шумливый,
Валятся множеством в *Очаков* горделивый;
Другие, укрепя Анап на злейшу брань,
Воздвигнули от сна и дремлющу *Кубань*;
А прочи, на судах из *Эллеспонта* мчася
И в устии, где *Днепр* в *Эвксин* падет, тесняся,
Стремнистое чело *Кинбурна* мнят сотреть
И вскоре *Таврии* хребтами овладеть.

Россия, внемля звук трубы везде военной,
Своих *Ираклов* шлет против *Луны* смятенной. –

Вихрь серный Сакена трофеев знаком был,
Как турков полчища то в зыбь, то в твердь пустил;
Но град *Очаковский* тьмы воев изрыгает
И их на острый мыс *Кинбурна* отряжает. –
Суворов, сретя их, перуны устремил,
С песками потоптал, в пучине потопил. –
Их флот, без разума в *лимане* сотесненный,
Привел в движение младый Херсон смущенный;
Но гром там был готов; сей гром, открывши блеск,
В руках *Де-Зигена* простер смертельный треск;
Турецкие суда огнями окружает;
Ины в *Нептуновы* пределы низвергает,
Другие выспрь стремит, вращая в прах и тлен;
Иль с тьмами буйного народа вземлет в плен.

Еще не рдел сквозь тьму денницы свет червленой,
Как громом наконец *Очаков* раздробленной
Мятется в гордости и, стон раздавши свой,
Падет пред сильною *Потемкина* стопой. –
Российские орлы, толь крепки дав удары,
Чрез *Днестр* в *Дунай* несут свой мести пламень ярый;
Там веслы *Рибаса*, рассекши те струи,
Что брег печальныя *Румелий* омывают,
Наводят шумом страх, гром мещут на краи
И зелень кровию *срацинской* обагряют.

О муза! – возвести средь черных волн позор,
Где в пламени ревут хребты пенистых гор!
Что медлить? – *Ушаков*, как пард воспламененный,
Вспрянув от тех брегов, где херсонисски стены, –
Приводит юный флот *российский* в должный строй
И, крест подъяв на нем ученика *Христова*,
Что древле освятил край *Таврии* стопой,
Летит сквозь страшную *Эвксина* хлябь крутова;

Он ищет там врага; – сыскал; – и ясно зрит,
Что близ *Меотского* пролива он стоит;
Тотчас перунами суда их привечает
И прочь с седых валов *Эвксина* прогоняет.

Срацины в полчище ужасном кораблей
Влекутся с робостью под громом в *Гаджибей*;
Стремящийся Герой во след их гром пущает
И знаменитый их корабль один пленяет[1];
Другой же пламени крутому предает
И с воями с него начальника берет. –
Он *агарянский* флот весь в море рассевает
И с знатным пленником путь в *Таврию* вращает,
Где, бывши увенчан лавровым он венцем,
Приносит небу дань с торжественным лицем.

Бендеры, гордую свою главу склоняя,
Перед *Потемкиным* поверглись, воздыхая. –
Пред ним лежат в крови *Анап* и *Измаил*,
И той же доли ждет во страхе Ибраил. –
Срацины на земле везде изнемогают;
Но силы на водах еще усугубляют. –
Лишь взвеяло средь волн *Пророчье* знамя их,
Они, воздвигшися, как стадо чуд морских,
И черноострыми брадами помавая,
При *Варне* строятся, месть люту изощряя.

Страж флота в *Таврии*, вождь мореходных чад,
Отважный *Ушаков* в пучину мещет взгляд;
По зыблемости вод еще подозревает
И хитрые пути противных проникает. –
Они грузят густой толпою тощий флот;
Из трех частей земли влекут лихой народ,

[1] Турецкий корабль, называемый *Капитания*.

Из дальней *Африки*, или из части *Южной*,
Что флот терзать обык *Ермия* безоружной,
Что кажет цвет стальный иль бурый в лицах цвет,
Или оливковый на челых смуглый свет. –
Но наш Герой, то зря, как неко провиденье,
Не трусит против тьмы поставить флот в строенье;
Он правит до краев *Румельских* быстрый бег,
Где, рок предчувствуя, печальный воет брег.

Летят кормы в водах и роют вал упругий,
Под дубом воет вал и стонет от натуги. –
Герой наш полчище врагов несчетно зрит,
Которое вблизи *Калакрии* стоит,
Зеленых тению их флагов покровенно[1]
И рдяностью чужих багровых осененно[2].

Лишь только он успел отторгнуть с брега их,
Срацины, отрубя все верви с котв своих,
Пустились в глубину с свирепостью слепою;
Но Витязь, выиграв там ветр перед собою,
И тотчас приведя свой флот в ужасный ряд,
Летит за ними вслед, стесняет тьму громад. –
Иные, меж собой столкнувшися, крушатся
И у брегов своих найти спасенье тщатся;
Другие ж, не смотря на то, чредятся в строй
И в россов мстящий гром прицеливают свой.

Корабль, играющий пенистою волною[3]
Под сильной витязя отважного стопою,

---

[1] С зелеными флагами *турецкие* корабли под начальством старого *капитан-паши*.

[2] С красными *алжирские* корабли под управлением *алжирского* флотоначальника *Сейт-Али*, вызванного *турками* в помощь с тем, чтоб он, взяв в ведение и *турецкие* корабли, совершенно разбил российский флот.

[3] Корабль, называемый *Рождество Хр⟨истово⟩*.

Алжирца гордого[4] старается достичь,
Что, избран *Портой* быв, как страшный *россов* бич,
Ведет *срацинский* флот с собой сквозь бури сланы. –
Наш Витязь, видя свой, готов дать новы раны,
Знак повелительный ему тогда открыл,
Дабы из всех судов перуны он пустил.

Вотще их *тигры* мнят вцепиться над водами
В российские суда железными кохтями;
Отважный *Ушаков* сам наперед спешит
И вдруг Селимова наперсника[5] крушит. –
Он, щоглы со снастьми с его судов сбивая,
И *африканцов* тьмы в пучину низвергая,
Столь странный дал удар начальнику сему,
Что челюсть с долею брады – отторг ему;
Довольно времени космата часть парила
И как блудящая комета проходила. –
Два флота гибнут вдруг тогда у *агарян;*
Тьмы тел ложатся их лазорных в лоно стран;
Суда, опомнясь, их теснятся в сонм мятежный,
Но их опять обстал флот российский неизбежный. –
Жаль! – жаль, что вскорости скрывает солнце зрак,
И спорить начинал с вечерним светом мрак.

Сей мрак способствует к спасенью
побежденным;
Одни бегут к стенам Стамбула изумленным,
Иль крадутся к брегам, иль в сланой бездне мрут;
Другие в рай летят, где *гурии* их ждут. –
Разгневанный Герой, на сумрак негодуя,
Делит с весельем гнев и ропщет, торжествуя,
На принужденный бег достойных казни чад,
Что скрытием одним избавится спешат.

---

[4] *Алжирской* адмирал *Сейт-Али.*
[5] Тот же *Сейт-Али.*

Тогда к пристанищу он парус направляет,
И близ *Мизеврии*, где *Фарос*, отдыхает;
Меж тем легчайшие послов отряды он,
Чтоб мелким их судам конечный дать урон,
Одни из оных жжет, другие же пленяет,
А прочие на мель песчаную сажает. –
Отчаянны враги с них мещутся на брег
И, по крутым горам свой простирая бег,
Взыскуют живота в вертепах темных, мшистых
Или в расселинах глубоких, каменистых.

Герой наш к *Варне*[1] взор свой бдительный стремит
И об оставшихся судах турецких мнит. –
Недовершенной он победы не желает
И как орел туда путь быстрый направляет,
Дабы рассыпать их иль всех во плен ввести,
И вкупе город сей приморский потрясти.

Но что? – Бежит к нему вдали *срацинско* судно;
Там белый веет флаг – сие Герою чудно;
«*Мир! мир, россияне!* – вопил в восторге враг, –
Довольно лавров вам в полях и на водах!»

Еще б Герой желал умножить *россов* славу;
Но небо паче мир, чем брань живит кроваву. –
Венчанный Витязь наш победных славой дел
Обратный емлет путь в Таврический предел,
Где будут ввек стоять перуны сорýженны,
Через Эвксин в чело Стамбула устремленны,
Дабы страшились впредь *Исмаила* сыны,
Когда б хотели быть на брань возбуждены.

[1] Турецкая крепость при Черном море.

Россия! – Коль таких героев ты имеешь
И дарованья их оценивать умеешь,
Еще подобных им под громом воспитай
И столь живых духов на брань одушевляй!

48. ПЕСНЬ БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ГРАФУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ
от награжденного за военную услугу

Сын молнии, одушевленный
Геройским мужества огнем,
В ком *Марс* с *Палладой* сопряженны
Живут в сиянии своем,
Кто с сердцем твердым, благородным
В отличну славу земнородным
В день брани тьмы полков *срацин*
Между огней, меж пуль свистящих,
Меж ядер, меж мечей блестящих
Средь ратных низвергал долин!

Тогда – как громкий труб звук бранный
На битву больше не зовет
И всюду мир, давно желанный,
Свой скипетр масличный несет,
Тогда – как меч твой пресыщенной
Обвит оливою зеленой;
Владычица полночных стран
С престола на тебя взирает,
Щедрот избыток изливает,
Твоих признавши цену ран.

Еще из климатов полночных,
Как зефир, глас несется в Юг;
Глас рек: «Смиритель стран восточных!
Я знаю меру всю заслуг,

Что ты в дни брани оказуешь,
Что ты в дни мира образуешь;
Твой путь тернист и преткновен;
Число твоих ран твердо знаю;
Седины зрю, как шлем снимаю;
Почий на лаврах усыплен!

Тебе, – отважный вождь героев,
России честь, *Стамбула* страх! –
Тебе известен подвиг воев,
С тобою текших на полях;
Тебе я власть ниспосылаю,
Тебе я право поручаю
Отличием того почтить,
Кого твой опыт избирает». –
Глас рек; – Герой наш поспешает
Монаршу в деле мысль открыть.

Лобзаю жребий мой блаженной,
Что сих в чреду меня включил,
Что сверх надежды вожделенной
Усмешку нежну мне явил. –
О победительный воитель
И паче мой благотворитель! –
Тобою ныне счастлив я;
Что ж я воздам ЕКАТЕРИНЕ?
И что тебе воздам я ныне? –
Недоумеет мысль моя...

Где кисть? – где кисть, чтоб изразила
В чертах мой благородный жар?
Велика чувствований сила;
Но больше их мне бесценный дар. –
Герой! – Живи в столетьях дальных!
Но должен не в одних похвальных

Ты летописях обитать;
В устах героев, быть имущих
В позднейших временах грядущих,
Ты должен сто веков дышать.

49. ПОСЛЕДНЯЯ ДАНЬ СЕРДЦА ГРАФУ РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ

Гряди, тень славна, вслед за нею, –
Вслед за богинею своею![1] –
Гряди превыше всех телес
По ту страну млечных небес,
Где ново небо осиянно,
Вратясь в гармоньи непрестанно,
Как движущася кругла сень,
Приосеняет вечный день;
Где, устранясь несовратимо,
Приосенясь природа мглой,
Со трепетом проходит мимо
Последних солнцев мир живой;
Где пламенны полки героев,
Владык премудрых, славных воев
И где велика *россов* мать, –
Богиня их возникла вспять! –
Ах! – Как твое дыханье томно
В долине гасло суеты! –
Но лавров ты пожал довольно;
Почий на вечных лаврах ты!

Дщерь песни! – Стань на гроб Героя!
Пой слезно, арфы ключ престроя!
Пускай среди надгробна воя

[1] Кончина ЕКАТЕРИНЫ II последовала незадолго пред смертию славного сего полководца.

Дрожащая слеза течет
И искрой сребряной падет!
Пусть вздохи сердца истощатся
И в томно пенье превратятся!

Ах! – Он, подобно как сумрак,
В вечерний час по дни иссяк
И погрузился в ночь, – ночь вечну,
Забвенья в бездну бесконечну! –
Где брани муж? – где мужа длань
Ужасная, как грозна брань? –
Где меч толь быстрый, – как перуны
Секущи в тверди тучи бурны? –
Где мышца, что, как медян лук,
Простерла всюду смерти звук? –
Дщерь песни! – Нет уже его!

Как? – разве слава онемела
И разве больше не гремела,
Когда сидел он, снявши шлем,
Под гетским бедным шалашем[2],
Отколе он, как *Велисарий,*
Взирал, как бился новый *Марий*;
Отколь в геройских он слезах
Взирал на спящие в полях
Оружеборцов кости тленны –
Трофеи ветхи битв его;
Отколь печально усмехался
Угрозам рока своего. –
Свершилось все, – уже умчался
Рок грозный в бездну от него. –
Дщерь песни! – Нет уже его...

---

[2] *Геты* – древнее имя жителей *Молдавии,* или *Валахии.*

Великость духа несравненна
Всем добродетелям священна. –
Полночны браноносцы в нем
Свой находили щит и шлем. –
Хоть век, дотоль воспламененный,
Был – век, к покою преклоненный,
Как мрак вечерний пол-зажженный;
Но странник и порой ночной,
Узревши месяц, осененный
Мглы тонкой флеровой пленой,
Еще сквозь флеры посребренны
Вождя во бледном свете ждет.

О ратники! – Скажите ныне,
На что вы, видя сей предмет
И зыбля меч рукой в пустыне,
Другой на взор спускали шлем,
Как он сидел под шалашем? –
На то ль, чтоб скрыть ключи слез в нем?
Ах! – ратники еще рыдают,
Как *Велисарья* вспоминают!..
Да, – слезы всяк о нем прольет! –
Дщерь песни! – *Велисарья* нет!..

В сем старце небо-вдохновенном,
В сосуде ветхом, – но почтенном,
Величественный, бодрый дух,
Тогда – как он в гражданский круг
Лучи лил опытов потребны
Или тогда – как мир врачебный
На берегах *Днепра* вкушал
И в сельских тенях отдыхал, –
Сей дух еще *звездой восточной*
Являлся силе полуночной, –
Сей дух, презревши хлад костей

Еще рдел пылкостью своей,
Открыв чертеж для рати всей;
Как светоч в томности над гробом
Последний сыпал свет лучей
И, дмясь в мелькании особом,
Водил героев до *Варшавы*,
И там трофей означил славы. –
Куда исчез *звезды* сей свет? –
Дщерь песни! – ах! – звезды сей нет!..

Дщерь песни! – Нет его конечно;
Нет сына молнии! – Нет вечно! –
Нет *Велисария* сего,
На ком седины осребренны
С оттенкой лавра своего,
Царями мно́гими почтенны
Вершили восемьдесят зим;
Глава его под шлемом славным
Сиянием блистала равным;
Кагульский лавр – есть лавром главным;
Глава бессмертна стала сим;
А ныне... возлежит в покое! –
Дщерь песни! – Плачь по сем Герое! –
Он спит! – ах! ступит ли нога
Еще когда нибудь подобна
На бурны *Истровы* брега? –
Ах! – Будет ли так стать способна,
Как страшным он ступал мечем? –
Плачь, песни дщерь! – ах! плачь по нем!

50. ОДА СОЧИНЕННАЯ СЛАВНЫМ Г. БУАЛО ПРОТИВ АНГЛИЧАН[1]

Как? – Сей, в злодействе ослепленный
И царской кровью обагренный,
Претворши трон в позорный вид,
Сей мнит народ, что Бог, держащий
В деснице огнь и гром разящий,
Плачевну жертву не отмстит!

Его простерши флот ветрилы,
Презрев и звезд, и ветров силы,
Вселенной хощет обладать
И мнит, что царства изумленны,
Его отвагой устрашенны,
Должны им власть морей отдать.

Примите, *галлы*, грозны громы!
Развейте в прах кровавы сонмы
Врагов, разрушивших закон! –
Победа их зовет; – теките
И буйный сей народ поприте,
Дабы отмстить позор корон!

Пусть море меж двумя мирами[2]
Зреть будет трупы меж волнами,
Носимы волею судьбы! –
Уже *Нептун*, веселья полный,
Зрит китов северных сквозь волны
Корысти ищущи толпы.

---

[1] Сия ода сочинена сим знаменитым французским стихотворцем на случай возмущения *англичан* под хитрым руководством *Кромвеля* против несчастного короля *Карла I,* который был обезглавлен поносным образом. Она переведена с *французского* подлинника.

[2] Пролив между берегами *Франции* и *Англии* отделяет как бы два мира.

Давно убийцы венценосцев
С подпорой наших вероломцев
Багрили долы многократ
И, в степи грады претворивши
И наших тук нив попаливши,
Жгли даже тростники у блат.

Но вскоре в сих лугах блестящих
Их кровь, лиясь в струях кипящих
И наглу дерзость посрамив,
Потерю нашу наградила;
Лишь персть их трупов утучнила
Бразды зеленых наших нив.

51. ОТЗЫВ БУАЛУ ПРОТИВ ФРАНЦУЗОВ[1]

Как? – В вольных мыслях исступленный
Претворши в лобно место трон,
Людвига жертвой оскверненный,
Разрушивши святый закон,
Народ сей мнит, что Бог, грядущий
Средь тайных бурь на месть крамол,
Невинну кровь отмстить имущий,
Не снидет в молниях в сей дол!

О ты, *британцов* укорявший,
Умолкни ныне, *Буало*!
Ты б в дни сии, из гроба вставши,
Покрыл стыдом свое чело;
В потомках видя теж позоры,
В каких *британцов* обличал,
Ты б *галлам* сделал те ж укоры,
Что в песни против них вещал.

[1] Сия ода сочинена на российском языке в подражание г-ну *Буалу* против *французов* точно на такой же случай, на какой он прежде писал против *англичан*.

Ужель вам, *галлы*, не довольно,
Как *Людвиг* новой ваш закон
Крепил среди мечей невольно,
Когда в слезах чел клятву он,
Чтоб быть крамольникам слугою? –
Да, – не довольно; – он заклан;
Супруга тою же судьбою
И весь *Бурбонов* род попран.

Где равновесия уставы,
Что вы обыкли учреждать
В Европе ради вашей славы,
Чтоб тайно ею обладать? –
Одни расторглись паутины,
Плетете тысячу других;
Меж вас родились Исполины;
Питала *Эвменида* их.

Не вы ли насадить успели
Повсюду бунта семена? –
И правда – семена б созрели
Во *исполински* времена. –
Вы скрытые пружины тщились
Равенства в царствах заводить;
Вы всяких мер искать решились
Венчанных в мире глав губить.

Вы *Альпы с Этной* захватили
И тем, кого вы равным злом
В веках минувших укорили, –
Куете тайно явный гром. –
Ах! – сих ли ожидать нам должно
От просвещения плодов? –
Сие наук блистанье ложно. –
Устав небесный не таков.

О боги века! – воспалите
С престолов в громе должну месть

И общей молнией отмстите
Отъемлемую вашу честь! –
Вы, *россы*! – зрите ли во гневе
Кипящий смертоносный яд
В терзаемом *Европы* чреве,
Что сам варит безбожный ад?

Еще *Людвига* кровь дымится
И к вам о мщеньи вопиет;
Еще страдальца тень томится
И скорбный сей дает увет:
«О братия, – цари! – восстаньте! –
Карайте *Исполинов* сих! –
Восставьте славу трона! – гряньте! –
Спасите *братиев* своих!»

52. ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ПАТРИОТУ
г. а⟨дмиралу⟩ М⟨ордвинову⟩

Небесна *Дева* рассыпает[1]
Плоды пред солнцем на полях,
Что луч небес одушевляет,
Что дождь живит в златых браздах;
А ты, – которой нежна длань
Оливы сеет плодовиты, –
Ты, – коей *радость* часто в дань
Слезою катится с ланиты, –
Богиня – и сестра любви, –
О *милость*! – ты в живой крови
Кипящу разливаешь радость;
Раскинув счастия цветы
И полня упованья сладость,
Ты оживляешь душу, – ты.

---

[1] *Церера*, или знак *августа* месяца, во время коего признание милости изображаемо было в сей песни.

Се здесь, из царственна устава
Блаженство черпая, сердца
Приветствуют: *да будет слава*
Источнику благ до конца!

Так в дебри низменной, тенистой
Источник под благой звездой[2]
При *Буге* в глубине стремнистой
Бежит и ток лиет живой
Сквозь камышки, пески омыты,
И, мчась в тени густых *калин*,
Живит коренья их сокрыты,
Коренья *верб* или *бузин*. –
Ни море утрення тумана,
Ни с крутизны холма песчана
Упадша на источник тень
Его сребра не возмущает;
Врачебный ключ и ночь и день
Стопою легкой пробегает
Под мглою теней и паров
И нежит красоты брегов.

Ах! – что щедроте благородной,
Что может заградить ей путь,
Когда она рукой свободной
Бальзам вливает в бьющусь грудь,
В сей корень жизни и страстей,
Надежды, страхов и скорбей?

Как? – милый ключ не забывает
И ту фиалку оросить,
Котору жребий заставляет
Под тенью диких тернов жить! –
Теперь фиалка оживленна

---

[2] Спасский ключ на берегу *Буга* близ города *Николаева*.

Поникши взносит вверх листы
И, в новых силах укрепленна,
Приемлет новы красоты. –
В ея челе веселом, мнится,
Благодаренья знак слезится;
Тогда пришлец сюда спешит,
Садится при ключе кристальном;
Он пьет в нем жизнь, – фиалку зрит,
Что в виде зрел вчера печальном;
Он зрит и чести долг творит.

Ах! – можно ль, чтоб, себя изъемля
Из сонма оживленных чад
И сладкий *милости* глас внемля,
Отрекся б я обобызать
Ту жребия благую руку
С потоком благодарных слез,
Что облегчить надежды муку
Ко мне склонилася с небес, –
Склонилась с счастьем примирить
И вновь ему усыновить?

Небесно девять крат светило
В блестящий *Девы* знак входило
И согревало девять крат
Надежду в томном сердце стывшу;
Теперь исчез надежды хлад. –
Ах! – можно ль, зря ее ожившу,
Не ощутить в груди биенье
И сладко некое движенье?

О Небо! – Если внемлешь ныне
Вещанию души моей,
Пусть в тихой живота долине
Лампады кроткий свет твоей
Здесь долго, – долго озаряет

То драгоценное чело,
Где прозорливость обитает
И полное доброт число;
Где та пружина отскокнула,
Что тайным действием своим
Фортуны колесо вернула,
Дала круг лучший дням моим;
А Лира, – Лира благодарна, –
Гордыня Феба лучезарна, –
Котора с трепетом гласит
Тавр⟨ид⟩ы в мерах изложенной,
Еще пусть громче зазвучит
В моей руке обвороженной
Вновь напряженною струной
Под новой *счастия* звездой!

53. ЖЕЛАНИЕ ЛЮБИТЕЛЮ ОТЕЧЕСТВА[1]

Лето паляще летит;
Молния в туче немеет;
Осень на буре висит;
Риза туманна сизеет.

Брови навислы ея
Иней на долы кидают;
Голые рощи, слезя,
Вздохи шумящи выводят.

Злачны цепочки падут;
Травка ложится и сохнет;
Кролики в норы бегут;
Спящая мошка не дохнет.

---

[1] Сии стихи сочинены вместо опыта *римских* дактилей на *российском* слове; случай их был при начале осени.

Мила весна! – Ты повей!
Все при тебе поновится;
Будет опять все живей,
В зелени одушевится.

Пусть и твое, прозябая,
Счастье еще оживет
Или, туман презирая,
Весну свою призовет,

Чтобы морозы унять,
Страшные робкой надежде,
Чтобы муравку поднять
В новой зеленой одежде!

54. ПЕСНЬ ЕМУ

Кедр *Байкальский* торжествует
С остролиственным челом
И спокойство знаменует
Неизменным ввек венцом. –
        Кто на кедр ни взглянет,
        Умиляться станет.

Царь державныя полночи
Свыше на престол призван;
Царь победны мещет очи,
Возвеличен и венчан. –
        Кто не умилиться?
        Кто не восхититься?

Кедр далече простирает
По лугам прохладну тень;
Хор пернатый прилетает
Отдыхать там в знойный день;
        Тополь там живее;
        Ландыш там свежее.

Царь счастливыя полнощи
Сень доброт далече шлет, –
В дол и холм, – в кусты и рощи;
Всюду милостей зрим след;
Все там торжествует;
Дуб и злак ликует.

Буря ль свет дневный отъемлет?
Зной ли в воздухе кипит? –
Кедр не слабнет и не дремлет;
Кедр неколебим стоит;
С ним кусты ликуют,
В бодрости ревнуют.

Ты во бденьи подражаешь
Полуночному Царю;
Жертву бденью посвящаешь
День и вечер и зарю.
Се теперь мы сами
Видим то меж нами!

Се души твоей доброты,
Все высокие дела,
Все великие заботы,
Все заслуги без числа
Стали незабвенны,
Стали оживленны!

Кедр доколе осеняет,
Тополь жизнь находит там;
Царь доколе оживляет,
Ты находишь плод трудам;
Коль же ты успешен,
Жребий мил, утешен.

Будь успешен, муж высокий,
И живи для блага всех! –

Будь счастлив! – С тобою токи
Будем черпать мы утех. –
  Так здесь чувство дышет;
  Так здесь сердце пишет.

55. СОНЕТ НАГРАЖДЕННОМУ ПАТРИОТУ
а⟨дмиралу⟩ М⟨ордвинову⟩ окт⟨ября⟩ 10 дня

He soon the race of spotless glory run.
Thomson

Вольное переложение
Он славы степени поспешно протекает,
Но беспорочность всю в теченьи соблюдает.
Томсон

Катись, светило золотое,
Теперь в полуденный конец! –
Уже на севере другое
Явило благости венец.

Немей, клубящась над холмами
Зима туманна, мати туч!
Немей! – Уже под облаками
Сюда проникнул теплый луч.

В луче сем многи видят радость;
Но больше ты познал в нем сладость?
М⟨ордвинов⟩, – здесь ты *князь морей*[1].

Кто здесь был водоповелитель?
Кто первый черных струй властитель?
Ты, – *моря князь*! – здесь флаг развей!

---

[1] Слово *адмирал* значит князь, или властелин моря, так, как *Посидон*, или *Нептун*. – Сей Патриот был первый, который получил сию честь на Эвксинских водах.

56. НАДПИСЬ ЕМУ

Не более твой век, как только в половине;
Но твой высокий дух нашел все то в судьбине,
Чего достоинства природные тебе
И свойства требуют в хвалу и честь себе. –
Иной красуется лишь счастьем и чинами;
Но кто бы так из них умел владеть сердцами,
Как ты, М⟨ордвинов⟩? – ты один владеть умеешь;
Еще живи сто лет! – Еще ты в том успеешь.

57. ХОРЫ ДЛЯ ПОЛЬСКОГО В ЧЕСТЬ ЕМУ ЖЕ

Хор

Для того ль дышать мы стали,
Чтоб в одном труде вздыхали? –
Разве в мраке туч
Радужный не зрится луч!

Трио

Тень без света – вечна мука;
Труд без неги – сердца скука,
А без розы шип – лишь терн.

Хор

Кто чело забот мятежно
Миртами увьет толь нежно? –
Разве ты увьешь! –
Ты, М⟨ордвинов⟩, сень простершь!

Трио

Ты, нося дел важных бремя,
Тщишься выбрать нам в то ж время
Сень из роз, – но без шипов.

58. ЧУВСТВОВАНИЕ ПРИ УДАЛЯЮЩЕМСЯ ПАТРИОТЕ[1]

Добра виновно зло; – но жало сколь ни больно,
Чем зависть любит лучших б⟨ос⟩ть;
Великосердия в твоей груди довольно
Простить безропотно и злость.

Пе⟨тр⟩ов к нему же

Там, – где среди священной сени
Тебя ждет мудрость и покой, –
Забудь всё то, что мрачный *Гений*
Теперь навеял за собой! –
Прости ему за то достойно,
Что паки в сень грядешь спокойно!

Где б ни был ты, – при бреге ль *Буга*?
Иль при *Эвксинских* берегах?
Иль мирного искал досуга
В *Байдарских* иль иных садах,
Куда свой правишь путь пустынный
Чрез цепи гор и долов длинны;

Где ты среди зеленой нощи
Ясеней, тополов, раин
И златоплодной тучной рощи

[1] Сии стансы сочинены в 1799 году.

При корне шиферных вершин
Мир любомудрия сретаешь
И чудеса в нем созерцаешь;

Иль там, – где мещешь в восхищеньи
Прилежный и хозяйский взор
На сельский мир в уединеньи,
Красующийся между гор,
Когда чреватый год желтеет
И труд его цветет и зреет?

Поверь, поверь! – где б ты ни крылся,
Но свет души и в тьме блестит;
Сей черный *Гений* лишь потщился
По буре тихость возвратить;
Он тем судьбину примиряет,
Дверь *Янусову* затворяет.

Твоя *лодья,* устав в стремленье,
Что в буре плавала *забот*,
Чрез бурно севера дхновенье
На пристань прежнюю течот. –
Там ты отдохнешь, муж почтенный;
Там ощутишь покой бесценный.

Но не забудь ту лиру томну,
Которой благодарный дух
Тебе сопутствует в сень скромну,
Тебе, – отец и музы друг! –
Так, – всяк отца в тебе теряет...
Ах! – здесь слеза в очах сверкает...

59. ВОЗЗВАНИЕ ПАТРИОТА К ВАЖНЕЙШИМ ПОДВИГАМ[1]

Паки пламенный твой *Гений*
Пред престол из тьмы восстал;
Паки дух, – как свет сквозь тени, –
Из-под спуда возблистал.

В те часы, как уклонялся
Ты к *Таврическим* холмам,
И к пустынным устранялся
Скромным мудрости теням,

Благодарная *камена*,
С *арфой* за тобою шед,
В провожаньи сокрушенна,
Истину гласила вслед:

«Какова б тебя ни крыла
Меж холмов глубока тень;
Но *доброта* б ночь пронзила
И познала бы свой день;

Между звезд звезду отличну
Ночь не может укрывать;
Луч сечет тьму седьмеричну;
Свет ея далече знать...»

Так, – она правдива ныне;
Равноангельный МОНАРХ,
Зыбля факел по пустыне,
Видит Гения в тенях;

---

[1] Сии стансы сочинены 1801 года в честь сему ревнителю отечества.

Видит Перлу сокровенну,
Видит *опытность* во мгле,
Видит *мудрость* удаленну
И тебе – дает крыле...

Воспари, *камена* смела!
Меценат – есть *Феникс* твой. –
Ты его в Тав⟨ри⟩де пела;
Вновь теперь его воспой.

60. ВЫСОЧАЙШАЯ МИЛОСТЬ
г. Г⟨ерингу⟩, ц⟨ейхмейстеру⟩ Ч⟨ерно⟩м⟨орского⟩ а⟨дми⟩р⟨алтейства⟩[1]

От северной зари отпрянув,
Монарший тихий луч слетел
И, в *Буг* златой струею канув,
Проник пустынный сей предел.

Проник он синий берег моря
И – на твоем челе горит;
В сердцах разгнав туманы горя,
Биеньем нежным их живит.

Не втуне царский луч зарею
Спустился на твое чело;
Он отсверкнет двойной струею
На некое сердец число.

Тогда сердца одушевленны
Воскликнут Имн веселый сей:
«Сын отечества, спеши в блаженный
Полудень славы и честей!

---

[1] Сия пиеса и многие из следующих были изданы в особенном отделении. Все они имеют предметом честь деяний миролюбивого Гения.

Чем дале ты в степенях высших,
Тем драгоценней будешь ты;
Коль вспомнишь о степенях низших
И к ним приникнешь с высоты.

Стоишь ли ты на половине
Сей громкой лествицы честей? –
Долг мудрых – взор спускать к долине
И помнить образ прежних дней;

Тогда в движениях нежнейших
Начнут в нас сгибы трепетать
И после полдней сих славнейших
Златого вечера желать».

61. ГЛАС ХРАНИТЕЛЯ ДУХА АКАСТОВА
Маия 19

Гений кроткий, ниспускаясь
На крылах зари с небес,
Алой розою венчаясь,
Мне приятну весть принес;
Гласом майского зефира
Так шептал он утром мне:

«Что молчит семейна лира?
Иль о сем не знаешь дне? –
Или дух твой ниспадает!
Или грусть тебя снедает? –
Как? – воспев блаженны дни
Всей любезныя семьи,
Вдруг холодно умолкаешь,
Вдруг ты лиру покидаешь? –
Рано так еще простыть
И отца семьи забыть.

Знай! – тогда, как выступали
Ландыши в лесах густых
И головки подымали
Из пелен своих млечных,
Добрый твой *Акаст* родился,
Чтобы солнце созерцать,
Добрый муж в сей путь пустился,
Чтоб другим добро рождать.

Перестань для сей отрады
Чужды песни составлять
Иль для некой *серенады*
Кисть услужну расправлять! –
Пой его рассвет дней мирных!
Пой без ложных тонов лирных!
О *певец, певец*! – внимай
И на лире отвечай!»

Внемлю, *Гений*, я, конечно,
Ты за чем ко мне притек;
Внемлю, божество сердечно,
Справедливый сей упрек. –
Если собственный мой *Гений*
Мне о дни его таил,
То, коль при его рождений
Сам ты с тайным *имном* был
И – как дух его совместный –
Лучший в нем вмещаешь дар, –
Поспеши же, дух небесный,
За меня излить сей жар
И гласи чистосердечно:
«*Дух*, цветя, *растет* твой вечно,
Как врачебный тихий *май*! –
Вот мое желанье лестно,
Каково не всем известно!»

62. ХОРЫ ДЛЯ ПОЛЬСКОГО
в честь ему

I

Не ужасну брань, не громы,
Каллиопа, прославляй! –
Составляй веселы сонмы!
В мире счастье воспевай!

II

Ныне *вечность* уделяет
День торжественный сердцам,
Так как бездна уступает
Синюю струю рекам.

III

О бессмертна! – пой день мирный!
Раздавай по стогнам глас!
Пой того, кто чтит звук лирный,
Чтит весы и чтит компас!

Трио

Ты, *Гигея*, – смертных радость,
Чашу здравья наполняй! –
Без тебя нам ядом – сладость;
Без тебя – мученьем рай.

63. ХОР ДЛЯ ПОЛЬСКОГО
в честь ему же

НА ГОЛОС: *ВЕСЕЛЯСЬ СРЕДИ ПОКОЯ*

О богиня ликов стройных,
Торжествуй, скачи, играй
И средь сих теней спокойных
Развивай прелестный рай!
Восплещи младой рукою!
Воздымай высоку грудь
И назначь лета стопою!
Другу муз подругой будь!

Трио

Ангел мира низлетает
От превыспренней страны;
Час небесный водворяет
Посреди сей тишины.

64. СТАНСЫ
ПРАЗДНЕСТВО ЛЮБИТЕЛЯ МУЗ

В ту минуту драгоценну,
Как прелестных нимф собор
Чтит судьбу твою священну;
Как прекрасных *граций* хор
Разны жертвы возжигает
И, любовью упоен,
В исступленьи возглашает:
Пе⟨тр⟩, будь блажен!

В ту минуту вожделенну,
Как простых ты бардов зришь,
Песнь поющих протяженну,

О какой едва ли мнишь, –
Я за нимфой вслед прелестной
Робко издали влечен,
Тщусь возвысит глас совместной:
Пе⟨тр⟩, будь блажен!

Скрыть не могши восхищенья
Посреди сих милых жертв,
Заключаю сим я пенье:
«После нынешних торжеств
Преходи путь счастья, – славы,
Чтоб твой дух был восхищен,
В здравом теле дух был здравый!
Пе⟨тр⟩, будь блажен!»

Пусть живущий с *Серафимом*
Светозарный *Ангел* твой
Молит *зримого* в *незримом*,
Чтоб ты тихою стопой
Шел по розам в жизни сладкой,
Терном не уязвлен,
Как в долине мягкой, сладкой!
Пе⟨тр⟩, будь блажен!

Пе⟨тр⟩, милуй *музу* нежну,
Что нелестно чтит тебя,
Не корысть прозря надежну,
Но *любовь* твою *любя*!
Милуй в песни огнь разлитый,
Чем я ныне распален!
Услади рок *музы* скрытый
И пребудь блажен!

65. НЕБОЛЬШАЯ ОГНЕННАЯ ПОТЕХА, ИЛИ СИМВОЛ ЖИЗНИ РЕВНИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВА

Так, *П⟨етр⟩*, имя возвышенно
Твое в рассыпчивых звездах
Возникнет к тверди несумненно,
Как бы на пламенных крылах;
Ах! – если бы оно средь блеска
И среброогненных дождей,
Среди торжественного треска,
Среди пурпуровых путей
Достигло тех границ небесных,
Где *покровитель* твой святый,
Живущий на полях прелестных,
Кого названье носишь ты,
В отце духов и built
В источнике живых лучей
Бессмертно черпает сиянье
И светлость невечерних дней!

Но блеск огней в игре известен! –
Подобно *славе* и честям,
Подобно *уст златых словам*,
Подобно *жизни*, – он прелестен;
Как *огнь потешный*, – жизнь парит, –
Парит и, вспыхнув, – исчезает;
Но я тебя б желал сравнить
С *орлом*, что быстро проницает
Сквозь молнии, сквозь мрак небес,
Парит с отвагой роковою
У самых солнечных колес,
А после – с важной тишиною
Спускается к земле, – к покою.

66. ЗЕРЦАЛО ДЕЯНИЙ ПОДВИГОПОЛОЖНИКА

Из гор *Сарматских* крадясь скромно,
Осокою венчанный *Буг,*
На урну опираясь томно,
Сребро пенисто гонит в *Юг*; –
Сребро бежит одушевленно.

Коль образует он зерцало,
Где виден чистый лик небес,
Жемчужно облак покрывало
Иль мачт крутых бегущий лес,
Тогда – идет он тихо в бездну.

Так, *П⟨етр⟩,* и лета волнисты,
Из само́й колыбели шед,
Влекут с собой часы струисты
И крадут за собою след,
Не возвращаясь к колыбели.

Коль жизнь являет вид прелестный,
Где вечности таится тень,
Как в мелкой капле свод небесный,
То рано ль, поздно ли наш день
Живой струей помчится в вечность.

Но коль твои лета стремятся,
Как тихие ключи в лугах,
Или, как здравы токи, мчатся
К целенью странника в путях,
Тогда – живи ты доле, *П⟨етр⟩*!

Дай видеть в днях твоих блаженных
Небес намеренье, предмет
И ощущать в делах бесценных
Цель мудрости и правды свет,
Спокойство ближнего и пользу!

Признательны сердца желают,
Да *Гении* над днями бдят,
Да дни ко благу процветают
И в твердь не прежде улетят,
Как в их насмотримся *зерцале*.

67. БЕСЕДА МЕЖДУ ПЕВЦОМ И ЭХОМ
о благоденствии почтенного по любви к ближнему

Певец

– Скромный *Гул*! – Разлей отзывы,
Кто сей славит день счастливый?
Кто? – иль ныне *П⟨етр⟩* рожден?

Гул

– – *он, он.*

Певец

– Открывая очи бренны,
Зрел ли май он современный?
Зрел ли, как тюльпан багрел?

Гул

– – *да, – зрел.*

Певец

Перва как слеза катилась,
Пелена слезой кропилась,
Гул! – Тут что ты говорил?

Гул

– – *вторил.*

Певец

Если жизнь его бесценна
Цепь любви к другим священна,
Повторишь ли лесть тогда?

Гул

– – ах! никогда.

Певец

Сын пустыни! Что ж в глубоких
Долах и холмах высоких
Будешь ты теперь вторить? –

Гул

– – благодарить.

Певец

Но чтоб дни текли бесслезно,
Что же тут ему полезно,
Как он зрит еще сей мир?

Гул

– – мир, мир.

68. СЫН ОТЕЧЕСТВА УДАЛЯЮЩИЙСЯ ИЗ ХЕРСОНИСА НА ПОКОЙ в свои маетности

Исторгшись из-за гор камнистых,
Где спят пустынные часы,
Среди развалин диких, мшистых,
Где лучши естества красы

В уединенном мраке дремлют;
Где *Ифигений* никогда
Оресту с *Пиладом* не внемлют, –
Стремись теперь! стремись туда!

Туда, – где мир и блага многи
Твоих наследственных полей,
Тень матерня, домашни боги,
Все ждут присущности твоей! –
Возжги ты там лампаду паки,
Которую толико крат
Унылы покрывали мраки,
А божества без жертв стоят!

Ах! Сколь блажен ты, что желанье,
Которо дале гор, морей
Перелетало в упованье, –
В пределах отческих полей
Ты ныне средоточить будешь,
Велико в малом заключать;
Стремленья лишние забудешь,
Чтоб токмо в родине дышать;

Стремясь в сии поля прелестны,
Куда мир с простотой зовет!
Стремись туда! – Пусть страж небесный
Теба отселе проведет,
Где ты – иль вслед *Эндимиону*
Предпримешь верно мудрый путь,
Иль по *Гименову* закону...
Довольно; – дружбы не забудь!

69. К ПРИРОДЕ ПРИ КЛЮЧЕ НА БЕРЕГУ ИНГУЛА
в поместье Акаста[1]

Мать существ боговенчанна,
Перводна дщерь небес,
Свыше светом осиянна,
Тайна сила всех телес,
Сила действ их и страданья,
Сила жизни и дыханья!

Если ты в странах *эфирных*,
В многозвездных небесах,
В пламенных кругах обширных,
На земли и на морях,
Даже и в мирах возможных
Ищешь тронов непреложных;

Если хощешь, чтоб свобода
Под простой твоей стопой
От *сафирного* шла свода
К безднам равной чередой, –
Пусть владеешь ты вселенной
С волею непринужденной!

Если ж инде оставляешь
Своенравье средь труда
И закон свой покоряешь
Нашей воле иногда,
Пусть на малый час, природа,
Здесь минет твоя свобода!

---

[1] Сия пиеса прежде разделения своего на части была двоекратно издана и принята с лестным одобрением. Теперь она вновь исправлена и приведена в некоторый род облегчительного порядка.

Пусть сей ключ новорожденный,
Что из берега журчит,
Чрез иной путь учрежденный
В сад *Акастов* побежит
Между диких роз душистых,
Между *глодов, груш* тенистых!

Здесь твоей *свободы* доля
Ввек бы суетна была;
Здесь торжественна *неволя*
Драгоценна и мила;
Лучше *вольности* бесплодной
Иль нестройности свободной.

Ах! как мило видеть будет,
Что сей первенец брегов,
Изумясь, средь уз забудет
Прежню *вольность* меж цветов!
Нет, – едва лишь забывает,
Паки *вольность* обретает.

Он, из плена вырываясь,
С новой жизнью потечет;
С черным илом не мешаясь,
Серебро из уст прольет
Неоскудными струями
Между тучными браздами.

Он прольет корысть богату
По *Акастовым* грядам
И, спускаяся по скату,
Корни освежит древам;
Освежит камыш шумящий,
Побежит в *Ингул* кипящий[1].

[1] *Ингул*, небольшая река в окрестностях города *Николаева*, впадающая в *Буг*.

В розовы часы денницы,
Как туман с *Ингула* вдруг
Вид сокроет багряницы
И обляжет весь округ,
Серо море распрострется;
Морем сгиб реки пожрется.

Ключ исчезнет пред очами
В сих ползущих облаках,
Не осветится лучами,
Кроясь в густых парах;
Серо море всё глотает;
Ключ и блеск и брег скрывает.

Но для слуха то приятно,
Что сквозь бездну сих паров
Отзовется урна внятно
Из-под каменных оков,
Рассекая мглу свею
Говорливою струею;

И что *нимфа* быстроточна
В токе скачет, – ток кипит, –
Что гортань ея немолчна
Немо в камышках твердит,
Неки лья слова сребристы
Сквозь сии протоки чисты;

Но лишь *море* выспрь умчится,
Феб проглянет в небесах;
Пурпур огнен покатится
В живоносных сих водах,
Где откроется счастливо
Нимфы торжество шумливо.

70. ДОСУЖНЫЙ ТРУД И ВОСХИЩЕНИЕ АКАСТА
при будущей картине сего ключа

Лишь *Акаст* от сна воспрянет
В драгоценный свой досуг,
Тут увидишь, как он станет
Свой пленять и взор и слух,
Ходя окрест вод священных,
Светом утра озаренных.

Узришь, как для прохлажденья
Он покорный ток сберет,
Чтобы силою давленья
Возвышался водомет;
Чтоб кристальными стопами
Прыгал ток меж древесами;
Чтоб *Помоны* плод румяный
Был кристаллом окроплен;
Чтобы розоны багряны,
Чтоб иссоп был оживлен;
Чтоб не вяла там гвоздика,
Пряный чобр, фиалка дика.

Узришь, как он прививает
Черен к стволу вишней, слив,
Ветхи ветви очищает
С тернов, тополов и ив,
Чем их силу понуждает,
Да в растеньи преспевает;

Иль в тени новосаждений,
Книгу он раскрыв *времен*,
Странствует в воображеньи
По морям мирских премен
Иль по бездне углубленной
Ветхой древности почтенной;

Иль грядет в сумраках злачных
Вновь очищенных купин,
Где растет в удольях мрачных
Чаща глодов, гордовин,
Ежевики и бузины,
Терна, груши и крушины.

Может быть, *Луцинда* нежна,
Главна часть души и нег,
Спутница всегда прилежна
Стоп его и мыслей всех,
Примет равное участье
В безмятежном сельском счастье;

Где лишь чувство оживляет
Тихо-бьющись их сердца
И сокрови́ща вливает
В их беседы и слова;
Где средь сельских их советов
Вкус один – душей предметов.

Тут *Акаст*, или гуляя,
Иль остановясь в тенях,
Прелести прочтет, вздыхая,
В голубых ея очах,
Где мир кроткий обитает,
Где лишь скромный огнь блистает;

Где он черпает ту живость,
Сердца нежного предлог,
Ту безмолвну говорливость,
Тот божественный восторг,
Чем любовь лишь награждает
Тех, – которых ублажает.

Тут, – обняв розо-лилейну
Грудь, – с ней сядет на траву

И от страсти утомленну
К ней уронит он главу,
А чрез поцелуй и смехи
Кончит сельские утехи.

О счастливые супруги!
Пусть три чисты сестры там[1]
В вожделенные досуги
Вас ведут по тем местам,
Где роскошны сельски виды
Взору вашему открыты;

Где лишь души ваши нежны
Мещут в недра естества
Всё, чем *грады* льстят мятежны;
Так, как древле божества
Нисходили в *Рай* прелестный,
Оставляя *Град небесный*!

Нет градским сребристым узам
Жертвы в *райской* сей тиши;
Лишь открытость, – нежность к *музам*
И веселие души
Сельски виды оживляет
И блаженство возвышает.

Можно ль, чтобы огорчилась
Мудрость строгая тогда,
Если б жертва воскурилась
При ключе сем иногда
Нимф и *муз* веселых чину
И *Семелы* гордой сыну?[2] –

---

[1] Грации.
[2] Вакх, бог вина.

Нимфа сей вдовы священной
Лишь на малый скроет срок
Мудрости чело почтенной
Под зеленый свой венок,
Чем главу свою венчает,
Русы кудри оттеняет.

Муза пламенна не минет
Ироических часов,
Как с высот *Олимпа* сдвинет
Всех *Омировых* богов,
Сладкой *ихорь*[3] принимая,
Кровь небесну воспевая.

Но *Семелы* чадо нежно,
Божество пиров, утех,
Столь быть должно безмятежно,
Каковым *богиня нег*
В дни его невинны зрела
И, вздохнув, впервые млела;

Каковым она, в тенистой
Ходя роще и лугах,
В гроте *Низы*[1] каменистой
Обрела его в цветах,
Спящего средь роз душистых
И среди плющей власистых!

Столь невинен да явится
Сей воспитанник *гиад*! –
Разве, – разве покорится
Воле *нимфы*[2] в час отрад
И растворит в чаше пира
Шутку с сладостию мира?

---

[3] Тончайшая кровь богов у *Омира*; следственно здесь *ихорь* значит кровь *Бакха*, или сок виноградный.

[1] Гора в *Индии*.

[2] Здесь *нимфа* совершенно значит ключевую воду.

71. УМОЛЕНИЕ ПРИРОДЫ ПРИ НОВОМ ИСТОЧНИКЕ

Матерь! – Ты ль себя забудешь,
Нежно чад своих любя? –
Разве мачихою будешь,
Коль с насмешкой погубя
В среброногом сыне силы,
Иссушишь его все жилы?

Коль в кристальной колыбели
Он исчезнет иль умрет,
Оскудея средь скудели,
⟨Прежде, нежель в путь пойдет,⟩
Прежде, нежель агнец летом
Придет пить пред водометом.

Ах! Ужель *источник* тайной
Станет, крадучись, бежать
В мере песни сей случайной
И лишь временно звучать
По струнам сим для забавы
И гремучим быть без славы?

Разве только в вображеньи
Будем бег его искать;
В лоне муз иль в умозреньи[3]
Мнимый гул его внимать? –
Нет, – пусть в бреге существует,
В недрах матери ликует.

---

[3] Нельзя оставить без некоторого замечания сих статей, в коих некоторое сумнение до сих пор изображается. Оно основательно было, потому что безуспешество в действии *ключа* и предприятии хозяина совершенно предугадано, как уже впоследствии и открылось.

Мать существ боговенчанна,
Первороднa дщерь небес,
Дщерь любезна, постоянна,
Тайна сила всех телес,
Сила действа и страданья,
Сила жизни и дыханья!

Здесь стою я, – здесь вздыхаю, –
Здесь, где томно бьет ручей,
Я к тебе весь день взываю
Над слезящей сей струей;
Если грудь твоя пространна
Всем твореньям невозбранна;

Коль от груди многоточной
Чада благ насущных ждут;
Если жизненной сок прочной
Существа из ней сосут;
Ах! Склони ты грудь пенисту
В колыбель сию сребристу!

Пусть сей *ключ* в часы рассвета,
Иль как полдень зной прольет,
Иль как поздная *планета*
Свет мерцающий зажжет, –
Пусть он новыми стезями
Резво скачет меж кустами!

Пусть *Акастовы* в нем члены
Силу здравия найдут!
Пусть из сей врачебной пены
Свежи дни ему блеснут,
Столь же тихи, беспечальны,
Как струи *ключа* кристальны!

Екатерина II, Павел I и Александр I в медальоне.
С гравюры Больдта

Штурм Очакова. Гравюра А. Берга по оригиналу Ф. Казановы. 1792 г.

А.В. Суворов. Портрет работы И.Г. Шмидта. 1800 г.

С.К. Грейг. Портрет работы И.А. Аргунова.
1772–1773 гг.

В.Я. Чичагов. Гравюра А.Г. Ухтомского. 1790-е годы

Ф.Ф. Ушаков. Портрет работы П.Н. Баженова. 1912 г.

Князь Н.В. Репнин. Портрет работы неизвестного художника (копия с оригинала Д.Г. Левицкого). 1780-е годы

Смерть Г.А. Потемкина 5 октября 1791 г.
Гравюра Г.И. Скородумова по рисунку М.М. Иванова. 1793 г.

72. К ЛЮБИТЕЛЬНИЦЕ ПРИРОДЫ И МУЗ НА ГОСТЕПРИИМНОЙ ЕЯ ДАЧЕ

Встаньте, встаньте, *ореады*,
Дщери легкие холмов!
Встаньте, *музы* и *дриады*,
Из зеленых вы домов!
Киньте там дремоты дики!
Составляйте легки лики!

Здесь *Луцинда* торжествует;
Здесь *Луцинда* вам одна
К бытию путь указует;
Здесь среди красот она, –
Как над облаком денница, –
Тихих теней сих царица.

Се при пурпурном сумраке
Кротких вечера часов
Здесь она в прелестном зраке
Зиждет жертву чувств и слов
На смеющейся долине
В дань за дань *Акасту* ныне!

Выдь, *Задумчивость*, из света!
Нет там дружбы; – всё беда;
Здесь ты в рубище одета
Найдешь отдых завсегда;
Лишь бальзам отрад польется,
Ты испьешь; – *грусть* улыбнется.

Так, *Луцинда*! – ты достойна
Обладать страною сей;
Без тебя б была нестройна
Благовидность сих теней;
Без тебя б здесь *Лира* млела
И *Гармония* мертвела.

Пусть румянцем испещренны
Баргамоты зрелы тут
Или с вербой вяз священный
Вкус, красу и сень дают!
Но где нет тебя – там мука;
А где ты – смеется скука.

Здесь ты взглянешь – и небесный
Расцветает в чаще край;
Здесь ты ступишь – и прелестный
Живописный дышет рай;
Усмехнешься – всё живеет;
Замолчишь – и всё немеет.

Молвишь речь, – древа щепечут,
А зефиры, встрепенясь,
Оживленные зашепчут
И хотят сказать в тот час:
«Ты владей *темпийской* долей
В сельских негах с полной волей!»

Но *дщерь солнцев*а вещает
В честь лицеев новых сих:
«Лучший час мне наступает
Петь гостеприимство их. –
Хоть язык мой изнеможет;
Сердце в пении поможет».

73. К ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЕ ОБЩЕГО БЛАГОРОДНОГО УВЕСЕЛЕНИЯ В НОВЫЙ ГОД

Что слышу я? – Седый крылами год махнул
И, перья дряхлые сложа, вздремал, – уснул;
А юный гордый год, восстав из вечной бездны,
Летит в вселенну, – в твердь, – в пределы многозвездны
И солнцев пламенник подносит ближе к нам,
Чтоб зиму растопить и жизнь дать сим странам.

М⟨ордвино⟩ва! – Час бил; – за ним отзвался новый;
За ним сто уст тебе открыть восторг готовы;
Но верь! – Единое в них сердце говорит,
Единым пламенным желанием горит,
Чтоб с нежностью к тебе год новый усмехался
И тек бы в тишине, без бури окончался!
Не смел бы горьких слез из темной урны лить;
Не нагло *парка* бы крутила жизни нить.

Пусть грубый *нелюдим* в уныньи истлевает!
Пусть взор презорчивый в *храм вкуса* простирает,
Где мир с утехою, невинность с простотой
Теснятся вкруг тебя, вступают в лик с тобой;
Где скромны *грации* венок из роз сплетают
И, строя хоровод, чело твое венчают! –
Мы здесь, покорствуя законам естества,
И благо жизни сей чтя даром божества,
Не должны ль томный дух *отшельническ* оставить
И вкусу нежному сердечный трон поставить? –
Мы знаем – не везде сей жизни путь тернист;
Когда не гладок здесь, то ровен там и чист;
Мы знаем – не всегда должна быть твердь ужасна;
Бывает мрачна твердь, – бывает твердь и ясна.

М⟨ордвинова⟩! – Сие собранье посетив
И щедростью своей его ты оживив,
Колико мрачностей присутством отвращаешь,
Колико милы дни ты впредь нам обещаешь? –
Прими здесь чувствия от нас нелицемерны,
Как излияния чистейшие усердны! –
Они из многих уст, как токи вод, текут;
Но *ключ один*, – они в *благой душе* живут.

74. ХОРЫ
для сего увеселения в то же время

О богиня игр волшебных,
Возвышайся, возникай,
Питие утех целебных
С алых перстов изливай!

Снидьте с радостным полетом
В сень вечернюю, часы,
Как нисходит знойным летом
Ток вечерния росы!

Здесь сыны утех блаженных
Созерцают ночью день
И сре́ди забав бесценных
Составляют райску сень.

Тщетно зимние туманы
Тьмят веселья цвет румяный. –
Божество утех! Играй!
Пусть блеснет в сей жизни рай!

75. ХОРЫ ДЛЯ ПОЛЬСКОГО
в честь вождя морских сил, г. ⟨Мордвинова⟩

1 Хор

Божество пучины черной!
Зри во славе здесь бессмертной,
Зри великого в мужах!
Уступи ему лазорный
Скипетр и *Эвксин* покорный! –
Он глава в твоих волнах.

Трио

Он подвиг, он труды свершает,
Как *Геркулес*, как *Исполин*;
Он честь народа умножает;
Он должен вод быть властелин.

2 Хор

Взвейся, слава, выше молний
И *эфир* собой наполни,
В рог трубя сребристый свой! –
Простирайте вы, *тритоны*,
В шумны волны громки тоны,
Что *Нептун* у вас иной!

Трио

Он *музам* друг; он честь народу,
Он мудрости отличный сын;
Чтит истину и чтит природу;
Он должен вод быть властелин.

76. ПОХОД ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Польской на голос: *Гром победы*

Хор

Звук полночных громов мчится
В средиземных глубинах;
Не *срацин* кара́ть он тщится;
Росс их друг и вождь в водах.
Встань, тень *Рима* и *Эллады*!
Встань – и северу чудись!

Трио

Там, где флоты пламенели
При *Чесменских* берегах, –
Там опять орлы взлетели,
Но не им, – а *галлам* в страх.
Встань, тень *Рима* и *Эллады*!
Встань – и северу чудись!

77. ОТДЫХ МАРСА В ВЕСЕЛОМ СОБРАНИИ
Другой Польской на тот же голос

Хор

Пусть шумит волной огнистой
Марс кровавый на морях!
Здесь звучит струею чистой
Сребрян *мира ключ* в сердцах.
Прочь, ты, буря! прочь, забота!
Смейся, радость, смейся, мир!

⟨*Трио*⟩

Не гордись булатным ныне,
Божество войны, ⟨мечем⟩!
Гром смягчится твой в долине,
Где утехи бьют ключем.
Прочь, ты, буря! прочь, забота!
Смейся, радость, смейся, мир!

78. ЛУЧШИЙ ДЕНЬ В ГОДУ АКАСТА[1]

Гремит перун – питомец *Феба*,
Глагол *Зевеса*, – вестник неба! –
Камена! – Грянь за *Зевсом* вслед! –
Ты дщерь его – сомненья нет;
Блесни, чтоб в *чаше* токи лет
Явили благодатный свет!

Се *Зевс* сверкнул! – И быстро свет стекает
Туда, – на дно – чрез сребряный перун,
Трубой небесной с облак подтверждает
С желаньем нежно чувство лирных струн,
Чтоб каждый был *Акастов день* бесценной
Уделом сладким *вечности* блаженной.

Акаст! – Так *муза* вопиет
Под ревом бурь и вихрей грозных;
Так тихи дни тебе поет
Под громом туч молниеносных.

79. ПОКРОВИТЕЛЮ И ЛЮБИТЕЛЮ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ г. М⟨ОРДВИНО⟩ВУ[2]

При многошумном устье *Буга*
Бесшумный лик счастливых *муз*
Обрел себе по сердцу друга;
Обрел – и заключил союз.

---

[1] Сие писано было действительно во время летней грозы, когда был день *Акастова* празднества и угощения.
[2] Покровитель, упоминаемый здесь, учредил в сей стране казенную книгопечатню, чего тут дотоле еще не бывало.

Уже язык их звучный будет
Отсель греметь в позднейший мир;
Потомок здешний не забудет,
Кто жил, – кто строил струны лир.

Уже *компас, весы* и *лира*
Переселятся жить в листах;
А сын брегов под тенью мира
Живой глас узрит в письменах.

Приморски *музы*! Открывайте
Пред общий взор свои сердца!
Оливой с розами венчайте
Бессмертья вашего творца!

80. К КОРАБЛЮ 74-ПУШЕЧНОМУ спущенному 1794 года в Херсоне[1]

Ступай в объятия Фетиды серебристы!
Неси меня, – где путь Язону был открыт[2],
Где солнцевы врата и дом златый стоит;
Иль – где *Гесперские* растут леса тенисты!
Пусть снидет *Хронов сын* от горних стран с громами,
Дабы присутствием Минервин труд почтить,
И в сердце сопостат меж черными волнами, –
Доколь сей труд живет, – ударами твердит,
Сколь прозорлив над сим трудов был покровитель,
И сколь искусен был и будет сорудитель.

[1] Сей корабль строен был под начальством Его Высокоп⟨ревосходительства⟩ Н⟨иколая⟩ С⟨еменовича⟩ М⟨ордвинова⟩ трудами к⟨орабельного⟩ м⟨астера⟩ К⟨атасанова⟩.

[2] Сочинитель сей надписи в то время сам спускался на сем корабле.

81. ПЛАЧУЩАЯ НИМФА РЕКИ ГИПАНИСА ПРИ КОНЧИНЕ СЛАВНОГО ВОЖДЯ СИЛ ЭВКСИНСКИХ

Содержание

Бугея, нимфа сей реки, видит с берегу разные суда в печальном образе и сетует, *дриада* набережных вязовых рощей *Ульмея* застает ее в сем положении и участвует в горести; но тогда морской предсказатель, *Нерей,* приплывает из *Эгейского* моря в сию реку, предвещает и утешает.

Туманов утренних моря,
От силы знойныя паря,
В палящей тверди исчезали,
Струистым паром задрожали;
Вдали синеет томный лес;
Поля открыты пламенеют;
Одне пещеры там темнеют,
Прохладный ниспустя навес.
Уже *наяды* не находят
Среди кипящих струй утех;
Они иль в бездну глубже сходят
Иль удаляются на брег, –
На брег крутой, сенолесистый,
Где в резвой пляске хор *дриад*
Внимает *Пана* глас трелистый
Иль *эха* полнозвучный склад.

Меж тем как по лесам *дриады*
Вкушают отдых и покой,
Зеленочелые *наяды*
Ныряют в глубине речной.
Кто, – кто от них там убегает,
От дна реки наверх взлетает
И бледной дланью выжимает
Из тростниковых токи влас!

Она спешит на брег тенистый,
Где куща томну сень дает, –
Садится, – кудри рвет волнисты
И в алебастрову грудь бьет.
Тут слезы нежны истекают
Из глаз смарагдовых ея,
Жемчужной влагой орошают
Прибрежный злак сего ручья.

Опершися на пень вязовый,
Зрит мрачный вид *судов* суровый
И начинает разговор
С собою: «Где ж утех собор?
Где делось время прежней славы?
Где те кристальные пути,
В которых зрели мы забавы? –
Их нет, – их боле не найти.
Что ныне сделалось с тобою,
Гипанис, томный *Борисфен*?
Я слышу стон лишь под тобою;
Я зрю – ты в мрачность облечен.
Тритоны в волновой одежде,
Как в час веселый было прежде,
Уже не трубят в звонкий рог;
И сам седой их страждет бог.
Все, – все, мне кажется, минется...
Ток слез моих с избытком льется;
Но глас мой становится нем;
О горе – лейся ты ручьями! –
Кому, – кроме меня, – ты чуть?

Здесь *дриада* вязовых древес, по имени *Ульмея*, подслушивает, подходит к плачущей и вмешивается в ея тоску.

Ульмея

Как? – здесь *Бугея*! – ты, любезна!..
Скажи! – какая участь слезна
Тебя крушится нудит тут?
Твои зеницы побагрели;
Ланиты в пламени горят;
Власы зелены поседели;
По плечам брошенны лежат;
Из желви гребень твой точоный
Там кинут – в утлых камышах;
Скажи! – почто вздыханья, стоны
Столь часто слышны в сих местах? –
Почто здесь сохнешь от кручины?
Откройся, для какой причины,
Забывши родину, мой друг,
Грустишь одна – и без подруг.

Бугея

Сама ты ведаешь, *Ульмея*;
Всегда ль лазурь на небесах
Яснеет в тишине синея?
Всегда ль на облачных краях
Жемчуг и золото яснеет?
Всегда ль равнина бездн седых
Зерцало гладкое имеет?
Всегда ли чист кристалл на них?

Ты знаешь, что не редко мчится
С *полуночи* бурливый дух;
Среди стальных колес стремится
И возмущает тихий *юг*;
Он тучные холмы шатает,
Он кедры с корнем исторгает;
Он *Хаос* возрождает тут,
Где бури воют и бегут,

На медных рыщут колесницах
И сыплют дробный огнь в зарницах,
Меж тем как бездны восстают.
Увы! участница тоски!
Как должных слез не проливать? –
Средь сей вздыхающей реки
Вовек утех мне не видать!

Ты видишь там кормы крылаты,
Покрыты страшной чернотой;
То гробы, мнится мне, чреваты
Орудиями смерти злой;
Ты видишь парусы там бледны;
То, мнится, тени пеплоцветны,
Надуты яростию туч
И гневом реющей полнощи,
Отколь бежит далече луч,
Что, сквозь туманны мчася рощи,
Чрез голые холмы скользит
И в тихие страны летит.

Нет, – видно, вздохи будут вечны;
Знать, – вечно пить струи мне желчны.
Не слышишь ли *удодов* клик
И вранов горестный язык,
Что там по реям превитают? –
Мне мнится, всякая волна
Свершает тамо погребенье,
Где в прежни ясны времена
Смеялась радость и веселье. –
Ужли кого глотает вал! –
Как? – *Борисфен* могилой стал! –
Ульмея! – вот картина мрачна!
Ужасно при гробах мне жить! –
Картина страшна, – смертно-зрачна!
Ужасно к ним мне приступить!

Ульмея

Жаль, жаль, что лютый рок осилил;
Что дом тебе твой опостылел! –
Ужли таков сей будет край? –
Жаль, милая! – но продолжай!

Бугея

Я прежде восхищалась зреньем,
Как ключ *Гипанский* шумно бил;
Как легким чрез скалу паденьем
Дуги серебряны крутил;
Я зрела, как суда веселы,
На ветрилах надутых мчась,
Как лебеди пушисто-белы,
В *Эвксин* летели в шумный час;
А мы за сими ушлецами,
Как ласточки, гналися вслед;
Лишь смехи слышны меж кормами,
И наш был хохот им в ответ.

В то время их хребты стальные
Являли жатвы цвет златый
Или лилеи цвет млечныя,
Или *тирянский* багрец густый,
И будто бы полки сребристых
Иль златолиственных лесов
Виясь бежали средь пенистых
Гипанских радостных валов;
Их разноцветна тень пестрелась
В невозмущенных глубинах;
В зерцале наших нимф гляделась,
Бежа им вслед в витых столпах.
Ах! – там мы *вод вождя* видали;
То лавр, то мирт чело на нем
Попеременно оттеняли;
Я с ним купалась в токе сем...

Ульмея! – помнишь бой в *лимане*;
То с *дивийми богов* был бой
В горящем инеев тумане;
То в тучах спор был громовой;
Тогда сии перунны рощи
Не гробы, не призраки нощи
Казалися в себе самих,
Но славные трофеи их,
Которы сильно потрясали
Узийский[1] холм с седых валов;
Суда *срацински* превращали
В гробницы собственных громов;
Тогда под гордыми стопами
Трофеев скачущих с громами
Пылала в дыме глубина,
Крутя кроваву пену с дна. –
Ты помнишь, как *лимански* волны
Дотоле слез и крови полны
Под игом стропотных врагов,
В своих пучинах с стоном выли;
Они давно поверх хребтов
Ярмы *срацинские* носили,
Но свободится не могли
От изуверов сих *азийских*,
Что с тяжестью на них легли,
Доколе на судах *российских*
Язоны новы притекли
И огнь сквозь воды пронесли.

Тогда лишь молнии полночны
От сих торжественных судов,
Ударили в кормы восточны!
Враги от мстительных громов,
Дрогнув, – метались, упадали,

[1] То же, что *очаковский*.

Тонули, мчались, исчезали. –
Бич огненный шумел везде;
Суда их молния снедала,
Тела их глубина глотала;
Не знать тиранов сих нигде,
И на речных сих берегах
Утехи прежни, мир, забава,
Краса, свобода, блеск и слава
Открылись в радужных лучах;
Увы! – надолго ль быстра радость
Меж *нимф* разлила жизни сладость?
Она дотоль могла блистать,
Доколе *вождь* успел дышать;
А ныне – как не возрыдаю? –
А ныне я *вождя* струй сих
По прежнему не ощущаю
В младых объятиях моих. –
Лик светлый флотовидной рощи
По своенравию судьбы
Приял печальный образ нощи,
Где ужасов живут рабы.
Се дебрь влечется средь тумана,
Одета в вретище иль креп,
Иль в перья зловещуна, врана,
Сказующего рок свиреп.
Вот – так в Фессалии веселой
Однажды несчастливый вран,
Имев, как горлица, вид белой
Или, как гусь, крыле и стан,
За *Коронису* изгнан, бедный,
Из стада белых птиц, став черный,
Где ж? – где ты, милый мой, теперь?
К тебе сих вод взывает дщерь! –
Увы! – любезный мой не внемлет,
С кем я резвилась в сих струях! –
Знать, ввек в гробницах сих он дремлет!

Ах! всё, – всё хладно в сих местах.
Там бледны ветрила вздыхают,
Что *основателя* нет их;
В них ветры шепчут и вещают,
Что прежний вождь отшел от них;
Где ж милый мой? – в гробах глухих!..

Да, – вижу, что сия премена
Не случаем была слепым;
Да, – здесь судьбина сокровенна
Совсем идет путем иным. –
Всемощны жребия закона
Ту цель имели, чтоб суда
Без их вождя сквозь сиры волны
Чернели вретищем всегда;
Так, – тщетно по вожде вздыхаю
И здесь ищу его я след! –
Могу ль сыскать? – почто ж рыдаю? –
Далече он, – его здесь нет...

Ульмея

О бедная моя *Бугея*!
Конечно, – долг грустить, вдовея;
Но ах! – ты грустью таковой
Отъемлет также наш покой.

Бугея

Да, – да, несчастная *Ульмея*! –
И ваш, – и ваш не лестен рок. –
Древа, где дух ваш, цепенея,
Не движась, спит, как мерзлый ток,
Древа сии, объемлясь братски,
Жить вкупе чаяли всегда;
Но лишь секиры святотатски

Сверкнули, – помнишь ли, когда? –
Зелены братья всколебались;
Раздался вой меж их тотчас;
Тогда, из их сердец гонимы,
Как вихри, *существа* их шли
И были за власа влачимы
Сперва на брег, – потом в струи;
Лишь счастье то, что все в то время
С водными дщерьми *посестрясь*
Составили едино племя,
А их тела, в зыбях носясь,
Прияли оборот другой,
Но столь же милый и живой;
Живой! – но ах! – теперь тускнеют?
К чему ж толь страшный вид на них?
Все наши нимфы не умеют
Смыть смерть и гробны пятна их.
Ульмея! коль теперь сменяют
На пепельный янтарный цвет,
Лилейный в враний претворяют,
То пусть и дух иной живет!
Пусть довершат! – Пусть все утехи
Плачевный понесут урон!
Пусть в вздохи превратятся смехи,
Улыбка в плач, а песни в стон!
Скажи сие подругам верным!
Уверь, что черные суда
Идут на вкус пучинам черным!
Вран врану милый друг всегда. –
Вот горьких слез моих причина!
Помысли! – льзя ль не плакать мне?
Была приятная година;
Тогда мы зрели *властелина*;
А ныне – черны веют дни!
Нет ведра, – бури лишь одни.

В сию самую минуту показывается вдали седовласый старец, выходящий из-под волн и отпрыскивающий от себя водную росу; он едет на дельфинах и подплывает к самому берегу. Бугея продолжает.

Но кто в лазоревом хитоне
Сюда спешит поверх зыбей?
Под ним крутится бездна в стоне;
Над ним вертится вихрь ярчей;
Скажи, *Ульмея*, кто?

Бугея

Нерей;
Коль я не ошибаюсь, – сей
Эгейской древний житель бездны,
Седый пророк.

Нерей

Мир вам, любезны! –
Да будет радость в сих странах!

Бугея

Какая радость здесь? – нет силы,
Посол морей, вещать мне! – ах!
Когда б ты знал наш рок унылый!

Нерей

Я зрел в полуденных водах
Бегущи здешние кормилы;
В них каждый Исполин стокрылый
Гремел в торжественном огне;

Что ж вы тоскуете одне? –
Ты – и твоя в слезах подруга! –
Бугея! ах! – откройся мне!
Ты зришь во мне пророка, – друга.

Бугея

Почтенный меж богов пророк!
Я не напрасно проливаю
В сем грустном месте слез поток;
Сам видишь, в чем я унываю:
Ты видишь образ здесь гробниц,
Не прежний громких вид бойниц.

Нерей

Я вижу сам суда здесь черны;
Их ветрила не ино что,
Как вретища какие смертны.

Бугея

И так винишь ли плач за то,
Что мрак в волнах сих ощущаю,
Что смерть *вождя* воспоминаю? –
Ах! – прежней славы нет в судах! –
Я часто от сестер из круга
Хожу здесь плакать на брегах;
И ни одна со мной подруга
Моей печали не делит;
Лишь жду одна здесь со слезами,
Не пременится флота вид,
Дабы сестрам моим печальным
О сей премене предъявить
И чтобы токам сим кристальным
Приятный путь возобновить. –
Увы! – того не обретаю! –

Все носит здесь ужасный вид. –
Вещай же, чем отныне чаю
Отца и сетр увеселить? –
Увы, пророк! – всегда ль яснеет
Лице лазоревых небес? –
Приходит ветр, и свирепеет,
И воздух помрачает здесь.

Нерей

Но знай, что не всегда темнеет
Лице лазоревых небес;
Приидет час, – и прояснеет;
И рассмеется брег и лес. –
Как? – разве солнце отречется
Свет тихий паки возвратить!
И разве *север* век мятется!
Нет, дщерь моя! – забудь то мнить
И верь, что ты увидишь снова
Драгого в миртовом венце;
Обнимешь... более ни слова;
Ты рай найдешь в его лице. –
Полярный *Белый бог* возлюбит
Блестящий радостью венец;
Он сильный свет свой усугубит,
Чтоб мрак сей восприял конец;
Полубогам он не желает
Глубить в реку сей лес гробов;
Трофеи светлы назначает,
Чтобы носились средь валов.
Не сетуй, дщерь моя любезна!
Не сетуй! – минет доля слезна!..

При сих словах *Нерей* укрывается от глаз; *дельфины* приемлют его на себя и удаляют в Эгейское море, дабы возвестить о том в Средиземных водах северным пришельцам.

Ульмея

Отри, сестра, потоки слезны!
Льсти нет в *Нерее*, – он *пророк*;
Теперь все слезы бесполезны. –
Ужли же своенравный рок
Торжествовать не перестанет?
Ужли Нереев глас обманет?
Ужли сей мрачный флота вид
На вечну горесть превратит
Веселье прежних дней прекрасных
И рай наш в тартар зол ужасный? –
С *полночи* выдет иногда
Вновь перекатная *звезда*...
Пойдем к сестрам и, сколько хочем,
Меж тем попляшем, похохочем?

82–96. КЕНОТАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОДВИГОПОЛОЖНИКАМ

1. НИЗЛОЖЕННОМУ ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ СЕВЕРНОМУ АЛЕКСАНДРУ

Здесь – новый ужас мира спит;
Возглавьем *Курция* имеет[1].
Как? – ныне *Марсов* сын молчит,
Сей полубог во прахе тлеет,
Что, быв под громом весел, резв,
Топтал *Цереру* с *Вакхом* в поле,
Чтоб *сына Зевсова* быть боле![2] –

---

[1] Карл XII, не выпуская из рук, читал для лучшего себе примера любимую им *Курциеву* Историю жизни *Александра Македонского.*

[2] *Александр Македонский* был сын *Филиппов,* но называть себя велел сыном *Юпитера*, как известно.

Но что? – душей едва быв трезв...
В казнь челюстям времен суровым
Он стал – трофеем ввек *Петровым.*

2. СООРУДИТЕЛЮ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОРУДИЙ В ХЕРСОНЕ

Когда б рог славы онемел
В хвале *Стр⟨уговщико⟩ва* дел,
То медь, им в гром преобращенна,
Против *срацинов* обращенна,
Не умолчала бы о нем[3]; –
Но если б был и гром сей нем,
То нам сей камень возвещает,
Кто по трудах здесь отдыхает.

3. ЕМУ ЖЕ

Прости, – прости, *Стр⟨уговщико⟩в*!
Пусть медный гром твоих трудов,
Разя средь черных вод врагов,
Твердит, кто ты был в дни таков!

4. ОТЦУ АКАСТА

Вот, здесь отец мой спит! – пришлец, остановись!
Здесь прах лежит его; здесь горько прослезись!
Оплачь его со мной, потомству возвещая,

---

[3] Вылитые тщанием сего именитого мужа орудия для Черноморской артиллерии делают ему довольную честь и славу.

Что *Г⟨ерин⟩г,* некогда сим градом управляя[1],
Спасал его от *орд,* прославил тем свой век;
Пылал он, как Герой, – погас, как человек.

5. ДРУГАЯ ЕМУ

Кто слезный памятник Герою сорудит,
Который, некогда сим градом управляя,
Скончал со славой век, толпы врагов сражая,
А ныне под простым зеленым дерном спит?
Кого же более подвигнет здесь судьбина? –
О Г⟨ерин⟩г! – никого, кроме стеняща сына...

6. К ПРАХУ ЗАЩИТНИКА

Отеческая тень! – давно душе твердишь,
Что не оплакана над гробом сим скорбишь,
Что знака дел твоих еще не воздвигаю
И имени отца векам не возвещаю,
Который бытие бессмертием венчал,
От зависти крамол бессильных защищал. –
О *Шв...*! окропись теперь моих слез током
И с тверди на меня воззри довольным оком!

7. ОТ ТЕНИ ОТЦА К СЫНУ

Постой, мой сын! постой! – ты знаешь несомненно,
Чье тело здесь лежит во мраке погребенно!
Дополни сына долг залогом вечным, твердым!

---

[1] Умерший, быв комендантом в Елисаветграде, многократно спасал оной от *татарских* набегов, а прошлого 1769 года скончался и там погребен. Монумент с надписью поставлен над ним ⟨1⟩790 года.

Напомяни в слезах потомкам добросердым,
Что страждущих отец, – что твой отец здесь спит
И новой ждет зари, как сон сей пролетит.

8. К ПРАХУ ДВУХ БРАТЬЕВ, БЛИЗНЕЦОВ

Здесь в тишине они лежат! –
В...! – здесь воздыхайте!
Два брата, – две надежды спят, –
Надежды всей семьи; – рыдайте!
Семнадцата весна цвела
В чертах их юного чела;
Одна родила их утроба;
Один сокрыл их камень гроба. –
Их души – к *Близнецам* летят![2]
Тела – здесь в тишине лежат!..

9. К Г. РСНСКМ

О путник! – видишь ли сей камень,
Под коим волею насильно чрез перун
Изъятый рано муз и нимф угаснул пламень?
Ах! путник! плачь со мной! – он был... был юн.

10. К ФЛНВ

Пришлец ли ты? – остановися,
Над сей могилой прослезися!
Увы! там друг мой вечно скрыт,
С ним бедность и злосчастье спит,
Но он был добрый, просвещенный, –
Престань от слез, пришлец смущенный!

---

[2] Сии два брата умерли в *маие*.

11. СУДЬБА ОБИДЧИКА

Послушай, плачущий! – прости ему! – ты знаешь,
Что ты *поправшего тебя* здесь *попираешь*.

12. Г. Л...ВУ. IMPROMPTU

Вот жертва должности священной,
Поверженна внезапным сном!
Он спит; – и сон невозмущенной
Не обретет конца потом;
Но с ним восстанут все доброты,
Смиренье, честность и щедроты;
Прах здесь, – а те – на небесах. –
Друзья! – вы лучше сами зрите
И лучше долг ему дадите! –
А мне не можно... во слезах!..

13. К БРАТНЕМУ ПРАХУ Г. ПОДГ... ЦИ

Прости, любезный брат, навеки!
Ты здесь сложил в могиле прах,
Как все земные человеки;
Ты лег не в Марсовых полях;
Увы! – вся жизнь есть – поле ратно,
Где пал твой цвет дней невозвратно.

14. К УМЕРШЕМУ ВЕСНОЙ БЕДНОМУ ЮНОШЕ

Неведом в страшной спит пустыне,
Где мрачны рвы, изрыты в ряд,
Грозят блистающей гордыне,
Увы! – и кротости грозят.

Сравним ли мы его судьбину
С судьбиной пышных богачей?
Сколь разную пред ним кончину
Имеет блещущий злодей!

Там шумный звук косы летает
В стократных вздохах по странам,
А здесь – столь тихо он вещает,
Что слышен малым лишь друзьям.

Богач, и в гробе ополчаясь
На смерть, – под мармором лежит,
А бедный, – надписи лишаясь,
В безвестности под дерном спит.

Увы! – ни юность многоценна,
Ни дарованья, ни красы
Не защитили тела тленна
От лезвея кривой косы.

Зима проходит, – *Феб* спускает
Свою лампаду ближе к нам,
И нежный *Зефир* возвещает
Восстанье дремлющим вещам.

Еще природа воскресает;
Еще в трех царствах жизнь горит;
Но в нем – *лампада* погасает;
Весна его не оживит!

Друзья! – отрите слезны токи!
Весна небесна воззвала,
Да там ея красы высоки
Душа его обресть могла.

15. К ПРАХУ ПОЧТЕННЕЙШЕГО И ЛЮБЕЗНЕЙШЕГО М⟨О⟩Ж⟨АЙ⟩СК⟨О⟩Г⟨О⟩

Был в бреньи *дух, – дух милый* по делам,
По свойствам сердца, по уму, по знанью;
Как некий *Аддисон* – по дарованью[1];
Отколе шел он, – ныне паки *там...*

97. БАЛЛАДА МОГИЛА ОВИДИЯ, СЛАВНОГО ЛЮБИМЦА МУЗ

Овидий! ты несправедливо желаешь включить *бича своего* в лик небожителей; заточение твое научает нас, достоин ли он всесожжений за свою великую неправоту? –
Без существенной вины отщетив тебя от отечества, он еще старался прикрыть свою месть, и небо допустило ему соделать тебя несчастным за ту единую слабость, что ты безмерно ублажал его. Надлежит быть весьма жестокосерду, чтоб у отечества отъять самый редкий ум, какой токмо бывал когда-либо в *Риме,* и проч.

Лингенд в элег⟨ии⟩ об Овидии

Там, – где *Дунай* изнеможенный
Свершает путь бурливый свой
И, страшной тяжестью согбенный
Сребристой урны волновой,
Вступает в черну бездну важно,
Сквозь бездну мчится вновь отважно.

---

[1] В *Англии* был славный *Аддисон,* статский секретарь, философ, поэт и благоразумный критик.

Морские уступают волны;
И шумны устия пути,
Быв новым рвеньем силы полны,
Чтоб ток природный пронести,
Простерши полосы там неки,
Бегут к *Стамбулу,* будто реки.

Остановлюсь ли тамо ныне
Близ *Темесварских* страшных стен,
Где в окровавленной долине
Австриец лег, *Луной* сражен,
Где мыл он кровью в ужас света
Победные стопы *Ахмета*![1]

Ужели томна тень *Назона*
Ту *музу* совратит с гробов,
Что с воплем горестного стона
Спустя осьмнадесять веков
Оплакать рок его дерзает –
Там, где он в персти исчезает?[2]

Нет, – тень любезна, тень несчастна!
Не возмущу твоих костей;
Моя *камена* тихогласна;
Пусть по тоске и мраке дней
Они с покоем сладким, чистым
Почиют под холмом дернистым!

Ужасны были *Томски* стены
Сии *Назоновым* очам!
Все тихо; взоры заблужденны

---

[1] При конце семнадцатого века *австрийцы* в том месте были турками разбиты. Сие происходило 1669 года.

[2] Весьма достоверно, что *Овидий* погребен в сей стороне; ибо *Темесвар* есть тот самый древний *Томитанский* город, о коем он так часто упоминает в элегиях своих.

Среди пустынь окрестных там
Искали долго и прилежно
Того, кто пел любовь толь нежно.

Передо мной то вяз нагбенный,
То осокорь, то ильм густой
Вздымалися уединенны
И осеняли брег речной. –
Тогда впадал я неприметно
В различны мысли опрометно.

«Всесильный! – так тогда я мыслил, –
Какой в сем мире оборот?
Кто древле в воображеньи числил,
Чтоб спел когда *ума* здесь плод?
Здесь жили *геты,* здесь те *даки,*
Что члись за страшные призраки.

Рим гордый с *Грецией* не мыслил
В дни славы, мудрости, побед,
Чтоб те долины, кои числил
Жилищем варварства и бед,
Своих злодеев заточеньем,
Отозвались *парнасским* пеньем.

Не мыслил, чтобы мужи грозны
Ума хоть искру крыли здесь,
Чтоб пели здесь *эоны* поздны,
Чтоб чуждые потомки днесь
Назона в арфе прославляли
И слезны дни благословляли.

О горда древность! – ты ль забыла,
Какие чувства и права
Сама ты в дни *Орфея* чтила? –
Поныне камни иль древа
В твоих бы жителях мы зрели,
Когда б их *музы* не согрели.

Ты ль в шумной пышности забыла,
Что в *Ромуловы* времена
Людей железных воздоила,
Что дики в чувствах племена
И грубых хищников станицы
От поздной взяли свет *денницы*.

Япетов сын[1] во мрачность века
Не из скудели ли сырой
Сложил чудесно человека? –
Ифест не из руды ль земной?
Девкалион влагал жизнь в камень,
Орфей в дубравы духа пламень.

Не славьтеся, *Афины* с *Римом*,
Что вам одним лучи даны,
Другие ж в мраке непрозримом! –
И здесь, – и здесь возрождены
Свои *Орфеи, Амфионы,*
Энеи, Нумы, Сципионы.

Все те *сарматы, геты, даки,*
Что члись за каменны главы, –
Сквозь тьму времен, сквозь нощи мраки
Такой же блеск дают, как вы;
Такие ж ныне здесь *Афины;*
Такие ж восстают *Квирины.*

Почто вы хвалитесь в гордыне,
Коль ваши чада суть рабы,
Коль ваши странны внуки ныне
Лишь данники *срацин* – рабов судьбы? –
Цари вселенной напыщенны
Во узах – ныне искаженны.

---

[1] Прометей.

Как? – разве тем вы возгремели
И отличились много крат,
Что *Гениев* губить умели?
Пророк *афинский,* – ты, *Сократ!*
Ты, *Туллий!* – ты, *Назон!* – проснитесь,
За рвенье музы поручитесь!»

Так я беседовал, унылый;
Тогда был вечер; и, спустясь,
Роса легла на холм могилы;
Роса слезилася ложась;
Над холмом облако дебело
Во злате пурпурном висело.

Вдруг глыбы потряслись могильны,
И ров зевнул со тьмой своей;
Крутится сгибами столп пыльный,
Внутри я слышу стук костей;
Кто в виде дыма там? – немею;
Я трепещу, – дышать не смею...

Тень восстает; – все вкруг спокойно;
И кажда кость во мне дрожит;
Еще туманяся бесплодно,
Слеза в глазах ея висит,
Что в *дол изгнания* катилась,
В печальных *дактилях* струилась.

Из уст еще шумит вздох милый,
Что воздымал дотоле грудь;
Я слышу тот же глас унылый,
Что в песнях и поныне чуть;
Но слезы – лишь туман кручинный;
А вздох и глас – лишь шум пустынный.

Тут тень гласит, как звук вод некий
Иль шум тополовых листов:
«Чей *глас,* – чей глас, что в поздны веки

Стремится с *Бугских* берегов[1],
Чтобы вздохнуть над сею перстью
И ублажить плачевной честью?»

Певец

Я, – дух несчастный, дух любезный!
Я здесь, унылый твой сосед,
Пришел излить потоки слезны. –
Ужли твой взор пренебрежет
Толико дань сию священну,
Чтоб персть твою почтить бесценну?

Назон

«Я несчастлив!» – ты мыслишь тщетно;
Где тот, что столько крови пил,
Пред кем мой взор лишь неприметно
Без умышленья преступил? –
Увы! – почто мой взор стремился?
О если б он тогда ж закрылся!

Так, – век ваш мудро обличает,
Что мстителя *Назон* сего
В число полубогов включает,
Кумиром милым чтя его,
И им же изгнан сам навеки;
Так, – правильны веков упреки!

Что ж сам обрел потом он боле,
Прогнав меня до сих брегов?
Чистейшу ль совесть на престоле?
Благословенье ли веков? –
В венце он так же заточился,
Как я в чужих песках укрылся.

---

[1] Сии стихи сочинены во время бытности в *Николаеве*.

Иулий – страшный бич вселенной –
Лишь пал, – он, как преемник, вздул
Опять перун тот усыпленный,
Что дух ревнивый окунул
В струи бича племен кровавы,
Чтоб обновить иной род славы.

Крутится кровь мужей реками;
Вдали *патриции* дрожат;
Дух Рима дрогнет меж стенами;
По стогнам головы лежат;
А чрез сии стези кровавы
Достиг он трона страшной славы.

Тогда вселенная искала,
Чтоб он был вечно потреблен,
И грозный час тот проклинала,
Когда на свет он был рожден;
Но лишь схватил он скиптр железный,
Иное возопил мир слезный.

И правда, – он переродился;
Тогда счастливый мир хотел,
Чтоб *Август* вечно утвердился,
Чтоб *Август* смерти не имел;
Из тигра агнец был в то время;
А сим – сдержал блестяще бремя.

Таков был *Цезарь;* что ж *Октавий,*
Который поглотил весь свет?
Его ест тот же червь и мравий,
Что и на мне теперь ползет;
Его лишь точит в *мавзолее,*
Меня под дерном, – что лютее?

Там спорник *Зевса* цепенеет;
Его перун между костей,
Покрытый плесенью, немеет

И не блеснет опять с зарей.
Не плачь, певец *эонов* поздных!
Прешла времен сих буря грозных.

Престол *Октавия* ужасный
Ничто, – повапленный лишь гроб,
Где вызывает *галл* опасный
Из странных *Брута* – род утроб. –
Но смертный в силе блещет тщетно;
Ночь всех равняет неприметно.

Не плачь, певец *эонов* поздных!
Среди небесных я долин
Не зрю ни властных взоров грозных,
Ни от любимцов ложных вин,
Ниже зависимости студной
От их улыбки обоюдной.

Не плачь! – пусть воин соплеменный,
Пусть *росс Назонов* топчет прах,
Срацинской кровью омовенный! –
Но дух мой – юн на небесах...».
Так призрак томный рек – и скрылся,
Лишь лист тополовый забился.

Прости, дух милый, дух блаженный!
Росс чтит твой прах, твои стихи;
Твои все слезы награжденны;
Ты будешь выше всех стихий.

Судьба! – ужли песок в пустыне
Меня засыплет так же ныне?

98. ЗАПРОС НОВОМУ ВЕКУ

Всесильного крылатый вестник,
Столетья ветхого наследник! –
Все слышали гром страшных врат,
Как ты влетал чрез них шумливо
В сию вселенну горделиво,
Все – небо, дол земный и ад.
Повеждь, какие нам блестят
Надежды на челе сих врат?

Ужасны выли непогоды
Средь царств и *мира* и *природы;*
Ужасны, – видим сами то;
Но что знаменовали? – что?

Тогда, – как бурная вселенна,
Крамольной бранью возмущенна,
Ложилась в мирну сень уже, –
Природа встала в мятеже. –
Там бездны, преступя пределы,
Глотали целые уделы;
А здесь источников скупых
Глубоки долы обнажились;
Меж тем как рыб стада теснились
На ветвиях кустов густых,
Открылись памятники скрыты,
Труды седых веков забыты. –
Там странны гласы в облаках
В полнощи ухо поражали;
Здесь горы в каменных дождях
На землю с тверди ниспадали.

Ужель в природе оборот?
Или *великий новый год*! –
Ужели божества природы
Забыли долг обычный свой? –

Чудитеся, земные роды! –
Брань в небе! – тамо *Марс* земной
Бросает грады каменисты; –
Перун, что был непостижим,
Теперь довольно изъясним. –
Не стрелы ль грома те кремнисты,
Что тайно древний *Зевс* метал,
Чем правильно парод считал? –
Вулкан из *Этны* выступает,
Оставя труд подземный свой,
Озера, реки иссушает,
Где, утомленные тоской,
Вздыхают горько *нимфы* бедны,
А *нереиды* на брегах
Тоскуют по отчизне, бледны,
Не в силах быв дышать в полях.

В природе бунт, – мир в мире дышет;
Над западом дуга цветет;
И на брегах *Секваны* пишет
Таинственный Король расчет
Иль зиждет, может быть, мир новый;
То скажет *век,* – мы внять готовы;
Но в севере краса чудес,
Мудрец в *Монархе* добрый, юный,
Строптивы удержав перуны,
Блюдет полувселенной вес.

Но, о судеб посол небесный,
Надолго ль радости дуга
Хранит над миром цвет прелестный
И пестрая ея нога
Стоит над мирными холмами?
Ах! – сколь далеко б дух наш шел,
Хотя *природа* временами
И забывает свой предел?

99. ПРЕДЧУВСТВЕННЫЙ ОТЗЫВ ВЕКА

Сын мой! – сын праха! – сын юдоли!
Ты видишь, – видишь, что и в самом
Смятении вещей теперь,
В порыве самом естества,
Ум человеческий не дремлет,
Мятется, реет, мчится вдаль,
Одолевает век – меня –
И ищет новых царств себе
По ту страну времен парящих,
Где ждет его венец бессмертный.

Нетерпеливый, – бодрый *ум,*
Ум самовластный, *ум* державный,
Перестает отныне строить
В отвагу мысленные замки;
Собрав сил меры седьмеричны,
Стремится чрез предел обычный. –
Се начинает человек
В небесной высоте дышать!
Он с зноем мразы проницает,
Он в тверди климаты пронзает,
К колесам солнечным дерзает.
Под ним *Земля* – как муравейник[1].

Ревнуя *умственному взору,*
Что видит он миры незримы,
Взор бренный странствует отважно
По отдаленным высотам,
Существенны миры находит
В эфирных чуждых областях[2].

---

[1] Здесь предметом *воздушный шар.*
[2] *Гершелевы* телескопы.

Там он встречает над главой
Вселенны новы величайши;
А здесь – вселенные малейши
В безвестном мраке под стопой[3].

Тут он летает в мелком мире;
А здесь – в пучину не вступая,
Пронзает страшну даль пучины;
Без стоп в юдоли вод нисходит
И близит блещущи потери[4].

Там слабо *око*, ополчаясь,
Сражается со глубиною
И пользою венчает подвиг;
А здесь *стопа* отважна ходит
По бурной зыби, как по суше,
Без крыл, – без лодии, – без *чуда*[5].

Там *дух* в уединеньи реет,
А здесь пред светом крылатеет. –
Ужасны подвиги его! –
Се ветха область издыхает!
Растут из праха царства новы;
Падет личина *Магомета;*
И что ж? – в *пророке аравийском*
Пред светом обнажился – льстец;
Теперь ступая с бурливым блеском
На лжесвященну перстъ его,
Иной стоит – и сталью машет.

Меж тем – как тамо силой чуждой
Возобновляется *Мемфис*
И манит в тьму своих развалин

---

[3] Микроскоп.
[4] Изобретение *пелагоскопа.*
[5] Пробочная фуфайка.

Рыть некий драгоценный тлен,
Сокровище умов ветшало,
Иль извлекаются насильно
Из седьмеричной ветхой ночи
Ужасны духи древних *римлян,* –
Здесь венценосный *Гений россов*
Благий дух предков вызывает
И скипетром златым счастливит
Очарованну полпланету.

Вот, сын мой, сколь велико рвенье
Недремлющего ныне духа,
Сего бессмертна чада света
И небожителя во бреньи! –
Ты хочешь знать, к чему еще
Сей полу-ангел, дух во прахе,
В ристалище своем блестящем
При мне поступит ныне дале
Или какие впредь надежды
В прозримой дальности блеснут? –
Ты зришь, что он стремится вечно
От совершенства к совершенству,
От одного довода реет
К другим бессмертия доводам,
Как светозарная черта
Неусыпляемой зарницы
В торжественных явленьях нощи
Летит, туда же протяженна,
Отколе низлетает быстро; –
Ты зришь, что *мыслящее существо*
Бежит со мною совокупно,
Бежит далече, – неусыпно,
Меня он выпередить тщится;
И правда – времени смеется,
Хоть *плоть* ему и уступает.

Вот что вещает небо мне!
Тогда, – как миролюбный плуг
В браздах по тридцати веснах
Отсвечивать при солнце будет, –
Блудящий пламенный мир некий,
Как странник тверди огневласый,
Сойдет в сию долину неба
И сблизится тогда с землей[1]. –
Что, сын мой? – ты бледнеешь, – тщетно;
Не лучше ль ободряться чувством
И той гадательною мыслью,
Что сей небесный посетитель
Провозвестит земле средь молний
Премудрости и славы полдни?
Или какой *Кумеин* век
Восставит на холмах вселенной?
Не будет ли едино стадо
Под пастырем единым в мире?
Иль будет снова в *Византии*
Из-под *срацинских* рук *Рим* новый
Или на западе *Рим* древний?
Не новые ли *Сципионы*
И вседержители ужасны
По средиземным глубинам
Помчатся с громом в кораблях?
Иль паки грозны *Ганннибалы*
Из глубины гробов возникнут
И ступят на утесы *Альпов?*
Или с *Платонами Афины,*
С *Периклами,* с *Ареопагом*
Прейдут в Сармацию на диво?

Гордяся крыльями моими,
Мудрец не может ли достигнуть

[1] Давно пишут, что в 1835 году комета будет подходить близко к шару земному.

До врат последних естества?
Иль оного исходищ первых?
И наконец – дерзнет в пучину? –
Оттоль с отвагой пронесясь
Среди огнистой колесницы,
Коснется, может быть, – *Престола,*
Где предстоит, поникши долу
И персты робкие сложа,
Всех мать – *природа много-груда,* –
Вдали безмолвная *судьба,* –
Пространство, – *долгота,* – *движенье,*
Иль *вес,* иль *мера* и *число,*
Порядок, сила, красота
И наконец – *духов различных жребий;*
Тогда, – так, – и тогда постигнет
Непостижимого! – но ах!
Предместник мой – минувший век –
Его свидетель покушений;
Мудрец едва не приближался
К пределам тайным естества;
И вдруг, увы! – как человек,
Нашел себя в ужасной бездне
И в ту ж минуту меж великих
Двух бесконечностей безмерных.

Дух должен быть *героем* сильным,
Когда потребна *человеку*
Всемерная возможность сил
Быть совершенным *человеком,*
Чтоб *человека* же познать,
Познать *себя,* – *всего себя.*
Ах! что ж потребно *мудрецу?* –
Ему быть должно? – быть *божеством,*
Дабы уведать *Божество*
Или в зачатьи – *естество?..*

И самый *ангел воплощенный,*
Невтон – бледнеет изумленный,

Остановляяся меж сих
Двух бесконечностей ужасных,
И ощущает *омрак* в духе,
Непостижимый, неисследный. –
Перед его же страшным троном
Природа робко мимо идет, –
Не разделяет вечных прав
С иным совместником каким;
Он всю оставил мрачну тайну
Единому себе, – себе...
А может быть... но ты трепещешь! –
Не содрогайся, сын мой, ныне!
Но лучше сим великим чувством,
Великой мыслью сей дыши! –
Дух человеческий бессмертен;
Он сроден *вечно* простираться
По тайной *лествице* до края,
Хоть край – бежит от взоров *вечно.*
Ты жди, как я, – иль мой наместник,
Иной громопернатый вестник,
Поставим на вратах времен
Надежды светоносный факел! –
Тогда питай сие предчувство,
Что колесо природы скрыто
Великий обращает *год,*
Что в плоти серафим иной,
Иль *Петр,* или *Екатерина,*
Другой *Невтон,* и *Локк* другой,
Или другой здесь *Ломоносов*
Торжественной стопою внидут
В врата *Кумеиных* времен;
А может быть – переселится
Восток и *Юг* чудесно в *Север;*
Не отрицай сих чувств – и жди,
Как путник на брегу морском!

Часть третья

Игры важной Полигимнии, забавной Каллиопы и нежной Эраты,

или

Занимательные часы
для души и сердца
относительно священных
и других дидактических песней
с некоторыми эротическими чертами
и домашними жертвами
чувствований

Багрянородным, браноносным и миротворным *Гениям* страна Полночи обязана торжественным рассветом своим. – Лучи сея северной денницы озаряют не воздух, но души. Оне отражаются в их излияниях, – в их чувствованиях, – в их чертах. – Соотчич! – ты здесь слышишь глас *Меониды*, озаренной сим рассветом, и, конечно, находишь в слабом отсвечивании зари некоторые оттеняющие пятна; но где певица изнемогает, – ты награди силы ея снисхождением, – усмешкою благосклонности!

100. РАЗМЫШЛЕНИЕ О СОЗДАНИИ МИРА

почерпнутое из первой главы Бытия[1]

Отверзи тайну дверь, предвечность довременна!
Отверзи! – се душа, восторгом упоенна,
Воздвигнувшись с того телесного одра,
Где снится токмо ей волшебных мечт игра,
Огнистые свои крыле распростирает
И, как эфирный вихрь, внезапу выникает
В страны предвечности, неведомы умам,
Где свет – *Трилучный* Свет сиял собою сам,
В безмолвии своем величество скрывая
И блеск божественный по бездне разливая.

Подобно молнии крылатой проницая
Тот длинный ряд веков, который в мраке весь
От страшной протяжен предвечности до днесь,
Паду я в Океан, – в бездонном море влаюсь;
Не зря брегов, дрожу, – не зря себя, теряюсь
И не могу открыть сомкнувшихся очей
При блеске огненных над бездною лучей.

О *Дух пророческий,* – Дух, Богом воздоенный!
Повеждь, не здесь ли сей Творец уединенный?
Не здесь ли оное всесильно Божество,
Пред кем зачатое трепещет естество?

---

[1] Сие размышление издано было в ⟨1⟩784 году; теперь исправлено снова. Это первое в жизни произведение моей музы и первая дорога к Парнасу, особенно показанная ей нынешним героем российской поэзии М⟨ихаилом⟩ М⟨атвеевичем⟩ Х⟨ерасковым⟩.

Се тот великий Бог, который созерцает
Все то в Себе, чему родиться подобает! –
Се первородный свет денницу предваряет!
Се образ Он существ несозданных чертит,
И будущее их движенье умозрит! –
Он в смертном Бога зрит, с величеством грядуща,
И червя видит в нем, извилиной ползуща,
Он зрит тогда же все; – бесплотных мир духов,
Чудяся чертежу вещественных миров,
Едиными усты воскликнул песни хвальны:
Трисвят Начениий мир! трисвят
Пребезначальный! –
И я, – я также был включен в чертеж небес!
О Творче! приими ток благодарных слез!

Лишь зарево сие дел Божьих просияло;
То вдру́г из *ничего* быть *нечто* начинало;
Но *нечто* – не мечта, а вещества *зачало*. –
Не может наш язык того изобразить
Или подобием хоть слабо изъяснить
Открытого сего толь чудного явленья,
Толь чудно в вечности возникшего творенья.

Се в тайной мрачности сокрыто вещество!
Се в чреве Хаоса лежаще естество,
Вокруг объемлемо всеродною водою,
Над коей вечна ночь, исполненная тьмою,
Как черный занавес опущенный висит,
Где Слово, от Отца родяся, все родит!
Там семена существ ростки свои пускают;
Сии ростки плоды на ветви разделяют.
Стихии спорные, не зная прав своих,
Вооружаются против себя самих. –
Где горе-носный *огнь,* волнуяся, краснеет,
Там зыблющась *вода,* тесняся, вкупе рдеет;
Где вержется *земля* иль где бугром лежит,
Там *воздух* рвет ее и вихрем в бездну мчит;
Иль вдруг – все три одну, иль трех одна разит.

Сей спор в зародыше дотоле поревался,
Пока *творящий Дух* над ним не разливался.
Он, зыбля жизненны крыле меж тусклой тьмой
И молнии быстрей летая над водой,
Грел *мира яицо,* где все еще смесилось;
Образовал росток, – согрел, – оно раскрылось.
Любовь втекает в *смесь,* и *смесь* приемлет чин;
Дыханье первое – хвала *вине* всех *вин,*
Что животворною усмешкой оживляла
И миру мудрое движенье даровала.

Тогда, сменивши тьму, среброобразный свет
Покрытой твари тьмой и род и вид дает. –
Вода отчасти в твердь возникнула парами,
Отчасти, ниц склубясь, осталась меж брегами
Иль, верзясь сонмищем в обширный тощий зев,
Пустила в пропасти ужасный стон и рев. –
Бугристые поля, открыв безводну сушу,
Сокрыли в зелени растущей неку душу.
Здесь к тверди мшистый холм подъемлет верх крутой;
А тамо дол лежит, покрытый муравой;

Здесь дремлет в тишине дремучий лес тенистый,
Где отголос немый твердит воздушны свисты;
А тамо с крутизны сребристый ключ бежит
И, роя новый путь, в траве младой журчит;
Но под твердынями подземность отверзалась,
Из коей грозна ночь с угрозой исторгалась
И предвещала тем о горестных часах,
Как, споря с жизнью, смерть преобратит нас в прах.

Внезапу звезд полки чредились в небе синем,
Где любопытный свой мы только взор ни кинем. –
Бог тяжесть нужную вложил в то время в них
Для равновесия и для движенья их.

Все к средоточию систем своих стремятся;
Все паки отразясь от оного далятся;
Планеты феб влечет, а те его влекут. –
Сей силой все миры порядочно текут.
Сей тайный механизм простейший, но чудесной
Являет, сколь премудр Перст силы пренебесной.

Се рдится там восток! се фебу путь отверзт!
Феб первый шаг дает, – и шаг его сто верст;
Он будто исполин течет над горним сводом,
Проходит полдней круг, спускаясь с важным ходом.
Здесь новый предлежит в вечерней бездне вид. –
Когда светило дня вблизи над ней висит,
В ней зрится солнца лик тогда огнеобразный
И плавает в зыбях, как круглый щит алмазный,
Меж тем как подлинник, скрывая от очей
В пучине пламенных чело своих лучей,
Вдруг погружается в червленый океан;
Вдруг скрылось зрелище! – влечется выспрь туман;
На холмы всходит тень; валы в водах чернеют,
И косные пары вокруг брегов синеют. –
Луна, как сребрян серп, пуская бледный свет,
Выходит посреди блистающих планет;
Пред нею катится вечерний круг Венеры,
А прочи вкруг его пустились хором сферы.

Лишь было первое движенье сих телес,
Ударил час, – но звон его тогда ж исчез;
А время – сколь легко вперед, – вперед бежало?
Еще тогда оно плачевно повторяло,
Что мы всегда его теряя будем жить,
Забыв, как вдруг судьба прервет животну нить.
Беспечный смертный, зри! – се времени зачало!
Но вечно ли оно теченье восприяло?

Пары, подъятые лучами, выспрь текли,
Знаменовали брак и неба и земли;

Пернатый лик, паря меж тонкими парами,
Открыл симфонию свою под небесами. –
Какое зрелише явилося в тот час,
Егда *«да будет»* рек творящий сильный глас?
Одушевленный прах с восторгом в поле рыщет;
Прах ржет в лице коня, в долине пищи ищет.
Двуветвистый елень, покрытый серым мхом,
Отрясши персть, летит к ключу иль в злачный дом;
Там бурный лев, скакнув из сей скудели чермной,
Пустил торжественный свой рев по роще темной;
Там шаткий холм идет, иль сей огромный слон,
Являет блеск ума, чтит утром солнце он;
Там, полживотным быв и пол землей, тигр дикий,
Отверзши зев, пустил в пустыни первы рыки;
Там мелка персть бежит; там прах ползя сипит;
Там крылатеет пыль; перната пыль жужжит. –
Великий Боже! так Ты их от сна подъемлешь
И песнь сквозь пурпурну зари завесу внемлешь.

К восторгу Ангелов боготворится прах;
Прах дышет; – первенец, любимый в небесах,
Духов чистейших друг блаженный, – несчастливый,
Царь мира воспрянул, дух горний ощутивый,
И в злачных утренних лугах себя узрел;
О сколь тогда премудр из персти он исшел! –
Поставлен быв меж стран земных и меж небесных,
Он стал узлом существ духовных и телесных;
В нем вмале мир вмещен со всею высотой,
Со всею глубиной, со всею широтой.
Свирепа дщерь *греха,* смерть мир не посещала;
Едва лишь оного краи тронуть дерзала:
Внезапу с скрежетом скользила от краев
И погружалась в тьму, от света цепенев. –
Но племена – ах! все ль зрят Божию в нем славу?
Все ль утвержденну зрят в нем творческую державу?
Все ль помнят, в каковой невинности он был,
В коль низку мрачность он себя уничижил?

Да будет проклято *желанье* душетленно,
С которым он дерзнул изведать запрещенно! –
Сей любопытства дух, толь сродственный женам,
Наследствен сделался подобным их сердцам. –
Будь *гордость* проклята, что оный дух живила
И равным Богу быть творению внушила. –
Ах! полу-ангел стал прещение судить
И чаял оного источники открыть;
Тут *воля,* возмутясь, ко мраку устранилась
И ложною добра прикрасой ослепилась. –
Сей обоюдный меч, что в зло употреблен,
Всесильным мог бы быть конечно потреблен;
Но если так, – то дух в ничто повергнуть должно;
Он духа существо; отъять его не можно;
Сей самой гибкий *змий,* в страны виющись две,
Представил благом зло; скрыл жало во траве
И, утаивши смерть глубоко в мирте тесном,
Уверил о драгой цене в плоде прелестном.
Толь гласу сладкому змииной воли той
Несчастный внял, увы! – вкусил плод роковой.
Вот распечатанный златый сосуд *Пандоры,*
Отколе разлились по миру зол соборы!

Тогда горящий яд кровь здраву распалил,
По нежным удам тлю, по жилам желчь разлил;
Сын гибели, зря студ и наготу телесну,
Бежал себя; куда? – везде зрел месть небесну;
Лишь токмо он познал, что страшно преступил;
Тогда и мрачный *грех* в вселенную вступил;
Тогда ужасна нощь лице земли объяла,
Где над холмом рая *месть* в молниях зияла;
В природе ж плачущей вдали чрез гром роптала;
Где гордо *сатаны* приявши *грех* лице,
В сотканном из змиев косматых сам венце,
На бурных, стропотных страстей крылах шипящих,
Осклабяся, парил в удолиях стенящих;

Едва, – едва тогда средь томной тишины
В тайнейшем семени злосчастныя жены
Остался будущей надежды блеск слабейший
Предозаряющий на небо путь светлейший. –
В сосуде не она ль *Пандоры* крылась ниц,
Как вылетели зла в толпе ужасных лиц,
Как страшный Стикс взревел, спустились в ад ступени
И черновласые завыли бледны тени?

Увы! на сем шагу он встретил смерть с *косой,*
Что прежде в бездне лишь скользила роковой
И в гармонический мир внити не дерзала;
Родился грех; увы! – смерть целый мир объяла. –
О скольких ангельских шаг оный стоит слез,
Через который вдруг в очах Эдем исчез!
Бессмертье умерло; краса телес затмилась;
Смутилася земля, – природа вся растлилась.

Растлилась; – но еще судьбами Божества
Связуются досель три царства естества.
Стихийная земля, храня законы меры,
Вступает в область руд союзом масл и серы,
Где, новы степени крушцов она прошед,
Восходит *злата* в чин, приемлет солнца свет;
Чрез чудны *горны льны*, чрез камни слоеваты
Преходит в область трав и в лик дерев косматый;
Чрез *трифель,* жидкий *висс,* через *тримелл* власист,
Чрез чувственну траву и чрез полип ветвист
Она живых существ в пределы выникает,
Где, в разные делясь разряды, дух являет,
Где разны склонности, где разный видим нрав;
Но в разноте един премудрости устав;
А сколько звен еще от червя до словесных?
От сих до горних мест и сонмов пренебесных?

Ум слаб, – мы *список* зрим лишь *вечности* един;
И в нем мечтаем мы нестройный некий чин;
Каков же *подлинник?* – то Серафим лишь знает;
Но и тогда свой лик крылами покрывает.

Живоначальный Дух, что древле осенил
Природу юную покровом нежных крил! –
Простри небесный луч в ум, мраком покровенный,
Дерзнувший осязать предвечный трон священный!
Он немощен; – но Ты сподобь, да внемлет он
В юдоли тихий глас, – коль выспренен Сион.

101. ПРОГУЛКА В СУМЕРКИ, ИЛИ ВЕЧЕРНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ ЗОРАМУ

Уже в проснувшемся другом земном полшаре
Светило пламенно ночных тьму гонит туч;
А мы из за лесов едва в сгущенном паре
Зрим умирающий его вечерний луч.

Какая густота подъемлется седая
К горящим небесам с простывших сих полей!
Смотри! почти везде простерлась мгла густая,
И атмосфера вся очревателa ей!

С востока ночь бежит к нам с красными очами;
Воззри сквозь тень на блеск красот ея, Зорам!
Хоть кроет нас она тенистыми крылами,
Но яркие огни, как искры, блещут там.

Не искры то, – миры вращаются спокойно,
Которы столько же велики, как Земля. –
Когда из недр они Хаоса вышли стройно,
С тех пор еще текут чрез пламенны поля.

Но нам судьбы гласят, что некогда потонет
Дрожащая Земля в пылающих волнах
И бренна тварь, огнем жегомая, восстонет
Да из коры своей изыдет, сверзя прах.

Увы! – тогда луна, которой луч заемной
По тусклом своде в ночь безоблачну скользит,
Зря судорожну смерть и вздох соседки чермной,
Сама начнет багреть и дым густой явит.

Ах! скроет, – скроет тьма прекрасное светило
В те самые часы, когда б с небес оно
Еще в мир страждущий сиянье ниспустило? –
Ужель и всем мирам погибнуть суждено!..

Постой, Зорам! – ты ль мнишь, что мир так исчезает? –
Не мни! – то действует *всевечная любовь,*
Что грубый с мира тлен сим образом спадает;
Подобно *Фениксу* наш мир возникнет вновь.

Но знай, что есть един незримый круг верховный,
Который выше всех явлений сих ночных,
В который существа должны лететь духовны
Сквозь облачны пары на крылиях живых!

102. ПОЛНОЩЬ

Открылось царство тьмы над дремлющей вселенной;
Туман, что в море пал, луною осребренной
Подъемлется над сей ужасной глубиной
Иль пресмыкается над рощею густой,
Где тени прячутся и дремлют меж листами;
Как разливается он всюду над полями?

О мрачна нощь! – отколь начало ты влечешь?
От коего отца иль матери течешь?
Не ты ль седая дщерь тьмы оной первобытной,
Котора некогда взошла над бездной скрытной
Лелеять нежныя природы колыбель? –
Так, – черновласая Хаоса древня дщерь,
Ты успши дня труды покоишь и теперь;
Ты дремлющий полкруг под тению качаешь;
Увы! – ты так же взор умершего смыкаешь.

О нощь! – лишь погрузишь в пучину мрака твердь,
Трепещет грудь моя, – в тебе мечтаю смерть;
Там зрю узлы червей, где кудри завивались;
Там зрю в ланитах желчь, где розы усмехались.
Одр спящего – и гроб бездушный – все одно;
Сон зрится смертию, – смерть сном, и все равно.

Се полнощь! – тихо всё; луна с среды нисходит
И к западным водам Плиад с собой уводит. –
Здесь силюся возвесть я полусонный взор
На крыты бледным мхом хребты дремотных гор. –
Луна сребрит пары, что из могил восстали
И человеческ вид в лучах образовали;
Его ли слышу глас? – иль шепчет ветр из рощи? –
Нет, – здесь язык шумит, – язык невнятный нощи.

Двенадцать бьет; вся тварь вокруг меня молчит;
Грех спит ли? – *мудрость* бдит! – и, можно ль? – *зависть* бдит!
Но *труд, – невинность,* – все почиет под тенями;
Лишь кличут совы там с огнистыми очами.

Воздушно озеро сседаяся бежит;
Сверкает молния, – и твердь вдали гремит. –
Селитряный огонь восток весь озаряет
И сумрачных холмов вершины убеляет.

Кто тамо посреде восточных туч грядет?
Не страшный ль Судия с собою рок несет? –
Предыдет огнь Ему, а следом кровы мрачны;
Лице Его блестит, как образ солнцезрачный;
Вся риза в молниях волнуется на Нём
И препоясана зодиаком кругом;
Он быстро в мир грядет, и Сам стопой сафирной
Пронзает в выспренних странах помост эфирной.

Се в час полунощи грядет
Жених, одеян в страшный свет! –
Блажен тот раб, его же срящет
Готового в небесный брак;
Несчастен же, кого обрящет
Поверженна в унылый мрак! –
Блюди, душе моя смущенна,
Да сном не будет отягченна
И вечной смерти осужденна;
Но, воспрянув от сна, гласи:
«О Трисвятый! – воззри! – спаси!»

Еще ль душа, в мечтах несвязных погруженна,
Еще ли в узах спит стозвенных задушенна? –
Восстань! – возжги елей и созерцай чертог,
Где ждет тебя жених – твой Судия, – твой Бог!
О ты, надеяйся на будущи годины,
Забывый строгое условие судьбины,
Сын неги, – ищущий бессмертья в днях своих!
Вострепещи, когда познает сей жених,
Что масло во твоем скудельнике скудеет
И огнь живый небес внутри тебя мертвеет!
Ты буйствен, – ты не мудр, – проснись! – ступай со мной!
Открою, где чертог премудрость зиждет свой;
На мшистых сих гробах, где мир небесный веет! –
Ступай! – учись! – гроза прешла, – луна багреет...

103. УТРО

Се *Цинтия* власы сребристы в море моет!
Тьма с светом спор ведет; – ветр утра тихо воет; –
Но тамо – луч зари восточну твердь разит;
Паров надутых зыбь едва вверху висит;
Она падет на злак в подобий слез жемчужных;
Проснулася в лесах симфония окружных;
Дыханье всякое песнь утренню поет:
Тебе вся славы честь, явившему нам свет!
Се идет свет почтить на гору слон стремнистый!
А там в свой путь грядет в степи вельблюд холмистый,
И червь – и человек спешат в стези волнисты! –

Сын грации! – проснись! – уже проснулся день;
Ты спишь, – а в естестве открылась Божья тень. –
Моя душа связней по снах несвязных мыслит
И с трезвым чувствием дела *Иеговы* числит;
Десницу розову в Его деннице зрит;
Горящий лик Его в светиле дня горит;
Его живительны уста в зефирах дышут,
А персты мудрые черту для солнца пишут. –
Так истинный мудрец в пределах естества,
Как на горе Пророк, зрит рамо Божества;
Не слыша слышит звук стопы Его безмерной;
Не видя зрит Его колеса в туче черной.

О ты, пылающий лик Божий, – вождь планет!
Когда сиял странам подземной половины,
Где соплеменный мир подобно нам живет;
Спеши же озарить и наших рощ вершины,
Да *любомудрие* прострет свой взор орлиный,
Да всяка ныне плоть, из бездны тьмы восстав,
И утренню зарю во сне облобызав,
Всеобще возвестит из гроба тел восстанье
И присносущного светильника сиянье! –

104. ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ ПРИ ПОВОРОТЕ СОЛНЦА
К другу Зораму

Катися к северу, прекрасное светило!
Катися! – без тебя все мрачно и уныло;
Твой низкий с южных стран простертый косо луч
Не в силах разогнать у нас холодных туч;
Он, будто притуплен морозным, бурным духом,
Едва блестит в окно жилища моего
Через увешанный кустарник снежным пухом,
Что ветви голые раскинул близ его.

Зорам! – ты видишь, что от сих гор оснеженных
Феб мещет к нам огни зениц воспламененных;
Поди! – встречай! – к тебе небесный гость идет,
Благословение с собой полям несет
И жизнь в своих лучах земле приготовляет;
Полночным жителям дни ясны предъявляет;
Но знай, что токмо их он жатвой одарит,
То южную страну греть паки поспешит.

Любезный друг! – приметь ты в нем вселенной друга!
Приметь, как каждый год течет он в круг из круга,
Дабы, согрев один, он мог согреть другой! –
Он злачну леторасль в живых лучах лелеет;
Жизнь дышет сквозь листы, растет и зеленеет, –
Вот образ благости! вот твой пример прямой!
Ах! – радуйся, когда светильник сей блистает,
И плачь, когда туман от нас его скрывает!

105. ОСЕННИЕ МЫСЛИ О ЧЕТЫРЕХ ВОЗРАСТАХ
К нему же

Се *осень* серая несет часы унылы!
Се в тусклой густоте слоистых мокрых туч
Бегут порывчиво с полночи бурны силы
И закрывают в тьме отлогий солнца луч!

За ней покатится на льдах *зима* седая;
Но мерзлый дух ея *дух Божий* расточит;
И вдруг осклабится потом *весна* младая;
А лето знойное за нею пролетит.

Зорам! – и к нам пришла сей жизни осень краткой! –
Где та *весна,* когда в нас детский дар горел?
Как жаль, что бабочка зажгла в тебе огнь сладкой? –
Ты в куст за ней летел, – упал – и вновь летел.

Тут был ты *мотыльком,* – тут сердце пламенело;
Вдруг *лето младости*, жар новый принося,
На красных крылиях к тебе тогда летело;
Ты бросил *бабочку,* – за счастьем *погнался.*

Сменив огонь любви и молнию пуская,
К восторгу всех гремел ты славою своей,
И будто бы орел, сам гром ея внимая,
Ты паче воспарить старался над землей.

Сколь лестно счастие? – но что? – лишь вихрь бурливый;
Волнует море он; – но тем не веселись,
Что мещет с лодией за облака бурливы! –
Он полумертвого назад повержет вниз.

Бушует он в горах; – он дуб с холма хватает
И с корнем рвет его, пуская дикий свист! –
Но что ж на иву он нападши погибает? –
Она внизу холма, – и цел в ней каждый лист.

Зорам! – лишь ты узнал нетвердость летней славы;
Се *осень* мужеских годов к тебе пришла! –
Не воздыхаешь ли, что вешние забавы
И летний жар в тебе весь осень пожрала?

Спеши пожать поля! – се плод они родили!
Я чаю, клал весной ты в сердце семена
И пестры бабочки в куст миртов не манили!..
Но где плоды, и где златые времена?

Несчастный! – все теперь затеи уж постылы;
Морщины на челе глубокие лежат;
Ах! как оне тебе при зеркале не милы?
Нет, – их усмешками красотки не спрямят.

Уже теперь грустить в сем мире начинаешь;
Не дивно; ты войдешь не медля в новый круг;
Но не стени, что ты свой прежний жар теряешь!
Днесь должен ощущать жар к вечности твой дух.

Озрись! – се за тобой стоит, дрожа от хлада,
И в тыл толчет жезлом та дряхлая *зима,*
Котора серебрит власы земного чада! –
Тогда, – тогда пожрет все дни унылa тьма.

Тогда отчаемся навеки дней прекрасных;
О горе нам! – тогда седины подтвердят,
Что вечность важная ждет у дверей ужасных;
Седины смерти знак; – седины гроб сулят.

Ты плачешь, что забыл схватить утехи неки;
Сколь поздно плачешь ты, – зря быстрой их полет? –
Среть лучше ту *весну,* не числятся где веки,
Где дни – суть неба дни, где вечных полдней свет!

Не узришь на земле сея весны блаженной,
Пока небесный луч тебя не озарит,
А благотворна смерть твоей темницы бренной,
Где дух твой чистится, – косою не истнит.

Ах! – успевай молить, да веки сотворивый
Ниспослет от небес во мрачно сердце свет!
Тогда, – тогда душей взыграй, Зорам счастливый!
Се *душ Отец* – тебя в мир прежний воззовет!

106. СУДЬБА ДРЕВНЕГО МИРА, ИЛИ ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП[1]

Я зрю мечту, – трепещет лира;
Я зрю из гроба естества
Исшедшу тень усопша мира,
Низверженну от Божества.

Она, во вретище облекшись,
Главу свою обивши мхом
И лактем па сосуд облегшись,
Сидит на тростнике сухом.

О древних царствах вспоминая,
Пускает стон и слезный ток
И предвещает, воздыхая,
Грядущу роду грозный рок.

Она рекла: «Куда сокрылся
Гигантов богомерзкий сонм,
Который дерзостно стремился
Вступить сквозь тучи в Божий дом?

[1] Сия была напечатана в ⟨1789⟩ году; теперь поправлена.

Куда их горы те пропали,
Которы ставя на горах,
Они град Божий осаждали?
Они распались, – стали прах.

Почто из молнии зловредной,
Как вихрь бурлив, удар летит
В средину колыбели бедной,
Где лишь рожденный мир лежит?

Ужели звезды потрясаяй
Лиет млеко одной рукой,
Другою, тучи подавляя,
Перуном плод пронзает свой?

Увы! – о племена строптивы! –
Забыв, кто мещет в бурях град
И с грозным громом дождь шумливый,
Блуждали в мыслях вы стократ!

Блуждали; – и в сию минуту
Отверз он в гневе небеса
И, возбудив стихию люту,
Скрыл в бездне горы, дол, леса.

Тогда *вторая смесь* сразилась;
Вторый Хаос вещей воззван;
Вселенна в море погрузилась;
Везде был токмо Океан.

Супруг *Фетиды* среброногой,
Нахмурив свой лазорный взор,
Подъял вод царство дланью строгой
Превыше *Араратских* гор.

Тогда тьмы рыб в древах висели,
Где черный вран кричал в гнезде,
И страшно буры львы ревели,
Носясь в незнаемой воде.

Супруги бледны безнадежно
Объемлются на ложе вод;
С волнами борются, – но тщетно...
А тамо – на холме их плод...

Вотще млечной он влаги просит;
Свирепая волна бежит, –
Врывается в гортань, – уносит –
Иль о хребет, рванув, дробит.

Четыредесять дней скрывались
Целленины лучи в дождях;
Двукратно сребряны смыкались
Ея рога во облаках.

Одна *невинность* удержала
В свое спасенье сильну длань,
Что бурны сонмы вод вливала
В горящу злостию гортань.

Хотя десницею багряной
Отец богов перун метал
И, блеск и треск по тверди рдяной
Простерши, небо распалял;

Хоть мира ось была нагбенна,
Хотя из туч слетала смерть, –
Невинность будет ли смятенна,
Когда с землей мятется твердь?

Ковчег ея, в зыбях носяся,
Единый мир от волн спасал,
А над другим, в волнах смеяся,
Пенисту бездну рассекал.

Не грозен молний луч отвесных,
Ни скал, – ни стромких скал краи, –
Сам вечный кормчий сфер небесных
Был кормчим зыблемой ладьи.

Меж тем – как твари потреблялись, –
Явился в чистоте эфир;
Лучи сквозь дождь в дугу соткались;
Ирида вышла, – с нею *мир*.

О *Пирра!* – пой хвалу седящу
На скате мирной сей дуги!
Лобзай всесильну длань, держащу
Упругие бразды стихий!

Но, о *Ириды* дщерь блаженна!
Страшуся о твоих сынах!
Их плоть умрет, огнем сожженна,
Как прежде плоть моя в волнах.

Когда смятется в горнем мире
Пламенно-струйный Океан,
Смятутся сферы во эфире,
Со всех огнем пылая стран.

Пирой, Флегон, маша крылами
И мчась меж страждущих планет,
Дохнут в них пылкими устами,
Зажгут всю твердь, – зажгут весь свет.

Там горы, яко воск, растают
От хищною лица огня,
Там мрачны бездны возрыдают,
Там жупел будет ржать, стеня.

Не будет *Цинфий* неизменной
Хвалиться юностью своей,
Ни *Пан* цевницей седьмичленной,
Ни *Флора* блеском вешних дней.

Крылатые *Фемиды* дщери
Взлетят к отцу в урочный час,
Небесные отверзут двери, –
Отверзут их в последний раз.

Лишь глас трубы громорожденной
С полнощи грянет в дальний юг,
Язык умолкнет изумленной,
Умолкнет слава мира вдруг.

Героев лавр, царей корона
И их певцов пальмовый цвет,
Черты *Омира* и *Марона* –
Все их бессмертное умрет.

Как влас в пещи треща вспыхает,
Как серный прах в огне сверкнет –
И, в дыме вспыхнув, – исчезает,
Так вечность их блеснет, – и нет...

Едино *Слово* непреложно
Прострет торжественый свой взор
И возвестит из туч неложно
Последний миру приговор.

Меж тем – как в пламени истлеет
Земнорожденный человек,
Неборожденный окрылеет,
Паря на тонких крыльях ввек.

Падут миры с осей великих,
Шары с своих стряхнутся мест;
Но он между развалин диких
Попрет дымящись пепел звезд.

О мир, в потомстве обновленный!
Внемли отеческую тень,
Сказующу свой рок свершенный
И твой грядущий слезный день!» –

Изрекши, – скрылася тень мира;
За нею вздохи вслед шумят;
Из рук падет дрожаща лира, –
Я в ужасе глашу: *Бог свят*!

107. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ВДОХНОВЕНИЕ НОЧИ[1]

Сквозь серые пары кропящи
Вершины острые древес,
Рассыпала свой блеск дрожащий
Вечерняя звезда с небес. –
Грядет богиня к нам смиренна
Имуща черные власы,
Безмолвной тенью окруженна,
Несуща кроткие часы.

Она на мрачный трон вступает,
Где прежде был ея супруг,
И жезл свинцовый простирает
На спящий оный полукруг,
Над коим, окружен мечтами,
Летает плавно тихий сон,
И над сомкнутыми очами
Пушисты крылья зыблет он.

Ты, упоенный мглой седою
Туман, висящий на холмах!
Повергнись ниц перед луною,
На бледных едущей конях;
Да будут изумленны очи
В ужасных небесах летать,
Да будут в ризе темной ночи
Узоры дивны созерцать!

Но что меня обворожает? –
Слух обаян; что слух разит? –
Как? – небо страшно воспевает!..
Средь сфер *Урания* звучит!..

---

[1] Издано было в 1789 году; теперь с прибавкою переправлено.

Выводит в седьмиструнной лире
Гармоньи гордой чудеса!..
Божественна песнь в вышнем мире. –
Я зрю поющи небеса!..

Се зрится *Дева* здесь, паряща
На пестрых крылиях своих
И желтый пук в руке держаща
Колосьев зрелых золотых!
Там виден жертвенник священный,
Отколь восходит дым густой,
И вместо искр он позлащенны
Выносит звезды за собой.

Здесь *две Медведицы* бурливы,
Под коими в седых снегах
Катает с стоном вихрь шумливый
Кавказы льдистые в зыбях. –
Сии-то звезды освещают
Порфиры северных царей
И силы в души их вливают
Премочь борьбу стихий, – рок с ней.

Там виден Эридан глубокий,
Крутящ струи из мелких звезд;
Но к югу зрится *Пес* жестокий,
Тиран индийских знойных мест;
Здесь виден с конскими ногами
Лук напрягающий *Стрелец;*
Там блещет седьмию звездами
Супруги *Вакховой* венец.

Но ах! – какие там сверкают
Еще миры? – миры миров? –
Какою славой окружают
Богиню сих ночных часов? –

Быть может, – рдясь в странах безвестных
От миробытия луч их
Из дальних толь пустынь небесных
Еще до нас и не достиг.

Кто там на мрачный холм восходит,
Гордяся знаньем выше мер,
И взор насмешливый возводит
На обращенье горних сфер? –
Глумясь над Божеским уставом
Он ищет чертежа для звезд
И в разуме своем нездравом
Миры переставляет с мест[1].

Совместник Божий! – ты ль дерзаешь
Всесильного бессильным счесть? –
Ты плоть и кровь, – и ты ли чаешь
Свой ум пред Божьим превознесть? –
Почто ж миры не померкают,
Чтоб ночь в тьме вечной углубить,
И солнцы вниз не упадают,
Чтоб землю в пепел превратить?

Почто там *Сирий* в *Индий* рдеет
И, в *Песьих* кроя́ся устах,
Страной *Арктура* не владеет,
Чтоб лето было в зимних днях?
Почто с червлеными рогами
Не идет к нам *Телец* златой,
Как зрим прелом мы под *Весами*
Меж осенью и меж зимой?

Почто в жестокие морозы
Не зрим цветущих мы лугов
И с кистьми виноградны лозы
Не зреют посреди снегов? –

[1] Таков, говорят, был один из гишпанских королей *Альфонз*.

Почто в утесы не сожмутся
Струи сребристы в знойных днях
Иль робки агнцы не пасутся
Наместо пажитей на льдах?

Вещай, полбог! – ты ль примечаешь
Ошибки неки средь небес!
Иль ты души не обретаешь
Среди сих пламенных колес?
Иль выше Серафима чаешь
Похитить неприступный трон? –
Но ты молчишь, – не отвечаешь! –
Где ж новый бог сей? – дремлет он.

Ах! – если дерзким рвеньем дышешь
Несовершенства там найти
И с новой мудростью предпишешь
Узорнее звездам пути,
Дерзай сперва против природы! –
Потом – ставь умственный твой щит! –
Се пламенны она доводы
С кругов небесных в ночь стремит!

Ты спишь, под миртом усыпленный
На нежных персях Мессалин;
Проснись и зри неизреченный
В созвездиях блестящий чин! –
Еще ль тебя остановляет
Краса ничтожныя мечты?
Проснись! – се нощь тебе являет
Важнейши в тверди красоты!

Так, – спит, мечтой обвороженный;
И от него сокрыт тот дух,
Что, с естеством соединенный,
Вращает оси звезд вокруг!

Он спит, – а нощь уже скрывает
Горящие тела в волнах;
Так гроб его-да научает
Читать судьбы на небесах!

Царица мыслей возвышенных,
Гоняща вихрь дневных сует,
Пленяющая просвещенных
Согласьем сладостным планет! –
Колико души те блаженны,
Что, вдохновенны быв тобой,
Читают буквы впечатленны
В сей тверди, – в книге сей златой?

О нощь! – когда ты над холмами
Ниспустишь черный свой покров
И в славе выведешь над нами
Собор катящихся миров,
Открой мне лествицу чудесну
К земле спущенну с горних мест,
По коей, мысль имев небесну,
Восходит мудрый выше звезд!

Меж тем – как *Цинфий* светозарный,
Имущ златый лук на плечах,
Распустит волосы янтарны
На Нильских над землей полях, –
Я буду зреть и восхищаться,
Как мудрый выше звезд идет,
Иль буду кротко научаться
Сопровождати песнь планет.

А ты, – задумчива *Геката,*
Заемлюща лучи для нас
От славы блещущего брата
И от его червленых влас,

Сходящая в навес тенистый
Эндимиона лобызать
И в тишине лучи сребристы
На лик его распростирать!

励 Колькрат свои рога блестящи
Ты будешь в полный круг смыкать;
Коль крат твой будет свет дрожащий
Поверх морских зыбей скакать;
Внемли с превыспреннего мира
Полуночным моим мольбам!
Сойди ко мне от стран эфира
Учить божественным хвалам!

108. ЦАРСТВО ВСЕОБЩЕЙ ЛЮБВИ

Еще вкруг солнцев не вращались
В превыспренних странах миры,
Еще в Хаосе сокрывались
Сии висящие шары,
Как ты, *любовь,* закон прияла
И их *начатки* оживляла. –
Как дух, разлившись в их ростках,
Могущество твоей державы
От древности свои уставы
Хранит доселе в сих мирах.

Из бездны вышедши ужасной,
Собор небесных сих светил
Был *смесью* вновь бы несогласной,
Когда бы ты лишилась сил;
Ты, зыбля стрелы воспаленны,
В пределы мещешь отдаленны.
Огонь столь много их кует
Что ты творенье все пронзаешь,

Когда всенощно пролетаешь
Великий свет и малый свет.

Миры горящи соблюдают
Закон твой в горней высоте;
Вертясь вкруг солнцев, побуждают
Чудиться стройной красоте. –
Не ты ль их водишь хороводом?
Не ты ль их правишь мирным ходом?
Коль в седьмитростную свирель
Спокойный тамо *Пан* играет,
То не тебя ль изображаем
С согласьем выражая трель?

Не ты ль в природе сопрягаешь
И мужеский и женский пол?
Не ты ли – тайный созидаешь
В вещах дву-родных свой престол?
Где вьются виноградны лозы,
Где две друг к дружке жмутся розы,
Где птички вьют гнездо весной,
Где отрок матерь обнимает, –
Не твой ли пламень обитает
В красе их связи таковой?

Любовь! – ты царствуешь повсюду
И строишь дивны красоты;
Ты дышишь в бытиях – внутрь-уду;
Ты *симпатической* четы
Внезапно руки соплетаешь;
Ты в их усмешках обитаешь;
Ты блещешь в взорах чад своих;
Ты в них глубоко воздыхаешь;
Ты в нежных звуках вылетаешь
Из дышущих свирелей их.

Коль сладко зреть тебя душою
Сияющих душ в тишине?
Совокупленные тобою,
Едину точку зрят оне;
Их каждый в жизни шаг измерен,
Как звездный путь, – тих, строен, верен. –
Единогласный их собор
Невинность падшу восставляет;
О ней их сердце воздыхает,
О ней слезится нежный взор.

Но *древний змий*, покрытый мраком,
Когда из бездны той ползет,
Где он, лежа с угрюмым зраком,
В груди клуб зол ужасных вьет
И в чреве тартар возгнещает,
Да в жупелах его рыгает, –
Тогда идет он с злобой в мир;
Он рвет друзей, супругов узы;
Он рушит всех вещей союзы,
Он свет отъемлет, тьмит эфир.

Туманы, бури, громы, волны –
Тифоны суть, что в мир он шлет;
Мы также туч и громов полны;
И сих Тифонов он мятет.
Он в нас и в видиму природу
Пускает грозну непогоду. –
Издревле на лице небес
Зев адский ненавистью дышет;
Он, вихрь пустив, весь мир колышет
И в нас творит стихий превес.

Кто ж? – кто опять тогда устроит
Мятущесь в бурях *естество?*
Кто вновь *мир малый* успокоит?

Конечно – мирно Божество.
Любовь! – везде ты управляешь;
Когда усмешку изъявляешь,
Ты мрачны тучи отженешь,
Ты воспаришь над облаками
Иль в поле купно с пастухами
Воспляшешь, в хоровод пойдешь.

Но что в тебе велико, дивно? –
Таинственная цепь твоя
Влечется в силе непрерывно,
Как к морю некая струя,
От мошек – малых тел пернатых –
До горних сил, – шестокрылатых, –
Поникну ль в дол? – там зрю твой мир;
Воззрю ли на среду вселенной, –
Мир малый? – в нем твой огнь священный,
Взойду ль на твердь? – там твой эфир.

О дщерь, – от влаги первобытной
Рожденна прежде всех планет,
Дающа жизнь природе скрытной,
Когда в пути своем течет,
И строюща в груди возжженной
Рубиновый престол бесценной!
Когда ты в полной чистоте,
Тогда, любовь, вовек пребуди
Живым бальзамом нежной груди!
Твой трон меж Ангел и – в чете.

109. ОБУЗДАННЫЙ ЮПИТЕР, ИЛИ ГРОМОВЫЙ ОТВОД

Зевес, с престола свергши *Хрона,*
Который громом не грозил,
В свободе своего закона
Страны эфирны покорил. –
Лишь глас его по тверди грянет,
Всяк полубог благоговел;
Лишь глас до страшных бездн достанет,
Всяк земнородный цепенел.

Его багреющу десницу
Безбожно б было удержать,
Как он, пустив из туч зарницу,
Стремится гордость покарать[1];
Но что ж? – нередко низвергает
И собственный священный храм,
Бесценный труд веков сгубляет,
Увы! – невинность бледну там.

Когда вихрь огненный снедает
Дымящийся на веки град,
Иль буря, иль потоп глотает,
Иль трус его свергает в ад;
О буи! – неужель безбожно

[1] Древние язычники назвали бы того безбожником, кто хотел бы удержать Юпитера в бросании грома; да и христиане не меньше того; ибо почитают, что гром, случающийся иногда в нечаянную казнь преступникам, есть действие всесильных и неисследимых судеб; а того не знают, что, как не только позволительно, но даже повелено отвращать пожары и потопы и спасаться от землетрясения, так должно рассуждать и о грозе. Здесь отвращение силы громовой не значит сопротивление правосудию небесному; ибо не все ли равно руке Божией наказывать порок теми ли приключениями или воздушной грозой?

Сии напасти отвращать?
Не той же ли деснице можно
Чрез них злодеев покарать?

Коль наши дни благословенны,
Где мрак сей древности исчез? –
Здесь червь уносит просвещенный
Перун из рук отца богов;
Здесь он не громы в небо мещет,
Чтоб царство огненное взять,
И, как гиганты, не трепещет
Эфирны силы обуздать.

Не страшно, коль *Зевес* разженный
Разит пустынных гор хребет
Иль в виде братиев *Елены*
Сосновы щоглы он сечет[1];
Иль в каплях сшедши досязает
Дальнейшие тела в полях,
Иль бог сей в ветрах умирает,
Иль рассыпается в дождях.

Гнездясь ли на эфирном троне[2],
Что в полостях малейших тел

---

[1] Народ справедливо думает, почитая за хороший признак и за безопасность от грома, когда увидит наверху колоколен или мачт яркий свет, называемый *Кастор и Поллукс*. – *Г. Эйлер.*

[2] *Эйлер* говорит, что источник электрической силы находится в некоем жидком и тонком огненном веществе, известном под именем эфира, который подобен воздуху, но в тысячу крат реже и упруже. Сей рассеянный повсюду эфир гнездится в малейших скважинах тел, где самый воздух быть не может, и даже в скважинах самого воздуха. Он наподобие ветра по причине большей упругости и тонкости переносится с чрезвычайною быстротою в несжатое место, производит движение и тонкий огненный вихрь в виде черты. Тогда-то и бывают сии электрические явления; а потому электрическая сила есть разрушение равновесия в эфире.

БРАНОНОСНЫЕ

И МИРОЛЮБИВЫЕ ГЕНІИ

РОССІИ,

или

ГЕРОИ СѢВЕРА

ВЪ ЛАВРАХЪ И ПАЛЬМАХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗСВѢТА ПОЛНОЧИ.

Сочиненіе

Семена Боброва.

Съ дозволенія С. П. Гражданскаго Губернатора.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

въ Типографіи Ив. Глазунова, 1804 года.

Титульный лист 2-й части «Рассвета полночи». Изд. 1804 г.

И Г Р Ы

ВАЖНОЙ ПОЛИГИМНІИ,
ЗАБАВНОЙ КАЛЛІОПЫ
И НѢЖНОЙ ЭРАТЫ,

или

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ЧАСЫ
ДЛЯ ДУШИ И СЕРДЦА

относительно

Священныхъ и другихъ Дидактическихъ пѣсней съ нѣкоторыми Эротическими чертами и домашними жертвами чувствованій.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

РАЗСВѢТА ПОЛНОЧИ.

Сочиненіе *Семена Боброва.*

Съ дозволенія С. Петербургскаго Гражданскаго Губернатора.

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи Ив. Глазунова. 1804 года.

Титульный лист 3-й части «Рассвета полночи». Изд. 1804 г.

И в тонком воздуха скрыт лоне,
Упорство вяще бы имел?
Или в слабейшу часть вторгался,
В эфире руша равновес,
И в пылких вихрях с треском мчался
С одной в ину страну небес?

Во гневе ль страшном воздымая
Горящие власы свои
И с стран восточных возглашая
Мгновенно в западны краи[3],
С разящим блеском и шипеньем
На нежность нападал существ
Иль с тайным разрушал стремленьем
Метальных плотностей веществ?

Но *мудрость,* Зевса в сеть железну[4]
На высоте гор заключа,
Оттоле чрез подземну бездну
Без наглости *гигантской* мча,
В Нептунов синий край свергает;
И тем, – дерзнув на божество,
Невинных тысяч дни спасает,
Брежет дрожаще естество.

---

[3] Известно, что звук грома доходит до ушей в секунду чрез 1000 футов, и потом уже бывает он слышен, т.е. по возблистании молнии спустя сию секунду.

[4] Здесь разумеются железные прутья или также толстые железные и остроконечные сверху шестики, кои поставляются на высоких местах при нашествии громовых туч, которых скважины бывают во время жаров наполнены эфиром, так как и других летающих паров, и даже скважины самого воздуха особливо в знойное время. Потом от них протягиваются железные цепи под землею к какому-нибудь пруду, озеру или реке.

Там по расселинам бесчетным
Его упругость раздробив,
Творит удар гремящий тщетным;
Там бог немеет, стон пустив. –
Тогда нисходят вновь блаженны
Часы *Сатурновы* в сей свет,
Где злато иль металл бесценный
Зевеса в вред нам не влечет.

Так, – он ужасны стрелы мещет;
Он воспаляет тучный пар;
Но что? – пред червем он трепещет[1],
Остановляет свой удар;
С трудом в сеть шелкову впадает;
Когда ж падет, он тамо спит;
Его червь крепко обуздает;
Пред червем ветхий бог дрожит.

Так мала большу вещь смиряет;
Так крокодила ихневмон,
Прогрызши чрево, умерщвляет;
Крота трепещет страшный слон;
Механика простою властью
Громады в плен влечет холмов;
Мудрец железа тонкой частью,
А червь сетьми отца богов.

[1] Известно, что сухой воздух, равно как и стекло, смола, все смоляные тела, сургуч, сера, а особливо шелк, плод червя, имеют запертые скважины в себе. Во всех сих по видимому слабых и маловажных веществах сии скважины столь крепко заперты, что эфирная сила, невзирая на чрезвычайную свою проницательность, тонкость, быстроту и упругость, должна с великим трудом входить в оные, а вселясь туда, так же должна с продолжительным и непонятным трудом выходить.

110. ГЛАС НОВОЛЕТИЯ К ВЕНЦЕНОСНОЙ БЛАГОСТИ

Anni tacite labentis origo
Solus de superis qui tua terga vides,
Dexter ades ducibus!

Ovid.

Двенадцать бьет; – и вдруг небесной
Привратник зрит, что рок отверз
Средь нощи дланию чудесной
Кристальну дверь златых небес;
Грядет, – грядет туда год томно,
Седые распустя власы;
Его сопровождают скромно
Послушны вестницы, часы.

Он, дряхлостью обремененный,
На лоне вечности возлег;
Легли с ним бури усыпленны;
Утих подземных молний бег;
Но вкупе с ним сквозь дверь летели
Мольбы полнощи к небесам;
Сердца на небе пламенели,
И Бог богов внимал их сам.

Нет бурь; мир токмо на престоле. –
Еще отверста тверди дверь;
Вдруг юный год несет оттоле
Судьбу вселенныя теперь. –
Монарх! – мы живо ощущаем,
Сколь много блага зиждешь ты;
Мы ясно ныне созерцаем
На росском троне скиптр златый.

Но что еще? – надежды новы
Сияют нам в твоем лице;

Еще, – еще лучи готовы
Сердцам блистать в твоем венце. –
Пускай природа совершает,
Как мнят, свой некий переход,
В чем в бытиях нас убеждает
Игравший миром старый год!

Пусть ищет бледный дух *испытный*
В развалинах *мемфийских,* – в тле
Премудрости отрывки скрытны,
Остатки света в дряхлой мгле! –
Но ты, ты паче воззываешь
Твоих отцев премудрых дух;
Ты для полмира открываешь
Блаженства светлый новый круг.

О *Янус,* – полубог двуглавый,
Небес привратник! – отнеси
Сии надежды к трону славы,
Где внемлет их Бог небеси!
Неси курения сердечны!
Подвигни милость во Творце,
Да слава, сила, блага вечны
Отсвечивают нам в венце!

111. ПЕСНЬ НЕСЧАСТНОГО
на новый год к благодетелю

Without shelter from the blasts
in vain we hope the tender plant.

Akenside

Звукнул времени суровый
Металлический язык;
Звукнул, – отозвался новый
И помчал далече зык.

Снова солнцы покатились
По палящим небесам;
Снова шумны обратились
Времени колеса там.

Будьте вновь благословенны,
Земнородны племена!
Будьте паки восхищенны,
Как и в прежни времена.

Пейте в полной чаше радость!
Пейте здравия струи!
Ощущайте жизни сладость!
Украшайте дни свои!

Мне судьбина отреклася
Бурю жизни отвратить;
Знать, – она еще клялася
Горьку желчь свою разлить.

Рок, о рок, – почто толь рано
Ты мне желчь подносишь в дар?
Неужель на свежу рану
Свежий мне даешь удар?

Где для горькой раны срящу
Врачество в грядущий год?
Где? – в каких сердцах обрящу
Против грозных туч отвод?

Муж состраждущий, – муж кроткий!
Если лиры моея
Внял ты некогда глас робкий,
Ах! – к тебе спешу вновь я;

Обратися, муж великий!
Се ударил новый час!
Пусть часы живешь толики,
Сколько благ лиешь на нас!

Пусть трех персты *парк* суровых
Жизни нить твоей прядут
Из шелков драгих и новых
И ей крепость придадут!

А когда еще тобою
Тяжкий рок мой не забыт,
Ах! – не поздо мне с судьбою
Мир тобою заключить.

Коль не поздо, – в новом годе
Не пролью я новых слез;
После бурь в другой погоде
Осушу их средь очес.

112. К ДРУГУ НА ЕГО НОВЫЙ ГОД

Бежит и храмлет год – год старый;
Пал в бездну, – лег и воздохнул;
С паденьем слышны лишь удары;
И твой, – твой год туда ж скользнул.

Вдруг в мир год новый низлетает,
Восстав из бездны вечных дней;
И твой – оттоле ж выникает
С фиалом желчи иль сластей.

Молюся *паркам* я суровым,
Чтоб жизни тверду нить твоей
Из шелка пряли с златом новым,
Как зачали в год новый сей.

И⟨косо⟩в! – не молю, чтоб в мире
Ты жил *Мафусаилов* век,
Но так, как рок велит, ты в мире
Прожил, как точный человек.

Желать немного жить – безбожно,
И долго жить во зле – беда;
Жить несколько – во вкусе – должно;
Вот и довольно жить тогда!

Но долго ль будешь жить? – иль кратко? –
Сей день употреби на вкус!
Целуйся с *Эпикуром* сладко![1]
Он мил, – против судьбы не трус.

Меж тем – как зал твой озарится
В вечерний час по шумном дни,
И *Вакхово* лице зардится;
Тогда – певца воспомяни!

113. НА ТАКОЙ ЖЕ СЛУЧАЙ АПРЕЛЯ 22 ДНЯ

Пусть двутонныя лиры,
Лиры нежной и шумной
Гул отзовется!
Помнишь, – в бурны часы,
Как на крыльях холодных
Год прилетел,
Год, который ударил
Люстр седьмой в половине
В жизни моей, –
Ты мне в милую почесть
Пел на сребреной лире
Стройную песнь.
Можно ль, чтоб⟨ы⟩ забыл

[1] Жаль, что правила сего философа худо перетолкованы. Он не искал блаженства и спокойствия в бочке *Диогена* или в каменных правилах стоика *Зенона*.

Тем же пламенем я
В флейте дышать?
Можно ль, чтоб не родила
Гул свой лира твоя
В лире моей?
Гул, – стремися по долам!
Возгласи мне теперь
Юный ты год!
Как он в бездне лежал;
Как он, перерывая
Вечные цепи,
Мчался к тверди палящей
И с другими годами, –
Что прокатились
Тихо над головою
Друга и человека, –
Мнил съединиться;
Как с усмешкою хитрой,
Дал⟨е⟩ чая лететь,
Вдаль полетел;
Как в пути скоротечном,
Видев тайну небес,
Благоговел[1];
Видел *истинно солнце*
Сквозь пригробные узы,
Вострепетал;
Пал он к гробу, немея,
Крылья вдаль протянул;
Крылья немели;
И весеннее солнце
Там ему показалось
Тусклой пылинкой;
И тюльпаны румяны,

---

[1] Под сим разумеется время Пасхи.

И фиалки душисты,
Мнится, увяли.
Гул! – шепни мне теперь,
Как сей год, встрепеняся,
Возликовал;
Как гордился надеждой,
Что сквозь твердь полетит
Краше и ловче,
Как он к другу порхал,
Как вокруг головы
Перья шумели;
Как меня уверял,
Что мой друг, начиная
Поприще ново,
Будет мил и любезен,
Будет друг, – человек,
Истинно *Он*!
Прочь, свирепые духи!
Прыгни с музою, Вакх!
Звукни ты, *гул!*

114. ПЕРВЫЙ ЧАС ГОДА
К другу И⟨косову⟩

Час бил; – отверзся гроб пространный,
Где спящих ряд веков лежит;
Туда протекший год воззванный
На дряхлых крылиях летит;
Его туманы провождают
И путь слезами омывают;
Коса во длани не блестит,
Но, смертных кровью пресыщенна
И от костей их притупленна,
Меж кипарисами висит.

Сын вечности неизьясненной,
Исторгнувшись из бездны вдруг,
Крылами юности снабденной,
Слетает в тусклый смертных круг;
Фемиды дщери воскресают
И пред лицом ее играют;
Весна усопшие красы
Рассыпать перед ним стремится
И вместо вихрей вывесть тщится
Спокойны в *январе* часы.

Она с улыбкою выходит
Из храмины своей пустой,
Дрожащих зефиров выводит
На хладный воздух за собой;
Но, взор одеждой закрывая
И паки в храмину вступая,
Стенет, что скинуть не могла
Толь рано с древ одежд пушистых
И погрузить в слезах сребристых
Зимы железного чела.

Грядет сын вечности священной,
Исполн влияния планет,
И жребий мира сокровенной
Во мрачной урне он несет;
Пред ним Ирой с щитом робеет,
И червь у ног его немеет;
К кривому острию косы
Душа правдива лишь смеется.
Не ропщет, что перестрижется
Нить жизни в скорые часы.

Иной рыдает иль трепещет,
Что изощренно лезвее
Уже над головою блещет,
Готово поразить ее;

Другой, стоя вдали, вздыхает
И робки взоры простирает
На нового небес посла,
Железную стрелу держаща,
О роковой свой брус точаща,
Дабы пронзить его могла.

Колики смертны почитают
Сей новый год себе бичем
И сколь не многи обретают
Вождя к спокойной смерти в нем!
Но если я твой одр суровый
Слезой омою в год сей новый
И ты – в свой темный гроб сойдешь,
Возможно ль, ах! – при смерти люты
Иметь тебе тогда минуты? –
Любезный друг! – ты лишь уснешь.

Когда же *парки* уважают
Тобой боготворимых муз
И ножниц острие смягчают,
Да не прервется наш союз, –
Тогда скажу я, восхищенный:
«О *Феб, Латоною* рожденный!
Еще дай новых нам годов,
Да мы продлим дни в дружбе нежной,
Доколе век наш безмятежной
Не осребрит на нас власов!"

115. К РУССКОМУ ЛУКУЛЛУ НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ

Еще с седой главы снимает
Часы крылаты бог веков,
Еще он тихо пресыпает
Упадший ниц песок часов,

Что прежде часто *Вакх* веселый
Душистым соком окроплял
И, тем дав ход песку тяжелый,
Всю плавность времени отъял.

Но бог пернатый снова ставит
На темя лысое часы;
С угрюмой скромностию правит
Блестяще лезвие косы;
Он ждет, чтоб ты песок в них влажный
Минервы светом оживил
Иль, возвратяся в храм муз важный,
Парнасским жаром оживил.

Смотри! – как скоро пролетела
На крыльях розовых весна,
Когда твоя душа имела
На пищу нужны семена?
Не лето ль ныне то бурливо,
Где опыт, – ум – и духа свет
Ведут с страстьми сраженье живо?
Увы! – тотчас и то минет.

Грядут сумрачны дни осенни,
Где должен ты все то собрать,
Что сеял в юны дни весенни;
А там готовься гроб тесать,
Где перестанет *Хрон* суровый
Весенним причудам внимать;
Увы! – не станет в годы новы
Твоих Эротов грудь трепать.

116. ХИТРОСТИ САТУРНА, ИЛИ СМЕРТЬ В РАЗНЫХ ЛИЧИНАХ

Сурова матерь тьмы, царица нощи темной,
Седяща искони во храмине подземной,
На троне, из сухих составленном костей,
Свод звучный топчуша обители теней
И вместо скипетра железом искривленным
Секуща вкруг себя туман паров гнилой,
Которым твой престол весь зрится окруженным
И сквозь который зрак синеет бледный твой!

Се! – от твоей стопы река снотворна льется
И устьем четверным в мятежный мир влечется,
Да в четырех странах вселенныя пройдет!
Навислые брега, где кипарис растет,
Бросают черну тень в нее с хребтов нагбенных;
Не зефиры в нее, но из расселин темных,
Где начинался ад, подземный дует дух
И воет в глубине, смущая смертных слух.

О мрачна смерть! – ты здесь, конечно, пребываешь;
Ты здесь ни солнечных красот не созерцаешь;
Ни шлет сюда луна серебряный свой свет,
Когда торжественно исходит меж планет;
Скажи, – всегда ль ты к нам летишь средь тучи темной,
Как, быстро вырвавшись из храмины подземной,
Распростираешь в твердь селитряны крыле

И, косу прековав в перун еще в земле,
Удары гибельны с ужасным ревом мещешь
И светом роковым над дольним миром
блещешь? –
Всегда ли ты ревешь в чугунную гортань
И там, – где возгорит на ратном поле брань,
Рыгаешь в голубом дыму свинец свистящий
И рыцарско дробишь чело сквозь шлем
блестящий? –
Всегда ли ты спешишь кинжал очам явить,
На коем черна кровь кипящая курится? –
Нет, – не всегда в твоей руке металл тот
зрится,
Которым ты стрижешь столь явно смертных
нить.

Богиня! – пагубен твой смертным вид
кровавый,
Но пагубней еще им образ твой лукавый,
Когда, переменив на нежны ласки гнев
И тонко полотно *батавское* надев,
Лежишь в пуховике, опрысканном духами,
И манишь щеголя волшебными руками;
Или, *сиреною* исшедши из зыбей
Для уловления со златом кораблей,
Ты испускаешь глас, что в звуке сколь
прекрасен,
Столь внемлющим его смертелен и опасен;
Иль, умащенные когда власы имев,
Одежду, сшитую на нову стать, надев,
Взяв в руку трость и пук цветов приткнувши к
груди,
Спешишь, где с *нимфами* распутны пляшут
люди,
Где в купле красота, где уст и взоров студ,
Где *Вакха* рдяного *Эроты* в хор влекут;

Здесь, смерть! – здесь ужас твой меж миртов хитро скрылся;
Увы! – любовный вздох во смертный претворился, –
Во слезы пук цветов, – в кривую косу трость;
На кости сохнет плоть, – иссунулася кость! –
Цветы и порошки зловонной стали гнилью,
Одежда вретищем, а нежно тело пылью.

117. ТВОРЕНИЕ МИРА
Перевод с франц⟨узского⟩

Предвечный вечное молчанье оставляет;
Он хощет мир создать; Он ввек хотел того;
Никая плоть внутри Его не начинает,
Но начинает все лишь токмо вне Его.

Круги небес ничто, – как сонм несовершенный;
Земля лишь мрачна смесь мятущихся начал. –
«Да будет свет!» – Он рек; – и бысть сей свет священный,
Который мрак густый Хаоса разогнал.

О день, – о первый день, когда сей свет родился!
Проистечение блестяще Божества,
Чистейший света ключ, что вечно устремился
Живить и украшать всю область естества!

К Тебе, свет истинный, огонь неугасимый,
Сиянье вечное! – к Тебе стремлю вопль мой!
О Светов Свет! – простри в тот Хаос неключимый,
Что мой объемлет дух, луч свыше ясный Свой!

О смертный! – покорись! разрушить не сумнися
Сии миры, что ум твой вольно сотворил!
Для *Моисея* в том отречься не стыдися,
Что вымыслил *Декарт* и что *Невтон* открыл!

Какое зрелище! – какой позор чудесный,
Когда внезапу выспрь возвысясь сонмы вод
И зыбью влажною заняв страны небесны,
Изобразуют там обширный синий свод.

Кто держит оный свод? – Тот, кто мог над главами
Повесить бездны вод, подъятых из морей,
Кто выспрь возносит их и ставит с облаками,
Кто вновь низводит их для жаждущих полей.

Да нас возлюбит Он! да нас Он препитает
И благодать из рук обильну в сердце льет,
Смягчает оросив, проникнув одождяет
И силу доблести всегда душе дает!

Блажен, кто сей росой огнь жажды утоляет,
Кто черпает струи из сей реки живой,
Которая высот священных достигает,
Дабы опять вступить в источник вечный свой!

Но воды разлиясь лице земли покрыли,
Да изобилие красою служит ей;
Ревущие моря валы свои клубили
По бренью легкому сухой стихии сей.

Се час приспел воде во узах заключиться!
Отверзлась страшна хлябь; – вотще вода шумит;
Господь изрек – она стремглав туда стремится;
Разверзшаясь земля объять ее спешит.

О леторасль! – не ты ль ей служишь лепотою?
Растите, древеса, растения и плод!
Ах! коль прекрасна бы земля была собою,
Когда б соблюл свои права невинный Род?

Днесь быв осуждена питать преступно племя,
Сия земля стенет в молчании прося,
Чтоб свергнула скорей с себя поносно бремя,
Столь долго оное неволею нося.

О светлый естества родитель и питатель!
Тебе предшествовал уже и плод и свет;
Что не изыдеши? – Премудрый светодатель
Еще тебя из тьмы Хаоса не зовет.

Да узрится Его величество в блистаньи!
Се во чреду Тебя воззвал всесильный Бог!
Гряди по всем странам в спасительном сияньи!
Гряди на трон златый, чтоб править днем ты мог!

Ты ль, солнце? – Ты ли здесь? – твой свет неистощимый
Мрачит светильник тот, что в область нощи дан;
Перед тобою звезд полки неизочтимы
Рассыпавшись бегут, подобно как туман.

Великий Бог! – таков пред светом сим явленным
Мой слабый ум в часы сиянья своего! –
Несчастен, кто себя лучам вверяет бледным
Толико слабого светильника сего!

Меж тем – как роды рыб безгласных разделяют
Пространные моря и реки меж собой, –
Подобны твари им, – птици лики, – воспевают,
В воздушной области полет направя свой.

Се с равной спешностью теперь
распростираясь,
Рожденны граждане в тончайших жить
странах,
И все природными веслами укрепляясь,
Плывут иль в воздухе, или в морских волнах.

О юная земля! – коль чудно вижу племя?
Ползите, бегайте на персях существа!
Откройте власть Того, кто мудр во всяко
время
И столь же Всемогущ в деяньях естества!

Да узрится конец Создания великий!
Так, Творче! – час приспел решити Твой совет;
Что мыслить? – Хощет вся вселенная
Владыки;
Твое величество важнейший в том предмет.

Ты образуешь персть, – и в персть сию Ты
дышешь;
Исходит человек; – и Ты на нем тогда
Свои черты рукой непостижимой пишешь! –
Ах! – можно ль, чтоб оне изгладились когда?

Се, хощешь Ты царя всея земли поставить!
Но хощешь, чтоб над ним един Ты высшим
был;
Ужель, быв от земли, он мог Того оставить,
Кто над землей Его владыкой учинил?

Свершилось все; – и Ты осклабяся взираешь
На разнородные созданны существа;
Ты сей прекрасный мир, – сей труд свой
созерцаешь
И нежной чтишь его улыбкой Божества.

Но будет час Тебе угоднейшей, важнейшей,
Как Сын Твой снидет в мир омыть его в крови,
Омыть сей грешный мир в крови Своей
святейшей
И посвятить Тебе его, – как труд любви.

118. ЧУВСТВОВАНИЕ К ПРЕБЛАГОМУ БОГУ СВ. АВГУСТИНА.

Из письма г. Говеля с англ⟨ийского⟩[1]

О Боже! – как мой жар сердечный, –
Тот жар, который Ты, Предвечный,
Внутрь-уду мог воспламенить,
Словами можно изъяснить? –
Един сретаю образ верный
Открыть в восторге жар безмерный,

[1] Г. Говель пишет к одному приятелю таким образом: «Я преложил сие изречение бл. Августина в парафрастический имн. Зная столь гармоническую душу, какова ваша, посылаю к вам оной для вашего инструмента». Здесь Автор начинает самой имн и далее говорит: «Что касается до меня, любезный Филадельф, то как я люблю тебя чистосердечно, хочу сказать искренно. Коль скоро испытываю движения моего сердца, то чувствую, что люблю Создателя моего в тысячу крат более, нежели его боюся. Кажется, что игла души моей наполнена притягательною силою магнитной добродетели, которая, будучи верховным благом ея и истинным средоточием счастья, движет ее непрестанно. Что ж касается до боязни, то здесь на земле нет ни одной вещи, которой бы я страшился более, нежели себя. Мне известно, каковы нелепости, вкоренившиеся во мне, равно как и неистовство желаний и помыслов. В этом случае могу сказать не обинуясь, что боюся больше самого себя, нежели беса или смерти, сей виновницы ужасов. – Бог да сохранит нас всех и приведет к последней обители чрез терние мятежной жизни: прости!»

В котором древний *Августин,*
Питая огнь в себе небесный,
Глаголы возвещал чудесны,
Касаясь глубины судьбин:

Хотя б был я небес правитель;
А Ты бы смертным был, Зиждитель;
Но я Тебя бы столь любил,
Что свой престол бы уступил;
Ты был бы вечно всемогущий;
А я – остался б смертный сущий.

Возможно ль более любить? –
Прости, но дух мой исступленный
Возникнув в круг столь возвышенный,
Дерзнул предел свой преступить.

119–144. ДУХ ЕВРЕЙСКОГО ВЕНЦЕНОСНОГО БАРДА
Вольное преложение с разных иноязычных лучших переводов

⟨ПСАЛОМ⟩ 1[1]

Блажен, кто к сонмам нечестивых
Не идет в гибельный совет,
Гнушается путей строптивых
И злохулительных бесед,

Его лишь волю услаждает
Един божественный закон;
Он мысли все в закон вперяет,
Отмеща днем и ночью сон.

---

[1] Порядок числ здесь такой же, какой положен в славенском переводе.

Он, яко древо насажденно
При токах среброструйных вод,
Блюдет злак свежий неизменно,
Дает во время тучный плод.

Но грешных сонмы нечестивы
Ничто, – как токмо легкий прах,
Что возметая вихрь бурливый
В верх мчит, вертит, крутит в зыбях.

И так в день судный посрамится
Смятенный нечестивых дух,
И беззаконник – не включится
Во светлый праведников круг.

Господь наш токмо призирает
На правые стези благих
И в страшном гневе погубляет
Стопы строптивы токмо злых.

⟨ПСАЛОМ⟩ 8
ВЛАДЫЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

Иегова! – коль Твое чудесно
Во всех вселенныя концах
Святое имя пренебесно,
А паче в горних небесах!

Из уст младенцев млеко-ссущих
Обык Ты славу совершать
Перед лицем врагов могущих,
Дабы сим дух их покарать.

Когда зрю твердь неугасиму,
Твоих произведенье перст,
Луну, рукой Твоей водиму,
И гармонический лик звезд;

Что ж? – что же человек есть бренный,
Которого Ты столь ценишь,
И что от брения рожденный,
Кого своим Ты сыном чтишь?

Ты часть малейшую оставил,
Чтоб он лишь не был божеством;
Но Ты сверх мер его прославил,
Украсив ангельским венцом.

Поставя естества владыкой,
Ты всё во власть ему вручил;
Над тварью малой и великой
Царем его Ты сотворил.

Не токмо скот, – и звери дики,
Чешуйны чада глубины,
Воздушных птиц парящи лики
Руке его подчинены.

Иегова! – коль Твое чудесно
Во всех вселенныя концах
Святое имя пренебесно,
А паче в горних небесах!

⟨ПСАЛОМ⟩ 17
НА СЛУЧАЙ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ САУЛА

Иегова, крепость и покой!
Колико Ты возлюблен мной?

Иегова, Камень непреложный,
Надежда, твердость, славы Бог,
Стена, заступник мой неложный,
Оплот мой и спасенья рог!

Сей Бог, к которому в смиреньи
Взываю сердцем и душой,
Сей Бог в печали и стуженьи
Спасает от десницы злой.

Хотя шумящи смерти стрелы
Вокруг меня простерли страх;
Врагов потопы злобны, смелы
Зияли поглотить в волнах;

Хоть адски скулы раскаленны
Готовились меня объять,
И смерти сети разложенны
Готовились меня запять;

Но я в толь скорбные минуты
Вздохнул – и к Господу воззвал;
Господь мой глас в толь жребий лютый
С высот святого храма внял.

Мой вопль молитвы умиленной
Достиг Божественных ушес;
Дошел к Нему мой вздох смиренной;
Господь услышал стон с небес.

Тогда вселенная, шатнувшись,
Вострепетала, – потряслась;
Хребты камнисты, содрогнувшись,
Взревели, в чреве возмутясь.

Се! – Сам Иегова раздраженный,
Клубя густой дым пред Собой,
Перуны мещет раскаленны
Из длани Своея святой.

Средь ярких углий Он горящих
Являя пламенный Свой зрак,
Склоняет свод небес палящих,
Сгущает под стопами мрак.

Сидя на раме Херувимов,
Несется в грозных облаках
И, мглу перед собой вья дымов,
Летит на ветреных крылах.

Там облачные темны воды,
Как кровы, вкруг Его текут,
А тучи, как дымящись своды,
Как движущись шатры, идут.

Лишь блеск лица Его открылся,
Вдруг тьма рассыпалася туч,
Вдруг звучный град из них пустился,
Вдруг засверкал от углий луч.

Тогда Бог сил средь колесницы,
Взгремел, – простер по тверди треск,
Рассеял силою зарницы
Весь град и углий яркий блеск.

Он стрелы огненны бросает;
Сечется твердь; мятется град;
Стократ Он громы повторяет;
Бледнеют углия стократ.

В сей страшный час, когда ярится
В пристутствий Господа гроза,
Когда из уст Его крутится
Дыханье бурно в небеса;

В сей час пучины вод открылись,
Пролив источники дождей;
В сей час, расседшись, обнажились
Вселенной основанья всей;

Тогда, – тогда Он, призирая,
Из многих вод меня ивлек
И, от врагов освобождая,
Отъял от злости человек.

Хотя они в ужасно время
Возвергли из свирепых рук
На слабые рамены бремя;
Но Бог меня изъял из мук.

Я высшей силой Иеговы
На тихо поле изведен;
Я вражьи все расторг оковы,
Я благостью Его спасен.

Господь возмездием достойным
Мою невинность наградил
И воздаянием пристойным
Моих рук чистоту почтил.

Я в сердце сохранял уставы,
Что мне Всевышний предписал
И, путь блюдя пред Богом правый,
Пути противны отвергал.

Держа закон пред очесами,
Я заповеди сохранял
И, тщась быть чист пред небесами,
Всегда пороки устранял.

И так возмездием достойным
Господь невинность наградил
И воздаянием пристойным
Моих рук чистоту почтил.

Ты с преподобным преподобен,
К душам правдивым сам правдив,
К душам незлобным сам незлобен,
К строптивым же сердцам строптив.

Зане Ты кротость душ смиренных
Спасаешь сильною рукой,
А гордое чело надменных
Ты низлагаешь в прах гнилой.

Ты мне светильник возжигаешь,
Иегова! – Ты мой вечный Бог;
Ты горним светом расточаешь
Висящу мрачность надо мной.

Тогда я с помощью святою
Рассыплю силы, ополчен,
И смело прескочу с тобою
Ужасные стремнины стен.

Господень путь не изменяет;
Иеговы праведен обет;
Кто в нем надежду полагает;
Того он щит; того спасет.

Кто, – кроме страшного Иеговы,
Иное в мире божество? –
Кто в мире есть создатель новый,
Как не всесильно существо?

Он, силою препоясуя,
На правый путь меня ведет
И, стопы серны мне даруя,
Меня на мшистый холм несет.

Он слабый перст мой научает
На ярый бой, на бранный звук;
Мои Он мышцы направляет,
Да напрягу железный лук.

Ты, – Ты мне с неба простираешь
Безвредный щит спасенья Свой,
Ты сильной дланью подкрепляешь,
Да возвеличуся Тобой.

Ты очищаешь расширенный
И гладкий путь моим стопам,
Дабы плесне изнеможенны
Мои не охрамели там.

Тогда врагов постигну в поле,
Преследую и погублю,
И вспять не возвращусь дотоле,
Доколе их не истреблю.

Я так их поражу рукою,
Что не возмогут вновь восстать;
Они все будут под пятою
В пыли поверженны лежать.

Ты длань мою вооружаешь,
Дабы восставших покорить;
Ты предо мной их тыл вращаешь,
Чтоб суету их посрамить.

Они на помощь призывают;
В поборстве нет им никого;
Они к сил Господу взывают;
Ответа нет ни одного.

Я их, – как в вихрях прах насильных,
Взовью, развею и истню;
Как брение на стогнах пыльных,
Сотру, поглажду, разженю.

А Ты, – от бурных толп избавя,
Изъяв от ярости судьбы,
Главой племен меня поставя,
Приводишь чуждых мне в рабы.

Мне чужды чада покорились,
Признав меня главою их,
Те чада, – что отмстить грозились,
Повержены у ног моих.

Да будет жив Иегова в веки!
Да будет Бог благословен!
Да будет днесь пред человеки
Мой щит, мой Бог превознесен!

Тот Бог, который, отмщевая,
Народы многи в власть мне дал,
Который, в гибели спасая,
От мужа грозного отъял.

И так возвышу велегласно
Тебя, Иегова, средь язык
И имя воспою ужасно,
Коль Ты чудесен, коль велик;

В коликой славе возникая,
Давида славой Ты облек,
Помазанну явил благая
И семени его вовек?

⟨ПСАЛОМ⟩ 18
БОЖИЕ ВЕЛИЧЕСТВО В МИРЕ

Небесна твердь провозглашает
Господней славы лепоту;
Эфир премудрость возвещает
И подлинника высоту.

Горящий ли день нощь сменяет
Иль день погасший мрачна нощь? –
День дню глаголы отрыгает;
Гласит нощь нощи вышню мощь.

Нет в них звучащего языка,
Не слышно никаких словес;
Но проповедь гремит велика,
И глас их внятен средь небес.

Вратящися колеса звездны
Повсюду правильной чертой
Глаголют истину сквозь бездны
Над всей подсолнечной страной.

Там солнце, как жених прекрасный,
От брачного одра спешит
Или, как исполин ужасный,
Урочный путь прейти летит.

С одних пределов отдаленных
Он мчась в предел небес иной,
Огней луч мещет раскаленных;
Тогда всё чувсвует сей зной.

Таков закон святый, неложный,
Открытый к жизни душ Творцом;
Его уставы непреложны
Творят младенца мудрецом, *и проч.*

⟨ПСАЛОМ⟩ 22
ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ

Господь, – мой пастырь доброзрачный,
Все нужды предваря мои,
Ведет меня на паствы злачны,
Где тихие текут струи.

Он, ложный путь мой отвращая,
Ведет меня прямой стезей
И, томный дух мой оживляя,
Сияет в милости Своей.

Хотя б я шел в юдоли смерти,
Грозящим ужасом покрыт;
Не может зло меня пожерти,
И смерти сень не устрашит.

Не устрашит, – коль пастырь нежный
Со мной присутствует всегда
И кажет путь мне безмятежный
Отеческим жезлом тогда.

Он мне трапезу устрояет
Пред гибельным лицем врагов;
Главу елеем умащает
И полну чашу подает.

Так милостью возвеселюся
Небесной все дни живота,
Доколе в горний дом вселюся,
Где вечна дышет красота.

⟨ПСАЛОМ⟩ 28
ВСЕМОГУЩЕСТВО

Признайте в Боге Всемогущем, –
Богорожденны племена,
Признайте в Боге присносущем
Честь, силу, славу, чудеса!

Возвысьте пение согласно
Святому имени Его
И, зря величество ужасно,
Повергнитесь перед Него!

Глас Господа средь бурь летает,
Средь шума ропщущих зыбей;
Бог славы громы низвергает,
Бог ходит по волнам морей.

Глас бурный Господа стремится,
Ужасной крепостью снабжен;
Глас сильный Бога всюду мчится,
Небесной силой утвержден.

Глас Божий кедры преторгает;
И кедры скрипнувши трещат;
Ливански кедры низлагает;
Древа вверх корнями лежат.

Ливан и Сарион истнятся,
Как робкие тельцы в лугах,
Как юнцы, онемев, крушатся
Единороговы в лесах.

Глас сильный Бога прерывает
Палящие столпы огней;
Сей глас пустыни возмущает,
Трясет Каддийских твердь степей.

Сей обнажает глас дубравы;
Еленей сонм оттоль женет;
Но имени его дань славы
Пусть всяк во храме принесет!

Иегова в небесах сидящий
Содержит власть морей и рек,
Един Господь есть предержащий
И царствует от века в век.

Иегова племенам избранным
Свое могущество дарит;
И миром чад своих желанным
Благословляет и живит.

⟨ПСАЛОМ⟩ 41
НА СЛУЧАЙ АВЕССАЛОМОВА ВОЗМУЩЕНИЯ

Как серна, жаждой утомленна,
К потокам с воплями течет;
Так рвением душа разженна
К Тебе, мой Боже, вопиет.

Се! к Богу жаждет дух мой в теле,
К сему бессмертному Творцу!
Когда ж к Нему пойду отселе?
Когда явлюсь Его лицу?

Коль скоро страшна мысль приходит:
Где Покровитель, – где Бог твой? –
То в плаче день и ночь уходит;
Питаюсь день и ночь слезой.

Я, в чувствах сердца пламенея,
Воспоминаю завсегда,
Как, в радости благоговея,
Входил меж сонмов в храм тогда;

Входил, восторгом оживленный,
Во храм священный Божества,
Песнохваленьем восхищенный
И шумным гласом торжества.

Но ах! – почто, душа смятенна,
Почто уныла ты в сей час?
Будь, – будь надеждой оживленна!
Я славлю Господа; – Он Спас.

Творец! – тогда, как дух мой в стоне
Поколебался, – пал, – уныл, –
Я при Иордане и Гермоне
Тебя поспешно вобразил;

Тогда, – дождей как хляби звучны
Погнали волну за волной,
Взревели в токах зыби тучны,
Насытиться зияя мной.

Бог живота обыкновенно
Днем милости Свои дает,
Да тщимся нощию смиренно
В молитвах умиленных петь.

Увы! – восплачу перед Богом,
Почто заступник мой забыл,
Почто хожу я в вопле многом,
Когда всю лютость враг излил;

Когда сей злобный враг, терзая
Состав костей и членов мой
И в яром гневе посрамляя,
Вещает мне: где, – где Бог твой?

Но ах! – почто душа смятенна! –
Почто уныла ты в сей час!
Будь, – будь надеждой оживленна!
Я славлю Господа; – Он Спас.

⟨ПСАЛОМ⟩ 45

Бог щит, – Бог щит наш нерушимый
И слава вечная для нас;
Помощник наш неутомимый
И покровитель в скорбный час.

Хотя б шатнулась твердь вселенной
Во основаниях своих;
Хотя б верхи скалы смятенной
Погрузнули в сердцах морских;

Хотя б пучины так ревели,
Что горы б двиглись оттого;
Но мы тогда б не цепенели
И не страшились ничего.

Где в мире град Богоугодный,
Где дом Всевышнего стоит;
Там тихий ток, сребру подобный,
Священный град сей веселит.

Сей град святый не возмутится;
Сам Бог среди его живет;
Бог благовременно потщится
Предохранить его от бед.

Как глас Его взгремит великий,
Шатнутся бледны царства вдруг,
Смятутся робкие языки,
Растопится земный весь круг.

Сей в бурных бранех Всемогущий
И наших праотцев сей Бог
Вовек нам будет Бог присущий
И твердый щит, и славы рог.

Придите, смертны изумленны,
И зрите чудо Божьих дел,
Колико Он неизреченны
Явленья в мире произвел!

Он грозны брани прерывает
В дальнейших сей земли краях,
Лук ломит, копья сокрушает
И колесницы жжет в огнях.

Престаньте – и познайте с нами,
Что Бог единый токмо сей
Высок над дольними странами,
Высок над поднебесной всей.

Сей в бурных бранех Всемогущий
И наших праотцев сей Бог
Вовек нам будет Бог присущий
И твердый щит, и славы рог.

⟨ПСАЛОМ⟩ 48

Услышьте слово, земнородны!
Внушите, с долом высоты,
Вельможи, вы, и низкородны,
Сыны богатств и нищеты!

Я излию из уст ученье,
Что образует мудрый дух;
Открою в арфе тайно мненье
И к притче преклоню мой слух;

Почто во времена злосчастны
Страшиться горькой тесноты
Тогда, как бедствия ужасны
Преследуют мои пяты?

Те, кои счастье полагают
Во изобилии своем
И в тьме богатства заключают
Весь блеск и славу в мире сем,

Друг друга искупить не могут,
Не могут в небе откуп взять;
За душу цены не помогут,
Чтобы бессмертье покупать;

Чтоб, никогда не устрашаясь,
Конечной гибели понесть
И чтоб, нетленьем наслаждаясь,
В сей жизни вечность приобресть.

Известно, – мудрый умирает,
Другим стяжанье уступя;
Безумный также погибает,
Богатство за другим крепя.

Пусть мнят, что домы будут вечны
И что в грядущи времена
Их зданья будут бесконечны;
Землям даны их имена.

Но все они в час смерти злобный
Исчезнут с пышностью пустой
И бессловесным в том подобны,
Что гибнут, – все губя с собой.

Хотя обычаи такие
Все по себе безумны суть,
Однак наследники слепые
Еще по сим стезям идут,

Пусть гибельная челюсть ада
Злосчастных сих на век пожрет!
Пусть смерть их всех, как сонмы стада,
Своим железом упасет!

Пусть праводушный обладает
До утра пышностию их!
Пусть блеск их в гробе обветшает
И будет гроб чертог для них!

Но Жизнодатель мой избавит
Мой дух от тяжких адских уз
И в вечности меня прославит,
Включив мой дух к Себе в союз.

Почто смущаться, что тучнеет
Богач, стяжаньем напыщен,
Что он надменный дом имеет,
Сияньем славы окружен!

Когда расставит смерть пленицы,
Он в гроб не возмет ничего;
И блеск по ту страну гробницы
Не может проводить его.

Пускай они в сей жизни краткой
Себе лишь тщаться угождать
И песнью нежной, льстивой, сладкой
Любимы страсти ублажать!

Всю прелесть мира позабудут,
Сойдут к теням отцев своих
И никогда уже не будут
Из гроба зреть лучей дневных.

Все знатные и худородны
Безумствуют в чести пустой
И бессловесным в том подобны,
Что гибнут, – все губя с собой.

⟨ПСАЛОМ⟩ 49

Се! – Бог богов речет во громе:
Да соберется род земный
От дальнего востока в сонме
До мрачной западной страны!

Се! – от священного Сиона,
Где блещет непостижный свет,
Где лепота не гибнет трона, –
Се! от Сиона Бог грядет!

Грядет наш Бог! – кто усомнится? –
Пред ним ужасный огнь горит,
И пламя бурное крутится,
И буря зельна вкруг шумит.

Он свыше небо потрясенно
И долу землю призовет,
Дабы судити непременно
Во страхе поднебесный свет.

Да соберутся благочестны
Ко мне на страшный сей совет,
Все те, с которыми известный
О жертвах положен завет!

Се! – силы горние внимают,
И видят таинство судьбин,
И пред вселенной изъявляют,
Что Бог есть Судия един!

«Внемли! – внемли, народ избранной! –
Тебе реку, Израиль мой! –
Когда вещаю в силе бранной,
Знай! – Бог тебе вещает твой!

Не в жертвенных Я приношеньях
Тебя намерен обличить,
И не в горящих всесожженьях
Тебя намерен Я судить.

Я восприять не пожелаю
Из дому твоего тельцов,
Ни взыскивать не полагаю
От тучных стад твоих козлов.

Все звери суть мои дубравны,
Живущие в густых лесах;
Все чувствуют законы равны
Скоты, пасущися в лугах.

Все птицы без числа небесны
Мою едину знают власть,
И все животны повсеместны
Всевышню ощущают часть.

Взалкаю ли Я, утомленной?
Не буду в том тебя молить;
Мой, – Мой есть круг сея вселенной
И все, что можно в ней найтить.

Ты мниши ли, что насыщаюсь
Я мясом юнчим иногда?
Иль кровию упоеваюсь
Несчастных козлищ? – никогда.

Пожри Мне жертву благодарну!
Пожри чистосердечну дань!
Возвысь дух к трону лучезарну
И с сокрушеньем тамо стань!

Тогда, – тогда в день скорби лютый
Ты призови Царя всех сил!
Я в те ж спасу тебя минуты,
Чтоб ты и впредь Меня так чтил!»

Потом, обращися очами,
Господь к злочестному речет:
«Почто твердишь всегда устами
Мои уставы и завет?

Но в самом деле отвергаешь
Ученья силу моего,
Глаголов дух позабываешь,
Не исполняя ничего?

Когда ты татя созерцаешь,
Ты совокупно с ним течешь;
Прелюбодея ль примечаешь! –
Ты с ним в сообщество идешь.

Уста свои ты расширяешь
В едину пагубу и зло;
Языком же своим сплетаешь
Ужасно сетей злых число;

Сидя, на брата ты клевещешь,
Отъемля у него покой,
И на того ты стрелы мещешь,
Кто вкупе порожден тобой.

Ты все то вольно содеваешь;
А Я молчу, – терплю грех твой;
Терплю; – и ты воображаешь,
Что также сходен Я с тобой.

Но скоро в гневе Я наставлю
И обличу тебя во всем;
Я все твои грехи представлю
Пред собственным твоим лицем.

И так сие да разумеют
Все те, кем ныне Бог забыт!
От мщения да цепенеют,
Быв без надежды, без защит!

Тот истинно лишь Мне угоден,
Кто в жертву сердце принесет;
Тот будет от беды свободен,
Кто сим святым путем идет».

⟨ПСАЛОМ⟩ 54

Внуши! – Творец неизреченный!
Прими печальную мольбу!
Дозволь, чтоб глас мой умиленный
Излил в слезах мою судьбу!

Уже враги ожесточенны
Гортаньми страшными ревут;
Зломыслием одушевленны,
Лукавы ковы мне куют.

Уже печально сердце бьется
В трепещущей груди моей;
Страх смерти по костям лиется
И стон влечет из груди сей.

О! если бы я голубины
Пернаты крылия имел!
Я, сей избавившись пучины,
В пустыню тиху полетел;

Далече бы я устранился
И водворился средь полей;
Так, – я скорей бы устремился,
Чем всех воздушных бег зыбей, – *и проч.*

⟨ПСАЛОМ⟩ 64

Тебе – в Сионе песнь священну
Достоит, Боже, воспевать
И в тишине мольбу смиренну
С сердечным жаром возвышать.

Твой слух молитва возбуждает;
К Тебе приступит всяка плоть;
Хоть страшный грех нас премогает;
Но Ты прощаешь грех, – Господь!

Блажен, – блажен тот муж избранный,
Кто, быв Тобою вожделен,
Грядет чрез двери невозбранны
В чертог Твой благостью снабден.

По равнодушности отменной
Ты, Боже, милуешь нас всех;
Ты щит един сея вселенной
И дальних берегов морских.

Ты силой горы укрепляешь,
Могуществом быв окружен,
Ты рев морей обуздаваешь,
Кротишь бунт волн и бунт племен.

Ты земнородных изумляешь
Явленьями на небесах;
Ты рдяной пурпур разливаешь
В вечерних, – утренних зарях.

Ты, о земле сей промышляя,
Чтобы обильней утучнить,
И чисты токи пролагая,
Печешься пищей нас снабдить.

Ты, свыше землю утучняя,
Бразды ея росой кропишь,
Или дождями увлажая,
Ростки семян плодотворишь.

Венец Ты лета украшаешь,
Лья милости небесный свет,
И где стопы ни простираешь,
Венчаешь благами Свой след.

Там сено-злачные пустыни
Готовят паствам тук и мед,
А холмы блеском благостыни
Препоясуют свой хребет.

Там злачны пажити прекрасны
Стадами покровенны суть;
А в долах нивы златокласны
Глас нежный песней раздают.

⟨ПСАЛОМ⟩ 67

Да взникнет Бог! – да Бог восстанет!
И расточится враг Его;
Да возблистает длань! – да грянет!
И побежит враг от Него.

Как дым тончайший исчезает,
Так богомерзкий гибнет в прах;
Как воск в огне свирепом тает;
Так расточится Божий враг.

Но праведны возвеселятся
На лоне Божества святом;
И радостию насладятся
При восхищении живом.

Воспойте Бога всеблагого!
Воспойте имя вы Его!
Превознесите Всесвятого
В восторге сердца своего!

О смертные! – превознесите
Того, кто правит твердь небес!
Его в Иегове имя чтите!
Пролейте радостных ток слез!

Он сирых всех Отец есть нежный;
Он вдов, стенящих в жребьи злом,
Защитник и покров надежный
И Бог в селении святом.

Он Бог, который водворяет
Отшельников в прямый покой
И узников освобождает
Своею сильною рукой.

Одни мятежники злосчастны
Лишь населяют те места,
Где степи сухи и опасны
И где бесплодна широта.

Творец! – Когда Ты пред сынами
Иакова во славе шел;
Когда пустынными полями
Рукою пастырской их вел,

Тогда весь мир поколебался
И небо испустило дождь;
Там Бог Израилев являлся;
Там Бог Синайский сам был вождь.

Ты, Боже, свыше орошаешь
Наследной наш предел дождем
И благостыней оживляешь,
Когда дни зноя будут в нем.

Там, – там обилие вселяешь
По многой благости Своей
И тем убогих наделяешь
В стране благословенной сей.

Господь во брани нерушимой
Ужасно слово возвестит
О силе войск необоримой
Чрез благовестников Своих.

Тогда цари в войне смятутся;
И вся прервется связь меж них;
А те, что в доме остаются,
Всю разделят добычу их.

Хотя б они в полях почили
И междорамьям голубей
Серебряным подобны были,
Где золото блестит струей;

Но если Царь наш от Сиона
Царей низвержет в прах и тлен,
Тогда Сион светлей Селмона,
Где верх высокий оснежен.

Холм Божий, – холм есть утучненный;
Сей холм есть плодоносный холм;
Что мните, горы усыренны?
Се! холм, где Бог имеет дом;

Где Господу вселенной сродно,
Как в храмине священной, жить,
Где Вездесущему угодно
На вечность целую пребыть!

Его колеса многократно
Счисляются единой тьмой,
А тьмами тем неоднократно:
Он в них сходил в Синай святой.

О Боже! – Ты горе взникаешь
И узников Ты рушишь плен;
Упорных даже одаряешь,
Чтоб Ты был ввек благословен.

Да возвеличится Всевечный
Благотворящий наш Отец!
Да будет хвален Бесконечный
Спасенья нашего Творец!

⟨ПСАЛОМ⟩ 71

О Боже! – высшей правотою
Царя младого награди
И сына царского святою
Своею истиной снабди!

Он должен Твой народ любезный
Судить по истине святой;
Он должен бедных жребий слезный
Судить со всею правотой.

Тогда пусть горы восхищенны
Народу тишину явят! –
Пусть холмы, миром осененны,
Пред ним всю правду возвестят!

Он разберет судьбину многих
Несчастных подданных своих
И защитит людей убогих,
Смирит клеветников их злых.

Тогда начнут Тебя страшиться
От рода в род все племена,
Доколе солнце продолжится
И доле, чем течет луна.

Он будет, яко дождь идущий
На покрывающ злак поля;
Иль яко облак, капли льющий,
Да окропится вся земля.

В его дни истина восстанет,
И правда с миром процветет,
Доколе месяц быть престанет,
Престанет лить сребристый свет.

Его велика власть промчится
От моря до морей иных,
И слух о нем распространится
От токов до концев земных.

В то время изумленны дики
Повергнутся в его ногах,
И все враждующи языки
Его полижут в страхе прах.

Морей и островов владыки
Дары богаты принесут;
Арабы, Савские языки
Неоцененну дань дадут.

Все царие и властелины,
Преклоншись, пролиют мольбы,
И всех иноплеменных сыны
Пойдут к нему навек в рабы.

Он, бедных жалобам внимая,
Избавит их от грозных бед,
А беззащитных призирая,
От тесной нищеты спасет.

Щадя бессильных и убогих
И скудородных жизнь храня,
Отмстит обиды, ковы многих,
Драгой ценой их кровь ценя.

Он будет жить; – к нему пroструтся
Арабски злата горы в честь;
Всегда о нем мольбы прольются;
Всегда потщатся дань принесть.

В то время будут возвышаться
Златые класы на горах
И, как ливан, плод волноваться,
Как сельный злак, цвести в градах.

Его пребудет имя вечно,
Доколе солнце луч лиет;
Почтенно имя в бесконечно
Потомство слава пронесет.

Через его благословенны
Колена будут все стократ;
И все страны иноплеменны
Драгое имя ублажат.

Да славят Божество всемочно
И дольний мир, и небеса;
Он Бог Израилев; – Он точно
Единый зиждет чудеса.

Да ввек Господь благословится!
Да славят имя вышне всяк;
Да слава ввек о Нем твердится;
По всей земле! – да будет так!

⟨ПСАЛОМ⟩ 79

О Ты, пасый в сем мире дольнем,
Как агнцов, Яковлих сынов,
А там – седяй во свете горнем
На раме пламенных духов!
О Пастырь наш! – вонми! – возникни!

Воздвигни силы Ты святые
Пред чадами Ефрема здесь,
Вениамина, Манассия!
Гряди, небесный Пастырь, днесь!
Явись и помощь нам подай!

Иегова! – возврати спокойство
И паки всех нас примири!
Смири меж нами неустройство
И светом зрака озари! –
Тогда, – тогда спасемся мы!

О Боже! дивный в силах бранных!
Доколе будешь раздражен
На сих рабов Своих избранных,
Которых дух толь сокрушен,
Которы раболепно молят?

Ты, желчным хлебом нас питая,
Слез полной мерою поишь
И, в срам соседам выставляя,
Ты нас посмешищем творишь
И поруганием врагам.

Иегова! – возврати спокойство
И паки всех нас примири!
Смири меж нами неустройство
И светом зрака озари!
Тогда, – тогда спасемся мы!

Ты, из Египта преселяя
Священный, Боже, виноград
И всех языков истребляя,
На место их устроил сад
И виноград сей насадил.

Лишь путь ему уготовляя,
Бразды ему Ты проложил;
Он, корни в землю углубляя,

Повсюду их распространил
И недра всей земли наполнил.

Его обширны тени хладны
Покрыли горы средь полей,
А ветви злачны, кедрам равны,
Простерли розги до морей
И отрасли до дальних рек.

Почто же, Боже всемогущий,
Оплот его Ты так расторг,
Что ныне всяк мимоидущий
В конец его расхитить мог
И removal основанье потрясти?

Дубравны вепри разъяренны
Текли его опустошать,
И звери все уединенны
Стремились сад сей раскопать,
Стремились юный злак пожрать.

О Боже! – примирися с нами!
Приникни с горней высоты!
Воззри, носимый облаками,
На виноград сей, Боже, Ты,
И попеченье прийми!

Восстави лозы винограда,
Что насадила длань Твоя! –
Се! молят юные их чада,
К Тебе на небо вопия:
Восставь нас! – Ты нас сам избрал.

Се! – в яром пламени пожженный
Весь сад раскопан, расхищен!
Твоим он гневом отягченный
Погибнет, будет истреблен
В прещеньи Твоего лица.

Да будет длань Твоя присуща,
Избранным племенам покров!
Да снидет сила всемогуща
На человеческих сынов,
Которых сам Ты утвердил!

Мы от престола не отступим;
И коль от бурь нас сохранишь,
К Тебе с смирением приступим;
Коль мертвый дух наш оживишь,
Твое мы имя призовем.

Иегова! – возврати спокойство
И паки нас Ты примири!
Смири меж нами неустройство
И светом зрака озари!
Тогда, – тогда спасемся мы!

⟨ПСАЛОМ⟩ 83

О! коль возлюбленны селенья
Твои, великий Боже, суть! –
Все духа моего движенья
Лишь токмо клонятся в сей путь;

Так, – весь мой дух от жара тает,
Желая внити в Твой чертог;
И плоть и сердце воззывает
Туда, где царствует мой Бог.

Счастливый врабий обретает
Жилище теплое в древах;
И нежна горлица свивает
Гнездо спокойное в стенах;

Там нежна мать предохраняет
Неоперившихся птенцов;
Так Твой олтарь меня пленяет,
Небесный Отче, Царь миров!

Блаженны, кои обитают
В Твоей обители святой
И непрестанно возвышают
Престол хвалами вечный Твой!

Блаженны, кои полагают
Могущество в Тебе одном
И токмо в сердце помышляют
О выспренних стезях в Твой дом!

Когда они преходят мрачну
Юдоль плачевну средь полей,
Юдоль находят многозлачну,
Исполненну живых ключей;

А водоемы скудоводны
Обильны влагою дождей,
Что в тук юдоли многоплодный
Текут из облачных зыбей.

Они, надеждой укрепленны,
Все будут в силе преспевать,
И все в Сионе, восхищенны,
Пред Богом будут предстоять.

О Боже сил непостижимый, –
Услыши вопиющий дух!
Иаковль Боже невместимый,
Склони Божественный свой слух!

Заступник вечный, благосердый, –
Внуши молению сему!
Простри Ты взоры милосерды
К Помазаннику Своему!

Единый день в селеньи вечном
Решуся лучше я провесть,
Чем в мире бренном и конечном
Дней слезных тысячу пренесть.

При праге кровов пренебесных
Желал бы лучше я пребыть,
Чем в пышном здании злочестных
Среди дремот роскошных жить.

Господь есть солнце правды вечной;
Он твердый, нерушимый щит;
Он благостию бесконечной
И честью чад Своих дарит.

Нет блага, коего смиренны
Не смели б у Творца просить;
О Боже жизни! – коль блаженны
Надеющись с Тобою жить!

⟨ПСАЛОМ⟩ 90

О ты, что в мире обитаешь
Под тихой сению небес,
Что дни спокойны провождаешь
Под стражей Божеских очес!
Чти Господа покровом твердым,
Отцем и Богом благосердым!

Он сам от сети ловчих злостной
Тебя десницей оградит;
Он сам от язвы смертоносной
И от ударов сохранит;
Как осенит тебя крылами,
Почиешь ты под их тенями.

Как истина Его святая
Тебя отвсюду окружит;
Свое оружье простирая,
Твой дух от страхов оградит;
Тогда ты будешь безмятежен;
Покой твой будет ввек надежен.

Тогда не можешь содрогнуться
Ни грозных ужасов ночных,
Ни стрел летящих ужаснуться
Во времени часов дневных,
Ни язвы в мрачности ходящей,
Ни в полдень встречи злой грозящей.

Хотя бы вкруг тебя ошую
Едино тысящи число,
А по страну твою десную
И десять тысящь бы легло;
К тебе ничто не прикоснется,
Никое зло не нанесется.

Тогда беспечными очами
Ты люту будешь видеть месть,
Которую злодеи сами
В твоих очах должны понесть;
Ты в Боге узришь упованье,
Прибежище и окончанье.

Возможно ль, чтобы зло какое
Тебя дерзнуло потребить
Иль пораженье роковое
Дерзнуло твой состав сгубить;
Коль Бог духов ниспосылает,
Стрещи тебя повелевает?

В то время Ангел будет в длани
Тебя носить, тебя хранить,
Чтоб ты не мог об остры камни

Стопы преткнуть и повредить;
На гидру, аспида наступишь
И льву с драконом зев притупишь.

Сей муж, – Бог о тебе вещает, –
Чистейшим сердца своего
Ко мне усердием пылает, –
И так всегда спасу его,
Когда он Мне себя вверяет,
Когда Мое он имя знает.

Вопросит ли Меня муж правый? –
Я отзовусь тогда ему; –
Иль воззовет к престолу славы?
Я ухо приклоню к нему;
Услышу крови в нем движенье
И во груди его биенье.

Я в люты дни его печали,
Что мраком горестным своим
Его смущать бы душу стали,
Всегда присущен буду с ним;
Изму его, – вовек прославлю
И жизни долготу пробавлю.

⟨ПСАЛОМ⟩ 92

Господь, Владыка непостижный,
Облекшись в крепость, в лепоту,
Весь мир сей создал неподвижный
И твердый в вечну долготу.

Но Твой престол, – когда мир тленный
Рождался, в бездне погружен,
Уже блистал, сооруженный,
И презирал круги времен.

Пусть реки шум свой простирают!
Пусть долу бурные моря
Ревущи волны воздвигают! –
Но что сильнее их Царя? –

Все бури страшны и чудесны;
Но Ты – и Твой высокий трон
Ужаснее ревущей бездны,
Сильнее бурь, грознее волн.

Твои свиденья неизменны;
Твой вечен, – верен Твой глагол;
Да будет просносущ священный
Чрез целу вечность Твой престол!

⟨ПСАЛОМ⟩ 96
НА СЛУЧАЙ ЗАВЛАДЕНИЯ ЗЕМЛЕЮ

Иегова царствует великий, –
Да радуется шар земный!
Да веселятся все языки,
Все острова и все страны!

Он, в бурны тучи облеченный
И препоясан грозной тьмой,
Престол имеет утвержденный
Судом и вечной правотой.

Ему предшествуя, пылают
Биющись пламенны столпы
И отовсюду попаляют
Врагов свирепые толпы.

Лишь молния Его проснулась,
Сверкнув в хранилищах небес;
Вселенна бледна содрогнулась;
Завыла бездна; треснул лес.

Растопленны утесы тают,
Как воск, иль как слезящий лед;
Они Иегову ожидают;
Се! Судия земли грядет!

Небесны силы возвещают
Его всевечну правоту;
Языки мира созерцают
Всевышней славы лепоту.

Да постыдятся все во сраме,
Которы истуканов чтут! –
Надменны быв в кумирном храме,
Пред Богом боги все падут.

А ты, Сион, гора небесна,
Внемли сие и веселись!
И ты, дщерь Яковля прелестна,
Судьбами Бога восхитись!

Един Он токмо Царь верховный
Над шаром видимым земным;
Пред Ним все боги суть бессловны,
И все кумиры прах пред Ним.

О мужие боголюбивы, –
Гнушайтесь сих злобожных мест!
Всегда хранит Господь правдивый
Дни правых от неправых перст.

Тем токмо горний свет сияет,
Которы праведно живут;
Тех токмо радость озаряет,
Что чистым сердцем Бога чтут.

О мужи праведны! – взыграйте,
Исполненные божеством,
И имя Божье повторяйте
Во храме Вышнего святом!

⟨ПСАЛОМ⟩ 98

Иегова воцарился в чине;
На Херувимах Он сидит;
Да вострепещет весь мир ныне!
Да движется земля, дрожит!

Иегова наш велик в Сионе;
Мир мал пред Его лицем;
Высок на пламенном Он троне;
Земля низка под небесем.

Да будет хвально и преславно
Ввек имя страшное Твое,
Которое, Тобой избранно,
Священно мира Судие!

⟨ПСАЛОМ⟩ 107

Готово сердце вдохновенно,
Готово днесь Тебя воспеть,
О Божество неизреченно,
Доколе буду пламенеть.

Восстани ныне, слава шумна,
С трубою звучною своей!
Восстани, арфа златострунна!
Проснися, глас моих гуслей!

Лишь розова заря, блистая,
Отгонит нощи глубину,
Я, одр и сон свой оставляя,
Тебя, – Иегова, петь начну!

Тебя, которого безмерны
Щедроты суть превыше звезд,
А истины уставы верны
Касаются эфирных мест.

Тебя пред всеми я странами
На звучной арфе воспою
И пред земными племенами
Возвышу я хвалу Твою!

Возникни, Боже всемогущий,
На чреслах горних облаков!
Пусть славы гром Твой присносущий
Звучит среди земных концов! – *и проч.*

⟨ПСАЛОМ⟩ 113

Когда Израиль свобожденной
Из варварских стран Хама шел;
Колена с почестью священной
Иуде отдали престол.

Когда сквозь бездну он стремился;
Вся бездна раздалась под ним;
Священный Иордан дивился
И вспять потек к ключам своим.

Там горы, как овны, взыграли;
Холмы тряслись, как Агнцов сонм;
Верхи Синая содрогали
Перед Божественным судом.

Какой же силой расступились,
Вы, глубины, – ты, Иордан? –
Почто вы, горы, возмутились
И ты, Синай, поколебан? –

Холмы и токи! – трепещите!
Здесь Бог Израильский течет;
О смертные! – сюда воззрите!
Повергнитесь! – се! Он грядет!

Се Он гремит! – природа стонет;
Скала ключи кипящи бьет;
Твердыня в пенных токах тонет;
Вода и огнь Иегову чтет. – *и проч.*

⟨ПСАЛОМ⟩ 132

О! сколь прекрасно и приятно
Жить братиям в любви своей?
Согласье столь же благодатно,
Как драгоценнейший елей,

Что со главы струею чистой
Течет к Ароновой браде,
Потом на ризы край пушистой
Стекает плавно по чреде;

Согласье сходствено с Гермонской
Жемчужной тихою росой,
Что на чело горы Сионской
Нисходит утренней порой,

Где Бог свое благословенье
На целу вечность утвердил,
Где Бог, – надежда – и спасенье,
Навеки жить благоволил.

⟨ПСАЛОМ⟩ 136

Средь Вавилонских ив тенистых
Повесив арфы во слезах
И седши при струях сребристых,
Рыдали мы на берегах,
        Воспоминая о священных
        Холмах Сионских расхищенных.

Но те, которы столь поносной
Понудили нас плен терпеть,
Смеясь судьбине нашей злостной,
Велят веселу песнь воспеть;
  Они вещают нам: взыграйте
  И песнь Сионску воспевайте!

Как нам без скорби петь возможно
Господню песнь в стране чужей? –
Пусть паче будет ввек ничтожно
Искусство все в руке моей,
  Коль ты, Сион, гора священна,
  Пребудешь в мыслях мной забвенна!

Пусть вечно мой язык безгласный
Прильпнет к гортани во устах,
Когда тебя, Салим злосчастный,
Забуду в чуждых сих странах;
  Когда тебя наречь не смею
  Утехой первою моею!

Воспомни, Боже, идумеев,
Которы, сильно ополчась
Разрушить царство иудеев,
Простерли яростный сей глас:
  Расторгнем их для общей славы!
  Прольем потоки их кровавы!

О дщерь надменна Вавилона,
Которой равный рок грозит! –
Блажен, из твоего кто лона
Исторгнув чад, за нас отмстит,
  О камни плоть их раздробляя
  И камни кровью обагряя!

⟨ПСАЛОМ⟩ 138

О Господи! – Ты испытуешь
И всякий ведаешь мой путь;
Ты ведаешь и предписуешь,
Когда сидеть, когда вспрянуть;
　　　Ты тайны мысли человека
　　　Уже предвидишь издалека.

Ты мне стезю определяешь,
Когда ходить, когда возлечь;
Ты виды все располагаешь,
И то, что мой язык изречь
　　　Еще не положил словами,
　　　Ты, Боже, зрел уже очами.

Ты, знав, что минуло за мною
И что я встречу пред челом,
Создал меня Своей рукою
И руку мне даешь потом;
　　　Сие познанье толь чудесно,
　　　Что моему уму не вместно.

Куда могу я уклониться
От духа сильного Творца?
Куда могу я устраниться
От вездесущего лица? –
　　　Взойду ль на небо? – там властитель;
　　　Сойду ль во ад? – там повелитель.

Возьму ли крылья утра легки
И рдяной облекусь зарей,
И полечу в края далеки
Неведомых поднесь морей? –
　　　И там рука Твоя наставит;
　　　И там десница мной управит.

Помышлю ль, что могу укрыться
В глубоку тьму, в сгущенну тень? –
Ах! – тьма во свет преобратится,
И нощь блеснет, как ясный день;
Ничто в нощи не утаится; –
И мрак и свет не различится.

О Боже! – Ты, что обладаешь
Моею внутренностью всей,
Котору дивно Ты слагаешь
Во чреве матери моей!
Прими признанье благочестно,
Что создал толь меня чудесно! –

Уже моей душе известно
Твоих творенье дивных дел;
Когда, связуем быв чудесно,
Я тайно в низкой персти зрел;
Не скрылось от Тебя нимало
Во мне земных костей начало.

Когда мои начатки тела
Еще не были свершены;
Уже ты видел образ дела;
Все члены, быв утверждены
В свои часы, Тобой сочтенны
И в книгу живота включенны.

Ах! – сколь во мне неизъяснимы
Твои расположенья дел,
И сколь они неисчислимы? –
Когда б я их счислять хотел,
То б счет их вечно возвышался, –
А я еще б в Тебе терялся.

О Боже! – если злотворящих
Извержешь от земли людей,

То пусть Твоих очес грозящих
Бегут все мужие кровей,
Что, промысл оскорбя хулами,
Гордятся студными делами!

О Боже! – сколь я ненавижу
Всех ненавидящих Тебя? –
Когда я с горестию вижу,
Что сей хулой срамят себя,
Тогда они и мне противны
И первы мне враги строптивны.

О Боже! – испытуй подробно,
Движенья духа разыскуй!
Познай меня благоутробно!
Все чувства тайны истязуй!
И зри! – когда пути суть ложны,
То покажи пути мне должны!

⟨ПСАЛОМ⟩ 147

Хвалите сильного Иегову!
Приятно Господа хвалить;
Приятно песнь хваленья нову
К отцу всех светов возносить. –

Господь Салим нам созидает,
И всех Израильских сынов
В него он вкупе собирает
Рассеянных со всех концов.

Сей жизнодатель наш врачует
Их сокрушенные сердца
И нежной дланью превязует
Горящи раны без конца.

Он, – Он единый токмо знает
Несметное число звездам
И всех их мудро нарицает
По их природным именам.

Велик Господь непостижимый,
Велик в могуществе святом;
Премудр Господь неизъяснимый
В правлении миров прямом.

Возносит Он сердца смиренны,
А грешных низлагает в персть;
Воспойте песни вдохновенны!
Возвысьте в арфах Богу честь!

Он твердь палящу облекает
В молниеродный тучи мрак
И твердь земле приготовляет,
Да на холмах прозябнет злак.

Он нежны снеди насаждает
На тучных пажитях стадам;
Взывающим к Нему метает
Крупицы врановым птенцам.

Но Он цены не поставляет
Ни в силу дерзостных коней,
Ниже довольство полагает
В крепчайшей голени мужей.

Лишь те, которы соблюдают
В душе священный страх к Нему,
На милость вышню уповают,
Те лишь угодны суть Ему.

О ты, – Салим, любезный Богу!
Возвысь на струнах хвальный звон!
Воздай хвалу Иегове многу,
Подобный небесам Сион!

Он свыше вереи скрепляет
Твоих священных тихих врат;
Среди тебя приосеняет
Твоих благословенных чад.

В твоих пределах водворяет
Возлюбленную тишину;
Пшеничным туком насыщает
Твою блаженную страну.

Лишь токмо послешь слово сильно
С престола в дольний круг земной;
Летит веление стокрыльно
Через пространство с быстротой.

Он снег пушистый посылает,
Как сребряно руно, с небес,
Как бледный пепел посыпает
Туманный иней, мглу на лес.

Он голоть, как укруги, мещет;
Когда же лютый мраз явит,
В то время кто не вострепещет?
Кто против мраза постоит?

Речет – и лютый мраз немеет;
Растопится кристальный град,
Дхнет дух Его – и ветр завеет,
И легки росы зашумят.

Сей Бог в беседах открывает
Судьбы лишь Яковлим сынам;
Но сих Он таин не вверяет
Другим языческим странам.

145–151. ПРЕЛОЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДУХОВНЫХ ПЕСНЕЙ

1
ОТЧЕ НАШ. ПЕСНЬ ИЗ КЛОПШТОКА

О Ты, – о Нем же горний круг
И мой возрадуется дух! –
Зане Ты сам, Ты вечен сам!
Господь, Господь! о мой Отец!
О мой Отец!

Превыше детских наших хвал
Твое величество гремит;
Святые, в ком любовь горит,
Не изрекут, коль Ты велик,
О вечный Бог!

Ты Царь; – и кто иной, как Ты?
Твоя держава – целый мир;
Владычествуешь, как Отец;
Даждь чрез Христа Христов нам мир!
Ты примирен.

Открывый нам благую часть
Через Него, что хощешь Ты,
О Любящий! – да будет власть
На небе и земле Твоя,
Отец любви!

Средь малых жизненных потреб
Будь с нами, – даждь нам хлеб!
Ты из любви шлешь плоти скорбь,
Дабы устроить сердце в нас;
Блюди Ты нас!

Оставь проступок, нас любя,
Что, Отче, раздражил Тебя,
Как мы прощаем брату долг
К свободе от укор его!
Будь милосерд!

Ослаби искушенья жар
И свой возжги в нас, Боже, свет,
Как тьма греховна ужаснет
И скроет мрак от нас Твой зрак,
Источник благ!

Спаси, спаси нас, Боже наш,
От всех сих бед, от всех сих нужд!
Сподоби, чтобы в смертный час
Смягчить Твой дух и внити в мир,
О верный вождь!

В Твоей земле и в небесах
Глас славы Твоея гремит;
Ты жизни и блаженства Бог
От века в бесконечный век;
Хвала Тебе!

2
ИЖЕ ХЕРУВИМЫ

Херувимов вображая,
Тайно в чин возникнув их
И с восторгом припевая
Трисвятый великий стих
Троице животворящей,
Троице живоносящей, –

Мы житейско отложим
Всяко ныне помышленье
И земное удалим
Всяко ныне попеченье;

Да подымем всех Царя
Выше небеси паря,
Чинми Ангелов носима,
Неприступного незрима!
Хвалим Бога!

3

ПЕСНЬ БОЖЕСТВЕННЫЯ МАРИИ

Лук⟨а⟩, гл. 1, ст. 46.

Величит дух Мой изумленный
Непостижимо Божество,
И славит ум Мой восхищенный
Неизреченно Существо,
Спасающее человека.

Се! – вечный Бог, – Бог всемогущий
Своей рабы смиренье зрит!
Се поздный род, се век грядущий
Меня отныне ублажит
И славу Мне провозгласит!

Сей Вечный свыше озаряет
Меня величества лучем;
Сей Бог, что ум наш превышает
В великом имени Своем,
Смиренномудрым милость шлет.

Сей Бог державу созидает
Ужасной мышцею Своей;
Он сильной дланью расточает
Высокоумие мужей
Надменных во своей гордыне.

Он со престолов низлагает
Сильнейших на земли царей;
Он благодатно возвышает

Попранных в нищете людей
Из дола в степень высоты.

Он благ обильем исполняет
Злосчастных алчущи сердца;
Он тучных в тощих претворяет
И всех убожит до конца
Богатых златом пресыщенных.

Он ныне, милость вспоминая,
Сынов Иуды посетил,
Как предкам, благость обещая,
Он Аврааму возвестил
И семени его до века.

4
НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ

Ныне с миром отпущаешь
По глаголу Твоему;
Ныне Ты мне позволяешь
Зреть спасенье самому
Уготованно Тобою
Всем языкам для покою;
Се! очами вижу свет,
Коего вселенна ждет,
Вижу славу вожделенну,
Для Израиля явленну!

5
ЧЕРТОГ ТВОЙ ВИЖДУ

Чертог Твой вижду украшенный,
О Спасе мой неизреченный!
Там вижду – выше облаков,
Превыше Ангельских умов;

Но я – не зрю одной надежды,
Не имам брачныя одежды,
Да вниду в светлый Твой чертог;
О Светодавец, – Велий Бог!
Даждь ризу светлу мне духовну!
Спаси, – очисти тьму греховну!

6

СЕ ЖЕНИХ ГРЯДЕТ!

Се днесь Жених в полнощь грядет
Одеян в лепоту и свет!
Блажен тот раб, его же срящет
Готового в небесный брак!
Злосчастен же, кого обрящет
Поверженна в унылый мрак. –
Блюди, душе моя смятенна,
Да сном не будешь удрученна
И к вечной смерти осужденна!
Но, воспрянув от сна, гласи!
О Боже Трисвятый! спаси!

7

ВСКУЮ ОТРИНУЛ МЯ ЕСИ?

Почто Ты, Свет незаходимый,
Небесный отвратил Свой зрак?
Почто покрыл неотвратимый
Главу несчастну – чуждый мрак?
Но я молю Тебя, Зиждитель;
Еще меня Ты обрати,
И к свету слов Твоих, Спаситель,
Направи все мои пути!

152. ВОСТОРГ ПРИЯВШЕГО МЕССИЮ СТАРЦА

Иегова! – Ты ли сам вещал,
Что я не сниду в смертну сень,
Доколе не настанет день,
Когда б я живо созерцал
Помазанника в пеленах
И, взяв в объятья восхищенны,
Держал Его в своих руках,
Являя сим восторг священный?

Се ныне с миром отпущаешь
Раба по словесам Твоим!
Се днесь умреть мне позволяешь!
Днесь сниду я к отцам своим! –
Уже свет поздный глаз сумрачных
Спасение в лице днесь зрит,
Что со престолом светлозрачных
В юдоль плачевную спешит;
То солнце правды, Бога света,
И вечна Ангельска совета,
Что всех языков озарит;
Ту славу вечну, вожделенну,
Что тихо свыше осенит
Страну *Салима* изумленну.

153. УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН К СВОЕЙ ДУШЕ
Соч⟨инение⟩ г. Попе[1]

Се Божья часть огня, – се искра пренебесна
Исходит из сего узилища телесна!
Игралище надежд и страха и сует!
Тебе торжествовать минута настает
Над бренным естеством во славе бесконечной
И воспарять в страны, где свет сияет вечной!

Внемли сим ангельским сладчайшим словесам:
Гряди, возлюбленна сестра! гряди ты к нам! –
Смятенье тяжкое все чувства обымает;
Я более теперь себя не познаю;
Ночь сыплет в слабые зеницы мглу свою;
Огнь жизненных духов из тела вылетает;
Я престаю дышать; – я начал цепенеть;
Как! – дух мой! – неужель то значит умереть?

Земля бежит, – земля далече исчезает,
И небо предо мной дверь светлу отверзает;
Там серафимским мой разится пеньем слух;
О дайте, – дайте мне парение свое!
Се! быстрым я стремлюсь полетом в вышний круг!
О гроб? – где твой трофей? – где жало, смерть, твое?

---

[1] Сия ода, сочиненная в подражание известным изречениям, произнесенным от императора Адриана к душе за несколько минут пред его кончиною, столько же высотою мыслей превосходит подлинник, сколько христианский закон язычество. Вот слова сего Государя!

Ma petite ame, ma mignonne,
Tu t'en va donc, ma fille, et Dieu sache, où tu va;
Tu pars seulette, ⟨nuë⟩ et tremblottante; Helas!
Que deviendra ton humeur folichonne?
Que deviendra tant de jolies ébats?

154. УМЕРЕННОСТЬ В ЖИЗНИ

Ода двенадцатилетнего Попе. С англ⟨ийского⟩

Блажен тот, кто желанья простирает
Не далее наследственных полей,
Кто лишь природным воздухом желает
Дышать в стране своей;

Кому млеко стада, хлеб пашни тучны,
Руно дают в одежду агнцы в дар,
Огонь дают древа в дни зимни скучны,
Прохладу в летний жар;

Блажен, кто тамо жизнь ведет спокойно,
Часов пернатых плавный зря полет;
Он телом здрав, в его душе все стройно;
Он кротко век живет;

Он сладкий сон с трудами сопрягает;
А ежели с невинностью покой
Ему утехи мирны предлагает,
Он мыслит сам с собой.

Так должен жить и я безвестно, скрыто;
Умру, чужой слезой не орошен,
И надписью не будет то открыто,
Где буду погребен.

155. ВЕСНА

С англ⟨ийского⟩. – Соч⟨инение⟩ одной англичанки

Целую, божество небесно,
Блаженный твой от юга путь;
Молю, да подкрепишь чудесно
Мою биющусь томно грудь,

Да песнь не строю в слабой неге,
Когда с весельем всяка плоть
При тающем сребристом снеге
Дань должну платит каждый год.

Избегнувши от мразной силы,
Тебя лобзает всякий цвет;
Меж ними первый ландыш милый,
Как божество, в красы одет;
Одела так его природа, –
В млечных выходит пеленах,
Чтоб твоего проречь прихода
И царства тишину в полях.

Там жаворонок, оживая,
Вспорхнул – и в воздух воспрянул;
Глас в разных звуках напрягая,
Пустынный вызывает гул
Из храмины его безвестной. –
Красавица! – что слышишь вкруг?
Что слышишь ты в стране окрестной?
Люби! – или крепи свой дух!

Янтарный феб распростирает
Огнь всюду божеский с небес,
Леса и кущи оживляет,
Родит чад новых от древес. –
Протоки, свергнув узы льдисты,
Равнины злачны освежают,
И отражая свет струистый,
Его лучи благословляют.

Повсюду дышет пробужденный
Дух благотворных ветерков;
Вновь холм и долы испещренны
Природных разнотой цветков;

Но наша юность удаленна,
Увы! – к нам паки не придет;
Ни песнь, ни феб, ни тень священна
Весны сих дней не воззовет.

Луч солнца ясный, животочный
От нас дремоты все женет
И паки в час зовет их срочный. –
Сколь поздно ловим поздный свет,
Как в бездну он спешит ниспасти?
Сколь поздно сетуем о дне,
Как он уже не в нашей власти
И погублен сует в волне?

О сколь блажен тот, кто возводит
От дола к тверди бодрый взор,
Надежду за труды находит
По ту страну небесных гор,
Где никогда не свирепеет
Нахмуренно чело зимы,
Где завсегда весна багреет,
Где солнце вечно, где нет тьмы.

156. ЗИМА
С англ⟨ийского⟩

О ты, – которой власть включает
В кристальных леторасль цепях, –
Зима! – се зефир воздыхает,
Узнав, что кроткий гул в лесах
Свой тихий шепот прекращает
И что ему не отвечает! –
Он жалобы от отроков
С живым прискорбием внимает
И нежну флору вызывает
Роскошствовать среди лугов.

К тебе, – седых снегов царице, –
Он весть торжественну несет,
Что в те часы, как в колеснице
Паляще солнце потечет,
Сопутники его вздыхают
И томну просьбу простирают,
Да с мышцы ты сложа своей
Теперь одежды серебристы
И сняв с природы узы льдисты,
Возобновишь права ты ей.

Уже горящее дня око
С негодованьем зрит во мрак
Твое неистовство жестоко;
Весна, желав, – чтоб новый злак,
Былинки нежны усыпленны
И сном цветы обремененны
Рассыпались среди полей, –
Наскучившись своим терпеньем,
С пустынническим исступленьем
Бежит их храмины своей.

Меж тем как злачной снеди в поле
Стада телиц и агнцов ждут,
Там, не терпя отсрочки боле,
Подлески вверх из бразд идут,
И ландыш между их клянется,
Что вскоре сон им пресечется;
Там вместе, кажется, схватясь,
Пастушка скромна с верным другом
Идут зеленым мягким лугом,
Птиц нежной песнью веселясь.

Идут в размере сокровенном
Впреди счастливою четой
И на ковре одушевленном
Заводят пляску с простотой;

Прохладны производят рощи
Мечтательну тень злачной нощи,
Кристальны чистые ручьи
И токи быстрые прозрачны
Бегут с паденьем в долы злачны
И гонят шумные струи.

Коль меж вратящимись кругами
Могущественных солнцев свет
Животворящими лучами
Зачатье года воззовет,
А дням веселие любезно,
Зима! – пускай чело железно,
Что столь угрюмым кажешь ты,
Пускай твое чело смягчится
И нам к утехе погрузится
В сребристы слезы теплоты!

Пускай окрестности цветущи
Пленяют восхищенный глаз!
Пускай красы в полях присущи
Провозгласит зефир у нас! –
Но если тверди зной горящей,
Зной Песией звезды палящей
Начнет персть алу иссушать,
То, на тебя хоть негодуем,
Но зноя меньше долженствуем,
Чем хлада твоего, желать[1].

[1] В англинском подлиннике сии последние три стиха полнее изъяснены таким образом:

Хотя смертные и ропщут на твое присутствие;
Но когда бывают утомленны сильным зноем,
Тогда они должны меньше желать отсутствия твоего, нежели возвращения.

157. ОДА К БЛАНДУЗСКОМУ КЛЮЧУ
Из Горац⟨ия⟩. С лат⟨инского⟩

О ты, Бландузский ключ кипящий,
В блистаньи спорящий с стеклом,
Целебные струи точащий,
Достойный смешан быть с вином!
Заутра пестрыми цветами
Хочу кристалл твой увенчать,
Заутра в жертву пред струями
Хочу козла тебе заклать.

Красуясь первыми рогами
И в силе жар имея свой,
Вотще спешит он за козами
И с спорником вступает в бой;
Он должен кровь свою червлену
С тобой заутра растворить,
И должен влагу он студену
Червленой влагой обагрить.

Хоть Песией звезды горящей
Суровый час и нестерпим,
Но ты от силы сей палящей
Под хладной тенью невредим;
Волы под игом утружденны,
Стада бродящи на полях
Тобой бывают прохлажденны,
В твоих находят жизнь струях.

Ты будешь славен, ключ счастливый,
Достоин вечныя хвалы,
Как воспою тенисты ивы,
Обросши тощу грудь скалы,
Отколь твои струи прозрачны,
Склонясь серебряной дугой,
С отвагой скачут в долы злачны
И говорят между собой.

158. ДОВЕРЕННОСТЬ ПЕРСИАН К КУЛЫХАНУ
Парафраст отрывка, переведенного с грузинского одним...

Кулыхан

Когда в руках моих сей жребий несравненной;
Пройду я с вами все концы сея вселенной;
Но если бы судьба иной вид приняла,
То пусть солгут черты вам моего чела!

Войско

Ты Божья тень; когда б под тенью сей счастливой
Сокрылся сам орел, в предчувствиях правдивой,
Блаженство верное обрел бы он себе. –
Лишь токмо повели! – последуем тебе!
Ты мздою жертвуешь; – мы жертвуем собою.
Чего же трепетать! – пойдем, – пойдем с тобою?
Да оправдятся те священные черты,
Что на своем челе в огнях являешь ты!

159. ГЕНЕТЛИАЧЕСКИЕ СТИХИ[1]
к почтеннейшей г. Г⟨еринг⟩

Девять с неба лун сребристых
Сыпали дрожащий свет;
Но еще с высот огнистых
В персти искры неба нет;
Искра неба не спустилась,
И надежда не свершилась.

---

[1] Сии стихи и многие из последующих за ними были прежде издаваемы. Теперь выходят пересмотренными и поправленными.

«О триличная богиня! –
Так зовет боляща мать, –
Мати матерей, Луцина!
Ниспошли мне благодать!
Увенчай мне совершенно
Лун сие число священно!»

Девять кротких лун минули,
Окончали тихий ход;
Небеса тогда блеснули;
А душа, облекшись в плоть,
Искрой божества слетела,
И надежда в ней созрела.

В ту минуту плод сей нежной,
Первый свой занесши шаг
На вселенной праг мятежной,
Оросил слезою праг,
Так, как Флоры сын с росою
Всходит майскою зарёю.

Ах! – почто ты, сын любезный,
Над своею пеленой
Сыплешь свежи перлы слезны? –
Путь твой далее, чем мой,
Где отдашь судьбе услужну
Сердца дань сию жемчужну.

Опытом живым я знаю,
Сколько пало слез не раз;
Но тебе не пожелаю,
Чтобы первы перлы глаз,
Как Авроры слезны токи,
Значили мрак дня глубокий.

Будь лишь сыном драгоценным
Матери, – отцу теперь!
Будь ты братом незабвенным

Ближних, – братьев – и сестер!
Будь ты гражданин – или воин!
Кратко: будь небес достоин!

Там увидим, что, хоть нежна
Плоть восплачет иногда, –
Искра неба безмятежна
Усмехнется завсегда;
А в очах, – как средь зерцала,
Дух заметится сначала.

Ты теперь уже покоишь
Душу матери, – отца;
Но тогда восторг удвоишь
И утешишь их сердца,
Что возник им сын достойный,
Так, как мирт в долине стройный.

Ты ж, – боляща матерь ныне!
Зри семьи возникшу честь!
Зри надежду, бьющусь в сыне!
Зри, как поспешит расцвесть
В нем улыбка меж слезами,
Как *Ирида* меж дождями!
Нежна матерь! – пусть пред нами
Усмехнешься ты устами!

160. ВЫБОР ЖЕРТВЫ
для почтенной и любезной дамы в летнее время

Чем почтить тебя мне ныне,
Нежных жен краса и честь?
Что в девятерном муз чине
Лучшего найду принесть?

Что б такое жертвой было,
Что богине будет мило,
И жреца покажет жар?
Разве *Флоры* дар!

Выду, – выду в чисто поле
Зреть отборных род цветков;
Стану рвать цветки дотоле,
Как похищу всё с лугов;
Роза и лилея мертвы
Для богини б были жертвы;
То лишь преходящий жар...
Иль *Помоны* дар?

Выду в сад, овощей полный,
Дорогих искать плодов;
Припаду к ногам *Помоны;*
«О владычица садов! –
Я скажу ей, – умилися!
В честь достойнейшей склонися!»
Ах! – и то бессильный дар;
Или *музы* жар?

Вниду, – вниду я в священный
Солнца юного тот храм,
Где я пел твой род бесценный,
Где пел милых; – но и там, –
Но и там сыскать не можно
В честь тебе куренье должно,
Что вещало б точный жар; –
Разве сердца дар!

Ах! – нашел, – нашел, что должно
Мне тебе в сей день принесть;
Не цветы дарить лишь можно,
Не плоды, не песни в честь;

То лишь жертвы преходящи,
Взору, вкусу, мыслям льстящи;
А для сердца – сердца дар,
Чувства чистый жар.

Чувства, – чувства изливаю,
Наилучшая в женах!
Благ существенных желаю
И желаю не в словах. –
О судьбы! – мольбу свершите!
Жизни нить ей позлатите!
Вот и жертва! – вот мой жар?
Вот мой сердца дар!

161. НАПОМИНАНИЕ СОСЕДУ ПРИ ОТЪЕЗДЕ ЕГО В ПОЛУДЕННЫЙ КРАЙ РОССИИ

Прости! – прости, сосед почтенный! –
Ты ныне скроешься от нас
За *Крымски* горы отдаленны;
И может быть – в последний раз,

За *Крымской* твердью, – за горами
Ты узришь новы красоты,
Пространство узришь между нами;
Но нас – ужли забудешь ты?

Хотя в таком уединеньи
Помона даст пышнее пир;
Но не услышишь в сем селеньи
Ни наших гласов, ниже лир.

Ты скажешь, воздохнув глубоко:
«Ничто без дружбы их не льстит;
Расстанье с ними мне жестоко;
Здесь дух мой пустоту лишь зрит;

Не льстят мне здесь ни алы розы,
Ни плод цены не подает,
Ниже кишмиш[1], ни абрикозы;
А что? – моих друзей здесь нет».

Сосед! – мы зрели дух твой дружный
Среди бесед – в вечерний час;
Клянись, что дружбы глас услужный
В тебе не скроется от нас.

Но коль за дикими горами
Цвет дружбы твоея падет
И меж камнистыми брегами
Окаменеет – иль умрет;

Тогда – прости, сосед почтенный!
Ты точно скроешься от нас
За *Крымски* горы отдаленны,
И может быть – в последний раз...

162. ДРУЖЕСКОЕ ПРОВОЖАНИЕ В СЕВЕРНЫЙ КРАЙ РОССИИ

Ступай к брегам *Невы* прелестным,
И не забудь нас, милый, там!
Пускай лишь сердце будет вместным
Навек хранилищем друзьям!
А мы тебя не позабудем, –
Ручаемся, – в том верны будем.

Украйна – дикая пустыня,
Не мать, – но мачиха тебе;
Не мать и нам; – пусть благостыня

[1] Известно, что в полуденном поясе России этот род винограда почитается лучшим.

Даст крылья лишь твоей судьбе!
Ступай! – не мачиху приметишь;
Но матерь в Ингрии ты встретишь.

Последний пир твой уверяет,
Каков ты, – всех твоих друзей:
Церера на столе блистает;
Смеется *Вакх* средь хрусталей;
Но ах! – на дне зрю слезы тайны...
Прости! – прости же, друг избранный!

163. ПОСЛЕДНЕЕ ПРОЩАНИЕ

Ты едешь; – горестно расстаться
С тобою нам, любезный друг;
С поверенным души прощаться –
Расстроить значит стройный дух;
Ты будешь тамо, – где пернаты
Желанья вновь слетятся вмиг, –
Там, – где блаженство, – мир, – пенаты
И тени ждут отцов твоих;
Ах! – коль себе подобен будешь,
То нас – там верно не забудешь.

164. ПРИЕМ ХОЗЯИНА, учиненной его благодетелю, посетившему новый дом его

Я слышу, – камни оживленны
В сем новом здании твердят,
Чьей силой были подкрепленны
И в чьей руке подпору зрят;

Они до своего паденья,
Или до моего истленья
Не перестанут говорить,
Кому мой долг благодарить.

165. БЛАГОДАРНОСТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНОМУ СЕМЕЙСТВУ

Вчера, – вчера я зрел небесный
В пустыне сей расцветший край;
Вчера узрел я, что прелестный
Лишь тамо веет новый рай,
Где образ ваш блистает.

Что я воздам тебе достойно,
Чета драгая, за прием?
Что мог бы я найти пристойно
Доброте вашей дань при сем?
Душа моя немеет.

Коль ни молчание в пустыне,
Ни ужас Таврских бездн и скал
Изгладить не могли доныне
К вам нежных чувств, и чистых хвал,
И всех сердечных жертв;

То – как при милом разлученье
Бесчувственно я скрыть бы мог
За толь любезно угощенье
Свой благодарнейший восторг?
Нет, – не умрет восторг...

Хотя б от вас далече, милы,
Случилось мне в беседах быть;
Но все беседы мне постылы,
Где я дерзнул бы вас забыть,
И охладеть в душе.

О небо! – обрати вниманье,
И удостой минутой той,
Чтоб снова я имел свиданье
С любезной, – милой сей четой! –
Теперь – увы!.. простите!..

166. ПОУЧЕНИЕ ОДНОЙ ДЕВИЦЕ ПРОТИВ БОГАТСТВА

Богатство! – что в тебе такое?
Ты лестно низким лишь душам,
Что, тлея в мертвенном покое,
Цены не ощущают там,
Где я все благо обретаю,
Всё благо в *мере* полагаю.

Ты тем лишь составляешь радость,
Которым в свете никогда
Невнятна сердца нежна сладость;
Кто ж внял глас сердца иногда,
Не может тот гореть тобою,
Металл, блестящ пустой красою!

Не ты ль причина тех несчастий,
Что терпят многие сердца,
Горящие в невинной страсти?
Не ты ли с брачного венца
Сиянье часто потемняешь
И жизнь слезами отравляешь?

О если бы к тебе в сем мире
Никто влеченья не имел! –
В каком бы век наш сладком мире
На тихих крыльях полетел;
Текла бы наша жизнь прелестна,
Как свежая роса небесна.

Отец скупый *шумихе* в жертву
Не отвлекал бы сына прочь,
Ни мать не предала б полмертву
Массифному кумиру дочь;
Они лишь с теми б сопрягали,
Кого сердца в любви избрали.

Увы! – таков ли свет сей ныне?
Льзя ль нам златого века ждать?
Не в нашей власти то, – в судьбине;
Осталось токмо нам молчать,
Златой век в злате проклиная,
Стесняя дух и втай вздыхая.

О если б было мне возможно
Своей судьбою управлять,
На горду внешность – так, как должно, –
Сердечны качества менять! –
Тогда б – желанье увенчалось, –
А счастье – с гробом улыбалось.

167–177. НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА ДЛЯ СЕРДЦА И УМА

1

Спеши, природы сын, с собой трудиться,
Пока сияет утро дней еще
И жизненна твоя лампада рдится! –
Смеркнется; – и тогда твой труд вотще...

2

Чтобы *Незримого* узреть,
Твой долг – себя уразуметь,
Потом – в себе Его смотреть.

3

О Боге лучшее то мненье,
Что Он, – как в теле дух, – в творенье.

4

Всё мрачно будет вне тебя,
Когда не вникнешь внутрь себя.

5

Знав центр души – сея струи небесной,
Стремися прямо в твердь чертой отвесной.

6

Легко философ торжествует
Над прежним и грядущим злом;
Но настоящее ликует
Над самым твердым мудрецом.

7

Чтоб время сохранять, тверди ты каждый раз
Важнейший в жизни сей вопрос: *который час*?

8

Сколь можно, ты прямей линею дней черти,
Чтоб в вечность самую прямой чертой идти!

9

Всё счислишь, смеряешь – и ты найдешь *конечность*;
Две выше мер и числ: *безмерность, – вечность.*

10

Велик в злодее свет наук великом;
Велико сердце без ученья в диком.

11

Сколь добродетель ни прекрасна,
Однак – без скромности напрасна;
Не значит ничего едина без другой,
Так как раскрытый спирт весь плод теряет свой.

178. СТИХИ Г⟨ОСПОДИ⟩НА ВОЛЬТЕРА НА ЕГО ПОЕЗДКУ ВО ФЛАНДРИЮ
С франц⟨узского⟩

О берег, кровию героев омоченный,
Беллоной лютою повсюду расхищенный,
Пространный воев гроб, имущий вечный мрак!
Гораздо для меня приятней дикий знак
Рассыпанных рукой богини цветоносоной,
Чем плод кровавых битв, плод жатвы
смертоносной. –

О боги праведны! – еще ль кровь должно лить
И сей *Симойский* брег для веси обагрить?
Ах! – что великим быть мнят смертны ослепленны,
То малым мудреца чтут очи просвещенны.

179. НЕМЕЦКАЯ КЕНОТАФИЯ ДОБРОМУ КВАНДТУ

Здесь смертных друг лежит и бедных покровитель;
Богатств он не копил, – он был благотворитель. –
Прохожий! – ты его при жизни не знавал;
Здесь добрый *Квандт* лежит, – довольно я сказал;
Когда же знать его жизнь больше пожелаешь,
Тогда и сам о нем со мною возрыдаешь.

180. ИНОЙ ОПЫТ ЕМУ ЖЕ

Пришлец ли ты? – тебе никем то не открыто,
Сколь честен был тот муж, чье тело здесь зарыто,
И сколько в пятьдесят лет сил употребил,
Чтоб бедный был счастлив – и всяк счастливый был?

Но знай, что добрый здесь почиет гражданин,
Благочестивый *Квандт*, святый християнин.

181. СЛЕЗЫ БЕДНОСТИ

Тронися участью злосчастного дитяти,
О коем в дряхлости заботится отец!
Увы! – они себя не знают, чем питати,
Кроме лишь милости сostраждущих сердец.

Тронись их жребием! тронись их роком злостным!
Се вопиют они о помощи к тебе! –
Один подвержен был всю жизнь трудам несносным;
Другой же сил к трудам не чувствует в себе.

Почувствуй бедствие и счастие их строго!
Тронися участью дитяти и отца!
Увы! – осталося им хлеба в снедь немного,
Который им дают болящие сердца.

ПОЛЕЗНЫЕ ИГРУШКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

182. СЕМЕЙСТВЕННАЯ ЖЕРТВА ОДНОМУ ДОМУ

Не первая весна нисходит
Живить моей *камены* жар;
Не раз ея рукою водит
И песенный вдыхает дар,
    Да пред тобой блистает.

Не первая весна венчает
Твою высоку к ней любовь,
В дань коей муза возжигает
Струящуся в восторге кровь
    И жертвенник домашний.

Пусть он курится пред тобою!
Пусть обнажит сердечный жар!
Пусть будет мил он простотою,
Как майский благовонный пар!
    Воззри, семья любезна!

183. К ОДНОМУ ДИТЯТИ

Колыбель ты оставляешь;
Не питаешься млеком;
В дальний путь ты поспешаешь;
Вступишь в новый круг потом.

О дитя! – ты расцветаешь;
Цвет раскинулся уж твой;
Тихий зефир ощущаешь
Ты теперь своей весной.

Ах! – нейди, где свет прельщает!
Ты не должен там идти;
Там *сирена* воспевает;
Но в *Сион* ищи пути!

Добродетель призывает
К сей святой горе спешить;
Вера крылья обещает,
Чтоб туда тебе парить.

Ты, посеявши *весною*,
Будешь в *осень* насышен;
Пищей запасясь благою,
Вечно будешь ты блажен.

184. К МАЛЕНЬКОМУ ДРУГУ ШВ.

О друг мой маленький, друг милой!
Мне жаль, что в участи постылой
Мой томный глас
Теперь несилен;

Однако жар еще обилен
И в томном сердце не погас. –
Невинность детская простая
Стенящу музу извинит;
Хотя она, изнемогая
В словах, слаба, чтоб вслух гласить;
Но скорбь свою забуду
И петь, сколь можно, буду.

Нельзя, чтоб в слабости моей
Мне не разнить при песне сей;
Но ты улыбкою своей,
Играя на руках в день сей,
Меня одобришь – я то знаю.

Ты в радости немтуешь, чаю,
А я на арфе припеваю;
Но детское теченье слов
Милее подлинно стихов. –
Скажу лишь то: «Ступай в почтенный,
Дитя, – отцовский добрый след!
Любезна мать тебя зовет,
Чтоб сделать шаг по нем священный;
Тогда – тогда, мой друг,
Сорвешь ты лавр растущий,
В *Сионе* завсегда цветущий;
В тебя прейдет отцовский дух...»

185. К ОДНОЙ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОСПИТАННИЦЕ
в генваре

Кони Солнцевы! – спешите
Ближе, ближе снова к нам
И скорее призовите
Дух весны к седым лугам!

Солнце млеет; солнце внемлет;
Вдруг сквозь снеги рдеет год
И к весне опять приемлет
В вихрях сребряных свой ход.

Вот! – летит весна крылата
И в ростке венок несет!
Вот! – уже тринадесята
И твоя весна цветет! –

Расцвела он конечно! –
И в душе цвети, – друг мой!
Ах! – весну душевну вечно
Любит Бог и Ангел твой.

186. МАЛЕНЬКАЯ ЖЕРТВА ДВУМ ЛЮБЕЗНЫМ ДОЧЕРЯМ[1]

Милы дети! – вот вам ныне
Что приносит сердце в дар!
В нем горит, как в сей бузине,
Искренний и чистый жар.

Милы дети! – не слезитесь!
Будьте веселы в сей год!
Сей бузиной насладитесь!
Там для вас и в зиму плод.

Распускайтесь, расцветайте,
Как весной сей кустик цвел!
Вырастайте, созревайте,
Как он красным летом зрел!

Будьте в век душой прелестны,
Так как в колыбель вы шли!
Дух ваш будет – цвет небесный;
Мир не рай – долина тли.

Ангел с вами! – он собою
Ограждает, – в вас живет
И лелеет вас к покою;
Ах! пусть вас навек брежет?

Вот, что вам родитель нежный
И любезна хочет мать,
Чтоб вы жили безмятежны, –
Не боялись умирать!

---

[1] Сия жертва принесена была в виде бузинного деревца, освященного и украшенного перевязьми и позолоченными овощами, как водится в немецких семействах, дек⟨абря⟩ 25.

187–188. ДВЕ АПРЕЛЬСКИЕ УТРЕННИЕ ПЕСЕНКИ ИМ ЖЕ

1

Драгоценный мой цветочик!
Сам ты вышел утром дня;
Выкинь первый свой листочик![1]
Улыбнись! – утешь меня
В толь прекрасну пору,
О ты, сладость взору!
Дочь любви! – без гроз и молний
В люльке зришь зарю свою;
Пусть же *счастье* также в полдни
Нянчит и поет *баю*
Матери на радость,
Многим ближним в сладость!

2

Встань, дитя, сим утром ясным! –
Уж семьсот тридцатой раз[2]
Над твоим челом прекрасным
Всходит солнышко сейчас
И с зарей румяной, ясной
Пурпур с златом над тобой, –
Над головкой бел-атласной,
Розовой лиет рукой.

Уж другой раз здесь гуляет
С пуком роз младой *апрель*
И тихонько выступает
Перед детску колыбель.

---

[1] Сему дитяти тогда минул первый год от рожденья.
[2] Сие вычисление значит, что дитяти тогда минуло два года.

Он в венце своем червленом,
К люльке наклонясь, зовет,
На ковре светло-зеленом
Погулять любезну ждет.

Спишь ты, друг мой! – встань с постели,
Чтоб отечески уста
С поцелуем порадели,
Чтоб твоих дней красота,
Как алмаз, всегда блистала,
Чтоб тебя сим утром мать
К груди бьющейся прижала,
На руках начав качать!

Встань из сонной колыбели,
Мила кро́шечка, теперь
И послушай глас свирели,
Как природы нежна дщерь! –
Дай собой налюбоваться!
Подари улыбкой нас!
Лепетаньем дай пленяться
И приятным взглядом глаз!

Хоть и часто слезки льются;
Хоть сердечко бьет *ток, ток*;
Но уста уже смеются,
Приголубь лишь на часок!
Сохнут слезы; – в миг румяны
Роза и лилеи тут
Сквозь минутные туманы
На тебе опять цветут.

Как родился ты на свете,
Два раза тюльпан краснел;
Два раза в молочном цвете
Ландыш под кустом белел;

Но твои лилеи снежны
Пусть цветут в лице всегда!
Пусть весны сей Ангел нежный
Не отойдет никогда!

Ах! – послушай ты, любезна!
Не сказать ли? – век придет,
Где подует буря слезна;
Страсть смутит душевный свет, –
Тут – прости, твой век блаженный;
Тут – прости, весна и рай! –
Ах! – береги сгиб сердца бренный!
Не слабей! – не унывай!

Ты спеши к Творцу в молений,
Чтобы мирна скромность дел,
Скромность уст и помышлений
В сердце ставила предел,
Как царица б, управляла
Подданной толпой страстей,
Чтобы вся жизнь протекала
Тихой сребряной струей!

Ты теперь уже прекрасна;
Можешь и теперь пленять;
Но невинна, – не опасна;
Льзя еще – поцеловать;
А тогда – один взгляд нежный
Кинет вечну цепь на грудь;
Внутрь услышишь бунт мятежный,
А рассудок – позабудь!

Но покуда не достигнешь
Пламенных годов таких
И покуда не возникнешь
К знойным полдням лет своих,

Можешь немтовать, резвиться
И сказать: «*Хочу гулять,*
В третью весну веселиться,
Либо в куколки играть».

Я ж – скажу тебе неложно
С чистым сердцем и душей:
«Жить не три весны, – сто можно
С золотой душей твоей, –
Лишь стремись к небесной цели
Столь же завсегда мила,
Сколь невинна в колыбели,
Милый ангел, – ты была!»

189. РОЖДЕНИЕ РОЗЫ

Любовь тебя, прекрасна роза,
На белый вывела сей свет;
Любовь от гроз и от мороза
Тебя, лелея, сбережет.

Всходи же, роза ты любезна!
Владычицей цветов всходи,
Чтоб *Флора*, – мать твоя бесслезна, –
Тебя прижала ко груди!

Чтоб поливал живой водою
Тебя с улыбкой твой отец! –
Ах! – пусть он с радостной слезою
Найдет в тебе надежд венец!

190. ВОСПРИЯТИЕ РОЗЫ ОСОБОЮ ТОГО ЖЕ ИМЕНИ

Любезна роза! – орошайся
Священной влагою теперь
И боле, – боле возвышайся! –
Отныне ты небесна дщерь.

Что зрю? – Тебя ли обнимает
Другая роза в цветнике? –
Тебя ль она качает
На бело-мраморной руке?

Почто слезишься, роза нежна? –
Рассмейся лучше и блистай,
Как светла звездочка небесна,
И старшей розе подражай!

Она твоим дням мать вторая;
Будь столь прелестна, дорогая,
Будь столь во всем скромна,
Будь столь нежна,
Подобно как она.

191. К МИЛОЙ ДЕВОЧКЕ

Ты ль Ангел, в тело облеченный,
Немтуешь ныне утром дней? –
Твои ль усмешки зрю бесценны? –
Так, милая! – ты Ангел сей.

Любезна ты, как Ангел нежный,
И носишь имя ты его;
Моли его, чтоб безмятежный
Рай сшел к тебе через него!

Бог – Ангелов Отец святейший;
Он их хранит в самом себе;
Он всех существ отец нежнейший;
Отец Он – также и тебе.

192. СЕРДЕЧНЫЙ ПОДАРОК КЛАРИНЬКЕ НА ИМЯНИНЫ

Пусть Ангел твой,
Как *нимфа* в речке,
К твоем сердечке
Найдет покой!

193. РОЖДЕНИЕ ЛИЛЕИ

Сама любовь тебя, лилея,
Произвела на белый свет;
Сама ж она тебя, лелея,
Взрастит, вспоит и сбережет.

Всходи, жемчужная лилея! –
Как снег, белей! – как мирт, расти,
Чтоб Флора, мать твоя, лелея,
Тебя прижала ко груди

И дни твои дотоль хранила,
Как осень желтая с косой
Еще к тебе не наступила
Сыграть последний опыт свой.

194. ОТЕЧЕСКИЙ ПОЦЕЛУЙ САШЕ В ОТСУТСТВИИ

Где, радость! – где ты, радость наша? –
Далече ты, – далече, Саша,
От груди отческой моей. –
Ах! как завидна часть такая
Счастливой матери твоей,
Что, в токе радостных слез тая,
Тебя жмет к сердцу своему? –
А я – еще томлюсь желаньем;
Еще завидую сему;
Она улыбкой и лобзаньем
Любуется теперь твоим;
А я – лобзаю лишь заочно,
Доволен быв мечтаньем сим,
Что нежна мать исполнит точно,
В чем я теперь не в силах сам.

Так, – милая! – теперь ты там,
Где твой в восторге дед почтенный,
Где бабка, вспомнив мать в себе,
Где в теток граций претворенны
Сугубят ласковость тебе,
К дрожащим персям прижимают,
Лелеют, нежат и лобзают. –
Ты каждый день, – нет, – каждый час
Прелестным зрелищем им служишь
И золотом им всякой раз;
Спишь иль не спишь! – цветешь, не тужишь.

Но ты, моя сердечна дщерь,
Еще не чувствуешь теперь
Цены всех их забот прилежных,
Любви, усердья, взоров нежных;
Ты им должна б благодарить,

Должна все сердце обнажить;
Но ты еще в заре дней рдяной,
Где роза, – а не плод румяной.

Меж тем и в свете сей зари
Теперь ты им благодари
Хотя улыбкой, хоть лобзаньем
Или приятным лепетаньем! –
Твоя усмешка, нежный взор,
Твое простое немтованье,
Твое невинно целованье
Заменят красный разговор.
А как ты вырастешь и будешь
В раскрытом цвете полных чувств,
Тогда ты верно не забудешь
Воздать им всем, – но без искусств,
Чем ты обязана им стала
В часы златые юных лет,
Как бабка внучку обнимала,
Ласкали тетки, нянчил дед.

Ах! возвратись, сердечна сладость,
Мой птенчик, горлик мой, скорей! –
Жду, – жду тебя, бесценна радость,
На лоне матери твоей. –
А ты, хранитель Ангел, вей
В пути над дщерию моей!

195. К НОВОРОЖДЕННОМУ

Бегите, хладны тени ночи!
Бегите! – пусть дитя сквозь тень
Увидит свет, откроет очи
И ощутит сей майский день,

Сей день толико драгоценный,
Когда родился дед почтенный[1].

Какая здесь игра судьбины? –
И внук, и сребровласый дед, –
Мне мнится, – в час единый
Прияли бытие; – ах! нет;
Один, – как поздный злак, – седеет,
Другой, – как майский цвет, – юнеет.

Почтенный дед и бабка! – зрите
Потомка своего в сей час! –
Целуйте и слезу отрите,
Доколе сердце бьется в вас!
Он скоро, – скоро усмехнется
И к сердцу вашему прижмется.

И ты, отец! – ты носишь ныне
Птенца родного на руках;
Ты зришь надежду в милом сыне. –
Пусть зреет плод в твоих очах!
Пусть образуется он боле,
Пусть свет увидит в лучшей доле!

А ты, – родившая, – забуди
Страданье матерне свое!
Прижми теперь к дрожащей груди
От радости дитя сие!
Оно – залог твоей любови
И нежный плод взаимной крови.

---

[1] Рождение сего младенца случилось в 12 часов пополудни в маие месяце, когда и его дед одного с ним имени празднует день своего рождения.

196. НА СМЕРТЬ СЕГО ЖЕ САМОГО МЛАДЕНЦА,
случивш⟨уюся⟩ в 17 день после его рождения

Нет дитяти! – нет; – светило
Лишь семнадцать дней свершило,
Вечна ночь покрыла свет,
И его – на свете нет.
Сетуй, сетуй, дед унылый!
В гробе свет твой, внук твой милый.

Он уж там не усмехнется,
К груди больше не прижмется;
Он лежит, как бледный цвет,
И с зарей не оживет.
Сетуй, бабка, в скорби слезной!
Нет сей розы, – нет любезной.

Ах! – отец, прискорбный ныне,
Чаял зреть надежду в сыне;
Чаял некогда в пути
В нем сопутника найти.
Сетуй! – плач, отец печальный!
Сын пошел – в путь вечный, дальный...

Нежна мать лишь скорбь забыла,
Как тотчас опять уныла;
Видит мертвый майский цвет,
Видит, – стонет, – к сердцу жмет.
Сетуй, матерь! – сетуй в стоне!
Нет уже цветка на лоне...

Колыбель – его гробница;
Жизнь – и вечер, и денница;
Ах! – коль краток к гробу шаг? –
Спи спокойно, милый прах! –
Там, – ты там от сна воспрянешь
И к Отцу духов предстанешь.

197. КРАТКОВРЕМЕННОСТЬ КРАСОТЫ

Ах! роза бедная, – жизнь одного часа! –
Ты, Стелла, роза та; – лишь цвет – твоя краса[1].

198. ОТ СЕСТРЫ К СЕСТРЕ В ДЕНЬ АНГЕЛА

Любезная моя сестрица! –
Как радостно, что Ангел твой,
Подобно в розах как денница,
Крылами веет над тобой?

Возможно ль мне сокрыть движенье?
В нас кровь одна с тобой кипит;
Одно в груди у нас биенье;
Сестра ли чувство утаит?

Любезная! – прими мир вечный
И век счастливый торжествуй! –
А мне – позволь мой жар сердечный
Излить тебе чрез поцелуй.

[1] На английском языке также изъяснено:

Ah! hapless Roze, the lustre of an hour!
Thou, Stella, art the roze, – the Beauty's but a flower.

ПОГУДКИ МОЕЙ КАЛЛИОПЫ

199. ВЫКЛАДКА ЖИЗНИ БЕСТАЛАННОГО *ВОРБАБА*[1]

При бреге *Котросли* глубокой,
Там – близко, где, как бы устав,
Она, в стезе своей широкой
Услуги многи показав,
В тени стражниц златовершинных,
В средине стен высоких, длинных,
Для расцветающих искусств,
Для вкуса, разума и чувств
Ложится в лоно *Волги* славной
На дне песчаном отдыхать
Иль купно с ней стопою равной
Стремится дале утекать, –
Там – *Ворбаб* в мрачности родился,
Там он увидел первый день;
Без славы цвел – играл, резвился;
Его дни крыла тиха тень;
Там сном его летела младость;
Там он невинну пил лишь радость.
Лишь *Волжский* берег девять раз
Мелькнул во злаке мимо глаз,
Судьба велела удаляться;
Как горько с родиной расстаться!
Мой друг! – позволь мне повторить!
Позволь сквозь слезы пошутить!
Прости, прости, священна *Нера*![2]

---

[1] Это некоторый мой знакомец, пересказавший мне краткую свою историю.

[2] Ростовское озеро.

Мала твоей воды мне мера.
Чуть начал ум мой расцветать,
Я стал иной воды жаждать;
Я с божеством стихов столкнулся,
С *Эвтерпой* миленькой смигнулся;
Чтоб сделать ливером умов,
Она меня из рук кормила,
Водой *Смородины*[3] поила,
Давала тук чужих голов.

Лишь мыслей утро рассветало,
Другое пламя запылало,
И страсти начали бродить;
За счастьем к *Бельту* ну катить!
Но там – мог счастья тыл схватить,
Спешил к брегам *Эвксинским* черным;
Не там ли счастье, мнил, живет;
Слетал туда – и тамо нет;
Весь прок нашел в *Пегасе* верном.
Он был послушен мне – я сел,
Хоть не всегда – я с ним летел,
И что на ум взошло – я пел;
С зарею часто восставая,
За туалетом *муз* сидел,
А в тихий вечер, унывая,
Я на луну зевал, смотрел;
Когда варганными крылами
Кузнечик марш бил меж цветами,
Я славу ночи пел стихами.

Но все то – чувств неверный шквал,
Пружина лишь души незрелой,
Сей самобытности неспелой;
А к зрелости – весь век мой мал;

---

[3] Москва-река.

Он мал – и поскакал поспешно,
Ах! – так ползет в гроб жизнь моя,
Как в *Волгу Котросли* струя.
Что ж в жизни прочно? Что успешно?
Почту ли юны дни зарей?
Там чувства то ж, что сумрак дней;
Почту ли полднем средни лета?
Там рдеет страсть – луч гаснет света;
Почту ли вечером век поздный,
Там все потерпит жребий грозный;
Там чувство, – страсть, – ум – все падет.
Знать, вся лишь жизнь – еще рассвет,
А полдня истинного нет.
О небо! – там уже доспею;
Там – в важной вечности – созрею...

200. К КОРАБЛЮ

О ты, носимое жилище меж волнами
И обитаемо среди морей людями! –
Тобою новые страны обретены;
Тобой антиподы безвестны найдены,
Что древни мудрецы пустыми называли
И, рвением слепым разженны, утверждали:
«Как могут там дожди долины напоять?
Как может тамо быть небесна благодать?
Там должно ниц ходить живущим головами;
Там должно небесам вращаться под стопами;
Там должен океан весь вылиться в эфир;
И словом: должен пасть противоножный мир».

Корабль! – с тобой нашед *Америку* подземну,
Мы знаем, что земля досель плоска была,
А ныне – сделалась, как шар, она кругла;
С тобой достигли мы меж льдами к царству темну;

С тобою были мы в блаженных островах,
Где нектарный песок родится в камышах,
Где резвые божки клюют его в пирах;
С тобою острова *Канарские* открыли,
Где души древних в мзду амврозию варили.

Так, – мы, нашед с тобой языческий Эдем,
Когда ж империю Плутонову найдем? –
Корабль! – исчезни здесь! – в тебе нет нужды боле;
Харон на лодке нас свезет во мрачно поле;
Бессмертный сей гребец в ландкарте адской там
Веслом покажет, что найти осталось нам.

201. К СЛОВУ *ЗАВТРА*

Как утро вечера гораздо мудренее,
То всякой завтраком и кормит нас скорее. –
Придем ли к должнику, чтоб долгу попросить?
«*Заутра*, – скажет он, – прошу ко мне придтить».
Заутра лишь придем, – попотчует он чаем;
С сим завтраком домой идем и блага *чаем*. –
Придем к подьячему и просим о себе.
«*Заутра*, – скажет он, – доложат о тебе».

И так столь мила речь, чрез долго время дляся
И в вечность наконец бездонну превратяся,
Глотает всё в себе и время, и дары,
Чины, сокровища, и лакомы пиры. –
Когда ж, – когда же речь *заутра* прекратится? –
Тогда, – как во *вчера* оно преобратится.

202. К ЖЕНИВШЕМУСЯ НА ЗИМЕ ЛЕТ СВОИХ *СЕДОНЕГУ* НА ВЕСНОЛЕТНЕЙ ДЕВИЦЕ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ПАСХИ

Снежны вихри превратились
В тихи вешние ручьи,
С гор в долины покатились,
Пред собой гоня струи.
Проходи, зима ты снежна!
Поспешай, весна ты нежна!

О любовь! – ты всюду дышешь,
Дышешь в роще, – средь полей,
И законы верны пишешь,
Где сойтись струе с струей.
Там струя струю встречает,
Капля в каплю упадает.

Тают инеи пушисты,
Тает снег, и тает лед,
Растопляяся в ток чистый;
Тает милый наш сосед.
Зефир розаны целует;
И сосед ему ревнует.

О любовь! – ты растопляешь
В старике замерзлой дух,
И как капли съединяешь
Старика с девицей вдруг;
Он как зефир вылетает,
И по флоре воздыхает.

Расправляются морщины;
Зрится живость во очах;
Блещут сребрены седины,

И усмешки на щеках.
Удалися, старость хладна!
Ты в сии часы досадна.

Поднялись навислы брови,
Поднялись уже дугой,
Означая в черной крови
Резву радость и покой.
Старо сердце холодеет;
Но краса невесты греет.

Сивы волосы над оком,
Как усы, уж не висят;
Лишь седины неким клоком
Из ноздрей во тьме глядят.
Тщетна тут щипцам работа;
Вырастут – опять забота.

На челе хоть снег не тает,
Но в груди геена ржет,
Где любовь, как печь, пылает, –
Точно, как на Этне лед
Сверху лоснит, будто камень,
А внутри клокочет пламень.

Се прекрасну *Мессалину*
Мой старик во храм ведет;
Предает там ей судьбину;
Пред Эротом кости гнет;
Душу собственну теряет,
Как другая заступает.

Смерть слепая начинает
Со слепой любовью бой;
Темна туча стрел летает
Над седою головой;
Но любовь одолевает
И лихую смерть толкает.

Там в предхрамии с *Сатурном*
Стал бороться *Именей,*
И заводит в гневе бурном,
Так как с *Турном* бой *Эней.*
Чуть *Сатурн* не побеждает;
На два шага – отступает.

Все вопили, что в могилу
Скоро наш старик сойдет;
Нет, – старик, хотя чрез силу,
Гнясь дугой, в чертог бредет.
Грации за ним хохочут,
Брачну седину клокочут.

Там, – где прежде паутины
Были красотой в углах, –
Новые висят картины
Для подружки на стенах.
Всё в покое расцветает,
Все иной вид принимает.

О старик! – *Плутус* без счоту
Злато на пир выдает. –
Знай же, что *Сатурн Эроту*
Завтра крылья острижет;
Холостые засмеются;
Из тебя – слезы польются.

203. ПРЕВРАЩЕНИЕ БАХУСА В ДИОГЕНА[1]

Вчера вошел я в кабинет,
Где странный мой сосед живет;
Он был тогда в наряде новом
И в виде несколько суровом;
Но я, по дружбе пошутив,
Надменности его не льстив,
Сказал: «Пунцовый сын *Семелы*!
Куда! – куда девался ты!
В тебе нет прежней толстоты;
Ты чахнешь; – ты не в прежней мере;
Иль снова *Низы* ты в пещере?
Иль снова хочешь брань начать,
Чтоб *Индию* завоевать?
Иль снова ты законы пишешь?
Иль в сфере *Урании* дышешь?»

Сосед

Да, – друг мой! – всё уже прошло;
Ты видишь важное чело;
Все бешенство мое погасло;

[1] Один приятель подал мне мысль о сем в письме таким образом: «Скажу вот что о нынешнем состоянии сего странного человека! Увы! жилище его совсем переменилось. *Трон Бахусов*, делавший стенам его толикую красу, теперь опрокинут, и чаша с нектаром, которым сие божество и усердные жрецы его столь часто услаждались, – расшиблась. Уже там не поют: *веселяся в чистом поле*. – Никто почти из прежних жертвоприносителей не посещает его; все изменили, – бесчувственные! – теперь сухая философия поселилась в обитель сию, и храм Бахусов превратился в Диогенову бочку. Одно другова стоит. Пухлый эпикуреец – и грозный циник – какая мена? Я написал бы стихи на такое чудесное превращение; но то беда, что не знаю дороги к Парнасу. Прошу вас на сей случай сделать, что только взглянется, и проч. *Гл.*».

И я – теперь уж стал, как масло. –
Вакх – тигров всадником лишь был;
Он исступленью не учил;
Он силой меру лишь открыл;
А я – предавшись, как от глада,
Насильным спиртам винограда,
Был точно тигр в душе своей;
Теперь – ты агнца видишь в ней...
Надолго ль? – только сумневаюсь;
На мудрость токмо полагаюсь...

Сказал – и вдруг в моих глазах
Чудесный *тирс*, что носит Вакх,
В трость книжника преобратился;
В перо ствол *тирсов* претворился,
Плющ в кисть, в чернильницу стакан,
Покал в часы, а Вакхов дчан
В пустую бочку Диогена...
Спасительная жизни смена!..

204. К ВАКХУ В СВЕТЛУЮ НЕДЕЛЮ

О если б чувства усыпленны
И адским мраком покровенны
Возможно было воскресить
И высшим светом озарить,
Тогда б к лобзанью мы спешили,
Друг друга обнимать любили,
И тех богов бы воскресили,
Которых Бог богов низверг
В кромешну мрачную темницу,
Претворшись в светлу сам денницу,

А в вечну тьму претворши тех; –
Тогда б и Вакха – душ отраду,
Что служит жизнью винограду,
Не можно было нам забыть,
И чтоб его не воскресить; –
Но мы б сказали: душ отрада,
Душа растуща винограда! –
За то что мы тебя из тьмы
Для толь священных дней воззвали,
Не сделай, чтобы в ад попали, –
Как сам ты некогда, – и мы!

205. ПРОТИВ САХАРА

Любезно лакомство *Венеры*,
Камыш *Канарских* островов,
Желчь негров, неги сласть без меры,
Враг пчел, друг неких птиц и псов!

Не ты ль стихию вскипяченну
С приправой *хинского* листа
Для вкуса строишь услажденну
И манишь лакомы уста?

Не ты ли водку умягчаешь
Рассыпчивым своим песком,
Позыв в желудке умножаешь
На многи брашна за столом?

Не ты ль зимою подслащаешь
Передвоенный виноград,
А летним знойным днем влагаешь
Свою приятность в лимонад?

Ты в вафлях клетчатых блистаешь,
Смеешься в каше, в пирогах
И в пудинге, как снег, сияешь.
Ей! – ты душа в таких вещах.

Но если нервы в нас слабеют
И власть свою скорбут берет,
Иль зубы от тебя чернеют,
Противный дух из уст идет;

За сладостью твоей небесной
Зловонье адско вслед летит:
Что я скажу? – О нектар лестный!
В тебе сокрытый яд лежит.

То мало; – коль за подлу цену
Невольник черный быв продан,
Отводится к позорну плену
От *африканских* милых стран;

Когда, лишась супруги верной
Иль в чадах – нежных, милых чад,
Идет, окован в грусти черной,
И в сердце чувствует весь ад;

Идет под тяжкими бичами
Над тростником свой век кончать,
Труд мочит кровью и слезами,
Чтоб вкус Европы щекотать;

И наконец – он умирает,
Чтоб сластолюбью услужить,
Затем – что без того не знает
Оно мудрейших мер открыть;

Что я тогда скажу, смущенный?
Не сахар – сладкий яд мы пьем,
В слезах и поте распущенный;
Не нектар – кровь несчастну льем.

Не лучше ль нектар надлежало
Искать нам в *свекле*[1] иль в пчелах?
Пчела в защиту носит жало,
А беззащитный *негр* – в цепях.

Китай с аравскими странами
Не дорожился бы травой
Или пряжеными бобами[2];
То вымысл роскоши пустой.

Как стыдно золотому веку
Железным варварством блистать
И к вечному наук упреку
Причудливый вкус щекотать!

206. ЧЕСТЬ РУССКОМУ ПИВУ

О жезлоносец, – *Вакх* зовомый,
На рысях с тиграми везомый! –
Как? – тот ли славы твоея венец,
Что, мир прошедши по конец,
Ты *Индии* достиг огнистой;
Что ты в *Аравии* камнистой
Жезлом из камня ключ извел;
Что ты в овне *Зевеса* зрел
И что в пустыне отдаленной
Народам дал закон священной? –
Нет, – также в винограде ты
Открыл им дивны красоты...

[1] Известно, что ныне делают сахар из свеклы, и преимущественно в Московской губернии, как недавно писали в ведомостях.

[2] Конечно, меньше бы нужды было в *чае,* так как в России одобряются вместо его лучшие растения; то же самое сказать можно и о *кофе,* ибо ныне нашли полезнейшую замену его.

Но меньше ль можешь быть великим,
Когда на пользу нравам диким,
В сосуд с кипящим пивом лья
Огнь мирный жизни своея,
Родишь там смехи и погудки,
Открытость чувств и остры шутки
Иль быстру дружбу и любовь,
А в хладном старце греешь кровь!

О *Вакх*, – душа утех игрива!
О русского родитель пива! –
Мне нужда в бытии твоем;
Броди ты в погребе моем,
Где пиво *мартовско* хранится
И выдти из заклепов тщится! –
Я скоро дру́га своего
На день рожденья моего
Звать буду крепкое пить пиво
И угощать его на диво.

О бог! – коль лютых рысей ты кротишь
И тигров с барсами творишь
Во время пира тихими овнами,
Обуздывая их браздами,
Иль умеряешь в жилах жар
И тем смиряешь наглость свар!
То ярый хмель лишь вознесется
И вкруг тычины перевьется,
Из сих хмелин тебе я в честь
Венок потщуся новый сплесть;
Но если в тигров агнцов смирных
Преобратишь в трапезах пирных,
То, быв в сосуде роковом,
Умри, – умри в зачатии самом!

207. НРАВСТВЕННАЯ АРИФМЕТИКА ДЛЯ ИМЯНИННИКА

Исчисли и сложи минувших лет число,
Которое поднесь с рожденья протекло,
И вычти времена, что сон и грех отъемлет! –
Сколь много лет, угодных небесам? –
Я мню, что больше сих, – о том ты знаешь сам.
Мой друг! – еще судьба тебе с усмешкой внемлет
И хочет умножать число годов твоих. –
Дай Бог тебе, – дай Бог, чтоб вышла сотня их;
Но также не забудь, на что делить их должно,
И не забудь принять веселый вечер сей
В число делителей для радости своей! –
Сие для дружества безгрешно и возможно.

Вот ты какой урок на новый год возьмешь,
Что в гробе наизусть ты некогда прочтешь
И что в могиле твой отец уже читает,
Но тщетных о себе твоих слез не желает.

208. К ПРЕСМЫКАЮЩИМСЯ ЗА НАШИМ ПИНДАРОМ

Куда? – куда ползете, гады? –
Иль чаете взойти на холм,
Где *Пиндар*, меща орли взгляды,
Парит в эфир, гремит, как гром? –
Вы, орлих крыл его лишаясь,
Не должны ль вечно упадать
Иль, под горою пресмыкаясь,
При громе *Пиндарском* квохта́ть?

209. СУДЬБА СЛАВНОГО КУКА

Кто обозрел весь мир? – *Кук* славный;
Кого любили дики, зверонравны? –
Его; – и что же? – он им так был мил,
Что труп его им вкусен был.

210. СЕРДЕЧНОЕ ЛЕКАРСТВО

Клариса с Сильвией пошла к ручью гулять
И в первой раз еще осмелилась сказать,
Что чувствует внутри боль некую ужасну
Похожу на нарыв иль язву там опасну.
Клариса говорит: «Мой свет!
Ахти, как у меня сердечко заболело!
А от чего? – тебе откроюсь смело;
Вчера я видела... его... но ты молчи!
Не это ли любовь? – дай, дай совет! – смягчи!
Ты знаешь, как лечить!» – А Сильвия в ответ:

«Знать, – светик, милого чего-то захотело;
От этого оно и заболело;
Чем ранилось, – так тем же и лечи,
И без меня сама себя смягчи!»

211. К СТАРО-ЮНОЙ БЕЛИНДЕ

Белинда милая приехала на бал,
Куда ее сосед, веселый рыцарь звал. –
Тут все шептали с другом друг:
«Какая это к нам явилась вдруг? –

Она статна, – мила, – ей, право, двадцать лет».
«Неправда, – на ухо шепнул я одному, –
Ей слишком сорок лет, – свидетель я тому...»
Где ж прочи двадцать лет?.. Их скушал туалет[1].

212. ВЕЧЕРИНКА

На небе ни одной не видно было сферы;
На небе не было блестящия Венеры,
Кроме густых паров, кроме ужасных туч;
Но в зале виден был Венерин ясный луч;
Там бледную луну и мелки звезды зрели;
Там боги светлые с богинями горели;
Луна на жестяном подсвечнике была,
А звезды по краям разгнутого стола.

Могу ль забыть тот пир, о друг мой, друг бесценный,
Где ты мне подносил напитки несравненны?
Кто? – я! – чтоб я тот пир не мог воспоминать,
Где три красавицы, – о небо! – мне ль молчать?

---

[1] Не худо здесь обнаружить знаки огорчения г. Белинды. Она, прочитав сей эпиграф, написала ответное письмо таким образом: «К чему вы, господа издатели, выдумываете такие нелепые эпиграфы на наш счет? – Это ни на что не похоже. Какая нужда вам до таинств нашего туалета? Скажите, вить вы право пишете ложь и вздор. Конечно, это одна выдумка ссорливой вашей головы. Вы для забавы, занимаясь такими безделками, порочите только прекрасной, невинной пол. По чести скажу, для чего не запретят выдавать и такие негодные надписи? – Какой-нибудь бессовестной насмешник намарает стишонки, а простодушные читают их и от доброго сердца хохочут над лучшею половиною человечества! Эй! усовеститесь заблаговремянно! – поздно будет, когда мы сами вооружимся против вас и привьем к вашим лбам... желаю вам от искренности великодушно помириться с нами. *Белинда*».

Лишь вспомню, то всю кровь, не знаю что, волнует.
Не больше *Абелард,* как повесть нам толкует,
Волненья сильного в груди своей имел,
Как *Элоизу* он лишь в первый раз узрел.

Одна хвалилася высоким ростом ровным,
Подобна быв во всем тем женщинам огромным,
О коих *Гулливер* у *Свифта* говорит
И кои в пазухе могли его носить;
А две кубическим хвалились ростом низким,
Подобны карлицам, к земле на палец близким,
Которых *Гулливер* с иголку полагал.

У первой милый вид, что головы вскружал,
Что ми́ну изъявлял невинную, простую,
Бородка выдавшась, рожденна к поцелую,
Улыбочка весны, аврора на щеках
И томность летняя, приятная в глазах, –
Вот тот прелестной блеск, которой от Венеры
Стремился ослепить наш карлин взор без меры! –
А те две – Боже мой! – при влюбленных глазах,
При росте маленьком всегда приподнимали
Огромную в своих величину носах
И ими даже нас, гигантов, задевали;
Однак... дышало все любовию от них
И романической красой веков златых.

Для них ужасный был гром славных менуетов,
И вязанки для них разложены квартетов:
Ах по мосту мосту и новой казачок. –
Изрядная игра, – изряден был игрок.
Но после музыки мы то ли прокричали? –
Уж то-то пострадал, крехтевши, бедной бас,
И скрипки маленьки за ним же верещали, –
Другая музыка тогда была у нас.

Почти была полночь; мы в фанты заиграли;
В счастливейших руках от глаз кольцо скрывали;
И кто возьмет его, счастлив, счастлив бывал. –
Хозяин пуще всех его от милой ждал;
Наместо лишь его другие получали;
Хоть три раза кольцо тогда в игре теряли,
Но фантов множество успели мы набрать. –
Тогда, закрыв в платке, их стали разбирать;
Хозяин был готов с дрожаньем потаенным
Лить кофе с молоком, для уст драгих сваренным,
Иль мерять алых лент три дюжины аршин;
И правда, – поскипел в губах *Венерин* сын.

Смех долго был; но чем прервалася забава?
По залу пронеслась тогда несчастна слава,
Что кучер сих господ в лоб тёмну закатил
И не имеет уж отвезть их больше сил.

Что делать! – вдруг сосед к их счастью извещает,
Что он красавицам услуги предлагает:
«Извольте, госпожи, в мою карету сесть!
Вы слышите; петух уж утро выкликает;
А я вас посажу и утром на насесть» . –
Слова не в стать; но и сия нужна была им честь.

И так прелестницы сокрылися с красами;
Погасли звезды все с своими ночниками;
Луна потухнула, от слюны захлебнясь;
Уж боги не кричат, в поварню завалясь;
И Вакх, мужик хмельной, в буфете не воюет;
Мыслете пишет лишь и часто пол целует;
Церера сытая пред печкою не танцует;
В Камчатке солнышко сияло средь полден,
А я лишь в первые был грезы погружен.

213. ЛОЖНАЯ ТОСКА насмешливой красавицы по Эскулапиевом исчадии

От сна ли утром пробуждаюсь?
Иль в вечер к сну я приближаюсь?
С утра огонь в душе горит,
А сердце с вечера не спит. –
Увы! – ни свет не утешает,
Ни тьма души не усыпляет;
Мне ночь ничто – как шумный день;
А шум дневной – как ночи тень.
При свете и при тьме страдаю;
Ищу врача, – не обретаю.
О новый *Боергав*! – из всех
В тебе одном ищу утех;
К тебе лишь, свет мой, пламенею
И, как цветок, в разлуке тлею.

А ты, жестокой, удалясь
Лишь только на короткий час,
Покинул всё – меня покинул,
И ты, как тень, с отъездом сгинул. –
Ужли ты, слова не храня,
Нарочно умер для меня? –
Иль ты, бесчувственный, суровый,
Нашел себе дом райский новый?
Иль страшна та пришла пора,
Что в красных берегах *Днепра*
Тебя сковала ввек *Цирцея,*
Либо какая *Дульцинея?*

Нет, – лютый тигр души моей!
Не знаешь ты меня, – ей! ей!
Презревши мой несчастный пламень,
Ты стал не человек, а камень.

Яви себя! – скорей яви!
Или... в отчаянной любви
Сей пишущей рукою грозно,
Хоть возвратишься ты, – да поздно,
Тебя пером я уколю,
Увы! – чернилами скроплю.

214. УВЕЩАНИЕ ДЯДЬКИ
к долгоспящей воспитаннице *Лаисе*

Все пробудилось; – а Лаиса,
Еще моя Лаиса спит! –
Так, – спит... любезная, проснися!
Ах, жаль, что полдней ты часы
В минуты утра претворяешь,
Что ты среди пуховиков
Драгое время подавляешь.

«Беги, – вещаешь ты, – беги
Отселе на девять шагов!
Наставник! Мне ли чтешь урок?
Читай его ты сельским нимфам!»

Красавица! Твой нежен слух;
Еще того нежнее сердце;
Сей тон разнит, – для слуха скучен. –
К чему мне сельских нимф учить? –
В красах их царствует природа,
С приятной простотой свобода;
В твоих – искусство и наука;
Тех ночью сладкий сон питает,
А утро в ниве застает;
Тебе ночь днем, заря же ночью,
А полдень утром для нарядов;
Тогда луч солнца, тщетно силясь

Проникнуть сквозь твои подзоры,
В тканье теснится, – устает. –
К чему лежат сии громады
Поверх твоих столов уборных? –
Ужели все сие на то,
Чтоб дня другую половину
Пожертвовать на стол уборный?
Ах! Тщетны все сии убранства,
Цветы и краски от искусств;
Почто природу обижать?
Ты не прекрасна ль без того?
Поверь! – все лучше обожают
Красу в природной чистоте
И тайну прелесть в простоте;
Один твой взор, – одна слеза
Определяет рок плененных
И предписует образ дел.

Какая же другая помощь
Нужна естественным красам?
Все рук дела, – картины их
Меня лишь больше отдаляют
От торжествующей природы. –
Смотри на лилии и розы!
Похитили ли белизну
От пережженного свинца
Или кармин от червеца,
Дабы листочки поваплять? –
Теперь на милых сих цветочках
Не зерна жемчугов блистают;
Авроры капельки сверкают;
Смотри, какой наряд на них!
А! – ты украдкой проглянула
И вновь – с усмешкой взор сомкнула!
Лукавая усмешка! – вижу. –
Ты хочешь спать еще – ха! ха!

215. К СКРОМНОЙ ЛУКРЕЦИИ, НО НЕ ВО ВСЕМ

Лукреция! – какая скромность,
Какая иноческа томность
Твоими чувствами владеет?
В очах сияет тишина;
Зрачок не катится твой вкось
К прекрасным молодым мужчинам;
Их прелесть – *трын трава* тебе;
Твой слух, как воском, залеплен
От страстных звуков мусикии,
Или от пения сирен,
Иль от любовных изъяснений;
Ты мудрость только слушать хочешь;
Не обоняешь никогда
Даров душистых нежной флоры;
Ни роза, ни фиалка больше
Не нежат чувства обонянья;
Твоя двухолмна бела грудь
Не воздымается от вздохов;
Не песенник в твоих руках,
Путь ко спасению всегда;
Не веер одувает грудь,
Но четки бьются по бедрам.
О нимфа! – подлинно во всем
Скромна и сокровенна ты,
Непроницаема, – однак...

216. К БОЛТЛИВОЙ И ОТКРЫТОЙ АСПАЗИИ, НО НЕ ВО ВСЕМ

Аспазия! – как ты открыта
Во всех своих сердечных чувствах?
Твои ли перекатны взоры
С предмета на предмет не мчатся?

В делах любовных быв столь зорки,
Не выбирают ли чего?
Беда, беда, как невзначай
Они увидят гроб, – кладбище! –
Твой слух по вечерам лишь жаждет
Любовных арий, – изъяснений;
Оборони Бог, кто читает
И проповедует суд мира! –
Твой носик, пряностей желая,
Всегда пары вдыхает Флоры,
Пары кофейны, ананасны;
Твой ротик – вечной страстью дышет;
В нем каждый день шумят согласно
Любовны песни и беседы,
И льется мед речей оттоле. –
Чего? – каких прекрасных тропов
В минуты две не вылетает? –
О неисследны небеса!
Аспазия чистосердечна,
Жива, со всех сторон открыта,
Приступна, – но однак...

217. ОПИСАНИЕ НОЧИ
г. Драйдена с англ⟨ийского⟩

Умолкло естество; все вещи засыпают,
И горы дремлющи главами помавают;
Хор птичий песнь свою еще во сне твердит;
Ночная тень росой поблекший цвет кропит;
Тогда и роскошь спит; тогда и зависть спит.

218. ТА ЖЕ МЫСЛЬ НАИЗНАНКУ
Его же с англ⟨ийского⟩

Настала темна ночь; природа умолкает;
Работник первый сон приятной оставляет;
На цыпочках бежит на воровской свой путь,
Чтоб ключ из под голов хозяина стянуть;
Бледнеющий ночник в сосуде чуть мелькает,
И не светильня в нем, сосуд как бы сгорает;
Слуга на рундуках, качаяся, храпит;
Кухарка, вся в муке и поте, в креслах спит;
Карета также спит, телега то ж молчит.

219. РАЗНЫЕ НРАВЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА
С англ⟨ийского⟩

«*Подай красотку мне*, – Твангдилло вопиет! –
Кроме любви, ни в чем другом мне счастья нет».
«Бутылку дай, – кричит сын Вакха краснорожей! –
Красоткам с мушками, с малеванною кожей
Копейки я не дам за их продажный яд».
Певцы в жару на верх Парнаса мост мостят,
А истину мудрец в колодце вырывает;
Гордец богатым быть иль быть в знати желает;
Любовник ищет ту, с которой разлучен;
Солдат бывает той удачей восхищен,
Что нескольких убьет иль город разорится;
Беспутная жена за щеголем тащится;
Но я, – я, бедной, чем другим хвалиться б мог,
Кроме лишь злой жены и слишком длинных рог?

220. НАДПИСЬ Г. ПРИОРА К САМОМУ СЕБЕ
С англ⟨ийского⟩

Мне должно умереть, – тебе в живых быть должно;
Ах! часом лишь одним с тобой равняться можно;
Вот сколь намеренье небесное неложно!

221. К БЕДНОСТИ ИОВА
С англ⟨ийского⟩

Как Иов должен был терпеть свой рок несносный,
Тогда, разрушив дом его, диавол злостный
В развалинах детей несчастных подавил,
А самого его́ здоровия лишил;
Но, чтоб обременить еще судьбу строптиву,
Оставил бес на зло еще жену брюзгливу.

222. НЕЖНЫЙ СУПРУГ
С англ⟨ийского⟩

Орфей шел в ад к жене, как уверяют нас;
Но где написано, красавицы, об вас,
Чтоб к мужу из любви жена во ад сходила
И из кромешных уз его освободила?

223. К СТИХОТВОРЦАМ
Соч⟨инение⟩ Приора. С англин⟨ского⟩

Конечно, пусть сочтут стихов творцов глупцами,
Что может Бавий нам собою доказать;
Но если те ж слова наоборот сказать,
То льзя ли быть когда глупцам стихов творцами?

224. НЕ СОВСЕМ ПОХВАЛА ЖЕНЕ
С франц⟨узского⟩

Она чувствительна, умна,
Со множеством красот душевных
И милых качеств рождена;
Она сокровище доброт бесценных;
Но жаль! – ах, жаль, что мне она –
Позволишь ли сказать? – жена!

225. ОГРАНИЧЕННОСТЬ ВЛАСТИ УМА
С франц⟨узского⟩

Доселе бог ума толико славный
Неограниченно повелевал,
А ныне бедный скиптр его державный
Ничто, как скиптр уже удельный стал.

226. ПЕСНЯ ЗАСТОЛЬНАЯ
Бр. служащего
Вольный перевод с англин⟨ского⟩

1

Нет в нас пустых раздоров,
А крамолы ни следу;
        Лишь долг и честь
        Дни в мире весть,
Иль петь, иль весть беседу.
        Лей вина
        До полна!
        Пусть пойдет столом вокруг!
        Всем понятно,
        Что стократно
        Сердце веселит вино.

2

Мы станем наслаждаться
Без спеси и презорства;
Пусть с глупым плут
Свое поют!
Мы верны без притворства.
Лей вина
До полна! и пр.

3

Безумец коль о благах
Придворных воздыхает,
Лишим его
Вина сего;
Так лучше вкус узнает.
Лей вина
До полна! и пр.

4

Коль помещенный с нами
Наскажет вздор школьнова,
Мы примем так,
Что он дурак
И лишь знаток пустова.
Лей вина
До полна! и пр.

5

Весь свет еще во мраке;
Он тщится нас постигнуть;
Но тщетно мнит,
Как петь и пить,
И в наши тайны вникнуть.
Лей вина
До полна! и пр.

6

Так принесу же бочку;
Пусть посредине станет,
Как звон глухой
Испустит свой!
Наш брат на бочку взглянет;
Лей вина
До полна! и пр.

ЭРОТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ И ИМ ПОДОБНЫЕ

227. РАЗДРАЖЕННЫЙ ПАСТУХ НА НЕВЕРНОСТЬ ХЛОИ В НОВЫЙ ГОД

Ubi splendet, frangitur.
Где блеск, тут и треск; или:
Где тонко, там и рвется.

Русская пословица

Седыми увенчан снегами,
Паря на дряхлых крыльях, год
Летит эфирными путями
Сквозь огненный кристальный свод;
Колена пред отцем склоняет
И между прочим извещает,
Что *Хлоя*, честью быв красот,
Дамона с верностью целует
И что *Дамон* еще ликует
Без ревности по новый год.

Сие *Сатурну* он вещает,
Как вдруг с Олимпа новый год
С гордыней юности слетает
В тот круг, где смертный дышет род;
Он землю быстро озирает;
На *Хлою* смутный взор бросает
И весть ужасну к *Хрону* шлет,
Что прежня *Хлоя*, ставши новой,
К *Дамону* верному суровой,
Другому сердце продает.

Он мещет пламенные взгляды
На убранны ея власы,
На новые ея наряды;
Он зрит – и точит сталь косы;
Но, к счастью, вдруг свой взор отводит,
Искать таких же *Хлой* уходит,
Дабы толпы их замечать
И за уборными столами
Или между пуховиками
Средь миртов вдруг их наказать.

Неверная! – иль ощущаешь
Огнь новый с новым годом ты?
Или прожить сей год ты чаешь,
Имея во главе мечты?
Ужли твоя любовь с красами,
Слепыми движима страстями,
Толико ж вечна, как душа? –
Нет, – ветреность на час блистает;
Навек лишь чистота сияет,
Любовью райскою дыша.

Твоя прекрасная подруга
Амелия без слез умрет;
Она, любивши верно друга,
Пастушкой верной прослывет;
К ней смерть, – как тихий дух, предстанет;
Тебя ж тирански мучить станет. –
Задумчивый *Дамон* вздохнет,
И горький вздох его с тобою,
Чтоб ввек не дать тебе покою,
Подобно дыму, в ад пойдет.

Пусть сверстницы твою гробницу
Поставят в розовых кустах
И столь прелестную девицу
Омоют в горестных слезах!

Но верный твой *Дамон* несчастный
Произнесет слова ужасны:
«О вы, прядущи жизни нить!
Желал бы я, чтоб вы щадили,
И не жалал бы, чтоб коснили,
Неверной *Хлои* дни сгубить».

228. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛЮБЕЗНОЙ МАТЕРИ ПОСЛЕ РОДОВ

Ветры, спите, не шумите!
Сизы тучи, не гремите! –
Тихий день сей мне священ;
Тихий день сей величает
Наилучшая из жен;
Но еще не проницает
Сквозь недуг ея улыбка...

Матерь розы! – ты родила
Розу в цветнике своем;
Свет сквозь тучи ощутила;
Ощутила ты Эдем,
Труд с утехой находя;
Но *Гигея*, в нем седя,
Так гласит тебе: «Будь здрава
Зри, – какая здесь забава!
Зри, – лилея там смеется!
Там фиалочка цветет;
Там выходит мирт, юнея;
Там слезится розы цвет,
Как заря, росой блестяща! –

Флора! – зри свой сад прелестный!
Изъяви ж улыбки вид
Как из облак луч небесный!

Не всегда гроза шумит;
Не всегда страдать; – будь здрава!»

Так *Гигея*; – вдруг лилея!
Мирт, фиалки, розы цвет,
Маковки подняв живея,
Вопиют *Гигее* вслед:
«Пусть другие, суетяся,
Льстят богам или царям!
Мы величим, веселяся,
Милу нашу мать сердцам. –
Коль утеху ей приносим,
Мы о саде нашем просим,
Чтобы цвет наш там не сох,
Чтобы вихорь там не дох. –
Вихри, спите, не шумите!
Сизы тучи, не гремите!»

229. ЧУВСТВОВАНИЕ *МИЛЕНЫ* ПРИ ВЫЗДОРОВЛЕНИИ ЕЯ ПОДРУГИ ОТ ОСПЫ

Чуть рука плачевной смерти,
Проблеснув лучем косы,
Не решилася простерти
Жизнь твою и с ней красы;

Чуть болезнь твоя сурова,
Отворивши черну пасть,
Не была отмстить готова
Юности твоей в напасть.

Веришь ли, как я вздыхала
И как рок я кляла твой? –
Я тогда в слезах вещала:
«Рок, о лютый рок, постой!

Ты постой еще гневиться!
Лучше винных ты найди,
Чтоб на них одних озлиться!
А невинность – пощади!

Пусть подруга дорогая,
Саша будет долго жить,
И в сей жизни расцветая,
Прелесть юну продолжит!

Пусть в устах подруги дышет
Поцелуй для уст драгих
И сердцам законы пишет
Среди роз румяных их!»

Так тогда я воздыхала;
Так тогда вещала я;
Так мольбу я проливала;
И мольба – сильна моя.

Вдруг спасительна *Гигея*[1],
Вняв живой моей мольбе,
Здравия тебе радея,
Мне шепнула о тебе:

«Не крушись, моя любезна,
Ты о *Сашиньке* своей!
Сколь мольба твоя ни слезна,
Но бесценна мне и ей.

Ангел, нежный страж девицы,
Не воздремлет никогда;
Он пастушки и царицы
Равно дни хранит всегда.

---

[1] Известно, что это богиня здравия.

Скоро милая подруга
Весть велит тебе нести:
Ах! Милена! – нет недуга;
Завтра Сашу навести!»

230. К ДВУМ ЛЮБОПЫТНЫМ ПОСЕТИТЕЛЬНИЦАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕСТА В МАРТЕ

Не дщери ли небесной флоры
С жемчужных облачков летят?
Иль вместо флоры наши взоры
Живым сияньем здесь блестят? –
        Примите ж жертву чувства,
        И с нею плод искусства!

231. БРАЧНАЯ ПЕСНЬ ОТ *МИЛЕНЫ* К *САШЕ*

Когда в зеленый сад слетают
Весенни тихие часы;
Когда фиалки расцветают,
Облекшись в скромные красы,
        Тогда весна их нянчит;

Тогда – лишь флора их лелеет
Среди пушистых люлек их;
Один игривый зефир смеет
Качать на крылошках своих;
        Иль – нимфы нежат их;

Когда ж нагрянет лето знойно,
Уходит флора в влажный луг
И нимфа прячется спокойно,
Тогда – является пастух,
Берет на грудь фиалку;

Стыдливая фиалка млеет,
Не дышет долго на груди. –
Потом, – о жребий! – там же тлеет. –
Теперь, о *Сашинька*, суди!
Суди моих слов силу!

Кому? – Кому лишь ты любезна
Весной дней девственных была!
Ах! – сколь весна была прелестна? –
Ты для подруг одних жила
И равно для меня;

Подруги видели подругу
Особенну в душе твоей;
А ныне – лето, знать, что другу
Ты жертвуешь судьбой своей;
Знать, чувствует *июнь*...

Знать, сильный жребий обращает
Иным порядком жизни круг;
Знать, точка та дней наступает,
Где покидаешь ты подруг!
Прости, неверна *Саша*!

Желаю, чтоб жила ты доле
В счастливом круге сем, мой свет,
Чем сорванна фиалка в поле,
Что столь короткий час живет
На груди пастуха.

Прости! – пусть *Гимен* погашает
Невинный детских жар утех!
Пусть новый факел зажигает!
Но чтоб, светя, еще берег –
Моей с тобой огнь дружбы!

232. ОТ НЕЕ ЖЕ К ДРУГОЙ ПОДРУГЕ

Пусть сребристый вихрь крутится
И ложится на поля!
Пусть еще ключ не слезится;
Дрогнет скованна земля!
Пусть струя с струей не льется,
Капля с каплей не сойдется!

Мир еще не ощущает
Брачныя весны любви
И в сердцах не согревает
Хлада общего в крови;
В узах небо, в узах бездна,
Но с тобой не так, любезна.

Но с тобой, моя драгая,
Суждено теперь судьбой,
Чтоб, на мразы не взирая,
Гимен огнь нес над тобой,
Чтоб блистал зимой бог брачной,
Как звезда на тверди мрачной.

Ах! – поревновать ли доле? –
Ты делишь свой с милым рок;
Так, – дели! – хочу, чтоб доле
Жизнь твоя, как тихий ток,
В майских тенях протекала
И сребром бы отливала.

233. ЕЩЕ ОТ НЕЕ ЖЕ НА ПОДОБНОЙ СЛУЧАЙ

Уже и ты, – уже и ты,
Моя подруга, сердцу мила,
Средь юности и красоты
В тот новый жизни путь вступила,
Которым я уже стремлюся
И лестным жребием хвалюся.

Ты руку с сердцем отдала
По нежному любви совету
И участь в жертву принесла
Навек любезному предмету. –
Ах! – Если в нем твоя награда,
Будь счастлива, дражайша – *Лада*!

Уж чувствует моя то кровь,
Что я при сем тебе желаю;
К тебе богинь трех посылаю –
Здоровье, тишину, любовь. –
Встречай, встречай богинь небесных,
Сопутниц в жизни сих прелестных!

Дружина! – быстро ты слети
На *Ладу* милую, драгую,
А прилетевши, услади
Ея судьбину впредь благую,
Чтоб дни ея струились стройно,
Как тихий ключ, спокойно!

А вы, всесильны небеса!
Я умоляю вас сердечно,
Чтоб розы *Ладиной* краса
Цвела счастливо и беспечно;
Но если роза устареет,
То пусть душа навек юнеет!

234. К *СОВОСПРИЕМНИЦЕ* ДЕВУШКЕ

Долг первой матери – долг жизнь младенцу дать;
Долг матери второй – в нем Ангела создать;
Невинная! – ты мать вторую представляешь;
Не сим ли первенство пред первой получаешь?

235. К НЕЙ ЖЕ

В твоих устах цветет, как розон, поцелуй;
Ах! – кто сорвет его – тот прямо торжествуй!

236–240. НАДПИСИ ПЯТИ ЛЮБЕЗНЫМ ДАМАМ

1. ГЕНР⟨ИЕТТЕ⟩ А⟨ЛЕКСАНДРОВНЕ⟩ М⟨ОРДВИНОВОЙ⟩

Богиня мудрости с богиней красоты
Чем в небе славятся – то здесь имеешь ты.

2. Ан. С. К.

Пусть древность хвалится Дианой удивленна!
То вымысл; – ты самой природой в том почтенна.

3. Ел. С. П.

Приятна взором ты, приятна ты душою,
Приятна ты умом: кто не пленен тобою?

4. МАР⟨ИИ⟩ Ю⟨РЬЕВНЕ⟩ Г⟨ЕРИНГ⟩

Что в свете милого натура сотворила,
То все в тебе одной толь стройно поместила.

5. Гр. В.

Так, – роза милая – владычица полей;
Но ты – еще собой пленяешь нас живей.

241. ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ МИНУЛО *ЕЙ*

Цвети, цвети, лилея мила,
Прекрасна видом и нежна!
Уже твой образ оживила
Теперь пятнадцата весна
В лазоревом саду.

Пусть тихи зефиры играют
Средь счастливой твоей весны!
Пусть кротки тени обнимают
Тебя в прохладах тишины,
Чтоб ты пленяла взор!

Цвети, цвети, *Пленира* мила,
Прелестна и душей нежна! –
Уже твой возраст оживила
Теперь пятнадцата весна
С приятствами души;

Пусть *грации невинны* мещут
Лилею с розой на тебя!
Пусть Гении небесны блещут,
Сердечный образ твой любя,
И красны дни хранят!

242. МЕЧТАНИЕ В ЛЕСКАХ

Пленира! – ах! и ты, *Пленира!*
И ты в лесочке здесь! – постой!
Куда бежишь стопой зефира
Или как серна в лес густой?
Здесь нет волков, – а тигр далече;
Лишь зайчик прыгает навстрече.

Не слышишь ли средь ив вздыханье
Качающихся горлиц сих,
Которых нежно воркованье
Вещает о любви лишь их? –
Чу! – как там голубок воркует!
Чу! – как о миленькой толкует!..

Пленира! – что ты ощущаешь,
Когда сих птичек каждый день
На той же ветке примечаешь,
Под ту же зришь летящих тень
И те же, как ты здесь ступаешь,
Их нежны жалобы внимаешь?

Клянусь, что грудь твоя смятенна
Заныла б, кровью обольясь;
Или – дрогнула непременно;
Что? – не сказала ль бы тот раз:
«Чета в святой любви блаженна!
Чета в лесках уединенна!

Пример супружества любезной!
Сколь жребий ваш мне зрится мил!
Счастлив, счастлив, кто в страсти нежной
Всегда бы вам подобен был!
Быть вкупе – ваше есть блаженство
И чистой страсти совершенство».

Постой, стыдливая *Пленира*!
Послушай ты меня! – постой! –
Куда бежишь стопой зефира
Или как серна в лес густой?
Ты будешь сим примером вскоре,
И все – пройдет девичье горе...

243. ПРОБУЖДЕНИЕ ЧУВСТВА НА ОДНОЙ УЕДИНЕННОЙ ДАЧЕ

Пленира! – как бы ты вздыхала,
Тогда как в роще сей *Миртид,*
Узревши, где овечка пала,
И бьясь от язв, в песке хрипит,
Все перелески пробегает,
Остановляется, – вздыхает?

Вообрази в сию минуту,
Как он, на посох опершись,
В тоске клянет судьбину люту
И, слезным током залившись,
О бедном плачет сем творенье
В последнем бьющемся томленье!

Внемли, как он вещает слезно! –
«Ах! – если б прежде я пришел!
Она исходит кровью! – бедна!»
С сим словом он бы онемел;
А ты – ужли б не обомлела
И в горести не цепенела? –

Скажи, каков *Миртид* сей бедный,
Которого теперь бежишь? –
Он волк ли? – ястреб ли зловредный?
Нет, – в нем уже ты друга зришь,
С душой небесной человека,
Достойною златого века.

Ты плачешь об овечке бедной! –
Вот нежный тот язык сердец,
Каким в златый век, а не в медной
Любовь вещала! – наконец
Прошел он в злой судьбине!
Пленира! – говори им ныне!

Когда к овечке ты имеешь
С сердечной болью нежный долг;
О веке золотом жалеешь,
И иногда – изменит вздох...
Ужли *Миртида* тем накажешь,
Что в вздохе ты ему откажешь?

244. ИЗЛИЯНИЯ ГОРЕСТНОГО СЕРДЦА К ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕЙ *ПЛЕНИРЕ*

Шестнадцать раз зима смятенна,
Крутяся над твоей главой,
Пленира ныне огорченна,
Спешит урочной сей порой
В любовь весенню растопиться,
Жемчужным облаком разлиться.

Спешит и дней твоих цветущих
Весну румяну растворить,
И нежны сгибы вновь растущих
Цветов в самой себе развить,
Чтоб их раскинуты листочки
Открыли зрелые цветочки.

Так, – новый год твой расцветает
Тебе к блаженству и красе,
А мне уж он не позволяет
Зреть мира ни в одном часе;
В нем вихрь помчится в бесконечность;
Да, – в нем вторая будет *вечность*.

Ах! Лида! – всё весной дружится
И растопляется в любовь;
В тебе лишь сердце леденится;

В тебе лишь стынет ала кровь. –
Не твой ли день? – скажи: *мирюся.*
Не скажешь; – небо! я страшуся.

Пусть так! – но жаль, что там в долине
Еще фиалок не видать!
Сердечно я принес бы ныне
Букет тебе; – но их не знать;
Прими хоть песенку в знак вечный!
Прими! – в ней дышет жар сердечный.

Тогда, – как горесть дней прервется
И в вихрях полетит мой прах,
Уже мое не отзовется
Название в твоих устах;
Быть может, – дар сей не увянет,
Переживет – и напомянет;

Быть может, – бросив взор счастливый
Нечаянно ты на него,
Помыслишь: «Вот еще здесь живы
Остатки слабые того,
Кто не был иногда для казни
Достоин взоров, – слов, – приязни!»

А может быть, – из сожаленья
Чтя столь печальные черты,
Прольешь ты слезы умиленья
И скажешь: «Как несчастен ты?
Жалею о тебе сердечно!»
И тут – простишь меня конечно.

245. МАЙСКИЙ ДЕНЬ. К ПЛЕНИРЕ

С лазоревых небес горящих
В сей ясный день бальзамный май
На крыльях зефира блестящих
На землю тихо свеял рай
И вдунул жизни дух огнистый
В брега *Ипаниса* камнисты.

Там, – там вдали давно синеют
Растущи купами лески;
Но ныне ярче зеленеют;
Пройду сыпучие пески;
Пройду чрез желтый скат в пустыне
В сей малый мир, зеленый ныне!

Там, – где лежат брега зелены,
Уже торговля по волнам
Под кровом братиев *Елены*[1]
Курит *Ермию* фимиам;
Сын *Маин*, с облаком спускаясь,
Приемлет жертву, улыбаясь[2].

Напрасно волны разъяренны
Ревут и мутят дно с песком;
Кормы, надеждой воскрыленны,
Стремятся в бездну за сребром;
За ними вслед, клубяся, дружной
Валится с пеной вал жемчужной.

---

[1] Известно, что братья *Елены* суть те близнецы, называемые *Кастор* и *Поллукс*, которые означают месяц *май*.

[2] *Ермий, Гермес*, или *Меркурий*, был сыном *Маи*, по имени коей назван сей месяц, в которой римские купцы обыкновенно приносили ему в жертву свой капитал как богу торговли, отправляя корабли с товаром.

Но где *Миртид* теперь? – иль в поле?
Иль ищет майску жизнь в тенях
Или в богах весны? – иль боле
В драгих *Плениринык* очах?
Там токмо зреть его с ней можно;
В зеленой ночи видеть должно.

Пленира! – ты ли здесь? – «Кинь взоры, –
Миртид вещает, слышу я, –
На живопись лугов, на горы
Или на шелковы поля! –
Ты зреть должна красы такие;
Утеха есть твоя стихия...

Пойдем! – оставь заботам слезы!
Лесок твоей улыбки ждет;
Здесь есть пахучие березы,
Где я хоть зрел вчера бурь след
И слышал рев седой полнощи,
Гремящий посредине рощи;

Но ныне в тихой сей долине
В улыбке вижу естество?
Поди сюда! – здесь, – в сей равнине
Смеется майско божество!
Здесь сама роскошь нам священна,
Природой нежною внушенна.

Ты слышишь ли, как под стопою
Сей мягкий гнется мох твоей?
Любуясь нежною ногою,
Чуть-чуть противится он ей;
Недавно бисером слезился
И для тебя лишь освежился.

Поверь! – тебе там расцветает
Тюльпан и расписной левкой,
И ландыш в перлах выникает

Из люльки своея млечной. –
Вот юной Флоры воздыханье!
Вот зефира в цветах шептанье!

Тебе там песни филомелы
В раскатах и дробях гремят;
Тебе свистанья резки, смелы
Из нежна горлышка звучат;
Чу! – гула хохотанье громко
Среди холмов раздалось звонко!

Тебе там жаворонок милый,
Сын *мая* и певец весны,
Трелит стихи свои унылы,
Незрим средь синей вышины;
Вот! – здесь и бабочка порхает,
Как звездка, над тобой мелькает!

Ты зришь ли, как среди стремнины
Кристальной резвится любовь
И рыб подъемлет вверх пучины!
Сребро горит в них, – рдится кровь;
Пусть тень от облак там ложится!
Но дщерь воды цветнее зрится.

Там, – где, в ущельях с шептом льяся,
Под тропкой прячутся ключи
И где лишь бисеры, слезяся,
Алмазны сыплют с трав лучи, –
Кто с ветром взапуски стремится?
Пленира! – посмотри, кто мчится!

Не зришь ли ты меж древ окрестных
В прекрасных дщерях нимф живых
Иль граций маленьких, прелестных,
А в резвых отроках младых
Божков бело-румяных, нежных,
Но неповинных, безмятежных.

А здесь – приметь, как ходит томно
Под смурой тению пастух
И вслед любезной идет скромно;
Надеждой оперяет дух;
За ним вблизи *Эрот* лукавой
Бежит и мчит стрелу с отравой.

Пойдем! – не там ли обитает
Невинность, мир и тишина?
Не там ли век златой блистает?
Не там ли райская весна? –
Ах! нет, – не в ту цель сердце метит;
В очах лишь милой небо светит.

В тебе, – в тебе сей май блаженный
Твердит мне, что златой был век,
Но не зла́тым дождем растленный, –
В любви и простоте он тек;
Пленира! – призовем невинный
Сей век хотя на час единый!»

246. СЕРДЕЧНАЯ БОЛЕЗНЬ ПРИ СОВОСПРИЕМНИЧЕСТВЕ

Так, свет мой! – ты, прияв со мною
Дитя чужее в нежну длань,
Невинну кажешь мать собою
И матерню готовишь дань;
Сей долг и мил, и вдруг велик.

Никто не спорит, сколь прелестно
Сей раз сотрудницу принять
И сколь намеренье небесно
В младенце Ангела создать
Иль в диком камне стройный куб.

Но я, – я сам уж должен ныне
Из юноши дитятей быть,
Везде вздыхать, – здесь, – в сей пустыне,
И детских слез потоки лить,
Небесны силы! – вот мой рок!

Небесны силы! – сей ли будет
В безвинных вздохах мне предел?
Ужели цвет свой луг забудет,
Когда лишь он позеленел?
Ужли не может доле цвесть?

Зависит ли от нашей власти,
Чтоб меру чувствам положить,
Пирамовой подобно страсти?
Нет, боги! – должно жить;
Хочу еще быть человеком.

Вы сами дышете любовью;
Так дайте мне еще дышать!
Еще хочу я греться кровью;
Пусть тайно стану воздыхать;
Но не мешайте чувств законам!

247. ИДИЛЛИЯ. ПЛЕНИРА

Однажды в сумерки перед окном зимою
Пастух с пастушкою шутили меж собою. –
Как эти на стекле прекрасны дерева?

Такие пастуха слова:
«Вот извивается кустарничек пушистый!
Вот нечто и еще, – как будто холмик мшистый!
А вот и сосенка стоит нагнувшись здесь!
Пленира! – помнишь ли, как быв в жару я весь,
Поцеловал тебя под сосною такою?»

«Любезный! – с тех-то пор считаю жизнь прямою;
Да, – этот поцелуй, который ты мне дал,
Как самый сладкий сот, в уста огнем втекал;
Нет; я люблю, – люблю тебя безмерно».

«И я люблю, – я все люблю в тебе... и верно, –
Так он с улыбкой говорит. –
Смотри! – какой прелестный тамо вид? –
Смотри! как бел снежок, покрывший все поля?
Но шейка для меня – милее их твоя;
Вон! – яблонь под окном стоит!
Она прелестны яблоки родит;
Но нежности твои, – но груди наливные
Милее для меня, чем яблоки такие;
Ах! – скоро ли, мой свет, дождемся мы весны,
И скоро ль вместе мы стада пасти должны? –
Вон тот! – вон тот лесок, где стадо отдыхало!
Теперь без тени он, – не манит он нимало;
Придет весна, – тогда он будет зеленеть;
Приятной пустит дух, – тут будет птичка петь;
А мы, овец в него пригнавши, – сядем сами
И будем тамо все смеятся между нами;
Там станем говорить: «Как нам скучна зима?
Как грустно было все?» – Ты ведаешь сама. –
Спешат часы любви, – спешит весны дыханье,
Вновь слышится меж уст дрожащих целованье;
Приближься, свет, ко мне! – как я люблю тебя? –
Не рано и теперь потешить нам себя;
Так поцелуй меня, – весну зимой любя!»

«Ну! – эх! Дамон! – см...отри! – косынка ведь упала», –
Вздохнув, Пленира отвечала.

248. ИДИЛЛИЯ. УНЫЛЫЙ МИРТИД, примечающий надежду в глазах пастушки во время собственного ея праздника

Теперь сквозь свет зари багряный
Лежавши на лесках туманы
По синей тверди понеслись;
Теперь пернатые, взвившись,
Друг дружку томно поздравляют;
Теперь блеющи поспешают
Стада пастись на муравах;
Теперь не спит свирель в тенях;
Уж песни слышны на холмах. –

Прекрасны, веселы и скромны
Часы пурпуровой зари!
Один *Миртид* в печали томный,
Седя на холмике вдали,
На арфе строя песню тайну,
Подругу грусти обычайну,
И свежесть черпая часов,
Излил такую душу слов:

Он берет арфу и поет.

«Как мил? – как мил сей день прелестный! –
Но мне лишь горести совместны;
Мне сетовать лишь должно – да;
Пусть *Дида* день сей торжествует!
Ах! – пусть она весь век ликует!
Пусть радуется навсегда!
О *Дида!* – будь счастлива вечно
И побеждай сердца конечно! –
Узрев тебя, кто устоит? –
Узрев тебя, – кремнистый камень
Издаст красноречивый пламень;

Нет, – все твою власть ощутит;
Живи победами венчанна,
Сама быв вечно постоянна!
О ангельское существо!
Царица сердца! – не твое ли
Теперь грудь движет божество
И мне вдыхает песнь веселий!
Так, – я пою, – но вдруг немею
И гнева твоего робею».

Еще *Миртид* пропеть хотел,
Как вдруг пастушку он узрел,
Подобно как бы сын пустыни
Зрит с неба милый зрак богини. –
Как май, тиха, как цвет, мила,
Чрез красно поле *Дида* шла. –
Услыша на холме стенанье
Остановляется в молчанье. –
«Кто вопит тамо, – говорит, –
Кто имя там мое твердит? –
Или *Миртид*? – что так ты скучен?
Не нимфой ли какой размучен?
Иль огорчен ты кем, певец?
На знаешь ли ты ключ сердец
И не вотще ли воздыхаешь? –
День ныне мой, – ужли не знаешь? –
Иль мнишь, – гневна я на тебя?
Напрасно мучишь сам себя».

Здесь Миртид сходит с холма.

Мирт⟨ид⟩

Так ты смягчилася, прекрасна!
Царица сердца вечно властна;
Как я доволен утром сим! –
Я не грущу: я прославляю

Все то, что только обожаю.
Вот Ангел твой с венцем златым
На розовых лучах слетает!
Я зрю его – он средь зыбей
Тебя крылами осеняет
И нежно веет меж кудрей. –
Не ощущаешь ли новейшей
В груди ты свежести чистейшей?

Растущая любови дщерь!
Ах! как прелестно ты теперь
В девичьей чистоте сияешь? –
Но ты взор милый отвращаешь
И презираешь дар сей мой! –
Достойнейшая жертвы *Дида!*
К чему такая строгость вида?
Ах! – отложи гнев прежний свой!
Я здесь невинность обожаю;
Воззри! – я жертву предлагаю.

Дида

Певец! – как мне принять тот дар,
Где может быть подложный жар?
Как мне принять те пышны жертвы,
Где слышу звуки слов лишь мертвы?
Но коль и так почтишь зарю
Ты дней моих, – благодарю.

Мирт⟨ид⟩

Сердечну, – ах! сердечну, *Дида,*
Я дань несу, не блеск лишь вида;
Не презри арфы глас моей,
Хоть сердце во груди твоей
Витиеватей арфы стройной!
Не презри музы! – сердце оной

Нередко бьется при красах;
Оно, – оно в твоих глазах
Дрожит, как миртовый листочик;
Парнасской ведь растет цветочик
Не на песках, не на скалах,
А на нежнейших муравах.
Почтенная! – не презри музы!
Презренье ей – как тяжки узы;
Она бессмертием дарит
Твои достоинства любезны,
Меж тем когда твоя живит
Улыбка рок ея, толь слезный,
И равномерно ей сулит
Бессмертия небесный щит;
Ужли ж дух музы не спокоишь,
Улыбкою не удостоишь?

Твой самый Гений дорогой,
С небес дивясь судьбе такой,
С усмешкой зрит своей прелестной
Безгрешный музы плен, но слезной;
Ах! – скоро тот наступит час,
Как ты оставишь наше поле;
Ужли ж оставишь в гневе нас
И нас не воспомянешь боле?
О! – сколько стану в те часы
Стенать в струнах, лишась красы!
Тогда мой перст в слезах потонет;
Тебя же, – горе мне! – не тронет.

Дида

Толь жалкий глас, толь томный вид
Не тщетно ли меня разит? –
Мне жаль, что вид еще твой слезен!
Но коль мой взор тебе полезен,
В усмешке я не откажу.

Мирт⟨ид⟩

Яви усмешку, – я прошу,
И ясно небо мне излей,
Что светится в душе твоей!
Ты сими обретешь красами
Победы вечны над сердцами;
Тогда, – тогда б я прежний вздох
Прелить в движенье нежно мог
Иль – в благодарные слез токи
За кроткие твои уроки. –
Простри великодушну длань
На толь мою невинну дань
И *мир* скажи хоть не речами,
А токмо нежными очами!
Прости ошибки мне, прости!
Один мне милый взгляд – прощенье;
Одна усмешка – награжденье;
Пусть Бог живет в твоей груди!

Приор со *Хлоей* раз бранился[1];
Но скоро после примирился,
Хоть нимфа такова, как ты,
Имеет лучши красоты,
Певец же, так как он, сильнее,
Чем я – быв ниже и слабее;
Но если ты – – к звездам взлечу,
Себя в *Приора* превращу.

Дида

Когда в *Миртиде* нет тут лести,
То *Дида* – знает цену чести;
Я не дика, – мне мил покой;
Мирюся; мне священ день мой.

---

[1] *Приор*, славный английнский поэт, имел маленькую остуду с своей любезной *Хлоей*, подобно как *Гораций* с *Лидией*.

Мирт⟨ид⟩

Блаженный день! – она тронулась!
Она мне нежно усмехнулась! –
Смотри! – вот где с улыбкой взор!
Пляшите, нимфы! – станьте в хор!
Возможно ль, чтобы нежна *Дида*
Всегда казала строгость вида? –
Как смотрит весело она?
Какая в взорах тишина?
Еще, – еще теперь смягчися!
Еще, любезна, улыбнися!
При смутном взоре свет, как тень;
При радостном и ночь – как день.

Прекрасная! – теперь ты лестна,
Как *майская* роса небесна;
Мила, как роза во саду,
Мила, как лилия млечная,
Какой и в *Темпе* не найду.
Еще тебя я поздравляя,
Скажу: будь счастлива всегда!
Не зри несчастья никогда!
Живи с сих пор ты век не краткой
И будь душею арфы сладкой!
Ты можешь жизнь сейчас ей лить;
Но чем за то тебя почтить?

Здесь Миртид задумывается и как бы в нерешимости находится.

То сердце, что дрожит в весельи
И чувствует число побед,
Которы быстро столь успели
Оставить огненный в нем след,

Меж тем, когда ты торжествуешь,
Душам законы предписуешь, –
Меня не в силах научить,
Что в милу жертву подарить.

При сих словах Миртид осмеливается взять руку Диды и, поцеловав ее, продолжает.

О *Дида, Дида!* – без препоны
Поднес бы я дары *Помоны*
Или *Церерины* плоды.
«Но не минутна ль жертва? – скажешь ты. –
Пусть сим почтут меня другие!»
Так, – жертвы я возжгу иные;
Я приношу для дня сего
Бессмертье титла твоего,
И, чисты жертвы воскуряя,
Блаженства дням твоим желая,
Я сердце арфы отдаю
В девическую власть твою,
И сам паду без лести вида
К твоим стопам, о нежна *Дида*!

Дида

Миртид! – я твой приемлю глас;
Но лучше слушать мне тот раз,
Коль сердце лишь твердит твое
Ученье скромное мое. –
О! если бы *Миртид* постигнул
Себя – и силу оных чувств,
Что слышны из девичьих уст! –
Тогда б – далеко он проникнул...

249. ГРУСТЬ В РАЗЛУКЕ С ЛЮБЕЗНОЙ

О мысли, – мысли вы печальны, –
Представьте вечера часы,
Как *Дида* скрылась в долы дальны
И унесла с собой красы!
Ах! – как стесненно сердце млеет?
Как томный зрак с тоски бледенеет!

Да, – я внимал ея веленье
Из алых уст в сей горький час,
Чтоб в толь несносном разлученье
Возвысить мне плачевный глас;
Ужли ж мне быть спокойну должно!
Ужли в свирель вздыхать не можно?

О горестны мои минуты,
Бичи ужасны томных дней!
В вас, – в вас нашел я жребий лютый!
Как солнце скрылось под землей,
Увы! – и *Дида* с ним сокрылась,
Подобно солнцу, закатилась.

Ах! *Дида*! – правда ль, что избрала
Ты ввек убежище сие
И новой *Элоизой* стала,
Спеша в святилище свое?
Ужли прощанье вечно наше,
Тогда как ты стремишься к *Саше*?

Так, – я дрожащими руками
Схвативши белу длань твою
Лобзал горящими устами,
И, боязнь ощутя свою,
Я мыслил, что лобзанье мило
В последний раз в ту пору было?

Так, – *Дида* быстро улетает;
Пускается в пустынный путь;
Ни зной, ни хлад не устрашает,
Что будут дуть в прелестну грудь;
Не страшен ей ни ветр полночный,
Ни встречный бурный ветр восточный.

Я долго, – долго, провожая
Слезящими глазами след,
Смотрел, – и тайно воздыхая,
Ловил очами свой предмет;
Но слезный взор к моей кручине
Блуждал в мерцающей долине.

Сам видел я в то смутно время,
Как умалялся вид колес,
Несущих драгоценно бремя,
И видел, как сей вид исчез;
Он чуть, – лишь чуть вдали мелькает;
Вмиг холм – вид мелкий закрывает.

А в этот миг – и луч склонился
В вечерни хладные струи,
И мрак с тенями в луг ложился,
Чтоб нимфы вовсе скрыть стези;
Так пусть же сумрак сей слетает
И в сердце сумрак умножает! –

Пусть тщетно рок оплачу ныне,
Коль сей цветок определен
Другой счастливейшей долине!
Знать, – в гроб я с плачем осужден!..
Пусть одаль сферы сей вздыхаю,
Где в мыслях Ангела встречаю!

То Ангел; – *Дафны* и *Дориды*
Блестят, как звезды, красотой;
Но в них не видно милой *Диды;*

Нет глаз тех; нет усмешки той;
Нет олтаря в груди желанной;
Чего-то нет, что несказанно...

Ах! – всякая крушит разлука;
Разлука с другом – жизни яд;
Но с девушкой, – но с *Дидой* мука;
При ней всё рай; – без ней всё ад. –
Вот, пастухи! – кого лишаюсь! –
Скажите, – правильно ль теразаюсь?

Скажите, долго ли обратны
Колеса здесь не зашумят?
Ах! – долго ли красы приятны
Опять меня не озарят? –
Спеши! – спеши, сия минута!
А ты – пройди, разлука люта!

Я первой выду – и знакомых
Коней ретивых различу,
На крыльях ветерка несомых.
«Она, она, – я возвещу, –
Она, любезная, явилась,
К богам домашним возвратилась!»

На вы, холмы, – и вы, стремнины! –
Когда чрез вас она идет,
Преобратитеся в равнины!
Пусть под ея стопой растет
Фиалка с лилией душиста
И нежна мурава пушиста!

Вы, бурны кони, не дерзайте
Отнюдь смущать ея стезей
И пыльных вихрей не вздымайте
Во вред красам и в гибель ей! –
Богиня едет чрез равнины –
Богиня моея судьбины.

А ты, – хранитель, дух небесный!
Будь стражем всех ея путей!
Заставь, чтоб птички лишь прелестны
В путях порхая пели ей! –
Мне смерть – ея путь видеть слезной...
Но ах! – не знать еще любезной!

250. ТОСКА ПО НЕЙ В УЕДИНЕНИИ

Прости, прости, драгая *Дида*! –
Уж я теперь навек лишен
Того возлюбленного вида,
Которым столько был пленен.

Уже не буду просыпаться
Теперь с надеждою такой,
Какой мог прежде наслаждаться,
Чтоб паки видеться с драгой.

Уже не буду я с тобою,
Как прежде, по полям ходить
Или в лесочках над рекою
Цветки рвать, бегать и шутить.

Уже не скажешь ты с улыбкой,
Чтоб я носил к тебе весной
Из роз пучок иль венчик гибкой
Для груди твоея драгой.

Не буду и упрек твой нежной
Девический отсель внимать,
Ни самый гнев – но безмятежной –
С охотою претерпевать.

Ах! *Дида!* – сладко мне бывало
И в гневе даже зреть тебя;
Сие мне ясно открывало,
Что огорчалась ты – любя.

О! сколько раз внушить старалась
Мне скромность милую свою,
И сколько раз ты оскорблялась
За переменчивость мою?

Я всё забыл в путях злосчастных;
И вот! – ужу наказан я! –
Уже не чуть сих уст прекрасных;
Лишь в месть осталась страсть моя.

Ты некогда клялась сердечно,
Чтоб год за дерзость в казнь молчать;
Любезная! – не год, а вечно
Молчаньем можешь наказать.

О! – проклят будь тот день рожденья,
Когда дала природа мне
Способность быстру ощущенья,
Чтоб таять в роковом огне!

Увы! – на то ли я, несчастный,
Тебя увидел в первый раз?
На то ли в стены шел прекрасны,
Чтоб столько там найти зараз?

Как тяжко с гневной разлучиться,
А вечно к девушке гореть! –
О гроб! – в тебе, знать, поселиться,
Чтоб вида милого не зреть!

Но что я вижу пред собою? –
Вид *Дидьı*! – как он строг? – вот он!
О призрак, страшный красотою?
Ты ль в груди обновляешь стон?

Ах! призрак! – отлетай скорее,
Коль любишь ты еще себя! –
Мне мрачный гроб теперь милее:
Беги, чтоб я забыл тебя!

Как? – мне забыть – тебя, прелестна!
Я сам себе не откровен;
О *Дида*! – красота небесна!
Прости ты мне! – я изумлен.

Ты и тогда, – когда забудешь
Певца девичьей красоты, –
Навек в моей душе пребудешь;
Последний вздох мой – будешь ты.

Но я дерзну ль спросить, драгая? –
Помыслишь ли о мне когда,
Хоть жалость некую питая? –
Нет, – может статься, – никогда.

Чу! – колокол звучит протяжно! –
Не смертный ли то звон зовет?
Кого? – меня ль зовет он важно? –
Готов! – се час разлуки бьет!

Да, – я лишен драгого вида:
Беги, слеза, в моем пути! –
А ты, – божественная *Дида,*
Прости! – в последний раз прости!

251. ОТЧАЯННЫЙ ВОПЛЬ ВЛЮБЛЕННОГО *МИРТИДА* К МУДРЕЦУ

Увы! – отец мой! – я страдаю, –
Я рвуся, – мучусь, – унываю:
Сражен я от сердечных стрел;
Покой из груди улетел;
Уже мятется сердце страстно
И больше над собой не властно;
Где прежде тихий свет сиял,
Там огнь порывный запылал.

Я стал влюблен, – я в жалком плене, –
Я в сей не тот уже премене;
Влюблен; – в кого? – дерзну ль сказать?
Я должен токмо обожать. –
Довольно; – я от страсти таю
И в лютой страсти сей питаю
Еще в себе лютейшу страсть –
Отчаяние; – о напасть! –
Смущен молчаньем быв прекрасной,
Но страсти предан быв ужасной,
Я дни стремлюся прекратить
И вольность в гробе получить.

Отец и друг! – се поспешаю!
К твоим объятьям прибегаю;
Ты зришь весь ад в моей груди;
Ты зришь; – суди ж меня! – суди! –
Но если тронешься вздыханьем,
Отчаяньем, – тоской, – стенаньем,
Ужли начнешь меня винить,
Как *нравов бич* в сей слабой части? –
Нет, – ты начнешь меня судить,
Как нежный друг, в сей нежной страсти.

Друг мудрости! – твой кроткий глас
Сильней *софистов* во сто раз;
Смири чудовище жестоко,
Гнездящееся в груди глубоко! –
Иль дай меча мне своего
Из сердца истребить его! –
Иль сам цели те раны люты
И тихи возврати минуты! –
Цели! – готова грудь моя;
Увы! – смерть близко; – вяну я.

252. ЛУЧШАЯ НАДЕЖДА *МИРТИДА*

О счастливые светилы,
Протекайте надо мной! –
Протекайте, горни силы,
В кротком мире над главой!

Вы зиждители волшебны
Драгой участи моей;
Вы, – вы вняли глас душевный
Не в слепой любви, – прямой...

Сашинька мне уступила
Руку с сердцем; – что еще? –
Счастьем вечным наградила;
Сердце бьется; – речь вотще.

Сердце кровью облилося;
Замираю – цепь на нем;
Знать, в восторге млеть пришлося;
Знать, молчать – теперь я нем.

253. УТЕШЕНИЕ ЕЙ

Завсегда ли небо тьмою
Покрывает тихий свет?
Завсегда ли грусть с тоскою
В сердце тронутом живет?

Ты вчера – я зрел – крушилась
В чем-то, *Сашинька* моя,
И, как солнышко, сокрылась;
Тут – остался в мраке я.

Ах! – уныние напрасно;
Все оно, как тень, минет;
Будет день наш – будет ясно;
И любовь – всё превзойдет.

Если небеса сияют
В голубых очах твоих,
Ах! – почто их облака смущают? –
Пусть яснеет мир средь их!

Пусть в очах судьба бесслезна
Дни мои распределит! –
Лишь внемли, моя любезна,
Что нам сердце говорит!

254. СЛАДКОЕ ОПРАВДАНИЕ ПРЕД НЕЮ

Не вини меня, драгая,
Что я медлю поспешить
И тебе свой долг явить! –
Не сия вина, – другая.

Те, – которые не знают,
Сколько тягостно терпеть,
Что к тебе нельзя лететь, –
Хладнокровно мне внимают...

Сашинька! – как оперюся
И как крылья получу,
Тотчас, – тотчас полечу
И с тобою – обоймуся.

255. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ЧАС ЛЮБВИ МИРТИДА
в конце июля

Так точно; – и небесна *Дева*,
Гордяся в красоте своей
Плодом весеннего посева,
Спешит объять светильник дней,
Как друга сердца своего.

И ты, – и ты, моя любезна,
Подобно ей, в красе цветешь;
Подобно ей, зрела, прелестна;
Ах! – ты с улыбкою прижмешь, –
Дрожа прижмешь – кого! – о счастье!

Как сердце бьется? – час стремится
Пред олтарем с тобою быть,
Где клятвы глас наш возвестится
Быть верным, – пламенно любить! –
О Небо! – услади наш жребий!

256. ДУШЕГРЕЕЧКА МИРТИДА

Руку с сердцем принимая,
Я с тобой рок обожал;
Сердце к сердцу прижимая,
Я в восторге трепетал.

Но еще ты не открыла
Тайны сердца своего,
И не все ты осушила
Слезы взора моего.

Коль же скоро обнажила
Тайну груди предо мной!
Ах! – какую возвратила
Ты утеху и покой.

Прочь, остудные внушенья!
Я навеки вас кляну;
Прочь, снедающи сумненья!
Я лобзаю тишину.

Что в наветах? – их не трушу;
Победил уже их я;
Ты мою согрела душу,
Душегреечка моя!

Приложи ты руку милу
На мою грудь теплу вновь!
И почувствуй страсти силу,
Что лелеет в сердце кровь!

Свет холодно рассуждает
О судьбе младой четы;
Что о ней ни заключает,
Сквозь стекло лишь зрит мечты.

Пусть парит наш страж небесный
Там, где только ты и я! –
Дай же поцелуй прелестный,
Душегреечка моя!

257. НЕБОЛЬШОЕ ТЕРПЕНИЕ МИРТИДА

О природа, мать любови!
Для чего в жару минут, –
Как в моей кипящей крови
Силы страсти восстают, –
Для чего ты отнимаешь
Тайный ключ желаний тех,
Где толь нежно сокрываешь,
Как *Пандора*, сохраняешь
Цель надежды и утех? –
Разве ключ сей обновляешь!
Разве тем приготовляешь
Нежной страсти дальний путь! –
Но увы! – как ноет грудь? –
Где к победам бы стремится,
Там мне должно, – ах! беда!
Тылом с поля обратиться;
Знать, – терпеть, – терпеть тогда, –
На луну роптать всегда!..

Дополнения

РАННИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

8

загл. *Отд. изд.* *⟨1797⟩*

ДРАММАТИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II В ТРЕХ ЯВЛЕНИЯХ

Эпиграф ⟨нет⟩

После загл. *Содержание*

В 1 оплакивается кончина несравненной
Государыни.
Во 2 открывается утешение и надежда.
В 3 изображается радость при воцарении
ПАВЛА I.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хор

1–82 Плачь! – плачь, Россия изумленна!
Бей в перси, область пораженна!
Вздыхай, Кавказ! стони, Рифей!
Почт лить реки? – слезы лей!
Ты, бездна льдиста, расступися
И в слезно море расстопися! –
Увы! – погас в полнощи свет! –
Нет здесь царицы вашей; – нет!

Трио

Как ясно лучезарной
Звезды полярной
Над вами свет горел? –
Как ясно свет царицы
Огнем денницы
Над вами пламенел? –

Хор

Увы! – туман с седой росою
Покрыл сребристый лик слезою
Звезды полночной средь небес;
Увы! – сень смертна с током слез,
Как влажна ночь на холм пустыни,
Спусти́лась на чело богини.

Трио

И так Астрея оставляет
И все с собою в гроб скрывает!
О росс! – вздыхай!
И так нет Северной богини!
Нет больше мудрой Героини!
О росс! – рыдай! –

Квартетто

О росс! – она не все скрывает;
Се! дух благий сквозь гроб блистает!
Се! – матерь свет чрез сына льет! –
Астреин в ПАВЛЕ дух живет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хор

Прости, – божественная тень!
Прости до славныя зари,
Где добрые с тобой цари
Зреть будут невечерний день! –
Мы видели твой вечер ныне;
Ах! – видели в слезах сей час...
Но уступи нам утро в сыне! –
Се! – новый свет возник у нас! –

Трио

Не вечен вечера сумрак;
Не вечно слезный час мерцает;
Надежда в ПАВЛЕ светлый зрак,
Как солнце, в норде возвышает. –

Хор

Сын Астреин! – воссияй!
Облекися в багряницу!
Озари полночный край
И яви с росой денницу! –

Трио

Ах! – не плачь, не плачь, Россия!
Лей потоки слез иные,
Слезы радости живые! –
Скоро, – скоро возблистает
В первых перлах злак полей;
ПАВЕЛ Первый украшает
Царски мышцы, как зарей,
Багряницею своей. –

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Хор

Днесь в червленую одежду
ПАВЕЛ облечен грядет
И с усмешкою надежду
В полном свете к нам ведет.

Трио

О надежда! – осклабляйся!
ПАВЕЛ шествует на трон,
И при первом шаге он
Пишет милостей закон. –
О надежда! – возвышайся!

Хор

Славься, ПАВЕЛ и МАРИЯ,
До вечерния зари
И струи лучей живые
От престола к нам простри!
Славься, Августейше племя,
И умножь ПЕТРОВО семя,
Как на небе путь млечный,
В честь и славу сей страны!

Трио

Север, вечер, юг, восток! –
Осушите слез поток!
Не слезитесь, бездны льдисты!
Не стони, Рифей камнистый!
Не крушись, крутый Кавказ!
В норде новый свет вы зрите;
Горы! – двиньтесь и скачите!
ПАВЕЛ Первый – Царь у нас.

18

загл. Автограф ИРЛИ НОЧЬ МАРТА 1801 ГОДА

7 Как тайны ветры над водою

25–28 Встают из бездны тучи хладны;
Сгущают в небе темноту;
Как вранов мчатся сонмы гладны
Сквозь тусклу тверди высоту.

37 Слезится втайне и багреет

между 47 и 48 Ты видишь образ нощи сей.

50 Когда над Цесарем шипела

52 Когда под сим же зодиаком

54–55 Он зрел зарю – и вечным мраком
Покрылся в Капитольи он...

79 Чей слышится во мраке вздох? –
80 О рок? – проснись! – се час, – час лютый

82 Не слышишь ли в сии минуты

85 Не ведаешь ли, для чего?
88 Того, кому в недавны лета
92–95 Того уж нет; и Смерть, касаясь
До трона хладною стопой,
Хватается, не содрогаясь,
Железной за него рукой.

96 Таков, Россия, век сей новый

101 Вдруг фиалом возгремел

105 В гармоньи новой по зыбям

109 Носимые в лучах денных

111 Вздрогнувши исчезают вмиг.

112 Се власть веков необоримых

120–139 Так шар огнистый в час сумрачный,
Топленой меди сыпля свет,
Выходит из-за рощи злачной;
И, мнится, холм и дол сожжет;
Но дальних гор он не хватая,
Летит, шумит, кипит в зыбях
И, дождь огнистый рассыпая,
Вдруг с треском гибнет в облаках.

Так; – нет его... он познавает
В деннице ранний Запад свой;
Он со[л]нца здесь не созерцает,
Он оставляет прах земной.
«Прости, – он рек из гроба, мнится, –
Прости, Россия! – Се конец...
Пусть в Александре вам родится
Благий отечества отец!» –

29

загл. Архив графов Мордв.

ОДА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ И САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ НА СЛУЧАЙ БЛАГОПОЛУЧНОГО СПУСКА 110-ПУШЕЧНОГО КОРАБЛЯ, ИМЕНУЕМОГО «ГАВРИИЛОМ», ПРИ КОЕМ СЛЕДОВАЛА ВЫСОЧАЙШАЯ ВОЛЯ ДОВЕРШИТЬ И УТВЕРДИТЬ НОВОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ОКТЯБРЯ 3-го ДНЯ 1802 ГОДА

С глубочайшим благоговением посвящает верноподданейший Семен Бобров, Государственной Адмиралтейств коллегии переводчик коллежский асессор.

1–2 И там, где чтилось все ничтожным,
И суетным, и невозможным

4–5 Как мчится в бездну мыс лесистый,
Счастливо делит вал сребристый

8–9 Пред росским Озиридом новым,
Там рощи, преклоня главы

13–24 Но вскоре, как душа сокрылась,
К порядку ревность охладилась;
Исчез торжественный предмет,
Все без души там мертво стало,
Все в прежний хаос свой ниспало,
Все там себя не узнает.

Здесь Петр вещал в зарях порфирных,
Подобно Зевсу с гор сафирных:
«Как? где, предвидя важну цель,
Судил я строить новы флоты,
Там ныне странны обороты –
Там гроб, где флота колыбель.

между 24 и 25 Престали там кормы отважны
Катиться ныне в бездны влажны;
Там лишь развалины висят,
Иная мшистый кров склоняет,
Другая землю раздавляет,
Ища могилы среди блат.

27 Ах, вспомяни потомок мой

34 Стоят хранилища удобны

36 Там зиждут корабли, там скат.

40–42 Секира и резец живой;
Там жизнь приемлют вещи дики
Под механической рукой.

между 42 и 43 Теперь не в тысяче, как прежде,
Но во сте здравых рук к надежде
Счастливейших плодов стократ
Блестят орудия прекрасны,
Со вкусом, чисты, прочны, ясны,
И малым большее вершат.

43–48 Что в двадцать лет бы совершилось,
То вмале вновь осуществилось.
Столь важно царску мысль хранить
И с сею мыслью в путь стремиться,
Нестройну смесь устроить тщиться,
И труд трудами победить.

54 И света не откроет нам?

55 Так, мудрость с трона возвещает,
Что брег сей паче воссияет

64–66 Тот зрит, что днесь гора ужасна
Бежит в пучину безопасна –
Несет громаду бездны бог.

77 Грядет Праматери стезями

79–84 Хваля всесильную судьбину,
Что твой ковчег нисшел в пучину,
Открыл сокровище он нам;
Он рек: «Да брег гранит связует,
Облегши брег препоясует
И посмеется вод зыбям!»

85 Небесный дух! когда у брега

90 Но в радужный спокойный свет

36

загл. Собеседник. 1784 ДЕЙСТВИЕ И СЛАВА ЗИЖДУЩЕГО ДУХА

вм. 1–81 Чудясь деяниям, с трудами сопряженным
И с поражающим успехом совершенным,
Вопросим, кто их быть причиною сужден?
Кто тот, которому мир внемлет, изумлен?

Восток, Юг, что от нас пучины отделяют,
И Запад с Севером согласно отвещают,
Что изумляет их деяньями тот дух,
Кого шлют небеса для перемен в сей круг;

Что тамо истина сидит со важным зраком,
Где прежде из людей сосала кривда кровь;
Что мудрость кроет там путь одаль мягким
злаком,
Где грубость двигала навислу страшну бровь;

Что там великие построены кормила,
Где прежде лодочка пловцам еще претила
Ступать по тропикам, круг полдней рассекать
И с Севера на Юг чрез зыбь морску шагать;

Что там град пышный, где была пустыня дика,
Что тверда суша там, где жидь была велика,
И жирны долы там, где высилась гора.
Не зрим ли, что тому дух зиждущий вина?

Он в свете действует, дух яко всемогущий,
Который некогда, над тусклой смесью сущи,
Во пышной стройности из оной мир исторг
И тягостный чрез то ей причинил налог.

Он кроткою стезей шел против зол нежданных,
Когда правления корабль *славянов* бранных
Пороков черный зев готов был поглотить
И купно Север с ним в глухой ночи сокрыть.

Чрез мудра старца он, зря, что блаженство
сбыло,
В *варяжских витязях* соорудил кормило,
Которо повело корабль в тот тихий путь,
Где старые следы их счастья видны суть.

Сим духом двигнут был *Владимир* велемочный,
Когда с небес призвал он веру в край полночный,
Что древле был пустой мечтою обольщен
И благодатныя надежды был лишен.

Он, вздохам Севера трехвековым внимая,
Сломил рога Луны, пятой их попирая,
И вольность, коей росс неправо был лишен,
Навеки возвратил, стряхнув ярмо с рамен.

Он в *Иоанне* был, царе необоримом,
Что горду встока часть сразил огнем и дымом.
Печальна Волга, кровь надменную крутя,
Давно ее снесла во славные моря.

Но чий сияет дух средь теней сих спокойных?
Великого ПЕТРА, кому нет хвал достойных,
В ком чудотворный дух чудесная явил,
Кто затверделы льды цветами украсил.

Се дух благий! Он был, как Бога дуновенье,
Которо по зиме сквозь серо испаренье,
Сквозь мрак колюч и сквозь дождь сребряный лишь дхнет,
Тогда исходит к нам златообразный свет.

Он, зря печальной мглой объятый Север льдистый,
Открыл средь мрачныя полуночи свет чистый.
Грядущий помнит род, что оный новый бог,
Соделал во живых и что впредь сделать мог.

Сей образ божеский мы зрим в *ЕКАТЕРИНЕ*.
Он столь величествен в сей северной богине,
Что, мощию своей объяв почти полсвет,
Преобращает все и вид другой дает.

Она, премудрости законы изливая
И счастье подданных повсюду созидая,
Готовит памятник незыблемый себе.
Се Присносущего род сущий на земле.

Ея дух зиждущий царей всех превосходит
И в удивление собой весь свет приводит,
И миром и войной везде она славна
И Богом к счастию россиянам дана.

Но что ж? ужель все то внезапу исчезает?
Нет. Эхо громких дел потомства даль пронзает.
Хоть современная в том зависть и претит,
Дух к роду поздному грядет и там гремит.

Он обаянных душ тьмы тамо собирает
И всеми оными, пружина как, играет:
Его единый миг им служит во закон.
Не сим ли Обелиск сооружает он?

Но тем всегда ль, рекут, свет поздый награждает?
Как?... разве мало, что он свет перерождает?
Поверьте, что сей дух не умрет, свергнув прах,
Труды его при нас, хоть сам он в небесах.

Се вам свидетельство, полночных стран владыки!
Они, сверша свои намеренья велики,
Живут еще поднесь, оставя вечной слух.
Блаженна та земля, где есть творящий дух.

37, 39, 41, 42, 43.[1]

загл. *Отд. изд.* 1793 — СЛАВА РОССИЙСКИХ ИРОЕВ, ОЗНАМЕНОВАВШИХ СЕБЯ В ТЕЧЕНИЕ 1788 ПО 1792 ГОД. ПОБЕДНАЯ ПЕСНЬ

⟨37⟩

9 Давно дым с искрами клубится

15–16 Пред ним Цибела цепенет,
Сраженная тоской немеет

23 Другую в севере на Двинских

29 Что бурный бог простер средь нивы

39–40 Что, преклоня главу смятенну,
Стенет от топоту копыт...

46 Но пламень в духе соблюдая

53–54 Как Марс, летит среди Ироев,
Не содрогаясь от стремнин

59 Всех прежде славну смерть вкушают

64–68 Трофей устроил средь валов
Почетши смертью жизнь в неволе,
А смерть бессмертьем числя боле,
Сам воспаляет серный прах;
Лишь жупел роковой вспыхает

73–80 В полнощи звук трубящей Славы
И звуком в море бывши зван,
К волнам Евксинским поспешает,
По росской славе поборает

---

[1] Эти пять стихотворений первоначально составляли одну пространную оду.

И, северный перун прияв,
Суда срацински поражает,
То в плен влечет, то сожигает,
На твердь высоку их подъяв...

85–88 Се тот, что Кинбурн избавляет
И умысл Порты упраздняет;
Се тот, что, Рымны берега
С долиной низкой уравняя

94–95 Срацин средь дебрей у равнин;
Он меч для отдыха влагает

104–110 От россов скрывшися в дали;
Вотще Коран свой возвышает,
Вотще Пророка ублажает
И помощи от Мекки ждет;
Гассан тогда недоумеет,
Скрежещет, рвется и немеет

112 В Рымникски волны погруженны

114 Крутятся на седых зыбях

118–120 Сам Феб кровавый взор бросает
И свет вечерний уклоняет
За рдеющий Вселенны скат...

⟨39⟩

1–7 Как? – может ли тот вождь Ироев,
Грядущих похвала времен,
Нептунов спорник, крепость воев,
В числе Ироев быть забвен?
Тот вождь, что старость забывает
И гордость гофов низлагает?
Увы!.. уже почиет он...

11–17 Кто средь Балтийския пучины
Грядет за ним отважно вслед?
Не тот ли, что достиг седины,
Великих осьм морей прошед,
Которому сам враг дивится,
Как он рассыпать их стремится,
Питая под сединой жар.

20–28 Свергает с сильных мышц удар.

Морские строя хитро громы
Среди готландских бурных волн,
На крылиях орла несомый,
Разит врагов, чиня урон,
Которые, недоумея,
Бегут пред ним оцепенея;
Но гоф лишь меч пред ним воздвиг,
Он в ярости врагов постигнув

31 У тихих ревельских брегов

41–50 ⟨*нет*⟩

55–57 Поля вечерни орошая
И лавры гофов извращая?
Не тщетно ль гофов богатит

60 Не убоится наш Алкид!..

64–65 Но сильный чувствуют отпор;
Хоть хитры вмышляют ковы

71–80 ⟨*нет*⟩

⟨41⟩

1–6 Вдруг туча северна проходит,
Над бурным Бельтом гром молчит,
Ирида мир на холм выводит,

И дождь железный не шумит.
Но в Юге что за гром внимаю?
Ужель подвигся он к Дунаю?

11 Раздайся ты, Дунай смятенный

15–16 Се ружий ржущий лес ступает,
Измаил стоном наполняет!

28 Попранны росскими стопами

30–51 Лишенный *Меллер* храбрых чад!

О племя храброе, стояще
При праге золотом небес
И ратны громы долу зряще,
Как малый искрометный лес!
Хоть рано в вечность ты взлетело
И града жребия не зрело,
Но зри! Дыша геенским ртом,
Твердыней дикой оградяся,
Сей град пред россом лег, бияся
Изрытым молнией челом.

Возникни, муза распаленна,
В среду тех молний, где парит
И трубит Слава воскрыленна,
И громом гром своим живит!
Доколь багровые туманы
Покров спускают в Юге рдяный,
Трубу приемли всякий час,
Чтоб вкупе мы могли звук Славы
И брани громы величавы,
И твой внимать иройский глас.

Или когда ты столь блаженна

55–59 Играющих перед очами
Кривыми под тобой стрелами,

Сама пия лишь Фебов блеск
И зря над ними твердь спокойну,
Прийми во длань ты арфу стройну

62 В железнах страшных временах

67–75 В полденных дальних облаках,
Хотя летят тобой внушенны,
Твоим копьем вооруженны,
Ирои в море и полях.

Но зри!.. Цибела пред тобою,
Колена робки преклонив,
Стенет, томимая Судьбою,
Вздыхает, токи слез излив;
Ея чело печаль являет

81–84 Ты духом огненным волнуешь
Полночных воев бурный дух
И громом их опоясуешь,
Да потрясут надменный Юг

87–89 Но, о ужасно божество!
Тронись Цибелы ты слезами,
Тронися томными мольбами!

⟨42⟩

5–6 Сокрой навек Эгид свирепый
Среди ущелий диких гор!

9–10 И ввек оттоль стопы багровой
Не износи! о Марс суровой!

12 В кладбище слезно претворил

14 Под мшистым дерном ты сокрыл;
Коль преложил Дунай стенящий

18–20 Преобратил ты черный Понт:
Ужель еще не утомился
И кровью ты не упоился?

23 Где средь мучений всех душевных

30 Супружних ищет членов спящих!

34–40 Средь тучных нив ни пролетал!
Чудовище! где ни касался
Ты бурною ногой своей,
Во мрачный гроб преобращался
Там твой торжественный трофей,
Трофей, на трупах утвержденный,
Не к жизни смертных сорýженный!

41 Скажи ж, кто гроб в трофей вменяет

47–61 С отвагой топчет, осклабляясь,
Враждебных трупов холм крутой? –
В Ироях российских то находим,
Когда на россов взор возводим!

Копьем росс право потрясает,
Когда Паллада правит им,
По праву громы извергает,
Разит срацин ударом сим!
Напрасно Порту обольщая,
Юсуф гордящийся спешит
Перелеть валы Дуная
И наш удар предускорить:
Репнин его путь предваряет,
Спешит и ветры презирает.

Средь нощи тенью облеченной

65 На крильях молнии несомый

67 И рвеньем пламенным жегомый

72 На холмы сто других холмов

75–120 Зевес, мятежем раздраженный,
Колебля молний сноп, гремит
И их утесы взгроможденны
Гробницей страшной им творит! –
Так россы агарян сражают
И с гор гигантов их свергают!

Там зрю дым синий на стремнинах
И внемлю ядер свист в полках,
Гремят там громы на вершинах
Во искривленных полосах;
Там турк не прежним опрометом
Летит на северных орлов,
С отважным и живым полетом
Лукаво мещет гром с холмов;
Но Року быв порабощенны,
Возмогут ли стоять смятенны?

Возмогут ли превысить льстивы
Мечты сновидящей Луны
Чертеж Ироя, ум счастливый
И дух великий средь войны?
Напрасно янычар гнездится
В шумящих дряхлых тростниках!
Туда свинец наш быстро мчится,
Свистит в дрожащих камышах;
Тростник валит, тростник взрывает
И турков, как тростник, сражает.

Уже срацины низложенны
Толпой в роскошный рай парят,
Где гурьи раны их разженны
Среди пуховиков целят;
Но гордый солнца брат темнеет,

Презревши рай земный, сераль,
Раб Рока, изумлен, немеет,
Надежды не предвидя вдаль;
А наш Ирой превыше Рока,
Попрал полмесяц и Пророка.

Но если шесть крат облекалась
Земля в прелестные цветы
И шесть крат кровью обагрялась,
Лишенна прежней красоты,
Колико ж верных под мечами
С врагами пало на полях!
Колико ратных меж кормами
Погрязло в яростных волнах! –
Дрожит Природа! – млеет лира! –
О сниди, *мир*! – блаженство мира!

⟨43⟩

6–18 Паряща Слава на крилах
Покрыла звучными крилами
Вот там почиющ бренный прах!
Хотя Природа возрыдает,
Ирой ваш прах возвеличает!

Вы рано к тверди удалились
От ратной братии своей
И долу здесь не насладились
Воззванным миром между ней! –
Сойдите, тени присносущны!
Сойдите к нам во облаках
И, бывши духом соприсущны,
Приближьтесь с арфами в руках!

21 О ты, что дышеши смертями!

24–32 Созревшей жатвою златой!
И вспомни, что в сие же время
В прешедший год ты лег в снопы!
В сии ж часы ты ратно бремя,
Сложивши, прековал в серпы,
Как россы с гофами мирились
И вечный мир блюсти решились.

Бог спит! – и *Мир*, уже проснувшись,
Грядет на многоцветный трон!

35–40 Железный град оскудевает,
И кроткая его глава
Венчанна радугой блистает,
Вкруг пальмовы растут древа!
В снопах шумят там желты класы,
Там слышны *нимф* поющих гласы!

45–50 В кровавый рог не трубит Слава,
Зовуща к пламенной войне,
Не содрогается Держава
В своей прохладной тишине;
Лежат в пыли мечи багровы,
Лежат расторженны оковы!

вм. 51–70 Бог спит! – Церера не вздыхает[1],
Что пламенною он стопой
Средь нив путь огнен пролагает,
Но возвращает ей покой!
Она зовет к себе Морфея,
Дабы он бога усыпил
И, средь пушистых недр лелея,
Его в сон вечный погрузил,
Да паки сын ея тучнеет
И в злате больше не скудеет.

---

[1] В *РП* эти две строфы поменялись местами.

Он спит! – *Дамон* уже не внемлет,
Что стонет гром обонпол гор;
Но, шедши в луг, свирель приемлет;
На *нимфу* мещет нежный взор,
Дамон поет, не примечая,
Чтоб молнией гонимый враг
Бежал, во ужасе вздымая
Средь поля под собою прах;
Но зрит одних жнецов с серпами
Между шумящими снопами.

71–74 О ежели бы было можно,
Чтоб бурный бог сей вечно спал!
Чтоб *Мир* в сем мире непреложно
Престол незыблем основал!

79–80 Да уснет он с своей гордыней
Навек пред росскою *богиней!*

38

загл. ОДА НА ВЗЯТИЕ ОЧАКОВА
БГ. 1789

1–6 Уже от Юга тучи рдяны
Поверх Эвксинских вод летят;
В них блещут молнии багряны;
Перуны яры в них гремят;
Но в тучах гром Орлы внимают,
Превыше облак возникают

20 Тогда ж рассеял на зыбях.

30 Неся в руках железный лес.

39–40 И, зря верх моря освещенный,
Подъялись к верху волн седых.

53 Летят крылатые Герои

60 Ступая россы, идут в град.

65–66 Тогда томясь чрез час ужасный
И вздох пустивши град злосчастный

76 И шлем российский надевают

78 Палладу мудру призывают

84–85 Се твой несокрушимый щит!
Твой твердый щит не повредился

87 Но мы, твой твердый щит сокрыв

91 Когда ж сии толпы строптивы

95–100 Богиня! – сниди к нам со славой!
Имев твой щит и меч кровавой,
С тобой луну меж туч попрем
И, новы тучи нагоняя,
Чрез море громы простирая,
Стамбул роскошный потрясем!

44

загл. Отд. изд. 1793 ЭПИСТОЛА ЕГО СИЯТЕЛЬСТВУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ РЕПНИНУ, ЗНАМЕНИТОМУ ПОБЕДИТЕЛЮ ЗА ДУНАЕМ ПРИ МАЧИНЕ

Эпиграф *Sic itur ad astra. – Horat.*
Восходят тако к небесам. – Гораций

2–3 В картине пламенну в горящем Юге рать?
Где то перо, чтоб мог тебя, *Репнин*! я живо

5–7 О если бы переменилось
В пернат перун перо сие!
И в молнию преобратилось

12 Так можно ль кистию дать больший блеск тебе?

14–16 Там кисть была б моя слабей,
Но пусть я свой полет дрожащий
Простру за Славой вслед твоей!

17–29 Когда над ратными полями облак черный
Зияет в молниях и клубом вьет дым серный,
Где в люту прю зовет Мессию Лжепророк
И чает превозмочь насильно сильный рок.

Ты там под грозными громами
На крыльях огненных паришь;
Под резким треском, под стрелами
Сынов *Исмаила* разишь.

Когда чревата Смерть метальными шарами
Из строя рыщет в строй гигантскими шагами
И ищет, где родить из трупов в поле холм,
Повергнув воинов в долине целый сонм.

Там бледна Смерть сама трепешет

31 И всуе там косою блещет

35 Кровавую луну с градских вершин сломил

37–40 Могу ли скрыть ту мысль правдиву,
Что тамо, обнажив ты меч,
Сразил отважно месть сварливу
И новы злы успел пресечь?

44–48 Разбил несметны тьмы и гордость агарян?

Еще Дунайский брег немеет
От грома твоего, *Репнин*!
Еще от молний цепенеет
Бледнеющ в ужасе *Мачин*!

52–64 В коликих ужасах он смел, неустрашим.

Моя ли слаба кисть бы смела
Тебя, *Репнин*! изображать?
Когда Германия успела
Тебя пред светом величать;

Когда и самый скиф, фракианин бурливый,
И вольнодумный галл, британец горделивый,
Европа вся тебе сплетает должну честь
И имя в летопись твое желает внесть! –

А я, имев толь слабы крилы,
Могу ли выше воспарять?
Могу ль, имевши слабы силы,
В хвале Европу превышать?

вм. 65–72 Но ты гряди! – гряди, о муза изумленна!
В блестящий *Славы* храм, куда наш вшел Герой!
Хотя б нашла его муз ликом окруженна,
Ты, с ними съединясь, Герою в честь воспой!

«Великий муж! – всегда бываешь
На бранных ты велик полях;
Но коль оливу насаждаешь
В кровавых Марсовых лугах,
Тогда любезен ты и нежен
И в мирных тихих временах,
Как тихий зефир, безмятежен,
В цветущих веющий лугах!
Герой! – Повесь перун средь стен!
Довольно враг тобой казнен».

45

загл. Отд. изд 1790 ОДА РОССИЙСКОМУ АДМИРАЛУ
И РАЗНЫХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ
ВАСИЛЬЮ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧИЧАГОВУ,
НА СЛУЧАЙ СЛАВНОГО ОТРАЖЕНИЯ
ШВЕДСКОГО ФЛОТА
У РЕВЕЛЯ МАИЯ 2 ДНЯ 1790 ГОДА

1–6 Горящи Близнецы пылают,
Являя нам целебный май,
С землею небо примиряют,
Низвед на землю с неба рай;
В полях природа торжествует,
В лесах, уединясь ликует;

27 Флот Ревельский алкая стерть

32 Дерзнет отважных Львов терзать

42 Противу наших сил морских

44 У ревельских брегов своих

53 Коль все за вас стоит! – стремитесь

55 Спешите вы, враги строптивы

61 Вдруг готфски львы свой рев пустили

63 Широки челюсти открыли

73 Как туча синяя, склубился

78–79 Немым ответом оглушало
И чуд морских стада сгоняло

83–84 Ни их число судов толь бедно
Не воспятило действ морских;

87–90 Ужель британцы лишь в войнах
Зелены лавры похищают?
Но меньше ль россы созидают
Себе трофеев на водах?

92 На росской лишь удар един

97 Умолкни! готфский гром, и знай

101–103 И се выходит тень блаженна,
Чей скрыт в приморском гробе прах,
Успехом россов восхищенна

107–110 Не он ли вас умел попрать?
Но тень уходит... исчезает;
Пусть в гробе с миром почивает!
Не смейте больше пробуждать!

120 Целить белезнь их горьких ран

129 На плуг свой опираясь

135–136 В залив спокойный приплывают
И все с тритоном возглашают

139 Тебя, – о *Чичагов* почтенный

141–150 «Хотя бы враг еще подвигнул
Средь моря мачт сгущенный лес,
Сам бог морей его б постигнул
Среди коралловых колес;
И сам кто громы созидает,
Тебе бессмертия желает;
Тебе перун бы он вручил,
В горне подземном раскаленный
И в страшном Стиксе омоченный,
Чтоб ты противных низложил».

46

загл. БГ. 1789 ПАМЯТЬ О СЛАВНОМ ГРЕЙГЕ, РОССИЙСКОМ АДМИРАЛЕ. СОЧИНЕНО 1788 ГОДА НОЯБРЯ ДНЯ

вм. 1–14 О тень, превыше звезд паряща,
Страны ефирны преходяща!
Простри к унылой песни слух,
Что мой вещает скорбный дух!
Уже львы готские рыкали
И мрачны зевы отверзали,
От алчности рыкая смерть,
Стремяся россов всех пожерть.

21–27 Увы! – я слышу смертный звон!
Наш *Грейг* повергся в вечный сон,
Тот *Грейг*, что готов величавых
Карал среди валов кровавых,
Что, свой предвидя смертный час,
Всю молнию свою потряс,
Металл, как град, на них пуская
И сам, как Зевс, их поражая!

30 Незыблем он средь ядр свистящих

32–33 Но он теперь во гробе спит,
С ним купно гром его молчит

38–39 Се на брегу почиет спящий,
Где *Бельт*, под вихрями стенящий

42 Но шум валов Нептун внимает

45–46 Под хладным камнем сей Герой;
Наяды, из зыбей взникая

вм. 50–83 Сколь часто, как брега цветущи
Венчати будут *Бельт* ревущий,
Пришед задумчивой Герой
Там будет лить ток слезный свой! –
Пред урной встав уединенной,
Плачевным видом покровенной,
Сколь часто будет он вздыхать
И горестны слова вещать:
«Сей муж, по шлемом поседевши,
Но юным духом пламеневши,
Тогда, как угрожала смерть
Животну нить его претерть,
Толь страшно во главы надменны
И готских мачт в леса сгущенны
Метал свой смертоносный гром,
Что неким зрелся божеством,
Что смерть сама его страшилась
И против готов обратилась.
Увы! – где ж он? – под камнем спит!
Поблекший лавр вблизи лежит;
Здесь спит перун оледенея,
А там труба его немея
Молчит склонясь на мавзолей,
Лишь вихрь стенет и воет в ней».

Но пусть сей *Грейгов* камень хладный
Исторгнет слезы безотрадны,
Он некогда, безмолвен быв,
Герою возвесит: «*Он жив*».

59
«ПАКИ ПЛАМЕННЫЙ ТВОЙ ГЕНИЙ...»

загл. Автограф РГИА

5 В ту минуту как склонялся

19–20 Дух сечет тьму седьмеричну; –
Зарево далече знать...

29–32 Воспари, *Камена* смела!
Меценат, как *Феникс*, твой;
Ты его в Тавриде пела;
Паки ублажай и пой!

69, 70, 71[1]
К НАТУРЕ. ПРИ КЛЮЧЕ Г. Г⟨ЕРИН⟩ГА

загл. Нов. рус. лит. 1802

⟨69⟩

11–12 Даже в области возможной
Хощешь власти непреложной.

23–24 Пусть твоя минет свобода
Здесь на малый час, Природа!

42 Паки вольность возвращает.

44 С новой жизнию течет

50 На Акастовых грядах

52 Корни освежит в древах

---

[1] Эти три стихотворения первоначально составляли одно.

59–60 Сера бездна расплывется,
В бездне сгиб реки совьется.

64 Кроясь в сих густых парах

74 Скачет в токе; – ток кипит

76 Немо в камышках шумит.

79–84 Но лишь к тверди пар взовьется,
Феб проглянет в небесах,
Пурпур огненный прольется
В живоносных сих струях;
Нимфы торжество блаженно
Будет окрест их священно.

⟨70⟩

1–6 Тут Акаст от сна воспрянет,
Тут ты узришь, как он станет
Услаждать и взор и слух,
Ходя вкруг сих вод священных,
Блеском утра озаренных.

10 Строить новый водомет

28 В море нынешних премен

48 Чувство есть душой предметов.

50 Иль сидя в густых тенях

54 И спокойный огнь блистает.

60 Тех, которых увенчает.

61–66 ⟨*нет*⟩

67 О блаженные супруги!

75–78 Все, чем град ласкал мятежный;
Так, как древле божества,
Нисходя в Эдем прелестный,
Оставляли луч небесный.

91–96 Нимфа сей вдовы священной
Токмо скроет лик крутой
Важной мудрости почтенной
Под венок зеленый свой,
Что власы ея венчает
И главу ей украшает.

98 Героических часов

101 Рдяной ихорь принимая

114 И среди плющей пушистых.

⟨71⟩

1–6 Вот – содействия какова
Ждем, Природа! от тебя. –
Но ты будешь мать сурова,
Коль, с насмешкой погубя
Сребронога сына силы,
Иссушишь его все жилы.

16 Разве будет он звучать

31–33 Я к тебе весь день взываю,
Здесь, где томно бьет ручей,
Я к тебе весь день вздыхаю

37–39 Коль от персей многоточных
Чада благ твои все ждут;
Если соки жизни прочны

44 Иль как полдень зной лиет

51–52 Пусть среди врачебной пены
Долго дни его текут

80

загл. *Автограф* *РГИА*

НАДПИСЬ К КОРАБЛЮ ПОСТРОЕННОМУ ПОД НАЧАЛЬСТВОМ ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА МОРДВИНОВА ТРУДАМИ КОРАБЕЛЬНОГО МАСТЕРА КАТАСАНОВА В ХЕРСОНЕ И СПУЩЕННОМУ НА ВОДУ НОЯБРЯ 15 ДНЯ 1794 ГОДА

1–10 Ступай в объятия Нептуна серебристы!
Ступай, где первый путь Язону был открыт,
Где Солнцевы врата и дом златой стоит,
Где Амфитритины растут леса тенисты,
А ты, Зевес, сойди с Олимпа меж громами,
Чтобы присутствием Минервин труд почить
И между черными кипящими волнами,
Пока сей труд живет, разя врагов, твердить,
Коль прозорлив над сим трудом был покровитель
И коль искусен был и будет сорудитель.

100

загл. *ПТ.1784*

РАЗМЫШЛЕНИЕ НА ПЕРВУЮ ГЛАВУ БЫТИЯ

вм. 1–235 Коль слабы те умы, которые заемлют
От низких средств крыле и путь туда приемлют,
Где кроется судеб ужасна глубина!
О коль трудна для них столь важная страна!

О *глас пророческий,* глас, Богом вдохновенный!
Ты силен слабый дух мой, тленом отягченный,
Воздвигнуть с дряхлого телесного одра,
Где присно льстит ему волшебных мечт игра.

Твоя едина мощь сие ядро свергает
И подает крыле, да взникнет и пронзает
Исчезшую ту даль предвечности святой,
Когда *трилучный свет* сиял самим собой,
Свой невечерний блеск по бездне разливая.

Ты зришь, мой дух! – но что ты зришь,
изнемогая?
Ужели ты предстал пред сильно Божество,
Кого трепещет все дрожаще естество!
Где веки? вспомни! – где тот век, тебя
родивший,
Отколе ты возник над рядом их паривши?
Безмолвствуй! – или славь того, кого узрел –
Неизмериму ты пучину здесь обрел.

Се тот всесильный, кой в себе предсозерцает
Все то, что вдруг пред ним явится подобает.
Священный страх к себе безмолвство пригласил
И трисияющий престол с ним окружил.
Зри, дух мой! – се уже явился сон ужасен!
И се бесплотных лик ниц пал пред ним
безгласен!
Бог образы чертит несозданный тварей
И умозрит уже движение вещей.

Лишь зарево сие дел Божьих просияло,
То вдруг из ничего быть *нечто* начинало.
О! како возмогло толико чудо быть?
Возможно ль бренному хоть слабо изъяснить,
Как произникло то явленье велелепно?
Возможно ль с чем сравнить то дело боголепно?
Сравним ли мы сие явленье той мечте,
Что производит ум в безмолвной темноте?
Нет. Смело допустить сего нам невозможно,
Пустая бо мечта есть существо ничтожно.

Но что же оное созданно вещество,
Что из ничтожества исторгло Божество?
Там тварей семена ростки свои пускали,
И оные ростки им плод приготовляли.
Зачала всех вещей, не зная мест своих,
Вооружилися против себя самих.
Где гореносный огнь, волуяся, краснеет,
Там жидкая вода, занявши место, рдеет.
Где вержется бугром земля и где лежит,
Там воздух вихрем рвет ее и в бездну мчит.

Сей между ними спор дотоле продолжался,
Доколь Дух зиждущий по них не простирался.
Природа внемлет глас – и вещи, ставши в чин,
С согласием поют причину всех причин,
Что животворной их улыбкой оживляла,
Что им движение известно даровала.

Тогда сменивший тьму открылся чистый свет.
Вода разделена и свой закон берет.
Одна простерлася над твердию высокой,
Другая разлилась по пропасти глубокой;
Сия стеклася в сонм, сей сонм разверз свой зев
И силу Вышнего гласит чрез шумный рев.
Равнины злачные производили сушу.
Их зеленение являло неку душу.
Здесь горы, тамо дол; здесь лес, а там поля.
Здесь катится река, а там ревут моря;
Твердыни здесь, а там подземность отверзалась,
Тьма смертная тогда ж из оной исторгалась
И возвещала тем о слезных тех часах,
Как споря с жизнью смерть преобратит нас
в прах.

Внезапу Божий перст возжег на небе синем
Огни везде, куда свой бренный взор ни кинем.
Лишь было первое движенье сих телес,

Ударил час! – Где ж он? – тогда еще исчез.
А время – сколь оно вдаль быстро побежало!
И кажется, тогда ж плачевно повторяло,
Что мы, всегда его теряя, будем жить,
Забыв, что промысл вдруг прервет животну
нить?
Беспечный смертный! зри! – се времени начало!
Зри! – вечно ли оно теченье восприяло!

Пары, согретые лучами, ввыспрь текли,
Знаменовали брак и неба и земли,
Крылаты сонмища, виясь под небесами,
Вспевали разными песнь Богу голосами.
Рыстая дикий зверь в веселии познал,
Что в темных рощах жить ему Бог указал.
Рогатый там елень, из персти извлеченный,
С крутых холмов скакал с весельем в лес
зеленый.

К восторгу Ангелов животворит Бог *прах*,
Прах двинулся, – и сей во многих столь веках,
Что быть должны по нем, свою жизнь
заключивший,
Сей первый воспрянул, дух горний ощутивши,
И на востоке средь утех себя узрел.
Внушите, коль премудр из персти он исшел?
С каким он чувствием зрел творческу державу,
Но племена – ах! все ль зрят Божию в нем славу?
О ты, премирный дух, что всю животворил
Природу действием своих всемощных сил,
Излей свой теплый луч в ум, мраком
покровенный,
Дерзнувший днесь предстать пред твой престол
священный.
Он слаб – споспешествуй, дабы внимати мог
Глас тихий в естестве, сколь мудр великий Бог.

101

загл. НОЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
ПТ. 1785

8 И атмосфера вся одной покрыта ей.

вм. 9–12 Как расстилается она везде? ужели
Ненастье будет в ночь? Взгляни сюда, *Гирсам,*
Какие искорки сквозь тьму воспламенели?
Знай, что великие тела сверкают там.

13–16 Чудись, как в воздухе вращаются спокойно
Громады оные, велики как земля.
С тех пор, как мир исшел из Божеских рук стройно,
Сии шары текут чрез синие поля.

между 16 и 17 Как шарики в крови (мы зрим то в малом мире)
Чрез жилы утлые, не падая, бегут,
Так круги светлые в обширном сем эфире
По жилам некиим не падая текут.

Магнитны оси их суть вечно нерушимы;
А мира механизм всегда пребудет тверд
И силы естества во век неистощимы,
Понеже сам *Творец* есть вечно милосерд.

Когда ж восхощет он, исчезнет все конечно;
Но *провидение*, но *правота* претит
Благому исчезать; а *милосердье* вечно
Могуществу его вес правильный творит.

17–36 Но что же значит то, что некогда потонет
Земля во пламени, и кажда вещь тогда
От ярости огня курясь восстонет, –
И мы, – и мы с себя тлен свергнем навсегда?

Что то, когда *луна,* которой луч заемной
По тусклом своде в ночь безобласну скользит,
Зря гибель странную свой соседки черной,
Сама начнет багреть и дым густой явит?

Почто покроет мрак прекрасное светило
В то время самое, когда с небес оно
В мир страждущий свой блеск златой бы
ниспустило?
Иль тело каждое погибнути должно?

Гирсам! ужель ты мнишь, что мир так исчезает?
Не мни – то действует Зиждителя любовь,
Что грубый с мира тлен сим средством он
свергает.
Мир феникс есть. – Тогда он возродится вновь.

Но ведай, что един есть круг никем не зримый,
Который выше всех явлений сих ночных,
Который в век и век пребудет нерушимый,
Который вечно нов без прерождений сих.

Там *сый* Господь блажен среди лучей духоных
С блаженной верою – блажен там каждый дух,
На крыльях веры сих достигши мест верховных;
И тот блажен, кто в сей грядет великий круг.

105
ОСЕНЬ

загл.
ПТ. 1785

1–8 Се *осень* серая к нам ныне наступила!
Уже во множестве осенних мокрых туч
Бежит порывчиво с полночи бурна сила
И солнцев тмит с полдень простертый косо луч.

За осенью на льдах спешит зима седая,
Но мерзлый пар ея *дух Божий* расточит;
И улыбнется вдруг потом весна златая,
А лето красное за нею пролетит.

9 *Светон*! и к нам ришла сей жизни *осень* краткой

12 Ты в куст за ней бежа, схватить ее успел

17 Ты огнь любви сменил и, молнию пуская

21–29 Но ты не знал еще, что счастье вихрь игривый.
Волнует море он; однак не веселись,
Что мещет он тебя за облака бурливы,
Он полумертвого тебя ж низвергнет в низ.

Бушует он в лесу; он дуб с холма хватает
И с корнем рвет его, пуская дикой свист;
На сосну он напал, но что ж сам погибает?
Она растет в долу, и цел в ней каждый лист.

Светон, лишь ты узнал своей нетвердость славы

37–39 Несчастный! Се теперь тебе уже постыли
Затеи мира! Зри, как глубоко лежат
Морщины на челе и – как они немилы.

41–44 Твоя невольная улыбка отвечает
Не так, как прежде, им – в иной идешь ты круг,
Но не стени, что жар твой прежний исчезает;
Днесь должен чувствовать жар к вечности твой дух.

47–51 Что серебрит власы у земнородна чада!
Тогда все наши дни покроет скучна тьма.

Тогда отчаемся весенних дней прекрасных
Зреть паки... горе нам! седины возвестят,
Что вечность старая нас ждет близ врат ужасных.

54–55 Брегись сих горьких слез; познай другой предмет,
Ты можешь зреть весну, не числятся где веки

между 56 и 57 Подобную весну наш *первозданный* видел,
В нем горний свет горел, и дух почил в нем блег,
Но лишь ступил не так, то *промысл* тем обидел.
Коликих ангельских слез стоит оный шаг?

57–60 Когда же узрим мы весну сию блаженну?
Тогда, как нас свет небесный осветит;
Как будем мудры мы, и как темницу бренну,
Где дух наш чистится, смерть нагла сокрушит.

между 60 и 61 Тогда, когда краса телес чрез смерть пожерта,
Дотоле будет тлеть и составлять червей,
Пока Архангельска труба, с небес простерта,
Не возвестит земле весенних вечных дней.

61–64 Ах! успевай молить, да *мир сей сотворивый*
Неизглаголанный ниспослет вышний свет
В наш заключенный дух – тогда, *Светон* счастливый,
Взыграй – се в прежний мир тебя он воззовет.

106

загл. БГ. 1789 ОДА. СУДЬБА МИРА

25 Ужели Сферы потрясаяй

31 Блуждали! – В саму ту минуту

34 Покрыл водой луга, леса.

43 Плескал моря десницей строгой

49–56 ⟨*нет*⟩

62–63 В свое спасенье ону длань,
Котора сонмы вод вливала

67–68 Что с треском мчася в тверди рдяной,
Вершины горды опалял

71–72 Но *Правда* будет ли смятенна,
Когда ревут моря и твердь.

73 Ея ковчег в зыбях носяся

77–80 ⟨*нет*⟩

81 Меж тем, как твари содрагались

94 Пламеноносный Океан

98–99 И пролетая меж планет
Дышати будут в них огнями

101–108 ⟨*нет*⟩

113–116 ⟨*нет*⟩

121–124 Как влас в пещи трещит, вспыхает,
Как серный прах в огне блеснет,
Крутится, с дымом исчезает,
Так огнь бессмертность их пожрет.

125–128 ⟨*нет*⟩

129–131 Меж тем, как Мира плоть истлеет,
Истлеет бренный человек;
Душа чистейша окрылеет,
Паря на тонких крыльях ввек.

135 Она между развалин диких

141–144 Изрекши, скрылася тень Мира,
И вздохи восшумели вслед! –
Из длани упадает лира...
В безмолвий чту Творца планет...

107
НОЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

загл.
БГ. 1789

17–18 Исчезни с влагою седою
Туман, курящийся в полях!

21–24 Пусть я на ризе темной ночи
Узоры буду созерцать;
Пусть будут изумленны очи
В че́рвленых небесах летать.

25–32 ⟨*нет*⟩

37 А тамо жертвенник священный

44 Громады льдистые в зыбях

45–48 ⟨*нет*⟩

52 Мучитель знойный южных мест

58 Еще соборища кругов?

вм.
65–120 О ты! под миртом усыпленный
На нежных персях Мессалин!
Проснись и зри неизреченный
В созвездиях возженных чин!
Еще ль тебя остановляет
Краса ничтожныя мечты?
Проснись! – Се нощь тебе являет
Важнейши в тверди красоты!

Скажи, земный червь! – ты ль дерзаешь
Искать ошибок средь небес?
И ты ль души не обретаешь
Среди сих пламенных колес?
Почто ж миры не померкают,
Чтоб ночь могла темнее быть?
И солнцы вниз не упадают,
Чтоб землю в пепел превратить?

Почто в жестокие морозы
Не зрим цветущих мы лугов
И с кистьми виноградны лозы
Не зреют посреди снегов?
Почто в лед твердый не сожмутся
Струи потоков в знойных днях?
Иль робки агнцы не пасутся,
Наместо тучных паств, на льдах?

Но если твердо уповаешь
Пороки в Естестве найти;
И если ты исправить чаешь
Нестройные планет пути,
Готовься ж ты против Природы
Уставить умственный твой щит!
Се пламенны она доводы,
Как тучу стрел, с небес стремит!

121–128 Ты спишь, мечтой обвороженный,
И от тебя сокрыт тот Дух,
Что, с Естеством соединенный
Вращает оси звезд вокруг!
Ты спишь! – а ночь уже скрывает
Горящие тела в волнах!
Спи! – Гроб тебя да научает
Узреть судьбу на Небесах!

133–136 Колико Духи те блаженны,
Которы, с помощью твоей,
Читают буквы впечатленны
В покрытой тьмою тверди сей!

138 Тенистый спустишь свой покров

160 На зрак его распростирать.

108
ОДА. ЛЮБОВЬ

загл.
ПТ. 1785.

1–110 Еще вкруг солнцев не вращались
В превыспренних странах шары;
Еще в Хаосе сокрывались
Висящие сии миры,
Как ты, *Любовь*, закон прияла
И их зачало оживляла,
Быв жизнию в их семенах.
Могущество твоей державы
Для Творческой великой славы
И в сих приметно временах.

Из бездны вышедши ужасной,
Собор эфирных сих светил
Был паки б кучей безобразной,
Когда б *Любовь* лишилась сил
И, взявши стрелы от *Вулкана*,
Не поражала сильно *Пана*.
Вулкан столь много их кует,
Что Купидон всю тварь пронзает,
Когда он быстро пролетает
Великий свет и малый свет.

Миры закон свой соблюдают
В пространной оной высоте,
Вертясь вкруг солнцев, побуждают
Чудится стройной красоте.
Любовь их водит хороводом,
Любовь их стройным правит ходом.
Там в седьми-тростную свирель
Рогатый вечно *Пан* играет;
Любовь планетну воспевает
Он чрез свою согласу трель.

В себе натура заключает
И мужеский и женский пол;
Любовь всеобща созидает
В вещах дву-родных свой престол.
Свились где виноградны лозы,
Где две сплелись друг с другом розы,
Где птички вьют гнездо весной,
Где отрок нежну мать целует,
Любовь всемирна показует
Возженный тамо факел свой.

Любовь! ты царствуешь повсюду
И зиждешь дивны красоты;
Ты движешь кажду вещь внутрь-уду,
Ты *симпатической* четы
Младые руки соплетаешь
И в их улыбках обитаешь;
Ты прелесть на грудях драгих
Для пастухов приготовляешь,
Ты нежнах звуках вылетаешь
Из сладостных свирелок их.

Как сладко зреть тебя душою
Сияющих душ в тишине!
Электризованны тобою,
Едину точку зрят оне.

Здесь каждый шаг их музыкален,
Измерен, строен, тих и хвален;
При розовой заре их хор
Усмешку ангельску являет;
С лучей *полдневных* собирает
Довольну снедь их орлий взор.

Но древний змий, обвившись мраком,
Когда ползет из бездны той,
Где *ненависть* с угрюмым зраком
Престол печальный строит свой,
Где враг сей с нею пребывает
И в жупелах ее рыгает,
Тогда идет он тихо в мир
И рушит всех вещей союзы;
Он рвет друзей, супругов узы,
Отъемлет свет и тмит эфир.

Все тучи, бури, громы, волны
Тифоны суть, что в мир он шлет;
Мы также туч и громов полны;
И сих Тифонов он мятет.
Он в нас и в видиму природу
Пускает грозну непогоду.
Издревле бо против небес
Зев адский ненавистью дышет;
Он, вихрь пустив, весь мир колышет
И в нас творит стихий превес

Но кто в сем случае устроит
В природе мир, покой, любовь?
Кто в человеке успокоит
Кипящу адской злостью кровь?
И там и здесь *свет* управляет.
Лишь чуть луч солнца воссияет,
Туман от света отженет,

Любовь вспарит над облаками
И в поле купно с пастухами
Воспляшет, в хоровод пойдет.

Как Солнце сердцем светоносным
Среди обширной тверди есть,
Так сердце солнцем живоносным
В тебе, *мал мир*, возможно счесть;
Оно в тебе лишь умудрилось,
То в чисто солнце претворилось,
Оно дарует мир в крови;
Оно бо действий всех пружина,
Оно согласия причина,
Рубиновый престол *Любви*.

Любовь, воды дщерь первобытной!
Доколе твой престол стоит,
Среди веще природы скрытной,
Дотоле все твой огнь живит;
Ты двух в едино составляешь
И в средоточие сливаешь.
Когда ты в полной чистоте,
Тогда, любовь, вовек пребуди
Живым бальзамом нашей груди,
Тебе престол готов в чете.

после 110 Невинность ли мир оставляет
И, свергнув брение свое,
Ко Херувимам прелетает?
Я мню, и там ты для нее
Сладчайша из наград награда
И после горестей отрада.
Любовь, исчезнешь ли тогда,
Когда бы смерть меня скосила?
Ах нет – твоя магнитна сила
Во мне пребудет навсегда.

111
ПЕСНЬ НА НОВЫЙ ГОД

загл.
Автограф
РГИА

эпиграф ⟨*нет*⟩

5–8 Паки сферы просветлели
Средь пылающих небес,
Паки новы зашумели
Времени круги колес.

вм. 13–16 ~ ⟨*тильда*⟩

17–29 Мне судьбина отреклась
Бурю жизни отвратить,
Знать, она еще клялась
Горьку желчь свою пролить.

Рок! о рок! – почто толь рано
Желчь ты мне подносишь в дар?
Неужель на свежу рану
Ты готовишь свеж удар?

Где ж для горькой раны срящу
Врачевство в грядущий год?
Где? – в каких местах обрящу
Против грозных туч отвод?

Муж великий, мудрый, кроткий!

44 Чрез тебя мир заключить.

после 48 Во твоей Отца утробе
Побужденный ощущать
Балодарный дух и в гробе
Будет чувствием дышать.

114

загл. *БГ. 1789* СТИХИ НА НОВЫЙ ГОД К П⟨АВЛУ⟩ П⟨ЕТРОВИЧУ⟩ И⟨КОСОВУ⟩

3–4 Туда прошедший год, воззванный,
На дряхлых крылиях спешит.

7–8 Коса во оном не блестит,
Но смертных кровью утучненна

16 И пред лицом его играют

20 Спокойны в генваре часы.

35–36 Пред ним всяк смертный цепенеет,
И червь у ног его робеет. –

38–39 Невинна лишь душа смеется,
Не стонет, что перестрижется

41 Один рыдает и трепещет

46 И робки взгляды простирает

48 Стрелу железную держаща

54–57 Дороги к мирной смерти в нем! –
Когда ж твой друг твой одр суровый
Слезой омоет в год сей новый,
Когда ты в темный гроб пойдешь

64 Чтоб дружбы нам продлить союз

68 Еще пусть будем в дружбе нежной

116

загл. *БГ. 1789* ХИТРОСТИ СМЕРТИ

1–10 Сурова матерь тьмы, царица ночи темной!
Ты, искони седя во храмине подземной
На троне из сухих составленном костей
Стопами давишь свод обители теней,
И вместо скипетра железом искривленным
С размахов ты сечешь вокруг туман гнилой,
Которым твой престол весь зрится окруженным
И сквозь который ты лик синий кажешь свой.
От стоп твоих река глубока протекает
И устьем четверным в мир смертных сей впадает

18 Ты здесь ни солнечных красот не примечаешь

21–22 Скажи! всегда ль тебя мы слышим в туче темной,
Когда ты вылетев из храмины подземной

27–34 Всегда ли восприяв ты медную гортань,
Когда взгарается на ратном поле брань,
Рыгаешь в голубом дыму свинец свистящий,
Дробя геройское чело сквозь шлем блестящий?
Всегда ли хощешь ты кинжал очам явить,
На коем черна кровь кипящая курится?
Всегда ль в твоей руке металл тот страшный зрится,
Которым ты стрижешь животну смертных нить?

36 Но нет, – опаснее им образ твой лукавый

40–44 И манишь щеголя коварными руками;
Или, *сиреною* исшедши из зыбей
Для уловления *Уликса* кораблей,
Ты испускаешь глас, который сколь прекрасен,
Столь внемлющим его бывает он опасен

49–50 Где красота в жару нескромный мещет взор,
Где *Вакх с Венерою* свершают свой сговор

вм. 55–56 Одежда вретищем, а нежно тело пылью,
Цветы и порошки зловонной стали гнилью.

154

загл БГ. 1789 *ОДА ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕГО ПОПЕ*

3 Кто токмо лишь по смерть свою желает

6 Руно дают смиренны овцы в дар

9–10 Благословен, кто жизнь ведет спокойно,
Часов крылатых плавный зря полет

13 Он учится; а после отдыхает

157

загл. Зерк. света. 1787. ОДА К БЛАНДУЗСКОМУ КЛЮЧУ

Моск. журн. 1792. БЛАНДУЗСКОЙ КЛЮЧ (ИЗ ГОРАЦИЯ)

3 Зерк. света Струи целебные точащий

5–6 Заутра юными цветами
Хочу твой образ увенчать.

5–6 Моск. журн. Заутра пестрыми цветами
Хочу твой образ увенчать

12 Зерк. света	И с сверстником вступает в бой
12 Моск. журн.	С соперником вступает в бой!
14	В тебе заутра растворить
20 Зерк. света	Под тенью хладной невредим
21 Моск. журн.	Волы под игом утомленны
24 Зерк. света, Моск. журн.	Находят жизнь в твоих струях
26–28 Зерк. света	В числе естественных чудес, Как воспою зелены ивы, Заросши утлый тот утес
26–28 Моск. журн.	Среди естественных чудес, Как воспою тенисты ивы, Обросши тот пустой утес
31 Зерк. света, Моск. журн.	Отважно скачут в долы злачны

202

загл. БГ. 1789 ОДА СТАРИКУ, ЖЕНИВШЕМУСЯ НА МОЛОДОЙ ДЕВИЦЕ В МАИЕ МЕСЯЦЕ

вм. 6–7 Там струя струю встречает,
Капля в каплю упадает.

10 Где струе сойтись с струей;
вм. 11–12 Лишь воззришь на зиму снежну.
Вдруг весну выводишь нежну.

16–18 Тает и *Беспут* сосед.
Зефир Флору обнимает,
А Беспут лишь воздыхает.

19–24 ⟨*нет*⟩

30 Ты теперь скучна, досадна.

35–36 Старо сердце застывает,
Но младое поджигает.

37–48 ⟨*нет*⟩

49–54 Се! прекрасну *Мессалину*
Мой старик ведет во храм
И, хваля свою судьбину,
Сопрягается с ней там;
Чуть душа не вылетает,
Как другая заступает.

55–56 Смерть слепая начинает
Со слепым *Эротом* бой

60 И ревущу смерть толкая.

61–84 А в притворе со *Сатурном*

Стал бороться *Именей*
И заводит как бы с *Турном*
Подвиг рыцарский *Эней*.
  Чуть Сатурн не побеждает,
  Но с роптаньем отступает.

Все вопили, что в могилу
Наш *Беспут* уже сойдет;
Но, храня любовну силу,
Он с младой в чертог идет;
  Грации их провождают,
  Мирты перед них кидают.

Там, где прежде паутины
Делали красу в углах,
Новые висят картины
Для любезной на стенах;
  Все в чертоге расцветает,
  Все иной вид принимает.

О *Беспут! Плутус* без счоту
Злато к пиру выдает;
Знай же, что *Сатурн Эроту*
Завтра крылья острижет.
  Слезы из очей польются,
  Холостые засмеются.

Приложения

ПРИМЕЧАНИЯ

«Рассвет полночи» (*РП*) – единственное прижизненное собрание стихотворений Семена Сергеевича Боброва (1763–1810). На момент издания в 1804 г. оно представляло автора во всей полноте его поэтического творчества. Первые три части *РП* составили стихотворения, четвертую – поэма «Херсонида». Часть тиража «Херсониды» была отпечатана отдельно ранее второй и третьей частей и без указания, что поэма входит в *РП*. Поэтому на титульный лист настоящего издания вынесены два названия: «Рассвет полночи. Херсонида» (подробней см. во второй статье в «Дополнениях»).

До настоящего времени стихотворения Боброва перепечатывались нечасто и только выборочно. Сразу после смерти поэта М.И. Невзоров перепечатал 14 стихотворений (некоторые неполностью) и отрывки из поэм «Херсонида» и «Древняя ночь вселенной» (*ДЮ*. 1810. № 6. С. 62–162; № 7. С. 10–42; 1811. № 10. С. 100–124) (указания на эти перепечатки есть в наших примечаниях). Три стихотворения и небольшой фрагмент «Тавриды» (первая редакция «Херсониды», изданная в 1798 г. в Николаеве) вошли в подготовленный Ю.М. Лотманом сборник «Поэты начала XIX века» (Л., 1961. С. 169–180 (Б-ка поэта, малая серия)). Самая значительная подборка – 22 стихотворения (одно из них опубликовано впервые по автографу) и вся VI песнь «Херсониды» – осуществлена М.Г. Альтшуллером и Ю.М. Лотманом в книге «Поэты 1790–1810 годов» (Л., 1974. С. 71–160 (Б-ка поэта, большая серия)) (примечания М.Г. Альтшуллера к этому изданию частично использованы нами в примечаниях). Отдельные стихотворения Боброва вошли в антологии «Русский сонет. XVIII – начало XX века» (М., 1983. С. 23), «Петербург в русской поэзии (XVIII – начало XX века)» (Л., 1988. С. 48–52), «Русская поэзия. 1801–1812» (М., 1989. С. 103–108, 232–233),

«Русская литература – век XVIII. Лирика» (М., 1990. С. 482–484). Небольшие фрагменты из поэмы «Древняя ночь вселенной» перепечатывались в журнале «Волшебная гора (Философия. Эзотеризм. Культурология)» (1996. Т. 5. С. 37–54). Девять эпитафий Боброва (из них две – без указания автора) вошли в сборник «Русская стихотворная эпитафия» (СПб., 1998. С. 152–154, 393–394 (Новая б-ка поэта)). Наконец, 36 стихотворений, впервые увидевших свет после выхода *РП* в 1805–1809 гг., собраны и переизданы нами в качестве приложения к монографии о жизни и творчестве Боброва (см.: *Коровин 2004*. С. 219–286).

В настоящем издании *РП* воспроизводится без каких-либо изъятий. В «Дополнениях», в разделе «Стихотворения, не вошедшие в “Рассвет полночи”», помещены стихотворения, появившиеся отдельными изданиями и в периодике после выхода *РП* (все ранее публиковавшиеся стихотворения автор включил в собрание), и одно известное только в автографе. В разделе «Ранние редакции и варианты» приводятся первые редакции и варианты известных ранних публикаций, автографов и списков (во втором томе приводятся варианты первой редакции поэмы «Херсонида»). В наше издание не вошла только пространная (более 750 страниц) поэма «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» (Ч. 1–2. СПб., 1807–1809). За этим исключением, настоящее издание фактически является полным собранием стихотворений Боброва. Сочинения и переводы в прозе (даже если оригинал в стихах) сюда не вошли. (Библиографию трудов Боброва см. в кн.: *Коровин 2004*. С. 205–218; или: Новое литературное обозрение. № 42. 2000. С. 420–429.)

Для упрощения отсылок введена отсутствующая в издании 1804 г. нумерация стихотворений, в том числе включенных в раздел «Дополнения». Введена также нумерация строк (в «Херсониде» она начинается в каждой песни).

Тексты печатаются с учетом особенностей авторской орфографии и пунктуации. Сохраняются написания, объяснимые функционально и не являющиеся при этом простым

отражением орфографических и пунктуационных норм времени Боброва, в некоторых аспектах вполне устойчивых. Произведена замена неупотребительных ныне литер («фита», «ять», десятиричное «и»), устранен «ер» в конце слов. В соответствие с современными нормами приведены написания слов *естьли, щастье, истинна* (сущ.), *искуство, гостинница* (однако сохранены написания *олтарь* и *лодья*); окончаний прилагательных в род. п. ед. ч. м. и ср. рода (*-аго*/*-яго*) и в им. п. мн. ч. (*-ыя*/*-ия*) (однако везде сохраняются форма местоимения *ея*, варианты окончаний прилагательных в им. п. ед. ч. м. р. *-ой* или *-ый*/*-ий*, выбор которых часто диктовался требованиями рифмы, и окончания прилагательных в род. п. ед. ч. ж. р. *-ыя*/*-ия*). Также в соответствие с современными нормами приведены чередование в корне *раст-*/*рост-* и написания *раждать, покарять, ранять*; чередование глухих и звонких согласных на стыке приставки и корня; слитное-раздельное написание слов с частицами и предлогами; дефисное-слитное написание сложных слов. Также по современной норме унифицированы написания *верх*/*верьх, кладбище*/*кладьбище, сарацин*/*сарацын*, однако сохранены варианты *поздно*/*поздо, готы*/*готфы* (при этом *гоѳы* везде передается как *готы*). Унифицировано написание некоторых крымских географических названий (например, написания *Чатыр Даг, Чатыр-даг* и *Чатырдаг* унифицируются по последнему варианту, также *Бахчисарай* и т.п.). Сохранены форма окончания в слове *дышет*, форма суффикса в словах *цветочик* и т.п. и написания *течот, сечот, шлиот, восшол*, встречающиеся только в качестве графической рифмы, а также все случаи использования буквы *ё*, иногда совершенно необходимой (например, в слове *трёньканье*). По возможности упорядочен выбор прописных и строчных букв (в *РП* часто одно и то же слово в одинаковых контекстах в пределах одного стихотворения и даже одной строки может быть напечатано по-разному). С прописной буквы даны слова *Бог, Божий* и заменяющие их местоимения, если речь идет о едином Боге, а не о языческих богах или метафорических име-

нованиях (*из праха до земного бога*). Сохраняется прописная буква в словах *Ангел, Херувим* и т.п., а также в словах *Гений, Герой (Ирой), Исполин* (но не в производных от них прилагательных). С прописной буквы даются слова, указывающие на определенных царствующих особ и членов их семьи (*Царь, Монарх, Матерь, Внук* и т.п.), но в производных от них прилагательных или в случае употребления тех же слов в расширительном значении – со строчной (*царская мышца, цари и царства их*). Сохраняется прописная буква в этикетных именованиях (*Их Императорские Величества, Августейшая семья* и т.п.). Названия атрибутов монаршей власти даются со строчной буквы, как и в большинстве случаев у Боброва (*трон, скипетр* и т.п.). В ряде случаев сохраняется написание слова *Феб* со строчной буквы (например, *планеты феб влечет, а те его влекут*). Названия народов (и производные от них), месяцев года, званий, чинов, должностей, литературных жанров, стихотворных размеров, родовые обозначения мифологических персонажей, во времена Боброва практически всегда печатавшиеся с прописной буквы, в нашем издании даются так, как это принято сегодня, т.е. со строчной (*греки, французский, декабрь, адмирал, цейхмейстер, капудан-паша, идиллия, дактило-хореи, нимфы, ореады* и т.п.). Прописная буква в названиях растений, животных, минералов и т.п., иногда встречающаяся в «Херсониде», не сохраняется. Названия знаков Зодиака, в *РП* везде напечатанные со строчной буквы, здесь даются с прописной (*Дева, Весы* и т.п.). Сохраняется прописная буква в производных от гидронимов (*Бугский, Волжский* и т.п.).

Общие особенности пунктуации времени Боброва (запятая при неповторяющемся союзе между однородными членами предложения, невыделение деепричастных оборотов или выделение их только в конце, невыделение определений с зависимыми словами в пост-позиции, двоеточие вместо запятой в оборотах *если... то, когда... тогда* и т.п., двоеточие и тире вместо одного двоеточия при вводе прямой речи и др.) не сохраняются. Тире, почти всюду в *РП* имеющееся в конце

строф и в конце стихотворений, рассматривается как элемент графики издания 1804 г. и также не сохраняется. Индивидуальные особенности авторской пунктуации, не затрудняющие понимание текста, сохранены (это, например, частое употребление знаков «тире» и «точка с запятой»).

Примечания к стихотворениям начинаются с указания на первую публикацию (почти всегда это первая редакция), имеющийся автограф или список. Если этого указания нет, значит таковые неизвестны, а стихотворение впервые опубликовано в *РП* (это касается подавляющего большинства стихотворений). Разночтения ранних публикаций, автографов и списков с текстами *РП* приводятся в разделе «Ранние редакции и варианты» (выходные данные источника здесь указываются сокращенно, полностью же – в соответствующем месте примечаний). Варианты стихотворений, вошедших в раздел «Дополнения», даются в примечаниях.

Датировки стихотворений, впервые опубликованных в *РП*, являются в известной мере условными: Бобров обычно перерабатывал ранее написанные тексты в период подготовки издания к печати (так он поступил со всеми стихотворениями, ранние публикации которых известны, причем конечный вариант иногда весьма существенно отличается от исходного). Если датировать стихотворение, установить адресата, источник перевода и т.п. не удалось, отсутствие комментария, кроме особых случаев, не оговаривается.

Исторические, мифологические и библейские имена поясняются в аннотированном указателе имен в конце второго тома. Широко известные имена поясняются минимально.

Все даты, кроме особо оговоренных, приводятся по старому стилю. Библейские цитаты приводятся по ц.-слав. тексту так называемой «Елизаветинской Библии». Все указанные реминисценции из Э. Юнга впервые были отмечены в статьях Л.О. Зайонц и М.Г. Альтшуллера (*Зайонц 1985*; *Альтшуллер 1988*), реминисценции в «Херсониде» из «Времен года» Дж. Томсона и «Сельского кладбища» Т. Грея – в работе Ю.Д. Левина (*Левин 1990*).

Отсылки к текстам настоящего издания даются со знаком № (например: № 97, ст. 215–216 – это «Баллада Могила Овидия...», стихи 215–216); ссылки на «Херсониду» приводятся с указанием песни (например: песнь V, ст. 1–2). Без постраничных ссылок цитируются следующие издания: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 1–10. М.; Л., 1949–1957; *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. Т. 1–3. Л., 1938–1952; *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 1–16. М., 1937–1949; *Вергилий.* Собр. соч. СПб., 1994; *Гораций.* Собр. соч. СПб., 1993; *Овидий.* Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1994; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М., 1994 (Лит. памятники); Эллинские поэты VIII–III века до н.э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика. М., 1999; *Prior M.* Poems on Several occasions / Ed. by A.R. Waller. Cambridge, 1941; *Thomson J.* Seasons / Ed. by O. Zippel. London, 1908; *Young E.* Night Thoughts / Ed. by S. Cornfeld. Combridge, 1989.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Альтшуллер 1964 – *Альтшуллер М.Г.* С.С. Бобров и русская поэзия конца XVIII – начала XIX в. // XVIII век. Сб.6. Л., 1964. С. 24–246.

Альтшуллер 1977 – *Альтшуллер М.Г.* Поэтическая традиция Радищева в литературной жизни начала XIX века // XVIII век. Сб. 12. Л., 1977. С. 113–136.

Альтшуллер 1988 – *Альтшуллер М.Г.* Semyon Bobrov and Edward Young // Russian Literature triquarterly 21. Ann Arbor, Ardis Publishers, 1988. P. 129–140.

БГ – журнал «Беседующий гражданин». СПб., 1789.

ДНВ – Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение Сем⟨ена⟩ Боброва. Ч. 1–2. СПб., 1807–1809.

ДЮ – журнал «Друг юношества». М., 1807–1815.

Зайонц 1985 – *Зайонц Л.О.* Э. Юнг в поэтическом мире Боброва // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 645. Тарту, 1985. С. 81–85.

Зайонц 1992 – *Зайонц Л.О.* К символической интерпретации поэмы С. Боброва «Таврида» // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 882. Тарту, 1992. С. 88–104.

Зайонц 1995 – *Зайонц Л.О.* От эмблемы к метафоре: феномен Семена Боброва // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В.Э. Вацуро (Новое Литературное

Обозрение. Научное приложение. Вып. VI). М., 1995–1996. С. 70–77.

ИРЛИ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом) (СПб.).

Крылов 1822 – *Кр⟨ылов А.А.⟩* Разбор «Херсониды», поэмы Боброва // Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 11. С. 409–429; № 12. С. 453–465.

Коровин 2004 – *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество. М., 2004.

Левин 1990 – *Левин Ю.Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 134–230.

Лицей – журнал «Лицей за 1806 год». СПб.

Мартынов 1804 – ⟨*Мартынов И.И.*⟩ Рассмотрение книги «Рассвет полночи» // *СВ*. 1804. Ч. 2. Апрель. С. 40–41.

Невзоров 1810 – ⟨*Невзоров М.И.*⟩ Живописные и философские отрывки из сочинений г. Боброва // *ДЮ*. 1810. № 6. С. 62–162.

ПТ – журнал «Покоящийся трудолюбец». М., 1784–1785.

Паллас 1795 – Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на французском языке Петром Палласом... и переведенное Иваном Рижским. СПб., 1795.

Поэты 1790–1810 – Поэты 1790–1810-х гг. / Сост. Ю.М. Лотмана и М.Г. Альтшуллера, вступ. ст. Ю.М. Лотмана. Л., 1974 (Б-ка поэта, большая серия).

ПЦТ – *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина российского

языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) ⟨1975⟩ // *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1994. Т. 2. С. 331–567.

ПЭЮ – Плач Эдварда Юнга, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии, в девяти песнях помещенные; с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовию, творения сего же знаменитого писателя [Перевод А.М. Кутузова с немецкого]. 2-е изд. Ч. 1–2. М., 1785.

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота (СПб.).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (СПб.).

РНБ – Российская национальная библиотека (СПб.).

РП – Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфироносных, браноносных и мирных Гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов Семена Боброва. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1804. Ч. 1–4.

СВ – журнал «Северный вестник». СПб., 1804–1805.

Таврида – Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение, сочиненное капитаном Семеном Бобровым. Николаев: Черноморская Адмиралтейская типография, 1798.

Талия – «Талия или собрание разных новых сочинений в стихах и прозе». Кн. 1. СПб., 1807.

Цветник – журнал «Цветник, издаваемый А. Измайловым и А. Бенитцким». СПб., 1809–1810.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОРФИРОНОСНЫЕ ГЕНИИ РОССИИ

Первая часть *РП* вышла из печати ранее других – в первые месяцы 1804 г. (в апреле уже появилась рецензия – *Мартынов 1804*). Н.П. Брусилов в новогоднем обозрении 1805 г. назвал ее в числе семи «превосходных» русских книг минувшего 1804 г. (Журнал российской словесности. 1805. Ч. 1. № 1. С. 54) (кроме *РП,* названы «Анакреонтические песни» Г.Р. Державина, «Бахариана» М.М. Хераскова, «Древние российские стихотворения» Кирши Данилова, «Дополнение к рассуждению о старом и новом слоге российского языка» А.С. Шишкова, «Новый словотолкователь» Н.М. Яновского и «Сочинения» Н.М. Карамзина).

Эпиграфы – из од Горация (I, 2: 49–50; IV, 5: 6–8; «Тешься здесь получать триумфы, / Зваться здесь отцом, гражданином первым» – перевод Г.Ф. Церетели; «Лишь блеснет, как весна, лик лучезарный твой / Пред народом, для нас дни веселей пойдут, / Солнце ярче светить начнет» – перевод Н.С. Гинцбурга). Строки Горация, адресованные императору Августу, предваряют следующее посвящение императору Александру I.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Гемисфера – полушарие.

Сей Рассвет... должен заключать... четыре части и более... – В пятую часть, которая так и не была издана, вероятно, планировалось включить прозаические сочинения и переводы.

1

Написано не позднее второй половины 1801 г.; текст дорабатывался после торжества столетия Петербурга 16 мая 1803 г. (см. ст. 288–290; ср. № 33 и примеч.). К началу 1802 г. ода уже была известна в Москве: вариацией двух ее первых строф является начало стихотворения Ф.П. Ленкевича «К другу моему на Новый год» (Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 27–28; см.: *Коровин 2004*. С. 59–60). «Столетняя песнь» принадлежала к числу самых известных стихотворений Боброва: И.И. Мартынов в рецензии на первую часть *РП* привел пространные из нее цитаты (*Мартынов 1804*. С. 34–37), а К.Н. Батюшков с первых строк этой оды начал речь Боброва в «Видении на брегах Леты» (1809). Неполная перепечатка (ст.84–230): *Невзоров 1810*. С. 80–85.

Ст. 36. *Не ты ль, латинов обладатель?* и сл. – Беседа поэта с Янусом построена по образцу «Фаст» Овидия (I, 95–310). Строки из «Фаст» Бобров неоднократно использовал в качестве эпиграфов: см. № 110, 273, 292.

Ст. 68. *Огнистый шар* – комета Галлея, прошедшая через перигелий в 1682 г. – в год воцарения Петра I. Вторичное ее появление в 1758 г. предсказал Э. Галлей.

Ст. 82–85. *Тогда Россия в мрачный век в своей полнощи исчезала; «Да будет ПЕТР!» – Бог свыше рек; и бысть в России Солнце света*. – Ср. в оде Ломоносова: «Уже народ наш оскорбленный / В печальнейшей нощи сидел. / Но Бог, смотря в концы вселенны, / В полночный край свой взор возвел, / Взглянул в Россию кротким оком / И, видя в мраке ту глубоком, / Со властью рек: «Да будет свет». / И бысть! О твари обладатель! / Ты паки света нам создатель, / Что взвел на трон Елисавет» («Ода на день восшествия на всероссийский престол... Елисаветы Петровны... 1746 года», ст. 61–68). В обоих случаях обыгрывается библейский стих: «И рече Бог: да будет свет. И бысть свет» (Быт 1: 3). См. также примеч. к № 5.

Ст. 101–105. *...Гершель... учреждает... знакомство... с Ураном...* – Речь идет об открытии У. Гершелем планеты Уран в 1781 г.

Ст. 120. *...престол полмира оставляет.* – Речь идет о европейском путешествии Петра I в составе Великого посольства 1697–1698 гг.

Ст. 123. *...зрак раба прияв...* – В Великом посольстве Петр I числился под именем десятника второго десятка Петра Михайлова. Здесь это формальное умаление царя уподоблено вочеловечению Сына Божия; ср.: «...Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв» (Флп 2: 7).

Ст. 126–129. *...светильник... область нощи озаряет, и не объемлет тьма его...* – Ср.: «...и свет во тме светится, и тма его не объят» (Ин 1: 5).

Ст. 136–139. *Летит в батавские селенья... в... Альбион... в паннонские владенья... в... Бурбонов... дом...* – Петр I с Великим посольством побывал в Голландии, Англии, Австрии и Франции.

Ст. 171–172. *Он с ними крепко сокрушает наставников в войне своих...* – Ср. известный тост Петра I, произнесенный после Полтавской победы перед пленными шведскими генералами: «Я пью за здоровье ваше, яко моих учителей в военном искусстве» (*Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1788. Т. 3. С. 113). Ср. также в «Полтаве» Пушкина: «И за учителей своих / Заздравный кубок подымает» (песнь III).

Ст. 176. *...Августейша Героиня, из низкой сени что исшед, как пленница... к победоносцу предстает...* – Екатерина I, первоначально – Марта Скавронская, дочь прибалтийской крестьянки, рано оставшаяся без родителей. В 1702 г. при взятии Мариенбурга была пленена русскими войсками, в 1703 г. стала фавориткой Петра I, а в 1712 г. – его супругой.

Ст. 203. *...Первосвященник...* – В «Духовном регламенте» (1721) монарх объявлялся «крайним Судиею» Духовной коллегии, созданной взамен упраздненного патриаршества, т.е. формальным главой Церкви. Бобров, возможно, имеет в виду, что Петр I тем самым лишний раз уподоблялся римским императорам, традиционно занимавшим должность понтифекса (верховного жреца).

Ст. 241. *Рожденна с ангельской душою...* – императрица Елисавета Петровна.

Ст. 251–252. *Во дни ея не вопияла невинно пролиянна кровь...* – В царствование Елисаветы Петровны не применялась смертная казнь.

Ст. 278–280. *Кавказ, Эвксин и Тибр бурливый, и с Вислою Архипелаг промчат ея трофеи в вечность.* – Имеются в виду Персидский поход В.А. Зубова 1796 г. (Кавказ), победы Ф.Ф. Ушакова на Черном море в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. (Эвксин), Итальянский поход А.В. Суворова 1799 г. (Тибр), взятие им Варшавы в 1794 г. (Висла) и разгром турецкого флота в Чесменском сражении 1770 г. (Архипелаг).

Ст. 288–290. *...век Петрополя златый в громах прославлен АЛЕКСАНДРОМ.* – См. примеч. к № 33, ст. 32–37.

Ст. 306–307. *Едва ль когда мой храм цветущий затворен был в минувший век?* – Двери храма Януса на Капитолии затворялись в дни мира.

2

Написано ок. 1800. Тематически связано с предшествующим стихотворением, а также с № 98–99, заключающими вторую часть *РП*. Ср. также № 34 и 110.

Ст. 8. *...век Сивиллин золотый!* – По пророчеству Кумской Сивиллы, вслед за железным веком в силу круговращения времен на землю должен вернуться золотой век. В знаменитой IV эклоге Вергилия ожидание его связано с установившимся после гражданских войн миром.

3

Написано по случаю торжеств столетия Петербурга 16 мая 1803 г., когда особо был почтен памятник его основателю (см. примеч. к № 33, ст. 32–37). В *РП* вместе со следующими двумя стихотворениями (№ 4–5) образует единый цикл.

Ст. 7. *...именем здесь камень...* – Петр (*греч.* petros) значит камень.

Ст. 13–20. *Пред ним подвиглись камни дики...* и сл. – Речь идет об основании Петербурга. В масонском словоупотреблении «дикий камень» означает непросвещенного человека.

Ст. 21–22. *...лес пред ним в плавучи замки ниспадает...* – Речь идет о кораблестроении.

Ст. 23–24. *...ток един с другим, дружася, в тесный брак вступает.* – При Петре I было начато сооружение Вышневолоцкого и Ладожского каналов.

Ст. 29. *...Он новый ввел в Россию век...* – С 1 января 1700 г. в стране было введено новое летоисчисление.

4

См. примеч. к № 3. Посвящено «Гром-камню», положенному в основание конного изваяния Петра I работы Э.-М. Фальконе (Медного всадника). Стихотворение находится в ряду аналогичных надписей других авторов. Самые известные принадлежат В.Г. Рубану: «Надписи к Камню-грому, находящемуся в Санкт-Петербурге, в подножии конного вылитого лицеподобия достославного императора Петра Великого» (1770, опубл. 1782) (одну из этих трех надписей процитировал Пушкин в примечаниях к поэме «Медный всадник»). В них «Чудесам Всемирным» – египетским Пирамидам, Александрийскому столпу и Колоссу Родосскому – предлагается «умолкнуть» и «смирить кичливый вид» перед этим кам-

нем. *Гром* – камень-монолит весом ок. 1600 т, найденный близ поселка Лахты. На медали, отчеканенной в честь его доставки и установки на Сенатской площади, выбита надпись: «Дерзновению подобно».

5

1-я ред. (текст см. в примеч. к № 8): «Бесподобному основателю просвещения в России. Подражание г. Попию» («Драмматическая песнь на кончину Екатерины II в трех явлениях. Сочинение С... Б...» ⟨СПб., 1797. С. 11⟩). Подражание стихотворению А.Попа «Эпитафия сэру Исааку Ньютону» («Epithaph intended for Sir Isaac Newton»):

Nature and Natur's Lows lay hid in Night;
GOD said: *Let Newton* be! and all was Light.

Ср. «Попиевы стихи Невтону», опубл. за подписью Б**:

Сокрыт природы был во тьме закон и след;
Бог рек: чтоб был Невтон!.. и бысть повсюду свет.(Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 12. С. 227).

См. примеч. к № 3.

7

Вероятно, написано в конце 1801 г., к 40-летию кончины императрицы Елисаветы Петровны (25 декабря 1761 г.).

Ст. 1. *...сень трофеев нова...* – В день смерти Елисаветы Петровны было обнародовано известие о взятии П.А. Румянцевым крепости Кольберг, под которой русские войска прежде два раза терпели неудачу.

Ст. 3. *...Озирида дщерь...* – Елисавета как дочь Петра I.

Ст. 4. *...Тифону смертный дать конец...* – т.е. прусскому королю Фридриху II, который в конце 1761 г. находился в отчаянном положении и даже помышлял о самоубийстве.

8

1-я ред.: «Драмматическая песнь на кончину Екатерины II в трех явлениях. Сочинение С... Б...». ⟨СПб., 1797⟩. – ⟨12 с.⟩. Единственный экземпляр находится в Библиотеке Академии наук (год и место издания не указаны, нет нумерации страниц); на титульном листе запись чернилами: «Из книг Петра Яновского, № 638»; на последней странице запись карандашом: «Legi in junii anno 1803». На картонном переплете под переписанным от руки заглавием дописана дата «1796» с вопросительным знаком, поэтому в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (Т. 1. М., 1963) 1796 год указан как год издания, что, однако, маловероятно, поскольку Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 г., а Бобров тогда находился на юге. Возможно, «Драмматическая песнь» была приурочена к дню коронации Павла I 5 апреля 1797 г. На последнем развороте брошюры помещены «Две надгробные надписи ВЕЛИКОМУ ЦАРЮ и ВЕЛИКОЙ ЦАРИЦЕ»:

I

Бесподобному основателю просвещения в России.
Подражание г. Попию.
Россия крылася в полнощи много лет;
Бог рек: *да будет ПЕТР!* – и бысть в России свет.

II

Бесподобной Совершительнице оного в России.
Цари и Царства мира! – приклонитесь! –
ЕКАТЕРИНА в гробе; – прослезитесь! –

Первая из этих надписей вошла в *РП* в расширенном виде под заглавием «К гробнице великого просветителя России» (№ 5), вторая – с изменениями – в «Две надписи Екатерине II» (№ 10–11). Саму «Драмматическую песнь» для *РП* Бобров существенно переработал, изменив не только содержание (в частности, все, что относилось к

Павлу I, сыну покойной императрицы, в новой редакции отнесено к Александру I, ее внуку), но и – в нескольких строфах – метрику, хотя количество стихов при этом не изменилось.

Эпиграф – из оды Горация (I, 24: 1–3; перевод А.П. Семенова-Тян-Шанского: «Можно ль меру и стыд в чувстве знать горестном / При утрате такой? Скорбный напев в меня, / Мельпомена, вдохни...»). Эти строки использованы в качестве эпиграфа к оде М. Прайора «На прибытие Его величества в Голландию по смерти королевы в 1695» («On his Majesty's Arrival in Holland, after The Queen's Death. 1695»), откуда Бобров мог их позаимствовать.

Ст. 64–73. *Славься, АЛЕКСАНДР, ЕЛИСАВЕТА...* и сл. – А.Х. Востоков приводил эти строки как редкий пример пятистопных хореев: «Кроме Тредьяковского стихов "Счастлив в мире без сует живущий", нашел я только у Боброва несколько 5-стопных хореических...» (*Востоков А.Х.* Опыт о русском стихосложении. Изд. 2-е. СПб., 1817. С. 50). В 1-й ред. «песни» соответствующие стихи были написаны обычным четырехстопным хореем. Обратиться при переделке стихотворения к экзотическому тогда размеру Боброва, скорее всего, побудило изменение имен царствующей четы, поскольку вообще метрические эксперименты у него редкость. Ср.: «Славься, ПАВЕЛ и МАРИЯ...» (1-я ред.) и «Славься, АЛЕКСАНДР, ЕЛИСАВЕТА...» (2-я ред.). *Мария* Феодоровна и *Елисавета* Алексеевна – супруги Павла I и Александра I.

9

Написано в октябре 1799 или 1800 г. (месяц указан в авторском примечании; из содержания стихотворения очевидно, что написано оно в Петербурге, т.е. не ранее 1799 г., когда Бобров вернулся в столицу, и, судя по всему, еще в

царствование Павла I). И.И.Мартынов в рецензии на первую часть *РП* процитировал несколько фрагментов из этой оды, сопроводив их восторженными комментариями и особо останавливаясь на лексических новообразованиях: «гореносные моря», «гроб водосланый», «кровомлечное лице», «светлолучный», «в одежде скорби слезошвенной» и др. (см.: *Мартынов 1804*. С. 38–41).

Ст. 25–32. *По мышцам марморным и здравым... я познаю жену почтенну и мать мою...* – т.е. Россию; далее (ст. 49–272) следует ее речь. Оплакивающая смерть императрицы, Россия является также в оде В.П. Петрова «Плач и утешение России» (1796).

Ст. 30. ... *кровомлечное лице*. – Ср. выражение «кровь с молоком».

Ст. 33. *Остановясь у стен священных, где персть полубогов...* – у стен Петропавловской крепости, где покоится прах российских императоров начиная с Петра I (за исключением скончавшегося и погребенного в Москве Петра II).

Ст. 54. *Тут спит, – где спит Ея Супруг*. – Прах императора Петра III, прежде находившийся в Александро-Невском монастыре, был эксгумирован 8 ноября и погребен 18 декабря 1796 г. в соборе Петропавловской крепости вместе со свергнувшей его супругой.

Ст. 119–144. *Вот здесь един между мужами...* и сл. – Скорее всего, имеется в виду Платон Александрович Зубов (1767–1822), последний фаворит Екатерины II, ее ближайший советник после смерти Г.А. Потемкина. Зубов выступал со множеством проектов, которые его противники считали необдуманными и фантастическими («*в уме клубя воздушны горы, в тьме ищет чертежам успех*»); в 1795 г. его действия на переговорах о третьем разделе Польши едва не привели к разрыву между Россий и Пруссией, и казалось, что положение Зубова пошатнулось («*а он – тут видит в бездну скаты*»), но в том же году он выдвинул антитурецкий проект, одобрен-

ный Екатериной II и положенный в основу Персидского похода В.А. Зубова 1796 г. («*начал он вздымать чело*»). Влияние Платона Зубова держалось почти исключительно на благосклонности императрицы, и ее смерть стала крахом для всех его начинаний («*блеск его заемный без царска солнца – свет стал темный*»).

Ст. 159. *...тень олив и лавров...* – т.е. мира и славы.

Ст. 165–166. *...брань Кагульска... росс один там гонит пять...* – В сражении на реке Кагул 21 июля 1770 г. со стороны русских участвовало 27 тыс. человек, со стороны турок – 150 тыс. Несмотря на пятикратное превосходство турок в численности, русские войска под командованием П.А. Румянцева обратили их в беспорядочное бегство.

Ст. 169. *Се над Чесмой свет молний блещет!* – В Чесменском сражении 26 июня 1770 г. под фактическим руководством Г.А. Спиридова был сожжен почти весь турецкий флот.

Ст. 177–181. *Вообразить ли Бельт...* и сл. – Речь идет о победах русского флота над шведским в 1790 г. в Ревельском (2 мая), Красногорском (23–24 мая) и Выборгском (22 июня) сражениях. См. № 39, 45 и примеч.

Ст. 183–184. *...в Эвксине... флот срацинский поражает.* – Речь идет о победах Ф.Ф.Ушакова на Черном море над турецким флотом в Керченском (8 июля 1790), Тендровском (28–29 августа 1790) и у мыса Калиакрии (31 июля 1791) сражениях. См. № 47 и примеч.

Ст. 185–192. *Дунай, несмесными струями...* и сл. – Дунай впадает в Черное море, разделившись на три рукава. Далее речь идет о взятии А.В. Суворовым находящегося на Дунае Измаила 11 декабря 1790 г. См. № 41 и примеч.

Ст. 193–200. *Представлю ль утро роковое...* и сл. – Речь идет о кровопролитном штурме и взятии Очакова 6 декабря 1788 г. См. № 38 и примеч.

Ст. 201–207. *О Таврия!* ⟨...⟩ *Не обагрен в своих лугах, ты перед россом преклонился...* – Присоединение Крыма к России в 1783 г. произошло без военных действий.

Ст. 209. *Представить ли в дыму Варшаву...* – Речь идет об усмирении А.В. Суворовым мятежной Варшавы в октябре 1794 г.

Ст. 211. *...кичливый савромат...* – то же, что «кичливый лях».

Ст. 214–215. *Представить ли Дербент? – твердит, твердит удары он Петровы...* – Речь идет о взятии Дербента В.А. Зубовым 10 мая 1796 г. после восьмидневной осады. В 1722 г. Дербент почти без боя был занят Петром I. Выражение «твердит удары» восходит к переложению «Энеиды» В.П. Петрова: «..Со моря волны яры / Во ребра оного ⟨залива⟩ твердя свои удары / Преламываются...» (Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972. Т. 1. С. 366). Ср. № 80, ст.8.

Ст. 224, 272. *...жало смерти.* – Ср.: «Где ти, смерте, жало? где ти, аде, победа?» (1 Кор 15: 55).

Ст. 283. *Тут тень, представши...* – тень Екатерины II. Далее следует ее речь, обращенная к России (ст. 297–392) и к Ангелу-хранителю страны (ст. 393–400).

Ст. 324–325. *...я внуков в пеленах лобзала и наконец – их сочетала...* – Бракосочетания великих князей Александра и Константина Павловичей состоялись соответственно в сентябре 1793 и феврале 1796 г.

Ст. 339. *...тридесять пять трудных лет...* – именно столько лет длилось царствование Екатерины II.

Ст. 346. *...тебе Скрижали даровала...* – имеется в виду «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения» (1767–1768). *Скрижалями* он здесь назван по аналогии со скрижалями Завета, данными Моисею на горе Синай (в следующих ст. 347– 350 аналогия развивается). В других случаях Бобров называет «Наказ» «чертежом» (см. № 12, ст. 89, 92, 93, 179; № 21, ст. 41).

Ст. 371–372. *...пусть горьки вздохи ты с Царем во звуках погрузишь Беллоны...* – Вероятно, имеется в виду война с революционной Францией в 1798–1800 гг.

Ст. 387. *...маслина...* – эмблема мира.

Ст. 390. *...ссет...* – растопит.

10–11

Первая из этих надписей в другой редакции (текст см. в примеч. к № 8) под названием «Бесподобной совершительнице оного [просвещения] в России» входила в брошюру «Драмматическая песнь на кончину Екатерины II в трех явлениях. Сочинение С... Б...». ⟨СПб., 1797. С. 11⟩. *Боги века* – монархи. *Тридесять пять лет* – продолжительность царствования Екатерины II.

12

В стихотворении речь идет об убийстве Павла I в ночь на 12 марта 1801 г. и воцарении Александра I. В рассказе об отношениях *Ольги, Святослава* и *сына Святославля* (князя Владимира) содержится откровенный намек на Екатерѝну II, Павла I и Александра I («Ольгой возрожденной» Екатерина II поименована также в «Херсониде»: «К единственному другу природы», ст. 75). По построению (тень царственной бабки вещает внуку, что он должен стать наследником принципов ее правления, от которых отступил его отец) стихотворение аналогично оде «Торжественное утро марта 12 1801 года» (№ 21), написанной, видимо, вскоре после переворота. В общем стихотворения «дублируют» друг друга, причем наиболее откровенные политические строки почти дословно повторяются (ср. № 12, ст.93–100, 132–141, 150–153 и № 21, ст. 41–48, 65–72, 221–224). Есть отдельные переклички со стихотворением на смерть Павла I «Ночь», где он назван «Варягом» (ср. № 12, ст. 1–4, 59 и № 18, ст. 1–16, 120–127 и др.). См. также примеч. к № 18.

Ст. 53. ...*Фракийски горы...* – Балканы, где воевал Святослав; в то же время подразумевается Швейцарский поход А.В. Суворова (ниже, где упомянуты Тибр и Эридан, т.е. р. По, – его Итальянский поход).

Ст. 70–75. *...не тень ли матери? – Да удалюся! Духов согласных поищу! Зрю, как главою покивает и глумным оком зрит она!* – Слова отходящего Святослава напоминают о неприязненных отношениях Павла I с матерью Екатериной II, долгое время оттеснявшей его от престола.

Ст. 85–86. *...печенеги изобретали страшный ков...* – Святослав был коварно умерщвлен печенегами, устроившими ему засаду у днепровских порогов в 972 г. Здесь же явный намек на предательский замысел заговорщиков – убийц Павла I.

Ст. 89. *...чертеж небесный...* – «Наказ» Екатерины II. Ср. № 9, ст. 346–350 и примеч.

Ст. 152–153. *Пусть с костью свыкшиесь заклепы, с сухих спадая ног, звучат!* – Обыгрываются слова из Манифеста о коронации Александра I от 15 сентября 1801 г.: «...отвергнув ужасы тайной экспедиции, мы исторгнули из заклепов ея все ея жертвы».

Ст. 168. *...Долгорукий...* – здесь имеется в виду Василий Владимирович Долгорукий (1667–1746).

Ст. 179. *...в холмах Аланских...* – т.е. на Среднерусской возвышенности.

Ст. 180–181. *...в Иулиане гибло пламя... Ты возроди!* – Император Юлиан Отступник пытался возродить язычество в Римской империи в ущерб христианству, ставшему при его предшественниках государственной религией. Святослав не последовал примеру своей матери Ольги, принявшей крещение в Константинополе, и оставался язычником. Павел I демонстративно отступал от принципов правления своей матери Екатерины II. Владимир, внук Ольги, стал крестителем Руси. Александр I в манифесте о вступлении на престол обещал править по «законам и сердцу августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой». Т.о. возникает прозрачная по смыслу цепочка аналогий.

13

Написано по случаю выхода в 1798 г. положения об учреждении Училища корабельной архитектуры в Петербурге и Черноморского штурманского училища в Николаеве (вместо открытого в 1794 г. Морского кадетского корпуса). Первое из них возглавил А.С. Катасанов, к которому косвенно обращено несколько стихотворений Боброва (см. примеч. к № 261).

Ст. 21–22. *...Тифис, Каноп... Мнестей!* – легендарные кормчие.

Ст. 31–33. *...льдиста бездна полуночна... горы белых вод... черны воды...* – Мурманское (Баренцево), Белое и Черное моря.

Ст. 42. *...как львов, вас учатся карать...* – т.е. шведов, потерпевших ряд поражений от русского флота в русско-шведской войне 1788–1790 гг. См. № 39 и 45.

Ст. 64–65. *...где были... Гаральд, и Ваза, и Канут, Густав Адольф, и Карл...* – т.е. на Балтийском море. Имеются в виду Гаральд Строгий, Густав I Ваза, Канут Великий, Густав II Адольф и Карл Зюдерманладский.

Ст. 66–67. *...где под Гесперовой звездою Алкид постановил столпы...* – т.е. у Гибралтарского пролива (Геркулесовых столпов) и в Атлантике.

Ст. 68–80. *...где... Язон... Митридат... Орест... Овидий... Велисарий.* – Т.е. на Черном море.

Ст. 91–92. *...Ахиллес, конеправитель, что в устье Бугских плыл брегов!* – По верованиям древних, душа Ахилла после его гибели была перенесена на остров Левка в Черном море (Змеиный остров в устье Дуная), где он продолжал жить жизнью блаженных.

Ст. 96–98. *...Велисарий... кому в очах отъяли день...* – По распространенной легенде (противоречащей историческим известиям), Велисарий был отправлен в изгнание и ослеплен по приказу императора Юстиниана.

Ст. 99–100. *...Назона... тень, тоскующа при Истре!* – Т.е. при Дунае. См. № 99 и примеч.

Ст. 103–105. *Над темным полюсом... зрите... кто там дерзает в бездны?* – Речь идет об экспедиции В.Я. Чичагова для отыскания Северного морского пути в 1764–1766 гг.

Ст. 108–110. *...посрамляет тот флот, что славой бы считал и римлянин, и еллин*? – Речь идет о поражениях, нанесенных русским флотом шведскому в войне 1788–1790 гг.

14

Написано по случаю учреждения весной 1800 г. Нового адмиралтейства на месте Галерной верфи, существовавшей с 1712 г. Подготовительные работы велись с весны 1797 г. под наблюдением А.С. Катасанова. Ср. № 29 и примеч.

Ст. 67. *...весельные суда...* – галеры.

Ст. 70. *...секир не чуть, – без рук всегда.* – т.е. не слышен звук топоров, которые никто не берет в руки.

Ст. 82. *...потомок...* – император Павел I, правнук Петра I.

Ст. 109. *...вид судов готовят точных...* – уменьшенные модели кораблей, изготовлявшиеся на Галерной верфи.

Ст. 111. *Под сими кровами Гигея...* – Речь, видимо, идет о больнице, учрежденной при верфи.

Ст. 123. *Князь моря...* – адмирал (от *араб.* «амир аль бахр» – владыка на море).

Ст. 131. *Едва лишь третья низлетела... весна...* – Строительство Нового адмиралтейства началось весной 1797 г. и было завершено весной 1800 г.

Ст. 160. *...отечества Отец.* – Официальный титул Петра I, поднесенный ему Сенатом в 1721 г. (происходит от *лат.* Pater Patrios).

Ст. 176. *...Прадеда...* – т.е. Петра I, прадеда Павла I.

15

Написано, как и последующее стихотворение (№ 16), по случаю спуска на воду 1 августа 1800 г. первого в России 130-пушечного корабля «Благодать» постройки

А.С. Катасанова (заложен 25 февраля 1797 г.). Павел I, назвавший корабль в честь своей фаворитки Анны Петровны Лопухиной («Анна» в переводе с *евр.* «благодать»), лично следил за его строительством и отделкой и присутствовал при спуске на воду.

Ст. 7. *...сафирных...* – сапфирных, т.е. голубых, небесных.

Ст. 13. *...внести не мир в сей мир, но брань...* – Обыгрывается евангельское речение: «Не мните, яко приидох вovрещи мир на землю: не приидох вовреши мир, но меч» (Мф 10: 34); «Мните ли, яко мир приидох дати на землю? ни, глаголю вам, но разделение» (Лк 12: 51).

16

См. примеч. к № 15. Перепечатка: *Невзоров 1810.* С. 85–86.

Ст. 13. *...нажидая...* – ожидая.

Ст. 39–40. *...корабли мемфийски, секущи... Чермны волны...* – суда древних египтян на Красном море, через которое пролегал торговый путь в страну Пунт (Сомали).

Ст. 41. *...суда... тирски...* – суда древних финикиян, искусных мореплавателей, господствоваших на Средиземном море во II – первой половине I тыс. до н.э.

Ст. 44–45. *...суда александрийски, как скачущие острова...* – необыкновенно крупные корабли, строившиеся в древней Александрии. Уже Александр Македонский возводил суда с 10 рядами весел, а при Птолемее IV Филопатре (221–205 гг. до н.э.), по свидетельству Плиния Старшего, было построено гигантское судно с 40 рядами весел (тессаконтера), возвышавшееся над водой на 22 м, длиной 120 м и шириной 17 м.

Ст. 47–50. *...суда... карфагенски, вкруг... Африки бегущих и вкруг... Гесперии и Альбиона.* – Речь идет об одновременно (ок. 525 г. до н.э.) предпринятых плаваниях карфагенян Ганнона (на юг вдоль северо-западного побережья Африки) и Гимилькона (на север вдоль северо-западного побережья Европы к «Оловянным островам»,

т.е. Британским). *Гесперия* – здесь: Пиренейский полуостров.

Ст. 51. ...*Феномена*... – В «Происшествии в царстве теней...» (1805) Бобров это слово иронически обыгрывает как принадлежащее к щегольскому наречию: Галлорусс применяет его к Ломоносову («...это феномен наших времен»), а Меркурий – к самому Галлоруссу («Исчезни отсюда, Галской феномен!») (*ПЦТ*. С. 472, 491). Здесь употреблено в паре с соответствующим русским словом: «явленье ново» (ст.54).

Ст. 76. ...*волот*... – великан.

17

Стихотворение представляет собой заупокойный перечень славных деятелей русской истории. Последовательно названы древнерусские князья (Рюрик, Ольга, Святослав Игоревич, Владимир Святославич, Мстислав Владимирович, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Мстиславы, Изяславы и Романы (см. примеч. к ст. 7–10), Василько и Володарь Ростиславичи, Всеволод Большое Гнездо, Дмитрий Донской), деятели Смутного времени (Шуйские, Романовы (см. примеч. к ст. 15–16) и князь Д.М. Пожарский), военные соратники Петра I (А.Д. Меньшиков, Б.П. Шереметев), отличившиеся громкими победами полководцы времен Анны Иоановны (Б.К. Миних), Елисаветы Петровны (П.С. Салтыков) и Екатерины II (П.А. Румянцев, Н.В. Репнин), затем флотоводцы екатерининского царствования (Г.А. Спиридов, А.И. Круз, С.К. Грейг) и менее громкие имена погибших при исполнении воинского долга в русско-турецкую войну 1787–1791 гг. (генерал-поручики О.А. Вейсман и И.И. Меллер-Закомельский, произведенный в генерал-аншефа накануне гибели, бригадир И.П. Горич и капитан-лейтенант И.-Р. Остен-Сакен, произведенный в капитана второго ранга также накануне гибели). Таким образом, перечень

организован одновременно по хронологическому и иерархическому принципам: сначала владетельные древнерусские князья, затем бояре Смутного времени, генералиссимус, генерал-фельдмаршалы, адмиралы, генерал-поручики, бригадир и капитан-лейтенант.

Ст. 1. *...Родриг, сей российский Август...* – Рюрик уподоблен римскому императору Августу как основатель русской монархии. По известной легенде, он являлся его потомком.

Ст. 2. *...Святослав, бич греков...* – Князь Святослав Игоревич, воевавший в Дунайской Болгарии в 967–971 гг., первоначально выступал в союзе с Византией, а с 970 г. стал их опасным врагом. По преданию, гибель его от рук печенегов была подстроена византийцами.

Ст. 3. *...святый вождь веры...* – святой равноапостольный князь Владимир, креститель Руси.

Ст. 4 *...Мстислав – сей наш Ахилл...* – Князь тмутараканский Мстислав Владимирович проводил жизнь в беспрестанных войнах. «Повесть временных лет» рассказывает о его единоборстве с могучим косожским князем Редедей, что, видимо, вызывало у Боброва ассоциации с поединком Ахилла и Гектора.

Ст. 5. :*..Ярослав – зерцало правды...* – При Ярославе Мудром была составлена «Русская правда» (по мнению впервые обнаружившего ее В.Н.Татищева и др.)

Ст. 6. *...Мономах – Атрид российский...* – Владимир Мономах успешно боролся с княжескими междуусобицами, а Агамемнон (Атрид) прекратил раздоры греческих царей, объединив их для участия в осаде Трои, что и позволило Боброву присвоить Мономаху такое именование.

Ст. 7–8. *...сыны его Мстиславы, златого корня ветви...* – потомки Владимира Мономаха: великий князь киевский Мстислав Владимирович (сын), князь смоленский и новгородский Мстислав Ростиславич Храбрый (правнук), князь торопецкий Мстислав Мстиславич Удалой (праправнук).

Ст. 9. *...Изъяславы велемудры...* – великие князья киевские Изяслав I Ярославич, Изяслав II Мстиславич и Изяслав III Давыдович.

Ст. 10. *...нерушимые Романы...* – Вероятно, имеются в виду князь владимиро-волынский и галицкий Роман Мстиславич, известный деятель Галицко-Волынской земли, коварно умерщвленный своим бывшим союзником князем Лешко Польским, и святой князь рязанский Роман Ольгович, замученный ордынцами за верность православию.

Ст. 11–12. *...Кастор, Поллукс россов – Василий, Володарь...* – братья князья Василько и Володарь Ростиславичи были неразлучны и дружны, подобно близнецам Диоскурам – Кастору и Поллуксу. Когда Василько был схвачен и ослеплен враждебными князьями, Володарь пошел на них войной, чтобы освободить брата. Когда Володарь оказался в плену у поляков, Василько отдал всю свою казну, чтобы выкупить его из неволи. Скончались они в один 1124 г.

Ст. 13. *...Всеволод с сынами...* – У Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо было девять сыновей: Константин (1186–1218), князь ростовский с 1207 и великий князь владимирский с 1216; Юрий (1189–1238), великий князь владимирский в 1212–1216 и с 1218; Ярослав (1190–1246), великий князь киевский в 1236–1238 и владимирский с 1238; Владимир (1192–1227), князь переяславский в 1213–1215 и стародубский с 1217; Святослав (1196–1252), великий князь владимирский в 1246–1248, князь юрьев-польский в 1213–1228 и с 1248; Иван (1197-?), князь стародубский в 1237–1247; Борис; Глеб.

Ст. 14. *...росский Годофред – Донской...* – Князь Дмитрий Донской защитил Святую Русь, отразив иноверные полчища Мамая в Куликовской битве 1380 г., а герцог Готфрид Бульонский, воспетый в «Освобожденном Иерусалиме» Т.Тассо, во время Первого крестового похода освобождал Святую землю от сарацин и занял Иерусалим в 1099 г.

Ст. 15. *Где Шуйские?* – Вероятно, в первую очередь имеются в виду деятели Смутного времени царь Василий IV Иванович Шуйский (1552–1612), прежде своего воцарения в 1606 г. свергнувший Лжедмитрия I, и его племянник военачальник князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1586–1610), прогнавший от Москвы осаждавшего ее Лжедмитрия II в 1610 г.

Ст. 16. *Где род Романовых великий?* – Прямая мужская линия рода Романовых пресеклась на внуке Петра I – Петре II (1715–1730, император с 1727). Здесь, вероятно, имеются в виду защищавший целостность государства и чистоту веры патриарх Филарет (Феодор Никитич Романов, ок.1555–1633) и его сын Михаил Феодорович (1596–1645), с избранием которого на царство в 1613 г. окончилось Смутное время.

Ст. 24. *...под тенью кипарисов...* – Кипарис – символ смерти.

18

Автограф (1-я ред): «Ночь марта 1801 года» (Отдел рукописей ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. Ед.хр. 137; под стихотворением подпись: «Семен Бобров»). Стихотворение является откликом на убийство Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. По замечанию М.Г. Альтшуллера, здесь «содержится, хотя и робкое и завуалированное, осуждение государственного переворота 1801 года» (*Альтшуллер 1964*. С. 237). Однако в перекликающихся с «Ночью» стихотворениях «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославлю» (№ 12) и «Торжественное утро марта 12 1801 года» (№ 21) царствованию Павла I – вполне в духе полуофициальной пропаганды того времени – дается в целом негативная оценка, а сам он представлен как тиран (ср. также мотив цареубийства в изложении мифа об Ифигении в «Херсониде»: песнь V, ст. 496–551, и примеч.). Впрочем, политическая проблематика в «Ночи» особенно затемнена: грозные предзнаменования

в ней говорят о кончине мире, но неясно, сам ли Павел I («Варяг») угрожал его существованию, или эти явления сопровождали действия его убийц (см.: *Коровин 2004*. С. 60–67). «Ночь» тесно связана с религиозно-философскими стихами Боброва (№ 102, 106 и др.) и стихотворениями на начало века (№ 1, 98–99 и др.). Отмечались ее переклички с духовной одой М.В. Ломоносова (см.: *Пашкуров А.Н.* Некоторые грани возвышенного в русской философский оде: («Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» М.В. Ломоносова и «Ночь» С.С. Боброва) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб., 2003. С. 191–210). Возможно, «Ночь» Боброва оказала прямое влияние на «павловские» строфы в оде Пушкина «Вольность» (1817).

Ст. 1. *Звучит на башне медь – час нощи...* – Здесь и ниже, где возникает фигура Ангела смерти, использованы известные образы из «Ночных размышлений» Э. Юнга (ср.: «Я слышу – час биет. Мы примечаем время по единой оного утрате; премудро поступил человек, дав колоколу язык. Я чувствую важный звук сей, якобы слова ангела» – *ПЭЮ*. Ч. 1. С. 6–7). Очевидна перекличка с одой Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779), начало которой тоже восходит к Юнгу. Ср. зачины в других стихотворениях Боброва: «Песнь несчастного на новый год...» (№ 111, ст. 1–2), «К г. Г⟨ерин⟩гу на кончину его супруги...» (№ 296, ст. 1–2) и др.

Ст. 3. *...прядут лишь парки тощи...* – Это выражение (видимо, для создания комического эффекта) использовано в послании К.Н. Батюшкова «Мои Пенаты» (1811–1812): «Когда же парки тощи / Нить жизни допрядут...» (см: *Фридман Н.В.* Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 104; *Коровин 2004*. С. 141).

Ст. 12. *... с крыл зернистый мак летит.* – Мак – один из атрибутов Морфея.

Ст. 33. *Кровавая луна...* – Ср.: «...и луна бысть яко кровь» (Откр 6 : 12).

Ст. 48–55. *Не такова ли ночь висела...* и сл. – Речь идет об убийстве Юлия Цезаря в мартовские иды (15 марта) 44 г. до н.э. в курии Помпея на Капитолийском холме. В словах «*вдруг вечным мраком покрылся в Капитолий он*» можно усмотреть натуралистическую подробность: Цезарь, увидев направленные на него кинжалы, накрыл голову тогой. *Палатинская гора* – один из семи римских холмов, на котором волчица вскармливала Ромула и Рема; отсюда начиналась застройка города.

Ст. 80. *Варяг...* – В другом стихотворении Павел I прямо соотнесен с князем Святославом Игоревичем (см. № 12 и примеч.).

Ст. 86. *Еще, – еще он ударяет...* – Удары колокола сливаются с действиями убийц Варяга и самого Ангела смерти, совершающего «страшный долг».

Ст. 92–93. *...смерть, толкаясь то в терем, то в шалаш простой...* – Ср. в оде Горация (I, 4: 13–14; перевод А.П. Семенова-Тян-Шанского: «Бледная ломится смерть одною все и тою же ногою / В лачуги бедных и в чертоги царей») (впервые отмечено: *Мартынов 1804*. С. 40). В 1-й ред. оды реминисценции из Горация не было.

Ст. 117. *...в Авзон, в Альпах возгремев...* – Имеются в виду Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова в 1799 г.

Ст. 118. *...зиждя гром над Альбионом...* – Незадолго до гибели Павел I намеревался заключить союз с Наполеоном против Англии и направил казачьи полки под командованием М.И. Платова для поиска пути в Индию.

19

Написано на смерть А.В. Суворова 6 мая 1800 г. В своем Швейцарском походе 1799 г. он повторил опыт Ганнибала, перешедшего Альпы зимой 218–217 гг. до н.э. Ср. три надписи к памятнику Суворову (№ 26–28).

20

Написано по случаю присоединения к России Картли-Кахетинского царства (Восточной Грузии) 18 января 1801 г. Прежде, по условиям Георгиевского трактата 1783 г., Восточная Грузия находилась под покровительством России. См. также переложенный Бобровым отрывок грузинского стихотворения (№ 158).

Ст. 13–15. *...буду ввек стенать в пустыне. – Кто даст мне горлицы крыле, чтоб я туда летела ныне?* – Ср.: «...кто даст ми криле, яко голубине? И полещу, и почию? Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни» (Пс 54 : 7–8).

Ст. 17–19. *...эламиты... скиф, сын диких скал... сын Исмаила...* – т.е. Иран, кавказские горцы и Турция. Последнее разорительное вторжение в Грузию предпринял иранский шах Ага Махмед-хан Каджара в 1795 г.

Ст. 33. *...Славена сын* – т.е. Российское государство. *Славен* – баснословный прародитель славян, внук Иафета, упоминаемый в Новгородской летописи, которую изучал В.Н. Татищев.

Ст. 97. *...твой сосед...* – Имеретинское царство в Западной Грузии. Под протекторат России оно перешло в апреле 1804 г., а полностью было присоединено в 1810 г.

Ст. 99. *Мингрелец с имертинцом...* – Мегрельское княжество в Западной Грузии пользовалось автономией. Окончательно присоединено к России только в 1867 г.

Ст. 101–102. *...в Эвксин Рионом покатятся...* – Имеется в виду р. Риони в Грузии, впадающая в Черное море близ г. Поти.

Ст. 117. *Досель ты кланялась Луне...* – т.е. Турции.

Ст. 147. *...готски горы...* – здесь: Швеция.

Ст. 153. *Царь россов, как Паллады сын...* – Павел I, как сын Екатерины II («Афины россов»). Собственно Афина – девственная богиня.

Ст. 156–158. *...Висла, Эридан, Везувий, Альпы, Океан, Кавказ, вершины Араратски...* – Имеются в виду взятие

Варшавы А.В. Суворовым в 1794 г. (*Висла*), его Итальянский и Швейцарский походы в 1799 г. (*Эридан*, т.е. р. По, *Везувий* и *Альпы*), Средиземноморский поход Ф.Ф. Ушакова в 1798–1800 гг. (*Океан*) и Персидский поход В.А. Зубова 1796 г. (*Кавказ, вершины Араратски*).

21

Ода посвящена восшествию на престол Александра I в результате переворота в ночь на 12 марта 1801 г. и написана, видимо, вскоре после этого события. Аналогичное по построению стихотворение на тот же случай – «Глас возрожденной Ольги к сыну Святославлю» – дублирует содержание этой оды, вплоть до почти дословных повторений отдельных строф (см. примеч. к № 12).

Ст. 29–30. *Гряди на трон, куда в дни прежни вела тебя душа моя!* – Известно, что Екатерина II намеревалась передать престол Александру Павловичу в обход его отца.

Ст. 89–92. *Тебя... приветствуют из сих гробниц; и Невский князь, и Петр Великий, и Я...* – Александр Невский покоится в соборе Александро-Невской лавры в Петербурге, Петр I и Екатерина II – в соборе Петропавловской крепости.

Ст. 98–104. *Перун и плуг с златой державой...* и сл. – Эту строфу прокомментировала Л.О. Зайонц: «В рассматриваемом случае предполагается *изображение* восседающего на троне монарха, окруженного аллегорическими фигурами Изобилия – Церера, Военной славы – Марс, Науки – Урания, Правосудия – Фемида, Торговли – Гермес и Искусства – Аполлон. ⟨...⟩ В стихах Боброва за номинативным планом выступает изобразительный: перечисленные в 1-м четверостишии предметы – не что иное, как *атрибуты* богов, позволяющие дифференцировать их в изобразительном тексте: Марс – *перун,* Церера – *плуг,* Гермес – *Ермиев жезл*, Урания – *компас,* Фемида – *весы,* Аполлон – *лира.* Предполагаемое присутствие в

картине фигуры монарха обозначается введением в нее одного из царских атрибутов власти – *златой державы.* 〈...〉 [Строфа] читается как словесная проекция изображения, сконструированного по законам эмблемы» (*Зайонц 1995*. С. 52).

Ст. 127. *...Таврус...* – здесь: Таврические горы.

Ст. 133. *Супруга ангелоподобна...* – Елисавета Алексеевна, супруга Александра I.

Ст. 134–136. *...сияет... усладит.* – Скорее всего, рифма здесь нарушена случайно, в результате наложения ранней (неизвестной) редакции текста, и вместо «сияет» следует читать «блестит», однако возможны варианты.

Ст. 137. *...Августейшая Мария...* – императрица Мария Феодоровна, супруга Павла I и мать Александра I.

Ст. 142. *...как будет в мире полумир...* – т.е. когда для России, заключающей в себе полмира, настанут мирные времена.

Ст. 161–164. *Так в взорах Одиссея сына на сизом облаке с щитом голубоокая Афина в Зевесов возносилась дом.* – См.: Одиссея, I, 315–316; III, 371–372. Бобров, вероятно, вспоминает заключительный эпизод «Приключений Телемака» Ф. Фенелона (см. в «Тилемахиде» В.К. Тредиаковского: кн. 24, ст. 691–720).

Ст. 166–167. *...Воот, Медведицу стрегущ...* – северные созвездия Боотес и Большая Медведица.

Ст. 181. *...как солнце в знак Овна...* – т.е. в марте, когда воцарился Александр I.

Ст. 198. *...праматернего духа...* – т.е. духа бабки – Екатерины II.

Ст. 199–200. *...Мессия, мнится, в нем сияет; он в тайный ад луч быстрый шлет.* – Очередная «игра в мыслях»: как Сын Божий, сокрушив врата адовы, вывел оттуда души праведников, томившихся в ожидании Искупителя, так Александр I освободил из темниц безвинно заточенных туда Павлом I.

Ст. 223. *...там с костью свыкшися заклепы...* – см. примеч. к № 12, ст.152–153.

22

Гимн посвящен восшествию на престол Александра I 12 марта 1801 г. и служит прологом к следующему циклу стихов «Монаршая попечительность о царстве» (№ 23–25).

Ст. 4. *...до... Праги...* – т.е. до Варшавы (Прага – ее предместье), крайнего западного предела Российской империи.

Ст. 22–23. *От Колы до полей Тифлисских... до вод... Аласкийских* – т.е. от Кольского полуострова до Грузии и до Аляски.

23–25

См. примеч. к № 22. Единый цикл из трех стихотворений с однообразным зачином-обращением («Монарх!..»), воспевающих первые распоряжения Александра I относительно «войска», «морских сил» и «внутренних дел». В оригинальном издании даны без внутренней нумерации.

26–28

Надписи посвящены торжественному открытию 1 мая 1801 г. памятника А.В. Суворову (работы М.И. Козловского) на Марсовом поле. Отлить в бронзе конную статую полководца повелел еще Павел I в октябре 1799 г., но установлен памятник был уже по указанию Александра I, а в 1818 г. перенесен ближе к Неве.

1, ст.3. *...вождь трех царств...* – Суворов, имевший звание фельдмаршала (потом генералиссимуса) в России, в 1799 г. стал также фельдмаршалом Австрии (март) и Сардинского королевства (август). Ср. в следующей надписи: «Триех держав архистратиг» (ст. 2). *Архистратиг* – военачальник.

29

Автограф (1-я ред.): «Ода Его Императорскому Величеству Всемилостивейшему Государю и самодержцу всерос-

сийскому Александру Павловичу на случай благополучного спуска 110-пушечного корабля, именуемого "Гавриилом", при коем следовала высочайшая воля довершить и утвердить новое Адмиралтейство. Октября 3-го дня 1802 года» (*РГИА*. Ф. 1101. Оп. 1. Ед.хр. 231 («Стихотворения Андрея Орловского и Сем⟨ена⟩ Боброва по поводу коронации Александра I и спуска корабля «Гавриил»)); опубл.: Архив графов Мордвиновых. Т. 3. М., 1902. С. 684–688. Написано по случаю спуска на воду 110-пушечного линейного корабля «Гавриил» постройки А.С. Катасанова 3 октября 1802 г. Ср. № 14 и примеч.

Ст. 80. *...как храм твой...* – видимо, корабельный храм во имя Архангела Гавриила.

Ст. 81. *...решил сим лучший рок местам...* – т.е. предназначил этим берегам лучшую судьбу.

Ст. 85. *...у ⟨брега⟩...* – В *РП* опечатка: «у гроба»; исправлено по 1-й ред.

30

Ода посвящена «торжественному шествию» Александра I и его супруги Елисаветы Алексеевны из Петербурга в Москву для коронации в начале сентября 1801 г. Из Петербурга они выехали 31 августа, в Москву прибыли 5 сентября. Торжественный въезд в древнюю столицу состоялся 8 сентября 1801 г.

Ст. 42. *...северной богини* – Екатерины II.

31

Ода посвящена коронации Александра I и Елисаветы Алексеевны 15 сентября 1801 г.

Ст. 65. *...Иры сын...* – бог войны Арес, сын Геры.

Ст. 77–79. *...Марии сын, Паллады внук... праправнук россов Озирида...* – Александр I – сын Марии Феодоровны (супруги Павла I), внук Екатерины II и праправнук Петра I.

Ст. 205–208. *О радость, – радость многоценна...* и сл. – По замечанию Ю.М. Лотмана, эти строки близки к началу оды Ф. Шиллера «К радости» («An die Freude») (см.: Поэты начала XIX века. Л., 1961. С. 57).

Ст. 253–264. *Се ныне с миром отпущаешь...* и сл. – вариация на тему молитвы св. Симеона Богоприимца (Лк 2: 29–32). Ср. близкие к тексту переложения этой молитвы: № 148, 152.

32

Ода посвящена возвращению императорской четы после коронации в Петербург 19 октября 1801 г. (Москву они покинули 15 октября).

Эпиграф – из «Энеиды» Вергилия (VIII, 301–302; перевод Ф. Петровского: «Праздник свой посети, громовержца истинный отпрыск, / К нам благосклонен пребудь, Олимпа новая гордость!»).

Ст. 42. ... *вождь планет...* – солнце.

Ст. 46. ...⟨*гордой*⟩... – В *РП* напечатано «город».

Ст. 47. *Весы* – зодиакальное созвездие, знак октября.

Ст. 134. ...*со громоносной птицей...* – т.е. с орлом, одним из атрибутов Зевса.

Ст. 169–170. *Се Он... и се Она!* – Александр I и Елисавета Алексеевна.

Ст. 184. ...*в орлей юности...* – Ср.: «...обновится яко орля юность твоя» (Пс 102: 5)

Ст. 217–218. ...*Паллада и Астрея, и муза вкупе оживут...* – т.е. наука, справедливость и искусства.

Ст. 320. *Кыхтак и Афагнак* – острова у берегов Аляски, открытые и присоединенные к России Г.И. Шелеховым в 1783 г.

Ст. 335–336. ...*ни уснет ввек, ниже воздремлет храняй престол твой...* – Ср.: «,..се не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля» (Пс 120: 4).

Ст. 342. ...⟨*Возможно*⟩ – В *РП* напечатано «возможность».

33

Ода посвящена торжествам столетия Петербурга 16 мая 1803 г. Неоднократно отмечалось, что с этой одой перекликается вступление к поэме Пушкина «Медный всадник» (1833) (впервые – в кн.: *Розанов И.Н.* Русская лирика. От поэзии безличной к «исповеди сердца». М., 1914. С. 382–383). Перепечатка: *Невзоров 1810*. С. 88–94.

Ст. 25. *...взывает росс в гремящем лике!* – Ср. у Ломоносова в «Переложении псалма 145»: «Я буду петь в гремящем лике...» (ст. 3).

Ст. 32–37. *...праправнук Августейший твой... предыдя... твоим полкам, велит торжествовать громам.* – Александр I 16 мая 1803 г. лично возглавлял марш гвардейских полков по Английской набережной к Сенатской площади, где по его команде войска салютовали памятнику Петра I (Медному всаднику). Ср. № 1, ст. 288–290.

Ст. 55–57. *...храм Дианы... три века с златом поглотил...* – одно из семи чудес света, храм Артемиды в Эфесе, воздвигнутый в VI в. до н.э. и восстановленный после пожара в конце IV в. до н.э.; располагался, как и Петербург, в низменной болотистой местности.

Ст. 71–74. *Как? – Стены предо мною ныне! Ужель в стенах бегут струи? Мне кажется, – в иной долине пустынны я вела краи.* – Ср. в оде Ломоносова: «В стенах внезапно укрепленна / И зданиями окруженна / Сомненная Нева рекла: / «Или я ныне позабылась / И с оного пути склонилась, / Которым прежде я текла?» («Ода на день восшествия на Всероссийский престол... Елисаветы Петровны 1747 года», ст. 75–80). (Впервые отмечено в статье: *Браиловский С.* С.С. Бобров (Историко-литературный очерк) // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Т. 15. Отд. 12. Нежин, 1894. С. 30.)

Ст. 81–110. *А ныне там, где...* и сл. – Формула восходит к «Энеиде» Вергилия (I, 421); ср. в переложении В.П. Пе-

трова: «Чудится вождь траян великолепью града, / Где прежде кущ был ряд, там здания громада» (Поэты XVIII века. М., 1972. Т. 1. С. 75). (Об использовании ее в русской поэзии применительно к С.-Петербургу см.: *Пумпянский Л.В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. Т.4–5. М.; Л., 1939. С. 4–98; там же см. указание на эти стихи Боброва как источник вступления к поэме Пушкина.) Ср. ту же формулу в стихотворениях Боброва «Установление Нового адмиралтейства...» (№ 14) и «Высочайшая воля к довершению Нового адмиралтейства...» (№ 29).

Ст. 100. *Сей ботик – их почтенный дед...* – Ботик Петра I во время торжеств 1803 г. был установлен на 110-пушечном корабле «Гавриил» посредине Невы против Медного всадника. «Дедушкой русского флота» называл его сам Петр I.

Ст. 102. *...Лицей...* – здесь: вообще учебное заведение (первоначально – сады вокруг Афин, где Аристотель основал философскую школу).

Ст. 105. *...скудели...* – здесь: глина, идущая на кирпичи.

Ст. 109. *...стогны...* – площади.

Ст. 110. *...стражницы...* – башни.

Ст. 112. *Зевесов иль Филиппов сын...* – Александр Македонский.

Ст. 153. *...Внук Минервы...* – Александр I, внук Екатерины II.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
БРАНОНОСНЫЕ И МИРОЛЮБИВЫЕ ГЕНИИ РОССИИ, ИЛИ ГЕРОИ СЕВЕРА В ЛАВРАХ И ПАЛЬМАХ

Эпиграф – из «Любовных элегий» Овидия (III, 8: 56–57; перевод С.В.Шервинского: «[Пусть же хоть все заберут, -] и Марсово поле, и Форум; / Распоряжаются пусть миром и грозной войной...»).

34

Написано не ранее 1801 г. Адресат не установлен. Судя по всему, это молодой человек, родившийся во время русско-турецкой войны 1787–1791 (см. ст. 83–84) и достигший совершеннолетия или поступивший на службу к моменту написания стихотворения.

Ст. 11–12. *...космату к нам комету ближа...* – Имеется в виду комета Галлея, которая должна была пройти через перигелий в 1835 г.

Ст. 21. *...в дожде камнистом их свергает...* – Ср. в стихотворении «Запрос новому веку» (№ 98, ст. 27–28).

Ст. 29–31. *...других он с пастухом рождает... из ничего выводит нечто.* – Речь, видимо, идет о Наполеоне.

Ст. 63–64. *Лишь нужен добрый вертоградарь; – и се! – при корени секира!* – Сконтаминированы евангельская притча о смоковнице (Лк 13 : 6–9) и слова Иоанна Крестителя: «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо» (Мф 3 : 10; ср.: Лк 3: 9).

35

Адресовано Н.С. Мордвинову по случаю его возвращения на службу в августе 1801 г. (в отставке он находился с начала 1799 г.). См. № 59 и примеч.

36

1-я ред.: «Действие и слава зиждущего духа» (Собеседник любителей российского слова. 1784. № 12. С. 3–7; подпись: *С.Б.*). Одно из первых стихотворений Боброва, значительно переработанное. Посвящено действию Промысла в истории России.

Ст. 19. *...круг полдней...* – экватор.

Ст. 29–30. *Чрез старца мудрого... в варяжских витязях он сорудил кормило...* – Речь идет о призвании варягов на Русь по совету легендарного Гостомысла.

Ст. 34. *...призвал он Веру в край полночный...* – Речь идет о крещении Руси св. князем Владимиром.

Ст. 37. *...вздохам Севера чрез двести лет внимая...* – Речь идет о татаро-монгольском иге.

Ст. 42. *...покрыл Восток огнем и дымом.* – Речь идет о взятии Казани Иоанном IV, когда были подкопаны и взорваны стены крепости.

Ст. 44. *Хвалынска зыбь* – Каспийское море.

Ст. 50–53. *...одной стопой попрать строй готов...* и сл. – Речь идет о деяниях Петра I – победах над шведами в Северной войне, азовских походах и восстановлении на польском престоле Августа II в 1709 г. Указание на галлов неясно.

Ст. 68. *...в внуке дух ея...* – в Александре I, который в манифесте на восшествие на престол обещал править «по законам и по сердцу августейшей бабки... Екатерины Великой».

37

Первоначально это стихотворение вместе с № 39, 41, 42, 43 составляло одну пространную оду, изданную отдельно: «Слава российских Ироев, ознаменовавших себя в течение 1788 по 1792 год. Победная песнь. Сочинение Семена Боброва на случай торжества мира с Портою 1793 года сентября 2 дня» (СПб.: Тип. Вильковского, ⟨1793⟩). 2 сентября 1793 г. была выбита медаль «В память Ясского мира 29 декабря 1791 года», проходили торжества мира и награждения участников русско-турецкой войны 1787–1791 гг. В данной оде речь идет об основных ее событиях: штурм и взятие Очакова 6 декабря 1788 г. (ст. 41–60), происшествия в ходе его осады (ст. 61–80), разгром А.В. Суворовым турецких войск при Рымнике 11 сентября 1789 г. (ст. 81–120).

Эпиграф – из поэмы Дж.Аддисона «Поход» («The Campaign. A Poem, to His Grace the Duke of Marlborough, 1705». L. 270–271).

Ст. 21–23. *Едину стопу на Эвксинских... другую в Севере на Финских...* – одновременно с военными действиями против турок Россия в 1788–1790 гг. вела войну со Швецией, пытавшейся захватить Балтийское побережье.

Ст. 52–55. *...привыкший к молниям Репнин... с ним Меллер...* – Штурмующие Очаков войска были разделены на шесть колонн: четыре были отданы в командование Н.В. Репнину, две – И.И. Меллеру-Закомельскому. Оба они были артиллеристами.

Ст. 58. *...Волхонский с Горичем...* – В донесении Потемкина Екатерине II о взятии Очакова от 7 декабря 1788 г. читаем: «Убит Генерал-Маиор Князь Волконский на ретраншементе и бригадир Горич на стене. Ой, как мне их жаль» (Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 329 (Лит. памятники)). Оба похоронены в Свято-Екатерининском соборе в Херсоне.

Ст. 61–70. *...Сакен... сретает славу в небесах.* – Речь идет о подвиге И.-Р. Остен-Сакена, упомянутом в письме Потемкина Екатерине II от 25 мая 1788 г.: «Как они (турецкие суда. – *В.К.*) пришли, то стоящая на бранд-вахте наша дубель-шлюпка от Кинбурна лишь отвалилась, то за ней более тридцати разных судов кинулись. Командир оной капит⟨ан⟩-лейтенант Сакен, не могши более уходить, полетел с судном на воздух. Столь мужественная решительность заслуживает воздаяние его оставшим» (Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. С. 289–290). См. также: *Белавенец П.И.* Капитан 2-го ранга Иоганн Рейнгольд фон дер Остен-Сакен, известный больше под именем капитана Сакена. СПб., 1907.

Ст. 85. *Се тот, кто Кинбурн ограждает...* – Суворов, разбивший турецкий десант на Кинбурнской косе 1 октября 1787 г.

Ст. 103. *...Гассан на длинну тень валился...* – Ср. в оде Ломоносова: «Мурза упал на долгу тень» («Ода... на взятие Хотина 1739 года», ст. 73). Здесь имеется в виду Дженазе *Гассан*-паша – верховный везир, предводительствовавший турками при Рымнике.

Ст. 111–112. *В бурливу Рымну погруженны несутся трупы на конях...* – Из погибших в сражении турок большая часть утонула при беспорядочном бегстве через реки Рымник и Бузео.

38

1-я ред.: «Ода на взятие Очакова» (*БГ.* 1789. Ч. 2. № 5. С. 106–107; подпись: *Сем. Бобров*). Очаков после долгой осады был взят штурмом 6 декабря 1788 г.

Ст. 27. *...громы средь колес...* – пушки на колесах.

Ст. 61. *Прешла царица звезд...* – т.е. скрылась луна. Обыгрываются два значения образа – предметный (наступило утро) и аллегорический («прешло» могущество «луны», т.е. Турции).

Ст. 75–76. *...чалму с главы его снимают и шлем Паллады надевают.* – Т.е. низвергают турецкое владычество и утверждают российское. Здесь и ниже *Палладой, богиней* именуется Екатерина II. В ст. 80–100 «вои» обращаются к ней с речью.

Ст. 100. *...Византию...* – здесь: Стамбул (ср. в 1-й ред).

39

См. примеч. к № 37. Речь в оде идет о победах русского флота в сражениях со шведами в 1790 г. – Ревельском (2 мая), Красногорском (Стирсуддентском) (23–24 мая) и Выборгском (22 июня).

Ст. 3. *...князь волн...* – адмирал (слово происходит от араб. *амир аль бахр* – владыка на море).

Ст. 8. *...с трофея в гроб вступает...* – С.К. Грейг, командовавший Балтийским флотом в начале войны, скончался вскоре после одержанной им победы в Гогландском сражении 6 июля 1788 г., в ходе которого был пленен флагманский корабль шведов «Принц Густав» (см. стихотворение на его смерть № 46 и примеч.). На место Грейга после его смерти был назначен В.Я. Чичагов.

Ст. 15–16. *...проникнул... всех дале ледовиты бездны* – Чичагов в 1764 и 1766 г. возглавлял экспедиции по отысканию морского пути из Архангельска к Берингову проливу, впервые исследовал высокоширотные районы Арктики и остров Шпицберген.

Ст. 19. *...брань, возженну златом...* – Объявление Швецией войны России объяснялось подкупом со стороны Турции (ср. ст. 51–60 и № 40, ст. 64–67).

Ст. 31–32. *...постыжденный вблизи эстонских берегов...* – Ревельское сражение происходило на рейде совр. Таллинна. Выше (ст. 21–30) речь шла об этом сражении, в котором русской эскадрой командовал Чичагов.

Ст. 34. *...котлинских... валов...* – На острове Котлин находится крепость Кронштадт, вблизи которого состоялось

Красногорское сражение (русскими силами командовал А.И. Круз).

Ст. 45. *...дрожат их, обуяв, тристаты...* – т.е. дрожат, обезумев, их военачальники.

Ст. 47. *Там он троякой смерти ждал...* – В Выборгском заливе шведский флот был блокирован с трех сторон Ревельской эскадрой Чичагова, Кронштадтской эскадрой Круза и гребными флотилиями Т.Г. Козленинова и К. Нассау-Зигена.

Ст. 49. *...Борей приспел, – что медлить доле?* – Вырваться из окружения, хоть и с большими потерями, шведам помог свежий восточный (а не северный) ветер.

Ст. 51–60. *Не тщетно ли Плутус фракийский...* и сл. – см. примеч. к ст. 19.

Ст. 63. *Денисова низринуть льстятся...* – Речь идет о военных действиях на суше в Финляндии весной 1790 г., в ходе которых отличился полковник В. Денисов, находившийся под командованием генерал-майора Ф.П. Денисова. Последний среди отличившихся в сражении 22 апреля 1790 г. рекомендовал «войска Донского полковника Василия Денисова, который, получа в свое начальство лейб-казачью Донскую команду и все находящиеся в части его войска, столько изъявил отличности и мужества, что, находясь впереди всего отряда в беспрерывном с неприятелем огне со 2 часу пополудни до 5 часа пополуночи, наносил ему чувствительные удары, наблюдая все его движения» (Собрание всех помещенных в ведомостях обеих столиц с 1787 по 1791 год влючительно реляций о военных действиях против неприятелей Российской империи. М., 1791. Ч. 2. С. 92; см. там же о сражении 1 мая: с. 95–96).

40

Ода посвящена заключению Верелейского мира со Швецией 3 августа 1790 г.

Ст. 41–43. *...враг... у храбрых россов мира просит...* – Мир был заключен по инициативе Швеции.

Ст. 58. *...Богини...* – т.е. Екатерины II.

Ст. 65. *...дождь златый из туч фракийских...* – турецкое золото, побудившее шведов начать войну (см. № 39, ст. 19, 51–60).

Ст. 80. *Карлскрон* – крупнейшая шведская военная гавань и военно-морская верфь.

41

См. примеч. к № 37. Речь в оде идет об осенней кампании 1790 г. на Дунае, завершившейся взятием Измаила 11 декабря 1790 г.

Ст. 2–6. *...над... Бельтом гром молчит... подвигся он к Дунаю...* – Военная кампания против турок на Дунае в 1790 г. началась после заключения Верелейского мира со Швецией (3 августа 1790 г.).

Ст. 15. *Се ружей ржуща роща мчится!* – Эта строка, получившая известность благодаря сатире К.Н. Батюшкова «Видение на брегах Леты» (1809), явилась результатом сознательных исканий Боброва (ср. в 1-й ред.), пытавшегося звукоподражательно изобразить здесь ужасы войны. Ср., напр., у Г.Р. Державина в стихотворении «Осень» (1805): «Там в бледных туманах ржет нам война». Ср. также аналогичные обороты в других стихотворениях Боброва «К стенам Очакова ступают, неся с собой железный лес» (№ 38, ст. 29–30), «Сверкнет ли длинный копьев лес? Бежим в сию железну рощу...» («Херсонида», песнь VIII, ст. 562–563), «...без громов помчались верхи железных росских рощ» (№ 273, ст. 82–83), «Лесятся стогны чащей копий...» (*ДНВ*. Ч. 1. Кн. 2. С. 178).

Ст. 21–22. *Стимфалиды* – здесь: артиллерия.

Ст. 29–30. *...кто пал там пред стенами? Давно лишенный Меллер чад.* – И.И. Меллер-Закомельский получил

смертельное ранение и скончался при осаде крепости Килия в октябре 1790 г. В 1788 г. он участвовал в штурме Очакова вместе с тремя сыновьями (Петр Иванович, 1755–1823; Егор Иванович, 1767–1830; Карл Иванович, ?–1788). Младший – полковник Карл Иванович Меллер-Закомельский – был там убит и похоронен в Свято-Екатерининском соборе в Херсоне. Отец погребен рядом с ним.

Ст. 47. *...ты изумляла нас трубой...* – речь идет о «военных» одах Боброва 1789–1791 гг. (№ 39, 45–47).

Ст. 51–60. *Когда теперь ты столь блаженна, что на челе Рифейских гор...* и сл. – Видимо, эти строки следует рассматривать как указание на то, что ода сочинена в Крыму. *Рифейскими* здесь названы Крымские горы.

Ст. 61. *...Юноною рожденный...* – бог войны Марс.

42

См. коммент. к № 37. Речь в оде идет преимущественно о сражении при Мачине 28 июня 1791 г., в результате которого турки подписали предварительные условия мирного договора в Галаце (см. № 44 и примеч.).

Эпиграф – из поэмы Дж.Аддисона «Поход» («Campaign», 1705).

Ст. 46. *...в Стиксов струй...* – т.е. в Стиксовых струях. Русский воин уподоблен Ахиллу, омытому водами Стикса и ставшему неуязвимым.

Ст. 56–59. *...Юсуф спешит перелететь валы Дуная... Репнин путь ранее приемлет...* – Речь идет о сражении при Мачине. Юсуф-паша собрал на правом берегу Дуная 100-тысячную армию, готовясь нанести удар по русским войскам, но Репнин опередил его, переправившись и напав первым. В ходе самого сражения Юсуф-паши при армии не было.

Ст. 96–98. *...в... тростниках... в... камышах...* – Местность при Мачине болотистая, поросшая камышом.

Ст. 104. *...за Гирсов ломятся утечь...* – Разгромленные турки, преследуемые русскими войсками, бежали по направлению к Гирсову, городку к северу от Мачина.

Ст. 112–113. *...земля... кровью пять крат обагрялась...* – Война с Турцией продолжалась пять лет (1787–1791).

43

См. примеч. к № 37. Речь здесь идет о торжествах в память Ясского мира, состоявшихся 2 сентября 1793 г.

Ст. 27–28. *...готы мир блюсти... клялись...* – имеется в виду Верелейский мир 3 августа 1790 г.

44

1-я ред.: «Эпистола Его Сиятельству Николаю Васильевичу Репнину, знаменитому победителю за Дунаем при Мачине» (СПб.: Тип. Вильковского, 1793). Особенно существенные различия с текстом *РП* в заключительных строфах, поскольку 2-я ред. создавалась уже после смерти Репнина (1801). В сражении при Мачине 28 июня 1791 г. русские войска под его командованием разгромили 100-тысячную группировку турок, собранную верховным визирем Юсуф-пашой. В результате турки вынуждены были прекратить войну, подписав с Репниным, заменявшим отсутствующего князя Г.А. Потемкина, предварительные условия мирного договора в Галаце 31 июля 1791 г. (подтверждены Ясским договором 29 декабря 1791 г.). Репнин за Мачинскую победу был награжден орденом св. Георгия 1-й степени. Перепечатка: *Невзоров 1810*. С. 94–97.

Эпиграф – расхожее выражение из «Энеиды» Вергилия (I, 641). В 1-й ред. ошибочно приписано Горацию.

Ст. 19. *...вызывал на прю Мессию Лжепророк...* – имеются в виду магометане-турки, объявившие войну христианам-

русским. М.И. Невзоров при перепечатке стихотворения сопроводил эту строку примечанием: «Святынею осторожно должно играть, по-моему, в воображении, потому что, часто весьма худо понимая, мы приноравливаем ее некстати» (*Невзоров 1810*. С. 95).

Ст. 32–34. *Не ты ли при брегах летя Лиманских к граду...* и сл. – Речь идет о участии Репнина в штурме Очакова, когда он по поручению Потемкина командовал четырьмя из шести колонн, штурмующих город.

Ст. 42. *...трофей по ту страну Дуная...* – Мачин располагается на правом берегу Дуная.

Ст. 53–54. *...Германия радеет тебя столетиям предать...* – Вероятно, имеется в виду анонимное издание посвященной Репнину оды Державина «Памятник Герою» в Риге в 1791 г. с параллельными переводами на немецкий и французский языки. Публикация оды в «Московском журнале» была также анонимной, и Бобров тогда мог не знать о ее подлинном авторстве.

45

1-я ред.: «Ода российскому адмиралу и разных орденов кавалеру Василью Яковлевичу Чичагову на случай славного отражения шведского флота у Ревеля маия 2 дня 1790 года. Сочиненная Семеном Бобровым». ⟨СПб., 1790⟩. В Ревельском сражении 2 мая 1790 г., проходившем на рейде у современного Таллинна, Чичагов, командовавший русской эскадрой, одержал победу над шведской, вдвое превышающей ее по численности. Шведы потеряли два корабля, 150 человек убитыми и ок. 500 пленными (потери русских – 8 человек). Линейный корабль «Принц Карл» был захвачен в плен.

Ст. 1. *...Близнецы...* – зодиакальное созвездие, знак мая.

Ст. 27. *...Эстонский флот...* – эскадра Чичагова именовалась Ревельской.

Ст. 41. *...сарматы...* – здесь: россияне.

Ст. 47–48. *...сей рассеем... другой сразим...* – Планы шведов уничтожить русский флот по частям (сначала Ревельскую эскадру Чичагова, затем Кронштадтскую эскадру А.И.Круза) были сорваны именно в результате Ревельского сражения.

Ст. 50. *Густава имя вознесем!* – Речь идет о шведском короле Густаве III. Названный в его честь флагманский корабль «Густав III» в Ревельском сражении находился во главе шведской эскадры, получил серьезные повреждения и едва не попал в плен.

Ст. 87. *...тиряне...* – финикийцы, в древности господствовавшие на море; здесь: англичане (ср. в 1-й ред).

Ст. 93–94. *...упал к ногам... иноплеменный Исполин?* – Шведский линейный корабль «Принц Карл», потеряв управление, оказался слишком близко к русским судам и после 10-минутного боя спустил флаг.

Ст. 114. *...Вульф...* – остров к северу от Ревеля.

Ст. 116–117. *...ветр... с южных... стран...* – Имеются в виду южный ветер, благодаря которому шведам удалось вовремя отступить, и поддержка Турции, побуждающей их продолжать войну.

46

1-я ред.: «Память о славном Грейге, российском адмирале. Сочинено 1788 года ноября дня» (*БГ*. 1789. Ч. 3. № 10. С. 88–190; подпись: *Сем. Бобров*). Первое стихотворение Боброва, посвященное военно-морскому деятелю. Адмирал С.К.Грейг, командуя в начале русско-шведской войны Балтийским флотом, нанес шведам поражение в Гогландском сражении 6 июля 1788 г. и успешно осуществлял блокаду Свеаборга. Выйдя живым из множества сражений (в том числе Чесменская битва 1770 г., где он командовал кораблем «Три Иерарха»), Грейг скончался от простуды осенью 1788 г. на корабле «Ростислав». Похоронен в Домском соборе в Ревеле, где по приказу Екатерины II ему была установлена гробница из белого мрамора.

47

Написано ок. 1791 г. Посвящено победам Ф.Ф. Ушакова на Черном море в 1790–1791 гг. По жанру принадлежит к малым эпическим поэмам, в которых по возможности точное описание сражения сопровождалось ссылками на слова очевидцев (одна из первых – «Чесменский бой» М.М. Хераскова, 1771). Бобров кратко описывает Керченское сражение 2 июля 1790 г., в результате которого была отбита атака турецкого флота и сорвана высадка десанта в Крыму (ст. 53–62), и Тендровское сражение 28–29 августа 1790 г., в котором турки, отступившие от Керченского пролива к Гаджибею (совр. Одессе), были настигнуты Ушаковым, разбиты и преследовались до самого Босфорского пролива (ст. 63–72). Подробно описано сражение у мыса Калиакрии близ Варны 31 июля 1791 г., когда был разгромлен не только турецкий флот под командованием капудан-паши Газы Хусейна, но и пришедшие к нему на помощь алжирцы под командованием Сейит-Али (ст. 82–154). Именно после этого поражения султан, еще 28 июня 1791 г. разбитый и на суше при Мачине (см. № 42 и 44), приказал визирю поспешить с миром (ст. 161–164), предварительные условия которого были подписаны в тот же день (31 июля 1791 г.) в Галаце. «Предводителем сил Эвксинских», т.е. командующим Черноморским флотом, Ушаков был назначен 14 марта 1790 г.

Ст. 1–4. *Престань Меркурия лобзать...* и сл. – Общий смыл: теперь уже не мирные торговые корабли, но военные суда россиян и турок распространит по Эвксину бог войны – *сын Иры* (Геры).

Ст. 9–10. *...масличны... ветви... в кохтях орлиных...* – мир, которым наслаждалась Российская империя прежде объявления ей войны турками.

Ст. 12–14. *...аравским серебром... мисирску сталь... медный гром... натольский...* – Имеются в виду провинции Ос-

манской империи: из Аравии поставлялось серебро, из Египта (Мисир, Мицраим) – железо, из Анатолии (Малой Азии) – медь для пушек.

Ст. 17–23. *Одни... валятся... в Очаков... другие, укрепя Анап... воздвигнули... Кубань; а прочи... чело Кинбурна мнят стереть...* – В Очакове и на подступах к нему турки оборонялись от Екатеринославской армии под личным командованием Г.А. Потемкина. На Кубани и в Анапе защищались от атак отряда генерал-аншефа П.Т. Текелли. Попытка турок высадить десант на Кинбурнской косе и перейти в наступление была отбита А.В. Суворовым.

Ст. 27–28. *Вихрь серный Сакена...* и сл. – Речь идет о подвиге И.-Р. Остен-Сакена (см. № 37, ст. 61–70 и примеч.).

Ст. 31–32. *Суворов, сретя их...* и сл. – Речь идет о разгроме турецкого десанта под Кинбурном 1 октября 1787 г.

Ст. 33–36. *Их флот... привел в движение... Херсон... но гром там был готов... в руках Де-Зигена...* – Речь, видимо, идет об отражении атаки турецкого флота в Днепровском лимане 16 июня 1788 г. гребной флотилией К. Нассау-Зигена.

Ст. 42–44. *...Очаков... падет пред... Потемкина стопой.* – 6 декабря 1788 г. после долгой осады Очаков был взят штурмом. Осадой руководил лично Потемкин.

Ст. 47. *...весла Рибаса, рассекши те струи, что брег... Румелий омывают...* – И.М. Дерибас, командуя гребной флотилией и казачьими лодками, в июне 1790 г. овладел батареями, защищавшими устье Дуная. Румелия – древнее название восточной, прибрежной части совр. Болгарии.

Ст. 56. *...крест... ученика Христова...* – Андреевский крест на флаге российского флота. По преданию, св. апостол Андрей Первозванный проповедовал в Тавриде.

Ст. 60. *...близ Меотского пролива...* – т.е. Керченского. Меотийским озером древние называли Азовское море.

Ст. 66–67. *...корабль один пленяет, другой же пламени... предает и... с него начальника берет...* – Потоплен был

80-пушечный корабль «Капитания», а пленен – 70-пушечный корабль «Мелики-бахри» с его командующим – адмиралом трехбунчужным пашой Саид-беем (в авторском примечании неточность).

Ст. 71. *...увенчан лавровым он венцем...* – За Тендровскую победу Ушаков уже 16 сентября 1790 г. получил орден св. Георгия 2-й степени и 500 душ крестьян в Белоруссии.

Ст. 73–76. *Бендеры... перед Потемкиным поверглись... пред ним лежат... Анап и Измаил...* – Бендеры сдались 3 ноября 1789 г., Измаил был взят 11 декабря 1790 г., Анапа – в июне 1791 г. «Поверглись» они перед Потемкиным как главнокомандующим в этой войне.

Ст. 88–90. *...лихой народ из дальней Африки...* – алжирские пираты, нанятые турками.

48

Вероятно, написано на юге между 1791 и 1795 гг. от имени неизвестного лица, награжденного по представлению Суворова.

49

Вероятно, написано на юге в 1797 г. П.А. Румянцев-Задунайский скончался 8 декабря 1796 г. вскоре после смерти Екатерины II (6 ноября 1796 г.). См. позднейшее посвященное его памяти стихотворение Боброва (№ 293).

Ст. 42–44. *...под гетским... шалашем, отколе он, как Велисарий, взирал, как бился новый Марий.* – В войне 1787–1791 гг. Румянцев, находясь Молдавии, командовал Украинской армией, но из-за разногласий с Потемкиным, главнокомандующим, не предпринимал активных действий, а в 1789 г. сдал командование и уехал в свою деревню близ Киева. *Новый Марий* – Суворов, просла-

вившийся на этой войне. *Велисарием* Румянцева называла сама Екатерина II.

Ст. 82. *...на берегах Днепра...* – В своем имении близ Киева Румянцев провел последние годы жизни.

Ст. 88. *...открыв чертеж для рати всей...* – При составлении плана антитурецкой кампании в 1787 г. Потемкин дипломатично обращался к Румянцеву за советом.

Ст. 92. *...водил героев до Варшавы...* – Во время Польского восстания 1794 г. Румянцев, оставаясь на Украине и формально начальствуя над войсками от Днестра до Минской губ., сосредоточил корпуса своей армии под командованием Суворова и снабжал его словесными наставлениями.

Ст. 101. *...царями многими почтенны...* – Румянцев, в частности, удостоился особых почестей от прусского короля Фридриха II в 1776 г.

Ст. 102. *...восемьдесят зим...* – неточность: Румянцев прожил только 70 лет (1725–1796).

Ст. 105. *...Кагульский лавр...* – самая славная победа Румянцева над турками при Кагуле 21 июля 1770 г.

Ст. 111. *...Истровы брега* – берега Дуная.

50

Возможно, написано одновременно с нижеследующим № 51 (см. ниже). Перевод оды Н. Буало «Ode sur un bruit qui courut, en 1656, que Cromwell et les Anglais allait faire la guèrre à la France» (1656). Строфика оригинала сохранена. Ср.:

Quoi! ce peuple aveugle en son crime,
Qui, prenant son roi pour victime,
Fit du trone un theatre affreux,
Pense-t-il que le ciel, complice
D'un si funeste sacrifice,
N'a pour lui ni foudres ni feux?
и т.д.

51

Написано между январем и июнем 1799 г., когда Россия вступала в войну с революционной Францией (см. примеч. к ст. 41). Вариация на тему оды Н. Буало. Использована та же строфа (см. примеч. к № 50). Буало говорит о казни английского короля Карла I, Бобров – о Людовике XVI, казненном по приговору трибунала 21 января 1793 г.

Ст. 18–20. *..Людвиг новой ваш закон крепил... в слезах чел клятву...* – 14 сентября 1791 г. Людовик XVI принес присягу новой конституции.

Ст. 23. *...Супруга тою же судьбою...* – Королева Мария-Антуанетта (1755–1793) была казнена по приговору трибунала позже мужа – 16 октября 1793 г.

Ст. 25–27. *...равновесия уставы* – принцип политического равновесия в Éвропе, который не позволял слишком возвыситься какой-то одной державе. Этот принцип был ведущим в европейской политике XVIII в., упоминался в официальных международных соглашениях начиная с Утрехтского мира 1713 г. и активно эксплуатировался французской дипломатией.

Ст. 41. *Вы Альпы с Этной захватили...* – Имеется в виду создание зависимых от Франции Гельветической республики в Альпах (1798–1803) и Партенопейской республики на континентальной части Королевства Обеих Сицилий (январь-июнь 1799). Последняя была низвергнута с помощью русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова: французы отступили, а в Неаполь вернулся союзный англичанам и русским король Фердинанд IV. Все это позволяет датировать стихотворение январем–июнем 1799 г.

Ст. 42–44. *...тем, кого вы... укорили ... куете гром.* – Войну Англии революционная Франция объявила 1 февраля 1793 г., сразу после казни короля.

Ст. 49. *...боги века* – здесь: европейские монархи.

52

Написано в августе 1799 г. Адресовано Н.С. Мордвинову, который выхлопотал разрешение на перевод Боброва в Петербург, куда он перебрался уже к ноябрю. Сам Мордвинов уже с конца января 1799 г. находился в отставке, а с конца марта того же года проживал в своем имении в Байдарской долине в Крыму.

Ст. 20 (примеч.). *Спасский ключ на берегу Буга близ города Николаева* – протекал в селе Спасском, где находился загородный дом Мордвинова.

Ст. 35–36. *Но что щедроте благородной... может заградить... путь...* – намек на неблагополучные обстоятельства самого Мордвинова.

Ст. 66–67. *Небесно девять крат светило в блестящий Девы знак входило...* – На юге Бобров находился с 1791 г. (т.е. к 1799 г. девять лет), по этим строкам уточняется: не позднее, чем с августа.

Ст. 89. *...Тавриды в мерах изложенной...* – Имеется в виду поэма Боброва «Таврида» (1798).

53

Написано, вероятно, вскоре после предшествующего № 52, т.е. в 1799 г., «в начале осени» (см. авторское примеч.). Бобров тогда еще находился на юге, а Н.С. Мордвинов, которому адресовано стихотворение, – в отставке и царской опале (намек на неблагополучные обстоятельства адресата в стихотворении очевиден). Редкий у Боброва метрический эксперимент.

54

Написано по случаю награждения Н.С. Мордвинова 5 апреля 1797 г., в день коронации Павла I, орденом св. Анны 2-й степени и 1000 душ крестьян.

55

Написано по случаю присвоения Н.С. Мордвинову звания адмирала 23 сентября 1797 г. (на Черноморском флоте это звание присваивалось впервые). Единственное у Боброва стихотворение в форме сонета.

Эпиграф – из «Времен года» Дж. Томсона (Winter. L. 516).

56–57

Стихотворения написаны к одному из праздников в доме Н.С. Мордвинова (вероятно, к дню его рождения 7 апреля) еще до его отставки («*Ты, нося дел важных бремя...*» – № 57, ст. 12), т.е. не позднее 1798 г., но и не ранее 1794 г., когда он обосновался в Николаеве. Скорее всего, это 7 апреля 1794 г., когда ему исполнилось сорок лет («*Не более твой век, как только в половине...*» – № 56, ст. 1).

58

Написано по случаю отставки Н.С. Мордвинова в начале 1799 г. (26 января он был отставлен, а 12 марта сдал дела и удалился в свое крымское имение в Байдарской долине). «*Бурно севера дхновенье*» (ст. 33) и другие выражения прямо указывают на царскую опалу.

Эпиграф – из «Оды Его Высокопревосходительству... Николаю Семеновичу Мордвинову» В.П. Петрова (1796); во второй строке эпиграфа опечатка: *быть* вместь *бость* (т.е. бодать); в третьей – неточность (у Петрова «в груди твоей», а не «в твоей груди»). Список этой известной оды Петрова находится среди стихов других авторов (в том числе Боброва), посвященных Мордвинову (*РГИА*. Оп. 2. Ед.хр. 7).

Ст. 27–30. *...черный Гений... дверь Янусову затворяет.* – В 1799 г., когда были «сочинены сии стансы» (см. автор-

ское примеч.), «Янусова дверь» затворилась лишь персонально для Мордвинова (еще до его отставки находившийся в его командовании Черноморский флот выступил в поход против революционной Франции). Возможно, имеются в виду события начала царствования Павла I: отзыв В.А. Зубова из Персии и отказ от планов на новую войну с турками, сторонником которой был Мордвинов.

59

Автограф (1-я ред.): «Паки пламенный твой Гений...» (*РГИА*. Ф. 994. Оп. 2. Ед.хр. 7. Л. 46; вверху листа надпись: «Его Высокопревосходительству Господину Адмиралу и Разных Орденов Кавалеру Николаю Семеновичу Мордвинову, Милостивому Государю на высочайшее воззвание к важнейшим государственным подвигам с признательнейшим чувствием и глубокопочитанием приносит преданнейший слуга Семен Бобров октября дня 1801 года»). Написано по случаю новых назначений Мордвинова в 1801 г.: вице-президент Адмиралтейств-коллегии (8 августа) и член императорского совета (15 сентября). Ср. № 35 и примеч.

Ст. 30. *Меценат – есть Феникс твой.* – Т.е. твой Меценат подобен птице Феникс, возрождающейся из пепла (ср. в автографе: «Меценат, как Феникс, твой»).

60

Входило в несохранившийся сборник Боброва «Домашние жертвы, или Семейственные удовольствия» (Николаев, 1800). (В дополнительном томе «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» (Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. М., 1975. С. 65) он числится среди разыскиваемых изданий. Известно, что это книга небольшого формата.) адресо-

вана П.Ф. Герингу. *Цехмейстером* (начальником артиллерии) Черноморского флота с присвоением чина генерал-майора он был назначен в 1797 г. К этому событию, вероятно, и приурочено стихотворение.

61–67

Стихотворения написаны не позднее 1799 г. ко дню рождения П.Ф. Геринга, приходившемуся на 19 мая, и входили в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Разбор стихотворения «Зерцало деяний подвигоположника» (№ 66) см.: *Зайонц 1995*. С. 58–59. «Беседа между певцом и эхом» (№ 67) находит соответствие в V песни «Херсониды» (ст. 1678–1776).

Ст. 10. *Покровитель твой* святый... св. апостол Петр.

66

Ст. 1. *Из гор Сарматских...* – здесь: Карпатских.

68

Входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано П.Ф. Герингу по случаю отъезда его из Крыма в имение близ Николаева (см. примеч. к № 69–71). Написано, вероятно, незадолго до его женитьбы (см. ст. 29–31), состоявшейся 2 февраля 1794 г. В том же году он перешел из береговой артиллерии в артиллерийский батальон Черноморского гребного флота с повышением в чине (подполковник), чему, видимо, предшествовал период длительного отпуска.

69–71

Эти стихи первоначально составляли одно стихотворение: «К Натуре. При ключе г. Г⟨ерин⟩га» (Новости русской литературы. 1802. Ч. 1. С. 69–80; подпись: *Ббрв.*; публи-

кация сопровождалась примечанием издателя П.А. Сохацкого: «Это прекрасные горацианские стихи, сочиненные в окрестностях Николаева, где Природа столь скупа на ключи и источники; и потому стихотворец имел причину умолять о ключе и водопаде досточтимого своего благодетеля» – с. 69; см. ниже другие его примеч.). Вероятно, в том же виде входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Предположительно датируется 1799 г. Стихотворения адресованы П.Ф. Герингу, владевшему имением при впадении Ингула в Ю. Буг близ Николаева, где он, судя по всему, постоянно проживал в 1794–1801 гг. и занимался садоводством. *Луциндой* именуется его супруга Мария Юрьевна. Тема домашнего ключа в новоевропейской поэзии восходит к оде Горация (III, 13), переведенной Бобровым (см. № 157 и примеч.).

69, Ст. 44. *С новой жизнью потечет.* – В «Новостях русской литературы» строка сопровождалась примечанием Сохацкого: «Как натурально все это место о неволе и освобождении ручья!» (с. 71).

69, ст. 66. *Ключ и блеск и брег скрывает.* – Примеч. Сохацкого: «Две строфы списаны точно с Натуры. Мы, кажется, воочию видим глазами утренний густой туман» (с. 72).

70, ст. 12. *Прыгал ток меж древесами.* – Примеч. Сохацкого: «Картина водомета прекрасная» (с. 73).

70, ст. 24. *Да в растеньи приспевает.* – Примеч. Сохацкого: «Здесь и во многих местах видим мы любителя Томсона и натуры» (с. 74).

71, ст. 10. ⟨*Прежде, нежель в путь пойдет*⟩ – В *РП* строка пропущена; восстановлена по 1-й ред.

72

Входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано М.Ю. Геринг – *Луцинде. Гостеприимная ее дача* – имение Герингов при впадении Ингула в Ю. Буг близ Николаева (см. № 69–71).

Ст. 49. *...дщерь Солнцева...* – лира, изобретение Аполлона.

Ст. 50. *Лицей* – первоначально сады на окраине Афин, где Аристотелем была основана философская школа.

73

Входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано Г.А. Мордвиновой, посетившей новогоднее торжество, на котором присутствовал Бобров.

74

Входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. № 60). Написано по тому же случаю, что и № 73.

75

Хоры в честь Н.С. Мордвинова, являвшегося командующим Черноморским флотом с 24 февраля 1792 г. по 26 января 1799 г.

76

В стихотворении речь идет о Средиземноморском походе эскадры Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова. Эскадра выступила в августе 1798 г., первые значительные победы на Ионических островах были одержаны в октябре 1798 г. (взяты острова Закинтос, Кефалиния, Лефкас, начата осада Корфы, сдавшейся 18 февраля 1799 г.). Стихи написаны, скорее всего, до отставки Н.С. Мордвинова с поста командующего Черноморского флота (январь 1799 г.).

Ст. 7–8. *Там, где флоты пламенели при Чесменских берегах...* – Путь эскадры Ушакова пролегал через район Архипелага в Эгейском море, где в 1770 г. в Чесменском сражении был сожжен турецкий флот.

77

Написано по тому же случаю, что № 76. *Марсом* здесь, видимо, именуется Н.С. Мордвинов, под началом которого находился Ф.Ф. Ушаков (см. примеч. к № 76).

Ст. 8. *...⟨мечем⟩...* – В оригинальном издании опечатка: «булатным... бичем».

78

Входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано П.Ф. Герингу в 1799 г. (вероятно, по случаю дня его рождения 19 мая; см. № 61–67). *Молниеносные тучи* здесь, видимо, намек на начавшуюся войну с Францией, когда для самого Геринга, отправленного в отставку вслед за Н.С. Мордвиновым, наступили *тихи дни*. Отмечалась перекличка этих стихов со стихотворением Н.М. Карамзина «К Мелодору в ответ на его песнь о любви» (1795) (см.: *Альтшуллер* 1964. С. 232).

79

Адресовано Н.С. Мордвинову по случаю учреждения в 1796 г. в Николаеве типографии для нужд Морского кадетского корпуса (с 1798 г. стала называться Адмиралтейской). Возглавил ее С.И. Селивановский, приглашенный в Николаев по рекомендации В.П. Петрова. Перепечатка: *Невзоров 1810*. С. 97–98.

Ст. 9. *...компас, весы и лира...* – морское дело, юстиция и поэзия. Ср. в хорах к дню рождения Геринга: «Пой того, кто чтит звук лирный, чтит весы и чтит компас!» (№ 62, ст. 11–12).

80

Автограф (1-я ред.): «Надпись к кораблю построенному под начальством Его Высокопревосходительства Николая Семеновича Мордвинова трудами Корабельного Мастера Катасанова в Херсоне и спущенному на воду ноября 15 дня 1794 года» (*РГИА*. Ф. 994. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 5; внизу помета: «Соч. С.Б.»). Написано на юге по случаю спуска на воду в ноябре 1794 г. линейного корабля «Св. Петр» – первого из четырех кораблей, построенных А.С. Катасановым в Херсоне. Мордвинов в это время был председателем Черноморского адмиралтейского правления, которому подчинялось и Херсонское адмиралтейство. Среди бумаг Мордвинова имеется небольшое стихотворение Петра Лобысевича на тот же случай: «Стихи на спуск корабля, построенного в 1794 году, спущенного 4 ноября в Херсоне» (см.: Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 579).

Ст. 2. *...где путь Язону был открыт.* – Язон побывал на крайнем востоке греческой ойкумены (в Колхиде, *«где солнцевы врата...»*) и на крайнем западе, в саду Гесперид.

Ст. 5. *...Хронов сын...* – Зевс.

Ст. 8. *...ударами твердит...* – т.е. повторяет. Заимствование (неявное в автографе) из первой песни «Енея» В.П. Петрова (ср.: «...Со моря волны яры / Во ребра оного [залива] твердя свои удары / Преламываются...» – Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972. Т. 1. С.366). Ср. № 9, ст. 214–215.

Ст. 9–10. *...покровитель... сорудитель* – соответственно Мордвинов и Катасанов.

81

Идиллия на смерть Г.А. Потемкина, основателя Черноморского флота, руководившего им в качестве главнокомандующего русскими войсками в русско-турецкой вой-

не 1787–1791 гг. Он скончался 5 октября 1791 г. неподалеку от Ясс, похоронен в Херсоне 23 ноября 1791 г. Бобров в это время уже находился на юге.

Ст. 41–42. *Что ныне сделалось с тобою, Гипанис, томный Борисфен?* – Имеются в виду созданные Потемкиным центры кораблестроения на Черном море – Николаев в устье Ю. Буга и Херсон в устье Днепра.

Ст. 92–93. *...кормы... покрыты... чернотой...* – Речь идет о траурном убранстве кораблей.

Ст. 114. *Борисфен могилой стал!* – Имеется в виду погребение Потемкина в Херсоне, в устье Днепра.

Ст. 124. *...ключ Гипанский...* – т.е. Гипанис (р. Южный Буг).

Ст. 151. *...бой в лимане...* – штурм Очакова 6 декабря 1788 г.

Ст. 209–214. *Вот – так в Фессалии веселой...* и сл. – Имеется в виду миф об Аполлоне и Коронисе (Корониде), изложенный в «Метаморфозах» Овидия (II, 534–632). Коронеса изменила богу и была поражена стрелой, но Аполлон спас ее ребенка (Асклепия) и покарал белую птицу, выследившую Коронису и сообщившую об измене. Аполлон опалил белой птице перья, и они стали черными. Таково происхождение ворона.

Ст. 347. *...Белый бог...* – здесь: русский император.

82–96

Надписи сочинены в разное время, но большая часть, видимо, на юге в 1790-е гг. (по крайней мере надписи 2–7). В Петербурге (т.е. после 1799 г.) сочинена надпись 15. *Кенотаф* – «Собственно значит пустая гробница. У древних называлась сим именем та гробница, которую они сооружали в память какого-либо умершего, о погребении которого не были они известны и коего тело нигде не найдено» (Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1806. Ч. 3. С. 1137).

1

Надпись шведскому королю Карлу XII. В английской моралистической журналистике XVIII в. его часто в негативном контексте сопоставляли с Александром Македонским. См., напр., в отрывке «Приятный бред безумных...», переведенном Бобровым: «...страсти человеческие то же, что временные сумасбродства, и иногда бывают они весьма опасны в своих следствиях, *начав с Македонского сумасброда до Шведского*» (*СВ*. 1805. Ч. 7. Июль. С. 105).

2–3

Надписи Асону Струговщикову (ум. ок. 1798), соорудившему в 1792 г. на свой счет литейный завод в Херсоне и награжденному за это крестом Св. Владимира. В бумагах Н.С. Мордвинова сохранилось стихотворение В.П. Петрова «Надгробная Струговщикову»:

Пресекла смерть его полезные дела,
Но славы дел его похитить не могла.
Струговщикова дел Россия не забудет,
Доколе поражать врагов в Эвксине будет
И им в устроенных к их гибели громах
Твердит его труды на суше и в водах.
(Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 2. С. 600)

4–5

Надписи отцу П.Ф. Геринга – Фридриху фон Герингу, погребенному, как следует из авторского примечания, в Елисаветграде (ныне Кировоград, Украина). Из татарских набегов на крепость Св. Елисаветы, в отражении которых он мог участвовать, самый значительный – осада крепости 70-тысячным войском Керим-Гирея в начале 1769 г. В авторском примечании опечатка: «...прошлого

1769 года». Ни о 1779, ни о 1789 годах Бобров не мог сказать «прошлый», поскольку с П.Ф. Герингом познакомился не ранее 1791 г., когда оказался на юге. Вероятно, эти надписи входили в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60), где указание на «прошлый» 1799 г. звучало бы вполне естественно и откуда оно, видимо, и было с ошибкой перенесено в *РП*. Дополнение о том, что «монумент с надписью поставлен над ним 790 года», видимо, также следует рассматривать как опечатку, но уточнению эта дата не поддается.

6–7

Ср. стихотворение «К маленькому другу Шв.» (№ 184), адресованное, видимо, внуку «защитника» Шв.

9

Возможный адресат надписи – Александр Матвеевич Росинский, печатавшийся в «Покоящемся трудолюбце» в 1784–1785 гг.

11

В оглавлении *РП* название полнее: «Судьба обидчика, или притеснителя».

14

Надпись сочинена по мотивам «Элегии, написанной на сельском кладбище» Т. Грея (1751). Ср. в IV песни «Херсониды» (ст. 373–393) и № 297.

15

В оглавлении РП название надписи полнее: «К праху почтеннейшего Т⟨имофея⟩ Ив⟨ановича⟩ Мож⟨айско⟩го». Пере-

водчик Т.И. Можайский (ок. 1760–1805) учился в Московском университете, одновременно с 1783 по 1790 г. исполняя обязанности секратаря при кураторе И.И. Шувалове; в 1791–1796 гг. занимал должность генерал-аудитора в Адмиралтейств-коллегии, затем до 1799 г. числился при Герольдмейстерской конторе, в 1800 г. назначен в Апелляционный департамент обер-прокурором, с 1802 г. в отставке с чином действительного статского советника. Литературные труды его немногочисленны, самый успешный – новый перевод «Детского училища» М. Лепренс де Бомон, опубликованный в 1792 г. и переиздававшийся в 1794, 1800 и 1809 гг. (см.: *Антонов А.С.* Можайский Т.И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 295–296). С Бобровым его пути пересекались неоднократно: в университете, Адмиралтейств-коллегии и Герольдмейстерской конторе. Можайский скончался 19 июня 1805 г. (Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 154), что позволяет уточнить дату выхода из печати второй части *РП*.

97

Написано ок. 1798 г. Отмечались переклички с этим стихотворением в поэме А.Н. Радищева «Бова» (1799) (см.: *Алексеев М.П.* К истолкованию поэмы А.Н.Радищева «Бова» // Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 191–192; *Альтшуллер* 1977. С.116). Из классических авторов Овидий – самый цитируемый у Боброва (см. примеч. к «Херсониде» в наст. изд. и первую статью в разделе «Дополнения»). Судьбу римского изгнанника он сопоставлял с собственной (см. в особенности заключительные строки баллады). «*Баллада* – стихотворение, принадлежащее к новейшей поэзии» (*Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1. С. 58).

Эпиграф – из стихотворения Жана де Ленжана (Lengend, 1580–1616) «Elegie pour Ovide».

Ст. 82–84. *...и здесь возрождены свои Орфеи, Амфионы, Энеи, Нумы, Сципионы.* – Имеются в виду успехи соответственно в поэзии, градостроительстве, мореплавании, законодательстве и военном деле.

Ст. 85. *...сарматы, геты, даки* – народы, обитавшие в древности на Дунае. Гетов и сарматов Овидий неоднократно упоминает в «Скорбных элегиях».

Ст. 89–90. *...такие ж ныне здесь Афины... Квирины.* – Здесь имеется в виду богиня Афина как олицетворение мудрости и Ромул, основатель Рима, почитавшийся там под именем Квирина.

Ст. 120. *...в печальных дактилях струилась.* – Созданные Овидием в изгнании «Скорбные элегии» и «Письма с Понта» написаны дактилическими гекзаметрами и пентаметрами.

Ст. 127. *...тень гласит, как звук вод некий...* – Ср.: «...и глас Его яко глас вод мног» (Откр 1: 15).

Ст. 140. *...где тот, что столько крови пил, пред кем мой взор лишь неприметно без умышленья преступил?* – Император Октавиан Август, изгнавший Овидия из Рима в 8 г. до н.э. О причинах изгнания есть смутные намеки в «Скорбных элегиях». Бобров, возможно, вспоминает следующие строки: «Видел я, да – но не знал, что увидел преступное дело, / Вся-то вина, что в тот миг были глаза у меня» (III, 5: 49–50, перевод С. Ошерова; ср. I, 6: 28; II, 103–104).

Ст. 157–180. *Иулий – страшный бич вселенной – лишь пал...* и сл. – Речь идет о кровопролитных гражданских войнах, последовавших за смертью Юлия Цезаря в 43–31 до н.э. Победителем из них вышел Октавиан. После утверждения его принципата в 27 г. до н.э. в Риме надолго установился мир.

Ст. 195. *...где вызывает галл опасный...* и сл. – Видимо, речь идет об Итальянском походе Бонапарта 1796–1797 гг. *Род Брута* – мятежники, республиканцы.

Ст. 206–207. *...пусть росс Назонов топчет прах, срацинской кровью омовенный!* – Главные сражения русско-турецкой войны 1787–1791 гг. происходили в районе дельты Дуная, где Бобров располагает могилу Овидия.

98

Написано в 1801 или 1802 г. Составляет единый цикл с последующим стихотворением (№ 99) и открывающими первую часть *РП* № 1–2. Отмечались переклички этих стихотворений с «Осьмнадцатым столетием» А.Н. Радищева (см.: *Альтшуллер 1977*. С. 114–124).

Ст. 13–15. *...бурная вселенна, крамольной бранью возмущенна, ложилась в мирну сень...* – Речь идет о войнах европейских держав с революционной Францией. Мир в Европе ненадолго (до мая 1803 г.) установился после Люневильского соглашения Франции с Австрией (февраль 1801) и Лондонского перемирия (октябрь 1801), закрепленного Амьенским мирным договором (март 1802), что и позволяет датировать стихотворение (см.: *Альтшуллер 1977*. С. 119–120).

Ст. 21–22. *...рыб стада теснились на ветвиях кустов...* – Ср. в оде Горация (I, 2: 9–12; перевод Н.С. Гицбурга: «Стаи рыб стоят на вершинах вязов, / Там, где был приют лишь голубкам ведом...») и «Метаморфозах» Овидия (I, 296; перевод С.В. Шервинского: «Рыбу другой уже ловит в вершине у вяза»).

Ст. 23. *...открылись памятники скрыты...* – Вероятно, речь идет о раскопках Помпеи, начатых в 1748 г.

Ст. 27–28. *...горы в каменных дождях на землю с тверди ниспадали.* – Ср. авторское примеч. к стихотворению «Запрос новому веку» (№ 34).

Ст. 36–37. *...Перун... теперь довольно изъясним.* – Имеются в виду работы Б. Франклина, Л. Эйлера, М.В. Ломоносова и др. об атмосферном электричестве (см. № 109 и примеч.).

Ст. 41. *Вулкан из Этны выступает...* – Извержения Этны имели место в 1799, 1800 и 1802 гг.

Ст. 49. *В природе бунт, – мир в мире дышет...* – См. примеч. к ст. 13–15 и 41.

Ст. 51–52. *...на брегах Секваны пишет Таинственный Король расчет...* – Видимо, намек на сложную политическую ситуацию в Европе.

Ст. 56. *...мудрец в Монархе...* – Александр I.

99

См. примеч. к № 98.

Ст. 49–54. *...падет личина Магомета...* и сл. – Видимо, речь идет о движении ваххабитов, отвергавших почитание святых. Возникшее в XVIII в., учение ваххабитов стало причиной кровопролитных войн и знаменем политической борьбы за объединение Аравии (см. авторское примечание в «Херсониде» – песнь VII, ст. 224).

Ст. 56–59. *...возобновляется Мемфис...* и сл. – Речь идет о Египетской экспедиции Наполеона 1798–1801 гг., в состав которой входили ученые, проведшие первые раскопки в Египте и положившие начало египтологии (ср. № 110, ст. 33–36).

Ст. 60–62. *...извлекаются... ужасны духи древлих римлян...* – Вероятно, имеется в виду политическая терминология французской революции, восходящая к Древнему Риму.

Ст. 63–64. *...Гений россов благий дух предков вызывает...* – Вероятно, имеется в виду обещание Александра I в манифесте о вступлении на престол править «по законам и сердцу августейшей бабки... Екатерины Великой».

Ст. 97–99. *...странник тверди огневласый... сблизится тогда с землей.* – Речь идет о комете Галлея, которая должна была вновь пройти через перигелий в 1835 г.

Ст. 106. *...Кумеин век...* – золотой век, предсказанный Кумской Сивиллой. См. № 2 и примеч.

Ст. 120–122. ...*с Платонами Афины... прейдут в Сармацию...* – Имеется в виду «странствие муз» – их «эллиптический путь» из Греции в Италию, затем в Испанию, Францию и т.д. В конце концов, по предсказанию Петра I, музы должны водвориться в России (подробней см. в «Херсониде»: песнь V, ст. 1603–1623 и примеч.). *Сармация* – здесь: славянские земли, в том числе Россия.

Ст. 124–148. ...*мудрец не может ли достигнуть...* и сл. – Речь идет о трудах Ньютона в области математики (*мера, число* и др.), физики (*движенье, вес, сила* и др.) и богословия (*духов различных жребий* и др.).

Ст. 160–163. ...*Невтон... ощущает омрак в духе...* – Имеется в виду психическая болезнь Ньютона в 1693 г. (ср. ст. 143-148).

Ст. 192–193. ...*переселится Восток и Юг чудесно в Север...* – См. примеч. к ст. 120–122.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ИГРЫ ВАЖНОЙ ПОЛИГИМНИИ, ЗАБАВНОЙ КАЛЛИОПЫ И НЕЖНОЙ ЭРАТЫ, ИЛИ ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ЧАСЫ ДЛЯ ДУШИ И СЕРДЦА ОТНОСИТЕЛЬНО СВЯЩЕННЫХ И ДРУГИХ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПЕСНЕЙ С НЕКОТОРЫМИ ЭРОТИЧЕСКИМИ ЧЕРТАМИ И ДОМАШНИМИ ЖЕРТВАМИ ЧУВСТВОВАНИЙ

100

1-я ред.: «Размышление на первую главу Бытия» (*ПТ.* 1784. Ч. 2. С. 1–5; подпись: *С.Б.*). Первое известное сочинение Боброва, созданное или опубликованное при содействии М.М. Хераскова. Для *РП* текст радикально переработан и увеличен более чем вдвое (100 строк в 1-й ред., 235 – в *РП*), собственно перестав быть «размышлением» только «на первую главу Бытия» (введена история грехопадения первых людей (ст. 141–209), изложенная в третьей главе Книги Бытия). В тексте *РП* появились аллюзии на «Метаморфозы» Овидия (I, 5-88) и «Потерянный рай» Дж. Милтона (книга VII). Размышления о грехопадении и сострадающей падшему человеку природе, вероятно, должны напомнить о поэме Хераскова «Вселенная, мир духовный» (1790), а заключительные строки – о его известном переложении 64-го псалма «Коль славен наш Господь в Сионе». Все это наряду с

прямым упоминанием имени Хераскова в авторском примечании должно подчеркнуть некоторую общность творческих устремлений двух поэтов. Херасков в свою очередь именно это стихотворение Боброва вспоминает в начале своей небольшой дидактической поэмы «Поэт» (М., 1805. С. 3–5). См. также переведенное Бобровым с французского стихотворение «Творение мира» (№ 117).

Ст. 14. *...влаюсь...* – от ц.-слав. «влаяти» (волновать).

Ст. 18. *...Дух пророческий...* – Святой дух, глаголавший в пророках.

Ст. 31. *...едиными усты...* – выражение из иерейского возгласа на литургии: «И даждь нам единеми усты и единем сердцем славити...».

Ст. 47. *...Слово, от Отца родяся, все родит!* – Бог-Слово, второе лицо Святой Троицы. Ср.: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Сей бе искони к Богу: вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть» (Ин 1: 1–3); «И Слово плоть бысть, и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца, исполнь благодати и истины» (Ин 1: 14).

Ст. 50–51. *Стихии спорные... вооружаются против себя самих.* – Ср. в «Метаморфозах» Овидия (I, 18–20; перевод С.В. Шервинского: «Все еще было в борьбе, затем что в массе единой / Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость, / Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким»).

Ст. 52. *...горе-носный огнь...* – здесь: возносящийся горé, вверх. Ср. в «Метаморфозах» Овидия (I, 26–27; перевод С.В. Шервинского: «Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам небесным, / Место себе обретя на самом верху мирозданья»).

Ст. 56. *... все три одну, иль трех одна разит.* – Речь идет о четырех стихиях: огонь, вода, земля, воздух.

Ст. 58–60. *...Дух... летая над водой...* – Ср.: «Дух Божий ношашеся верху воды» (Быт 1: 2).

Ст. 61. ...*мира яицо*... – По орфическим представлениям, из половинок мирового яйца явились небо и земля.

Ст. 87–94. *Бог тяжесть нужную вложил в то время в них для равновесия* и сл. – Речь идет о гелиоцентрической теории движения планет.

Ст. 129–136. *Двуветвистый елень, покрытый серым мхом... там бурный лев, скакнув из сей скудели чермной... там... тигр дикий пустил в пустыни первы рыки...* – Подражание отрывку из VII книги «Потерянного рая» Дж. Милтона: «Из бугра / Рождающего выпростался лев / До половины; лапами скребя, / Он туловища остальную часть / Освободил при помощи когтей / И, вырвавшись, как быдто из оков, / Косматой, рыжей гривой стал трясти. / Кротам подобно, ирбис, леопард, / И тигр, буграми почву разбросав, / Карабкаются из глубоких нор; / Из-под земли ветвистые рога / Олень проворный кажет...» (*Милтон Дж.* Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. М., 2006. С. 206. Перевод А. Штейнберга). (Лит. памятники).

Ст. 133–134. ...*слон являет блеск ума, чтит утром солнце*... – Слон, поднимающий хобот навстречу солнечным лучам, – эмблема чистого благочестия (см.: Эмблемы и символы. М., 2000. С. 176–177 (№ 422)).

Ст. 142. ...*первенец, любимый в небесах... царь мира*... – первый человек, Адам.

Ст. 159–180. *Да будет проклято желанье*... и сл. – Речь идет о грехопадении Адама и Евы, о нарушении ими запрета вкушать плоды от древа познания добра и зла (см.: Быт 3: 1–7).

Ст. 169. *Сей обоюдный меч*... – свобода воли, данная человеку Творцом.

Ст. 195–198. *В тайнейшем семени злосчастныя жены остался будущей надежды блеск... В сосуде не она ль Пандоры крылась ниц*... – Речь идет об обетовании, данном Еве при изгнании из рая (см.: Быт 3: 15). На дне сосуда

Пандоры, из которого на род человеческий вылетели несчастья, осталась надежда.

Ст. 212–224. *Стихийная земля, храня законы меры...* и сл. – Речь идет о происхождении царств неживой природы, растений и животных из единого источника («стихийной земли») и об эволюции в них: от «масл и серы» – до золота, от «горных льнов» – до деревьев, от элементарных животных – до человека (вероятно, Бобров опирается на эволюционные теории Ж.-Б. Ламарка и Ж.-Л. Кювье). *Крушцы* – металлы; *горны льны* – асбест; *камни слоеваты* – известь, мел; *жидкий висс* – выделения моллюсков; *чувственная трава* – инфузории.

101

1-я ред.: «Ночное размышление» (*ПТ*. 1785. Ч. 4. С. 138–141; без подписи); вместо *Зорама* в 1-й ред. *Гирсам* (в Библии имя первого сына Моисея). Один из литературных источников стихотворения – поэма Э. Юнга «Последний день» («The Last Day», 1713), в прозаическом переводе А.М. Кутузова – «Страшный суд» (СПб., 1777; вошло во 2-ю часть *ПЭЮ*); М.Г. Альтшуллер обращал внимание на следующие строки из кутузовского перевода: «Пламя восходит до облаков и досязает до небес. Солнце, луна, звезды и все вещи им сожрутся» (*Поэты 1790–1810*. С. 814).

Ст. 21–24. *...луна... начнет багреть...* – Ср.: «...и солнце бысть яко вретище власяно, и луна бысть яко кровь» (Откр 6: 12).

102

Стихотворение, по замечанию М.Г. Альтшуллера, «написано под сильным влиянием “ночной” поэзии Юнга» (*Поэты 1790–1810*. С. 817). Опыт интерпретации стихотворения как построенного по принципу «нарастания сакральности», как описания движения к храму и одновременно

внутри храма (от притвора к алтарю) см.: *Зайонц Л.* Заметки о пространственной организации стихотворения С. Боброва «Полнощь» // Тезисы докладов конференции по гуманитарным и естественным наукам студенческого научного общества ТГУ. Русская литература. Тарту, 1985. С. 4–6.

Ст. 22–23. *Се полнощь! – тихо всё; луна с среды нисходит и к западным водам Плиад с собой уводит.* – Реминисценция из фрагмента Сапфо; полное его переложение см. № 276.

Ст. 34–36. *Воздушно озеро сседаяся бежит...* и сл. – Речь идет о происхождении атмосферных электрических явлений.

Ст. 46. *Се в час полунощи грядет...* – переложение тропаря, поющегося на утренях Страстной седмицы (см. примеч. к № 150 – другому переложению того же текста). Ниже вспоминается евангельская притча о девах мудрых и неразумных (Мф 25: 1–12): «возжги елей», «масло... скудеет» и др.

Ст. 67. *...проснись! – ступай со мной!* – Ср.: «Восстань же, пробудись и следуй за мной...» (*ПЭЮ*. Ч. 1. С. 193). У Боброва призыв «восстань!» был выше (ст. 59).

103

Стихотворение перекликается с описанием утра в начале I песни «Херсониды» (ст. 1–77).

Ст. 1. *Цинтия* – здесь: луна.

Ст. 8. *...Тебе вся славы честь, явившему нам свет!* – парафраз иерейского возгласа на утрени: «Слава Тебе, показавшему нам свет!».

Ст. 9. *Се идет свет почтить... слон...* – см. примеч. к № 100, ст. 133–134.

Ст. 21. *...как на горе Пророк, зрит рамо Божества...* – как Моисей на горе Синай, видевший Бога сзади, ибо нельзя видеть лицо Его и не умереть (Исх 33: 18–23).

104

Стихотворение приурочено к весеннему равноденствию 20–21 марта (н.ст.).

105

1-я ред.: «Осень» (*ПТ*. 1785. Ч. 3. С. 170–174; подпись: *С.Б.*); вместо *Зорама* здесь везде *Гирсам* (см. примеч. к № 101).

Ст. 11. *...бабочка зажгла в тебе огнь сладкой?* – «Бабочка есть знак глупости, легкомыслия, непостоянства, иногда души или сердца, плененного любовью. Бабочкины крылья значат любовь, игры, смех и забавы» (Эмблемы и символы. М, 2000. С. 49). Ср. ст. 16, 37.

Ст. 37. *...куст миртов...* – один из атрибутов Афродиты.

106

1-я ред.: «Ода. Судьба мира» (*БГ*. 1789. Ч. 1. № 4. С. 373–378; подпись: *С. Бобров*). Одна из самых известных од Боброва, о которой часто вспоминали его оппоненты. Цитата из нее содержится в стихотворении Н.М. Карамзина «Протей, или Несогласия стихотворца» (1798): «...Представь конец вселенной: / Небесный свод трещит; огромные шары / Летят с своих осей; в развалинах миры...» (*Карамзин Н.М*. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 245) (ср. ст. 132–133). Об этой же оде вспоминал К.Н. Батюшков в письме к Н.И. Гнедичу от 19 августа 1809 г.: «...поэт Сидор, что написал Потоп, а рыбы на кустах, ну уж гений!» (*Батюшков К.Н*. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 98–99). Сам Бобров, видимо, одой был доволен и фрагменты из нее использовал в «Древней ночи вселенной» в описании явления тени Колгуфы (см.: *ДНВ*. Ч. 1. Кн. 1. С. 140), поясняя при этом, что «сие наипаче место моего песнотворения не прикосновенно ни к каким образцам и может служить как бы отличительным неким почерком пера, сколь бы ни было оно слабо»

(Там же. С. 6). Разбор текстуальных соответствий «Судьбы древнего мира» с «Ночными размышлениями» Э. Юнга в переводе А.М. Кутузова см.: *Зайонц* 1985. С. 73–76.

Ст. 2–12. *Я зрю из гроба естества...и сл.* – Ср.: «Я зрю велику тень усопша мира: глава ее обвита грязным мхом и тростником, распростершись над пригробным сосудом своим, оплакивает она опустелые царства и утопших чад своих и в слезах своих предсказует конец другому миру, который в скором времени огнем истребиться имеет...» (*ПЭЮ*. Ч. 2. С. 118).

Ст. 13–20. *...Куда сокрылся гигантов богомерзкий сонм...* и сл. – Речь идет о бунте гигантов, побежденных олимпийскими богами с помощью Геракла.

Ст. 41. *Супруг Фетиды...* – здесь: Океан. Бобров смешивает Фетиду с Тефидой (Тетией) – сестрой и супругой Океана.

Ст. 44. *...превыше Араратских гор.* – Ноев ковчег остановился на горах Араратских (Быт 8: 4).

Ст. 45–48. *Тогда тьмы рыб в древах висели... буры львы ревели, носясь... в воде.* – Ср. в «Метаморфозах» Овидия (I, 296, 304; перевод С.В. Шервинского: «Рыбу другой уже ловит в вершине у вяза», «...волна льва рыжего тащит») и в оде Горация (I, 2, 9–10; перевод Н.С. Гинцбурга: «Стаи рыб стоят на вершинах вязов, / Там, где был приют лишь голубкам ведом...»).

Ст. 57–60. *Четыредесять дней скрывались Целленины лучи в дождях...* – При всемирном потопе дождь на землю лился сорок дней и сорок ночей (Быт 7: 12, 17). *Целлена* – здесь: луна (Селена).

Ст. 84. *...Ирида вышла, – с нею мир.* – Радуга стала знамением завета между Богом и живою тварью, что потоп более не повторится (Быт 9: 12–17).

С. 89. *...Ириды дщерь* – здесь: Пирра, супруга Девкалиона, прародительница человечества после потопа.

Ст. 97. *...Пирой, Флегон...* – кони в колеснице Аполлона.

Ст. 101–102. *Там горы, яко воск, растают от... лица огня...* – Ср.: «Горы яко воск растаяша от лица Господня...» (Пс 96: 5); «...яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия» (Пс 67: 3).

Ст. 109–110. *...Фемиды дщери взлетят к отцу...* – речь идет о Горах, дочерях Фемиды и Зевса, которые отворяли врата неба и обеспечивали смену времен года.

Ст. 113. *...глас трубы громорожденной...* – Шесть ангелов трубным гласом возвестят бедствия перед самой кончиной мира, а седьмой – «яко лета уже не будет» (Откр 8: 2–10: 6). Ср.: «...глаголаша седмь громов гласы своя» (Откр 10: 3).

Ст. 125. *Едино Слово непреложно...* – Бог-Слово, второе лицо Святой Троицы.

107

1-я ред.: «Ночное размышление» (*БГ.* 1789. Ч. 3. № 12. С. 340–344; подпись: *С. Бобров*). Стихотворение «строится как своеобразное “мозаичное полотно”, собранное из “осколков” юнговских образов» (*Зайонц 1985.* С. 80). Образ юнговской Ночи у Боброва распадается на два образа – Ночи (ст. 1–14, 129–152) и Луны (ст. 153–168), между которыми распределяются ее аксессуары: «мантия-завеса» (mantle-drapery) и «серебряный венец» (starry crown) (см. об этом с примерами из «Древней ночи вселенной»: *Зайонц 1985.* С. 81–82). Луна как Геката, покровительница чародейства (отождествляемая с Дианой, Селеной – ст. 153–160), у Юнга не имеет соответствий. Ср. в «Херсониде» (песнь V, ст. 845–848 и сл.).

Ст. 11. *Она на мрачный трон вступает, где прежде был ея супруг...* – Судя по контексту, ночь, заступающая день, или луна, сменяющая на небе солнце. В мифологической традиции между соответствующими персонажами нет таких родственных отношений.

Ст. 32. *Я зрю поющи небеса!..* – Подразумевается пифагорейская музыка сфер.

Ст. 33. *...Дева...* – зодиакальное созвездие, знак августа.

Ст. 41. *...две Медведицы...* – созвездия Большой и Малой Медведицы в Северном полушарии.

Ст. 49. *...Эридан...* – здесь: созвездие Эридан («небесная река») в Южном полушарии.

Ст. 52. *...Пес. .. тиран индийских... мест...* – созвездие Большого Пса в Южном полушарии.

Ст. 54. *...Стрелец...* – зодиакальное созвездие, знак ноября.

Ст. 55–56. *...блещет седьмию звездами супруги Вакховой венец.* – Дионис (Вакх), женившись на Ариадне, подарил ей корону из семи звезд, обратившихся после ее смерти в созвездие Ариадны.

Ст. 81–82. *...Сирий... в Песьих... устах...* – звезда Сириус в созвездии Большого Пса, самая яркая на небе.

Ст. 83. *...страной Арктура...* – т.е. севером. Арктур – самая яркая звезда Северного полушария.

Ст. 86. *Телец* – зодиакальное созвездие, знак апреля.

Ст. 87. *...под Весами...* – Весы – зодиакальное созвездие, знак сентября.

Ст. 145. *...Цинфий...* – здесь: Солнце.

108

1-я ред.: «Ода. Любовь» (*ПТ*. 1785. Ч. 4. С. 129–134; подпись: *С.М.Н. Б.Б.Р.В.*). Перепечатка текста *РП*: *Невзоров 1810*. С. 98–102.

109

Возможно, стихотворение создано в Петербурге в 1786–1791 гг. или даже ранее – еще в Московском университете в 1784-1785 гг. В авторских примечаниях – близкий к тексту пересказ фрагментов из кн.: *Эйлер Л.* Письма о разных физических и философических материях... / Пер.

С. Румовского. Ч. 2. СПб., 1772. С. 271–281, 335–339 (письма 139, 140, 141, 154). Само стихотворение является поэтическим переложением указанных писем Л. Эйлера. Ср. также рассуждения об атмосферном электричестве, вложенные в уста Ломоносова в «Херсониде» (песнь VI, ст. 36–39). В 1780–1790-х годах громоотвод, изобретенный Б. Франклином в 1752 г., оставался спорной новинкой. В европейских ученых сообществах обсуждались правила его установки. Во Франции в 1784 г. с этой целью была создана специальная комиссия. В Англии эффективность громоотводов оспаривалась до 1788 г.

Ст. 21. *...Буи...* – безумцы.

Ст. 26–28. *...исчез... богов...* – Вероятно, рифма нарушена в результате наложения ранней (неизвестной) редакции текста, где «исчез» рифмовалось с «Зевес».

Ст. 61. *...без наглости гигантской...* – т.е. без «наглости» гигантов, штурмовавших небо.

Ст. 70. *...Часы Сатурновы...* – эпоха Сатурна, золотой век.

Ст. 82. *...Так крокодила ихневмон прогрызши чрево, умерщвляет...* – Древние считали, что ихневмоны убивают крокодилов, пробираясь к ним в глотку через открытую во время сна пасть и разрывая внутренности.

110

Написано на новый 1802 или 1803 год (в ст. 17 упомянут общий мир), перекликается с № 1 и 98–99.

Эпиграф – из «Фаст» Овидия (I, 65–67; перевод Ф.И. Петровского: «[Янус двуглавый,] ты год начинаешь, безмолвно скользящий / Ты лишь один из богов видишь все сзади себя. / Будь благосклонен к вождям...»). Тот же эпиграф (но с пропуском ст. 66) см. № 273.

Ст. 12. *...утих подземных молний бег...* – Возможно, речь идет об извержении Этны в 1802 г.

Ст. 21. *...Монарх!* – Александр I.

Ст. 33-40. *Пусть ищет бледный дух испытный...* и сл. – См. примеч. к № 99, ст. 56–59, 63–64.

111

Автограф (1-я ред.): «Песнь на новый год» (*РГИА*. Ф. 994. Оп. 2. Ед.хр. 7. Л. 15); текст стихотворения приложен к письму, адресованному Н.С. Мордвинову: «Ваше высокопревосходительство! Милостивый Государь! Между тем, как чада Парнаса уже давно поспешали возвеличить в стихах имн вашего высокопревосходительства, вящее рвение и усердие, не взирая, что поздно, при нынешнем случае пробудило дух мой, чтоб сие произведение воображения и сердца, пламенеющее особым чувствием, предложить милостивому взору вашего высокопревосходительства. – Услышьте с обыкновенным благодушием притрепетный глас бедной и робкой моей Лиры; – робкой, – ибо долженствовал бы я самолично посвятить сию малую жертву; но – унылая – во всех родах нынешних вещей скудость к несчастию останавливает жертвующего, яко неимущего мер в пристойном образе предстать. – Се препона вся! – Да ходатайствует убо сама Муза за того, который первым благополучием почитает наименоваться всегда, Милостивый Государь! вашего высокопревосходительства всепокорнейший и всепреданнейший слуга Семен Бобров. Генваря дня 1795 года» (Там же. Л.14). Письмо и стихотворение свидетельствуют о стесненных материальных обстоятельствах и душевном упадке Боброва в этот период (вероятно, он не получал официального жалования). Мордвинов не остался глух к его жалобам, и в том же 1795 г. поэт был «определен в штат» Черноморского адмиралтейского правления «к должности переводчика» (Послужной список *РГИА*). В стихотворении варьируются темы «Осенней песни сетующего на берегах Буга 1794 года» (№ 278) (подробней об этом см.: *Коровин 2004*. С. 43–45). Отмечалось влияние на «Песнь несчастного на новый год...» «Ночных размышлений» Э. Юнга и «образно-лексической структуры» оды

Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (см.: *Альтшуллер 1964*. С. 231). Ср. примеч. к стихотворению «Ночь» (№ 18).

Эпиграф – из поэмы М. Эйкенсайда «Удовольствия воображения» («The pleasures of imagination», 1744); перевод: «Без крова под ураганом тщетно мы надеемся на нежный росток».

112

Адресовано П.П. Икосову к дню его рождения. Судя по заглавию нижеследующего стихотворения, это 22 апреля.

113

Адресовано П.П. Икосову к дню его рождения, предположительно – в 1802 г. Единственный у Боброва логаэд.

Ст. 8–9. *...люстр седьмой в половине в жизни моей...* – т.е. тридцать пять лет.

Ст. 10–12. *...ты мне в милую почесть пел... песнь.* – Речь, вероятно, идет об адресованном Боброву стихотворении Икосова «Письмо похвальное пуншу. К господину Н..., писанное от приятеля его в стихах» (СПб., 1789) – шутливом подражании «Письму о пользе стекла» М.В. Ломоносова.

Ст. 37–38. *...видел истинно солнце сквозь пригробные узы...* – Ср. в песнопении из акафиста Страстям Христовым, исполняемого перед плащаницей в Страстную пятницу: «...заходящу Тебе во гроб истинному Солнцу Правды...» (икос 11).

Ст. 59–60. *...мой друг, начиная поприще ново...* – В мае 1802 г. Икосов уволился из Сената, где служил с 1781 г., «для определения к другим делам», а 31 декабря 1804 был зачислен на службу в Комиссию для составления законов (*Степанов В.П.* Икосов П.П. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 352). Бобров в той же Комиссии числился с 16 апреля 1804 г.

114

1-я ред: «Стихи на новый год к П... П... И...» (*БГ.* 1789. Ч.1. № 1. С. 91–93; подпись: *Сем. Ббрв*). Адресовано П.П. Икосову.

115

В первых двух строфах (ст. 1–4, 9–12) подразумевается эмблематическое изображение времени (Сатурна, Хрона): «*Сатурн*, Божок времени, изображается крылатым стариком... с косою в руке и песочными часами на голове» (Эмблемы и символы. М., 2000. С. 41).

116

1-я ред: «Хитрости смерти» (*БГ.* 1789. Ч. 2. № 8. С. 379–381; подпись: *Сем. Бобров*). Автопародию на заключительные строки стихотворения см. в «Превращении Бахуса в Диогена» (№ 203).

117

Ср. оригинальное стихотворение Боброва о творении мира (№ 100).

118

Переложение фрагмента из «Интимных писем» Джеймса Хоувелла («Epistolae Ho-Elianae. Familiar Letters Domestic and Forren», 1645–1655).

119–144

Переложения псалмов (некоторых не полностью): Пс 1; 8; 17; 18: 1–8; 22; 28; 41; 45; 48; 49; 54: 1–8; 64; 67: 1–20; 71; 79; 83; 90; 92; 96; 98: 1–4; 107: 1–6; 113: 1–8; 132; 136;

138; 147. Вопреки собственному заявлению, что «порядок числ здесь такой же, какой положен в славенском переводе», Бобров в нескольких случаях указал номера псалмов по западной традиции (вместо 18-го псалма значится 19-й, вместо 67-го – «68 или 67», вместо 71-го – 72-й, вместо 79-го – «79 или 80», вместо 83-го – 84-й, вместо 90-го – 91-й, вместо 96-го – «97 или 96», вместо 138-го – 139-й). Здесь нумерация приведена в соответствие с авторским указанием (так поступил и М.И. Невзоров, перепечатавший переложения псалмов 1, 18 и 49, – см.: *Невзоров 1810.* С. 71–75). В одном случае исправлена ошибка в расположении псалмов, не имеющая композиционного значения (в оригинальном издании за псалмом 48 следует 54, затем 49 и 64). Из 26 псалмов, переложенных Бобровым, лишь 6 нигде (ни в еврейской, ни в греческой, ни в славянской Библии) не надписаны именем Давида (псалмы 45, 49, 79, 83, 113, 147), однако традиционно относятся к его эпохе или прямо говорят о нем (псалом 83). Видимо, это не случайность: Бобров, перелагая псалмы, рассматривал их как поэтические тексты одного автора, потому и дал соответствующий заголовок своим переложениям: «Дух еврейского венценосного Барда».

⟨Псалом⟩ 17

Ст. 104–106. *...Ты мой вечный Бог... надо мной.* – Скорее всего, рифма отсутствует в результате наложения ранней (неизвестной) редакции текста, и читать следует: «Ты Бог вечный мой».

⟨Псалом⟩ 28

Ст. 21. *Ливан и Сарион...* – горы Ливан и Сирион (Ермон). В славянской Библии Сирион не упоминается.

⟨Псалом⟩ 67

Ст. 73–75. *Его колеса... счисляются... тьмой... тьмами тем...* – т.е. Его колесницы исчисляются тысячами и тысячами тысяч (ср. Пс 67: 18).

⟨Псалом⟩ 71

Ст. 39. *...Савские языки...* – аравийские или, по некоторым толкованиям, абиссинские.

145–151

Все переложения (кроме первого) – из церковных песнопений.

1. Перевод стихотворения Ф.-Г. Клопштока «Das gebet des Herrn» (из сборника «Veränderte Lieder»), свободной вариации на темы Молитвы Господней «Отче наш» (Мф 6: 9–13). Перевод эквиметрический. Ср.:

Du, deß sich alle Himmel freun,
Auch meine Seele freut sich dein,
Daß du, du selbst, der ewig ist,
Herr, Herr! daß du mein Vater bist!
Mein Vater bist!

и т.д.

(*Klopstock F.G.* Werke... Leipzig, 1804. Bd. 7. S. 290–292).

2. Переложение Херувимской песни, поющейся на литургии: «Иже херувимы тайно образующе и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение. Яко да Царя всех подымем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуия, аллилуия, аллилуия».

3. Переложение Песни Пресвятой Богородицы (Лк 1: 46–55), поющейся на утрени: «Величит душа Моя Господа, и

возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем. Яко призре на смирение рабы Своея, се бо отныне ублажат Мя вси роди. Яко сотвори Мне величие Сильный, и свято имя Его, и милость Его в роды родов боящимся Его. Сотвори мне державу мышцею Своею, расточи гордыя мыслию сердца их. Низложи сильныя со престол, и вознесе смиренныя; алчущия исполни благ, и богатящиеся отпусти тщи. Восприят Израиля отрока Своего, помянути милости, якоже глагола ко отцем нашим, Аврааму и семени его, даже до века». Перепечатка стихотворения: *Невзоров 1810*. С. 76–77.

4. Переложение Молитвы св. Симеона Богоприимца (Лк 2: 29–32), читаемой в конце вечерни: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языков, и славу людей Твоих Израиля». Ср. свободную вариацию на тему этой молитвы: № 152 (ср. также № 31, ст. 253–264).

5. Переложение ексапостилария, поющегося на утренях Страстной седмицы: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в онь: просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя».

6. Переложение тропаря, поющегося на вседневной полунощнице и утренях Страстной седмицы: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща, недостоин же паки, его же обрящет унывающа. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися, но воспряни зовущи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас». Ср. аналогичное переложение в составе стихотворения «Полнощь» (№ 102, ст. 46–56).

7. Переложение ирмоса 5-й песни канона ко Святой и Живоначальной Троице, читаемого на воскресной полунощнице: «Вскую отринул мя еси от Лица Твоего, Свете Не-

заходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма окаяннаго, но обрати мя, и к свету заповедей Твоих пути моя направи, молюся».

152

Стихотворение от лица св. Симеона Богоприимца, принявшего на руки принесенного в храм Младенца Иисуса (см.: Лк 2: 25–35), включающее вольное переложение Молитвы св. Симеона (Лк 2: 29–32). См. № 148 и примеч. (ср. также № 34, ст. 255–264).

153

Перевод стихотворения А.Попа «The dying Christian to his Soul» (1712). Схема рифмовки первой и третьей строф сохранена, вторая удлинилась на две строки (стихам 9–12 перевода в оригинале соответствуют два стиха: «What is this absorbs me quite? / Steals my sense, shurs my fight...»). В авторском примечании до слова «язычество» следует точный перевод комментария У. Уорбертона: «This ode was written in imitations of the famous sonnet of Hadrian to his departing soul; but superior mush superior to his original in sense and sublimity, as the *Christian* Religion is to the *Pagan*» (The works of Alexandre Pope... Together with the commentary and notes of Mr. Warburton. V. 1. Berlin, 1762. P. 81), далее – принадлежащий Б.Фонтенелю французский перевод анонимного латинского стихотворения «Adriani morientis ad animum suam»:

Animula, vagula, blandula,
Hospes, Comesque Corporis,
Quae nunc abibis in loca,
Pallidula, rigida, nudula?
Nec, ut soles, dabis joca.

Текст Фонтенеля Бобров приводит, вероятно, по одному из изданий стихов М. Прайора («Poems on Several occasions», 1718; «Poetical Works», 1791; и др.), где он помеща-

ется рядом с его вариацией на эту тему. Стихотворение Попа на русский язык переводилось неоднократно как прозой («Умирающий христианин к своей душе» // Полезное увеселение. 1761. № 1. С. 23–24; подпись: А.Н.), так и стихами: «Христианин, торжествующий при смерти» (Уединенный пошехонец. 1786. № 3. С. 150–12; без подписи), «Умирающий христианин к душе своей. Ода из сочинений г. Попе» (Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 9. С. 297; подпись: А.Т.).

154

1-я ред.: «Ода двенадцатилетнего Попе» (*БГ*. 1789. Ч. 2. № 6. С. 170–171; подпись: *Ббрв*). Перевод стихотворения А. Попа «Ode on solitude» (1700?; авторское указание, что ода сочинена в двенадцать лет, считается недостоверным). Рифмовка и строфика оригинала сохранены. Ср.:

Happy the man, whose with and care
A few paternal acres round,
Content to breathe his native air,
In his own ground.
и т.д.

До Боброва стихотворение однажды перелагалось прозой: «Уединенная жизнь» (Полезное увеселение. 1761. № 1. С. 22–23; подпись: А.Н.).

157

1-я ред.: «Ода к Бландузскому ключу» (Зеркало света. 1787. Ч. 5. № 87. 27 августа. С. 564–565; подпись: *Бобров*); 2-я ред.: «Бландузской ключ (Из Горация)» (Московский журнал. 1792. Ч. 7. Кн. 2. Август. С. 111–112; подпись: *С.Б.*; редакторская помета: *Из Петербурга*; на самом деле Бобров в это время уже находился на

юге; вероятно, текст был передан Н.М. Карамзину между 15 июля и 8 августа 1790 г., когда он, возвращаясь из европейского путешествия, проездом находился в Петербурге и, возможно, встречался с Бобровым). Текст *РП* (3-я ред.) содержит разночтения с обеими ранними редакциями, причем в заглавии и ст. 21 Бобров вернулся к первому варианту. Переложение оды Горация (III, 13), ранее на русский язык не переводившейся (о влиянии этой оды на новоевропейскую поэзию см.: *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гораций в эпоху Возрождения // Голенищев-Кутузов И.Н. Романские литературы. Статьи и исследования. М., 1975. С. 121–134). Мотивы этой оды Бобров развил в большом оригинальном стихотворении «К Натуре. При ключе г. Г⟨еринга⟩» (в *РП* разбито на три части: № 69–71). 3-ю ред. переложения (из *РП*) В.А. Жуковский перепечатал в «Собрании русских стихотворений...» (М., 1810. Ч. 1. С. 91–92), причем, с одной стороны, П.А. Вяземский упрекнул его за перепечатку «уродливейшего» перевода из Горация (*Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 1), а с другой – М.И. Невзоров посетовал на столь поверхностное внимание к поэту: «...нового вкуса судии ⟨...⟩ между всеми стихотворениями Боброва удостоивают только некоторого благосклонного внимания переведенную им с латинского из Горация Оду к Бландузскому ключу, и то, может быть, из почтения к Горацию, а не к Боброву» (*ДЮ*. 1811. № 10. С. 119).

159

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано М.Ю. Геринг по случаю рождения сына (предположительно осенью 1794 г.), который скончался в трехлетнем возрасте в

Николаеве, где и был погребен (об этом узнаем из авторского примечания к не вошедшему в *РП* стихотворению «Прибытие Люцинды» – № 281). *Генетлиаческие стихи* – «Генетлиаческая есть поэма, рождением какия особы или днем рождения приветствующая. Материя сея поэмы есть радость о рождении, похвала фамилии, обстоятельства времени и места, знаки, бывшие прежде рождения. Заключается она желаниями или благополучною приметою, или поздравлением родителям» (*Тредиаковский В.К.* Способ к сложению российских стихов... ⟨1752⟩ // Критика XVIII века. М., 2002. С. 143).

160

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано М.Ю. Геринг.

161

Вероятно, написано в Петербурге уже после возвращения Боброва с юга, т.е. после ноября 1799 г. Адресат неизвестен.

162

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано П.Ф. Герингу. Ср. не вошедшее в *РП* адресованное М.Ю. Геринг стихотворение «Отъезд Люцинды из Украины» (№ 280).

163

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Возможный адресат – П.Ф. Геринг (стихотворение перекликается с несомненно адресованным ему № 68).

164

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Возможно, под «хозяином» (от лица которого написано стихотворение) имеется в виду П.Ф. Геринг, а под «благодетелем» – Н.С. Мордвинов.

165

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано чете П.Ф. и М.Ю. Геринг.

167–177

Все стихотворные афоризмы перепечатал М.И. Невзоров (*Невзоров 1810*. С. 77–79), при этом 6-й («Легко Философ торжествует...») и 10-й («Сперва ты сердце воспитай...») сопроводил собственными примечаниями: «Какая неоспоримая истина, доказываемая ежедневными опытами гордых и ложных нынешних мудрецов и философов! Сии по Истории знают, разумеют причины падения и возвышения человечества и источник растления нравственности умных творений и, делая из того заключения, творят установления и законы для будущих времен и человеков, а в настоящем времени ни с собою, ни с домашними, ни с ближними вообще сладить не умеют!» (с. 78); «Правило сие и все предлагаемые здесь показывают, что Сочинитель имел понятие о истине или по крайней мере старался сколько-нибудь вникать в нее. Это самая истина, что без сердечного воспитания просвещение разума не значит ничего и все наши сочинения, сколько бы мы их ни написали, стихотворные или прозаические, будут не что иное, как только *трень брень с бирюльками*» (с. 79).

182

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Адресовано семейству П.Ф. и М.Ю. Геринг.

184

Ср. «кенотафические памятники» № 87–88, где речь идет об отце и сыне «*ШВ.*». «Маленький друг Шв.», видимо, представитель следующего поколения той же семьи.

186

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Стихотворение приурочено к Рождеству Христову. Адресовано двум дочерям П.Ф. Геринга (см. ниже).

187–188

Вероятно, входило в несохранившийся сборник 1800 г. (см. примеч. к № 60). Написано в апреле 1799 г. Адресовано двум дочерям П.Ф. Геринга. Вторая из них, родившаяся в апреле (см.: 2, ст. 10), – это, очевидно, Наталья Петровна Геринг, в замужестве Блок (23.4.1797–1839), прабабка поэта Александра Блока (см.: *Старк В.П.* А.С. Пушкин. Родословные перекрестки с русскими писателями. СПб., 2000. С. 95).

189–193

Везде обыгрываются имена девочек: Роза (№ 189–190), Ангелина (№ 191, ст. 6), Клара («ясная») (№ 192), Лилия (№ 193). Возможно, все они – дочери П.Ф. Геринга, у которого, помимо Натальи, было еще пять дочерей (см.: Петербургский некрополь. Т. 1. СПб., 1912. С. 580).

194

Здесь речь идет о собственной дочери Боброва, родившейся в конце 1804 или в начале 1805 г. (в Послужном списке *РГИА*, составленном в апреле 1804 г., он еще указывал, что женат, но детей не имеет). Имя ребенка то же, что у жены Боброва, – Александра. Перепечатка стихотворения: *Невзоров 1810*. С. 102–104 (здесь же указано имя жены поэта – с. 137).

Ст. 19. *...в теток граций претворенны* – т.е. грации, «претворенные» в теток младенца.

195–197

Стихотворения образуют единый цикл на рождение и смерть младенца. Заключительное двустишие, переведенное с английского (№ 197), резюмирует его содержание.

199

Стихотворение носит автобиографический характер. *Ворбаб* – анаграмма фамилии автора.

Ст. 1–5. *При бреге Котросли глубокой... где... она... ложится в лоно Волги...* – т.е. в Ярославле или его окрестностях. В «Россиаде» Хераскова Ярославль обозначен так же перифрастически: «От оных сила мест, как туча, поднялась, / Где Котросль с Волгою в средине стен слилась...» – песнь VI, ст. 73–74). Место рождения Боброва известно только из этих строк; подтверждение находится в поэме «Древняя ночь вселенной»: «Он был рожден на бреге *Волжском...*» (Ч. 2. Кн. 3. С. 218).

Ст. 19–34. *Лишь Волжский берег девять раз...* и сл. – Эти строки следует понимать так, что в девятилетнем возрасте Бобров оказался в Москве. Далее идет речь о его обучении в Московском университете.

Ст. 38. *...за счастьем к Бельту ну катить!* – В Петербург Бобров переехал в 1786 г.

Ст. 41. *...спешил к брегам Эвксинским...* – На юге он находился с августа 1791 г.

Ст. 51. *...варганными крылами...* – Варган – народный музыкальный инструмент.

200

Корабль на море в эмблематике обычно означает могущество наук и человеческого разума; см., например, подпись к одной из таких эмблем: «Тщанием и наукой все достигается» (Эмблемы и символы. М., 2000. С. 114. № 170). У Боброва, напротив, говорится о тщете человеческих усилий. Ср. аналогичный ход мысли в стихотворении неизвестного автора «К кораблю, источенному червями» (Архив графов Мордвиновых. Т. 2. СПб., 1901. С. 601–602).

Ст. 4. *...антиподы...* – живущие на противоположной стороне Земли.

Ст. 23. *...империю Плутонову...* – т.е. царство мертвых.

202

1-я ред: «Ода старику, женившемуся на молодой девице в мае месяце» (*БГ*. 1789. Ч. 2. № 5. С. 87–89; подпись: *С. Бобров*). Перепечатка текста *РП*: *Невзоров 1810*. С. 104–107.

203

Предположительный адресат – П.П. Икосов. Криптоним *Гл.*, которым подписано письмо «приятеля», возможно, принадлежит издателю И.П. Глазунову. Именно это стихотворение, скорее всего, послужило поводом для одной из эпиграмм П.А.Вяземского (1811): «Российский Диоген лежит под сею бочкой: / Тот в бочке прожил век, а наш свой прожил с бочкой» (Русская эпиграмма второй половины XVII – начала XX в. Л., 1975. С. 267).

Ст. 7. *...сын Семелы* – Вакх (Бахус).

Ст. 11. *...иль снова Низы ты в пещере?* – На геликонской горе Низа (Ниса) на попечении тамошних нимф прошло детство Диониса, превращенного Гермесом в козленка, чтобы его не нашла гневная Гера.

Ст. 12. *Иль снова хочешь брань начать, чтоб Индию завоевать?* – Дионис покорил Индию, несмотря на встречаемое сопротивление, научил ее народ виноградарству, дал ему законы и основал несколько больших городов.

Ст. 15. *Иль в сфере Урании дышешь?* – Дионис, установив свой культ во всем мире, вознесся на небеса и занял место по правую руку Зевса.

Ст. 29–36. *Сказал – и вдруг в моих глазах...* и сл. – Автопародия на заключительные строки стихотворения «Хитрости Сатурна» (№ 116).

204

Стихотворение приурочено к Светлой седмице после Пасхи – времени сугубого веселия христиан.

205

Ведущий мотив стихотворения – страдания чернокожих делателей сахара – был популярен в кругу литераторов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и служил формой выражения антикрепостнических чувствований (см.: *Орлов П.А.* Поэты-радищевцы // Поэты-радищевцы. Л., 1979. С. 21–22). По замечанию Ю.М. Лотмана, некоторые строфы стихотворения звучат как прямая перекличка с «Путешествием из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (ср. в главе «Пешки»: «...я, по похвальному общему обыкновению, налил в чашку приготовленного для меня кофию и услаждал прихотливость мою плодами пота несчастных африкан-

ских невольников»). Тот же мотив мог служить поводом к моралистическим раздумиям о свободе внутренней и внешней: «...так что ж свобода та? не то ль, что я не раб и не в Америке несчастный тот арап, кой, сахар делая, без пищи и роздыха, в цепях, в слезах, в крови, взнося стон с воплем к Богу, кончины просит дней? ах, нет, совсем не то; свободен тот один, кой, ставя в ничто зласть, нищету, молву, в добре преуспевает» (*ПТ.* 1785. Ч. 3. С. 76; без подписи). Однако у Боброва этот мотив входит в шуточное стихотворение, утверждающее пользу наук.

Ст. 22. ...*скорбут* ... – цинга.

206

О деяниях Диониса см. примеч. к № 203.

208

Обращено к неудачливым одописцам – подражателям «нашего Пиндара», т.е. М.В. Ломоносова.

211

Белинда – героиня ирои-комической поэмы А. Попа «Похищение локона» («The Rape of the lock», 1712). Ее имя стало нарицательным для обозначения щеголихи. «Приношением Белинде» открывался известный сборник непристойных стихотворений «Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова» (1760–80-е).

212

Единственный у Боброва опыт в жанре ирои-комической поэмы. О самом известном ее русском образце – поэме В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) – здесь напоминают простонародные плясовые песни (ст. 39), фигура пьяного кучера, который «в лоб

тёмну закатил» (ст. 59), и травестированные Вакх «мужик хмельной» и «Церера сытая» (ст. 71–73), враждующие у Майкова из-за ямщика Елисея.

Ст. 14-16. *Не больше Абелард, как повесть нам толкует...* и сл. – Имеется в виду «История моих бедствий» Пьера Абеляра и его переписка с женой Элоизой, разлученной с ним и постригшейся в монахини (опубл. 1616). Их трагическая история стала источником многих литературных произведений, в том числе героиды А. Попа «Элоиза Абеляру» («Eloisa to Abelard», 1717), неоднократно в XVIII в. перелагавшейся на русский язык с французских переводов.

Ст. 18–23. *...подобна быв во всем тем женщинам огромным...* и сл. – Речь идет о жительницах Бробдингнега и Лилипутии, описанных в «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта. Юная великанша Глюмдальклич действительно носила Гулливера за пазухой (ч. 2, гл. 2), а лилипуты были ростом с его палец (ч. 1, гл. 1).

213

Эскулапиево исчадие – врач («новый Боергав» – ст. 11). Видимо, имеется в виду один из знакомых Боброва, проживавший в Херсоне («на красных берегах Днепра» – ст. 24).

Ст. 26. *...Дульцинея* – возлюбленная Дон Кихота из романа Сервантеса.

214

Лаиса – имя коринфской гетеры V в. до н.э., ставшее нарицательным для обозначения кокетливой и изнеженной женщины.

Ст. 6–7. *...ты среди пуховиков драгое время подавляешь.* – Ср. в «Херсониде»: «Лишь нежна роскошь... во глубине пуховиков часы драгие задушает» (песнь I, ст. 70–77).

215–216

Стихотворения составляют единый текст, общий его смысл: о женщине нельзя безошибочно судить по ее поведению. Порознь стихотворения говорили бы несколько об ином – о том, что за внешей строгостью и добродетелью, возможно, скрывается кокетство (Лукреция), а за открытостью и обаянием – внутренняя замкнутость (Аспазия).

215

Ст. 20. ...*Путь ко спасению...* – неоднократно переиздававшаяся книга Ф.А. Эмина «Путь к спасению, или Разные набожные размышления, в которых заключается нужнейшая к общему знанию часть Богословия» (1770); одно из изданий вышло в типографии И.П. Глазунова в 1804 г.

219

...*Твангдилло...* – персонаж английского фольклора (Twanky-Dillo), веселый кузнец.

220

Перевод эпиграммы М. Прайора «For my own Tomb-stone» (1718):

To Me ´twas giv´n to die: to Thee ´tis giv´n
To live: Alas! one Moment sets us ev´n.
Mark! how impartial is the Will of Heav´n?

223

Перевод эпиграммы М. Прайора (1718):

Yes, every Poet is a Fool:
By Demonstration *Ned* can show it:
Happy, cou´d *Ned*´s inverted Rule
Prove every Fool to be a Poet.

227

В первой строфе обычный у Боброва зачин новогодних стихотворений. *Дамон, Хлоя, Амелия* – имена, употребительные в идиллиях и эклогах.

Эпиграф – латинский текст – фрагмент изречения Публия Сира (I в. до н.э.): Fortuna vitrea est; tunc cum splendet frangitur (Счастье – стекло: блестя – разбивается).

Ст. 57. *...прядущи жизни нить!* – парки.

228

Вероятно, адресовано М.Ю. Геринг по случаю рождения дочери Розы (см. ст. 8–9), которой посвящены стихотворения № 189–190.

229–231

Речь в этих стихотворениях идет о будущей супруге автора Александре («Саша», «Сашинька») и ее подруге («Милена»). См. примеч. к № 241–257.

234–235

Адресовано будущей супруге автора, вместе с которой он был восприемником при крещении некоего младенца. Ср. № 246.

236–240

Достоверно устанавливаются адресаты первой и четвертой надписей: Г.А. Мордвинова и М.Ю. Геринг, которым Бобров посвящал и другие стихотворения. Возможный адресат второй (Ан.С.К.) – супруга А.С. Катасанова. Все надписи были перепечатаны М.И. Невзоровым (*ДЮ*. 1811. № 10. С. 122) как пример «стихотворных мелочей» Боброва, напоминающих опыты нынешних «модных писателей». Однако, замечает Невзоров, у них «*Груши* да

Амины составляют все богатство стихотворного ума, а у Боброва таковые надписи между прочими его прекрасными стихотворениями так, как несколько капель в Каспийском море» (Там же. С. 123).

241–257

Стихотворения образуют связное повествование о развитии взаимоотношений Плениры (Диды) и Миртида, завершающихся браком, и носят явно автобиографический характер. Под именами Плениры и Диды выведена супруга автора, под именем Миртида – он сам. Когда героиня отвечает согласием на брачное предложение Миртида, она уже прямо именуется «Сашинькой» (№ 252–253). Стихотворение «Майский день. К Пленире» (№ 245) перепечатывалось М.И. Невзоровым (*Невзоров 1810*. С. 107–113).

241

См. выше. В заглавии аллюзия на популярную песню И.Ф. Богдановича «Пятнадцать мне минуло лет...» (1773).

246

См. выше.
Ст. 10. *...в диком камне стройный куб.* – Отзвук масонской фразеологии.
Ст. 23. *Пирамовой подобно страсти?* – Имеется в виду история Пирама и Фисбы, изложенная в «Метаморфозах» Овидия (IV, 55–166). Пирам закололся над окровавленной туникой возлюбленной, думая, что она растерзана львом.

248

См. выше.
Ст. 140. *Приор со Хлоей раз бранился...* – Имеются в виду стихотворения М. Прайора «Ревнивая Хлоя» («Cloe

jalous») и «Лучший ответ ей» («A better answer») (см. в неподписанном прозаическом переводе, возможно, принадлежащем Боброву: Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 7. С. 88–93). *...Подобно как Гораций с Лидией* (авторское примеч.) – имеется в виду написанная в диалогической форме ода Горация (III, 9).

249

См. выше.

Ст. 21–22. *...новой Элоизой стала, спеша в святилище свое?* – Имеется в виду героиня романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (1761).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СЕМЕН БОБРОВ

СЕМЕН БОБРОВ.
ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
«РАССВЕТА ПОЛНОЧИ» ИЗД. 1804 г.

Титульный лист 1-й части «Рассвета полночи». Изд. 1804 г.

Императрица Екатерина II с текстом «Наказа» в руках. Миниатюра неизвестного художника. Конец 60-х – начало 70-х гг.

Павел I. Портрет работы С.С. Щукина

Александр I в коронационном облачении

Екатерина II, Павел I и Александр I в медальоне. С гравюры Больдта

Штурм Очакова. Гравюра А. Берга по оригиналу Ф. Казановы. 1792 г.

А.В. Суворов. Портрет работы И.Г. Шмидта. 1800 г.

С.К. Грейг. Портрет работы И.А. Артунова. 1772–1773 гг.

В.Я. Чичагов. Гравюра А.Г. Ухтомского. 1790-е гг.

Ф.Ф. Ушаков. Портрет работы П.Н. Бажанова. 1912 г.

Н.В. Репнин. Портрет работы неизвестного художника (копия с оригинала Д.Г. Левицкого). 1780-е годы.

Смерть Г.А. Потемкина 5 октября 1791 г. Гравюра Г.И. Скородумова по рисунку М.М. Иванова. 1793 г.

Титульный лист 2-й части «Рассвета полночи». Изд. 1804 г.

Титульный лист 3-й части «Рассвета полночи». Изд. 1804 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССВЕТ ПОЛНОЧИ ИЛИ СОЗЕРЦАНИЕ СЛАВЫ, ТОРЖЕСТВА И МУДРОСТИ ПОРФИРОНОСНЫХ, БРАНОНОСНЫХ И МИРНЫХ ГЕНИЕВ РОССИИ С ПОСЛЕДОВАНИЕМ ДИДАКТИЧЕСКИХ, ЭРОТИЧЕСКИХ И ДРУГИХ РАЗНОГО РОДА В СТИХАХ И ПРОЗЕ ОПЫТОВ СЕМЕНА БОБРОВА 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОРФИРОНОСНЫЕ ГЕНИИ РОССИИ 7

⟨Посвящение⟩ 9
Предуведомление 15
1. Столетняя песнь, или Торжество осьмогонадесять века России 17
2. К новостолетию XIX 28
3. К великому преобразователю России 29
4. К подножию монумента Петра Великого 32
5. К гробнице великого просветителя России. Подражание славному Попе. 33
6. К портрету императрицы Елисаветы Петровны 33
7. Последний час сей императрицы 33
8. Драмматическое песнотворение на кончину Екатерины II в трех явлениях 34
9. Вечернее созерцание гробницы Екатерины II 38
10–11. Две надписи Екатерине II 52
1. «Цари и царства мира! – прослезитесь!..» 52
2. «О боги века, – плачьте, плачьте с нами!..» 52
12. Глас возрожденной Ольги к сыну Святославлю 52
13. Стансы на учреждение корабельных и штурманских училищ при адмиралтействах 1798 года 59
14. Установление Нового адмиралтейства 1797 года 63
15. К кораблю стотридцатипушечному 69
16. Величайший во флоте линейный корабль на воде 70
17. Судьба ратоборных Гениев России 72
18. Ночь 73

19. К праху российского Ганнибала ... 78
20. Усыновленная Георгия, или Приращение Российской державы Грузинским царством ... 79
21. Торжественное утро марта 12 1801 года ... 84
22. Гимн Александру I 12 марта 1801 года ... 92
23–25. Монаршая попечительность о царстве ... 93
⟨1⟩ Выгоды войска ... 93
⟨2⟩ Успех морских сил ... 96
⟨3⟩ Бдительность о внутренних делах ... 97
26–28. Монаршая чувствительность к памяти славного победителя французов. Маия 1 дня 1801 года ... 98
1. «Тебя, Суворов незабвенный...» ... 98
2. «Герой в героях возвышенный!..» ... 99
3. «Сын грома и кумир веков!..» ... 99
29. Высочайшая воля к довершению Нового адмиралтейства на место бывшей Галерной верфи, последовавшая при случае спуска на воду корабля *Гавриила* 1802 года, в октябре ... 99
30. Монаршее шествие в Москву для торжественного коронования ... 102
31. Высокоторжественный день коронования Их Императорских Величеств сентября 15 дня 1801 года в Москве ... 106
32. Всерадостное сретение Их Императорских Величеств по торжественном Их короновании в Москве, октября ... 117
33. Торжественный день столетия от основания града Св. Петра. Маия 16 дня 1803 ... 128

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БРАНОНОСНЫЕ И МИРОЛЮБИВЫЕ ГЕНИИ РОССИИ, ИЛИ ГЕРОИ СЕВЕРА В ЛАВРАХ И ПАЛЬМАХ ... 135

34. На новый год ко вступающему в путь жизни и подвига ... 139
35. Надпись г. Мо⟨рдвинов⟩у ... 142
36. Образ зиждительного духа ... 142
37. Слава российских ироев, с 1787 по 1791 год подвизавшихся на войне ... 145
38. Завоевание Очакова и Бессарабии ... 149
39. Победы в Бельте и Финляндии ... 152
40. Мир со шведами 1790 года августа 3 дня ... 155
41. Конец войны при Дунае ... 159

42. Победная песнь 1793 года 162
43. Полное торжество мира того же года 166
44. Честь победителю за Дунаем при Мачине к⟨нязю⟩ Н⟨иколаю⟩ В⟨асильевичу⟩ Репнину 168
45. Лавр российского адмирала Чичагова при славном отражении шведского флота маия 2 дня 1790 года 171
46. Памятник морскому герою г. Грейгу 176
47. Черноморские трофеи, или Парафрастические стихи предводителю сил Эвксинских на трикратное поражение турецкого флота ⟨1⟩791 и ⟨1⟩792 годов, почерпнутое из мыслей некоторого самовидца 179
48. Песнь благодарственная графу Суворову-Рымникскому от награжденного за военную услугу 185
49. Последняя дань сердца графу Румянцову-Задунайскому 187
50. Ода, сочиненная славным г. Буало против англичан 191
51. Отзыв Буалу против французов 192
52. Признательность Патриоту г. а⟨дмиралу⟩ М⟨ордвинову⟩ 194
53. Желание любителю отечества 197
54. Песнь ему («Кедр *Байкальский* торжествует...») 198
55. Сонет награжденному Патриоту а⟨дмиралу⟩ М⟨ордвинову⟩ окт⟨ября⟩ 10 дня 200
56. Надпись ему («Не более твой век, как только в половине...») 201
57. Хоры для Польского в честь ему же («Для того ль дышать мы стали...») 201
58. Чувствование при удаляющемся Патриоте 202
59. Воззвание Патриота к важнейшим подвигам 204
60. Высочайшая милость г. Г⟨ерингу⟩, ц⟨ейхмейстеру⟩ Ч⟨ерно⟩-м⟨орского⟩ а⟨дмиралтейства⟩ 205
61. Глас хранителя духа Акастова. Маия 19 206
62. Хоры для Польского в честь ему («Не ужасну брань, не громы...») 208
63. Хоры для Польского в честь ему же («О богиня ликов стройных...») 209
64. Стансы. Празднество любителя муз 209
65. Небольшая огненная потеха, или Символ жизни ревнителя отечества 211
66. Зерцало деяний подвигоположника 212
67. Беседа между певцом и эхом о благоденствии почтенного по любви к ближнему 213

68. Сын отечества, удаляющийся из Херсониса на покой в свои маетности 214
69. К природе при ключе на берегу Ингула в поместье Акаста 216
70. Досужный труд и восхищение Акаста при будущей картине сего ключа 219
71. Умоление природы при новом источнике 223
72. К любительнице природы и муз на гостеприимной ея даче 225
73. К покровительнице общего благородного увеселения в новый год 226
74. Хоры для сего увеселения в то же время («О богиня игр волшебных...») 228
75. Хоры для Польского в честь вождя морских сил, г. ⟨Мордвинова⟩ («Божество пучины черной!..») 228
76. Поход Черноморского флота в Средиземное море. Польской на голос: *Гром победы* 229
77. Отдых Марса в веселом собрании. Другой Польской на тот же голос 230
78. Лучший день в году Акаста 231
79. Покровителю и любителю российской словесности г. М⟨ордвинову⟩ 231
80. К кораблю 74-пушечному, спущенному 1794 года в Херсоне 232
81. Плачущая нимфа реки Гипаниса при кончине славного вождя сил Эвксинских 233
82–96. Кенотафические памятники подвигоположникам 245
1. Низложенному Петром Великим северному Александру 245
2. Соорудителю артиллерийских орудий в Херсоне («Когда б рог славы онемел...») 246
3. Ему же («Прости, – прости, Стр⟨уговщико⟩в!..») 246
4. Отцу Акаста («Вот, здесь отец мой спит! – пришлец, остановись!..») 246
5. Другая ему («Кто слезный памятник герою сорудит...») 247
6. К праху защитника 247
7. От тени отца к сыну 247
8. К праху двух братьев, близнецов 248
9. К г. Рснскм 248
10. К Флнв 248
11. Судьба обидчика 249

12. Г. Л...ву. Impromptu ... 249
13. К братнему праху г. Подг...ци ... 249
14. К умершему весной бедному юноше ... 249
15. К праху почтеннейшего и любезнейшего М⟨ож⟨ай⟩-ск⟨о⟩го⟩ ... 251
97. Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз ... 251
98. Запрос новому веку ... 259
99. Предчувственный отзыв века ... 261

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИГРЫ ВАЖНОЙ ПОЛИГИМНИИ, ЗАБАВНОЙ КАЛЛИОПЫ И НЕЖНОЙ ЭРАТЫ, ИЛИ ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ЧАСЫ ДЛЯ ДУШИ И СЕРДЦА ОТНОСИТЕЛЬНО СВЯЩЕННЫХ И ДРУГИХ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПЕСНЕЙ С НЕКОТОРЫМИ ЭРОТИЧЕСКИМИ ЧЕРТАМИ И ДОМАШНИМИ ЖЕРТВАМИ ЧУВСТВОВАНИЙ ... 267

100. Размышление о создании мира, почерпнутое из первой главы Бытия ... 271
101. Прогулка в сумерки, или Вечернее наставление Зораму 278
102. Полнощь ... 279
103. Утро ... 282
104. Весенние мысли при повороте солнца. К другу Зораму ... 283
105. Осенние мысли о четырех возрастах. К нему же ... 284
106. Судьба древнего мира, или Всемирный потоп ... 286
107. Торжественное вдохновение ночи ... 291
108. Царство всеобщей любви ... 296
109. Обузданный Юпитер, или Громовый отвод ... 300
110. Глас новолетия к венценосной благости ... 306
111. Песнь несчастного на новый год к благодетелю ... 307
112. К другу на его новый год («Бежит и храмлет год – год старый...») ... 309
113. На такой же случай апреля 22 дня («Пусть двутонныя лиры...») ... 310
114. Первый час года. К другу И⟨косову⟩ ... 312
115. К русскому Лукуллу на тот же случай ... 314
116. Хитрости Сатурна, или Смерть в разных личинах ... 316
117. Творение мира. Перевод с франц. ... 318
118. Чувствование к преблагому Богу Св. Августина. Из письма г. Говеля с англ. ... 322

119–144. Дух еврейского венценосного Барда. Вольное преложение с разных иноязычных лучших переводов 323
⟨Псалом⟩ 1 323
⟨Псалом⟩ 8. Владычество человека 324
⟨Псалом⟩ 17. На случай избавления от Саула 325
⟨Псалом⟩ 18. Божие величество в мире 331
⟨Псалом⟩ 22. Промысл Божий 332
⟨Псалом⟩ 28. Всемогущество 333
⟨Псалом⟩ 41. На случай Авессаломова возмущения 334
⟨Псалом⟩ 45 336
⟨Псалом⟩ 48 337
⟨Псалом⟩ 49 340
⟨Псалом⟩ 54 343
⟨Псалом⟩ 64 344
⟨Псалом⟩ 67 345
⟨Псалом⟩ 71 348
⟨Псалом⟩ 79 350
⟨Псалом⟩ 83 353
⟨Псалом⟩ 90 355
⟨Псалом⟩ 92 357
⟨Псалом⟩ 96. На случай завладения землею 358
⟨Псалом⟩ 98 360
⟨Псалом⟩ 107 360
⟨Псалом⟩ 113 361
⟨Псалом⟩ 132 362
⟨Псалом⟩ 136 362
⟨Псалом⟩ 138 364
⟨Псалом⟩ 147 366
145–151. Преложение некоторых духовных песней 369
1. Отче наш. Песнь из Клопштока 369
2. Иже Херувимы 370
3. Песнь Божественныя Марии 371
4. Ныне отпущаеши 372
5. Чертог Твой вижду 372
6. Се Жених грядет! 373
7. Вскую отринул мя еси? 373
152. Восторг приявшего Мессию старца 374
153. Умирающий христианин к своей душе. Соч. г. Попе 375
154. Умеренность жизни. Ода двенадцатилетнего Попе. С англ. 376

155. Весна. С англ. – Соч⟨инение⟩ одной англичанки 376
156. Зима. С англ. 378
157. Ода к Бландузскому ключу. Из Горация. С лат. 381
158. Доверенность персиан к Кулыхану. Парафраст отрывка, переведенного с грузинского одним... 382
159. Генетлиаческие стихи к почтеннейшей г. Г⟨еринг⟩ 382
160. Выбор жертвы для почтенной и любезной дамы в летнее время 384
161. Напоминание соседу при отъезде его в полуденный край России 386
162. Дружеское провожание в северный край России 387
163. Последнее прощание 388
164. Прием хозяина, учиненной его благодетелю, посетившему новый дом его 388
165. Благодарность обязательному семейству 389
166. Поучение одной девице против богатства 390
167–177. Некоторые правила для сердца и ума 391
1. «Спеши, природы сын, с собой трудиться...» 391
2. «Чтобы Незримого узреть...» 391
3. «О Боге лучшее то мненье...» 392
4. «Всё мрачно будет вне тебя...» 392
5. «Знав центр души – сея струи небесной...» 392
6. «Легко философ торжествует...» 392
7. «Чтоб время сохранять, тверди ты каждый раз...» 392
8. «Сколь можно, ты прямей линею дней черти...» 392
9. «Всё счислишь, смеряешь – и ты найдешь конечность...» 392
10. «Велик в злодее свет наук великом...» 392
11. «Сколь добродетель ни прекрасна...» 393
178. Стихи г. Вольтера на его поездку во Фландрию. С франц. 393
179. Немецкая кенотафия доброму Квандту («Здесь смертных друг лежит и бедных покровитель...») 393
180. Иной опыт ему же («Пришлец ли ты? – тебе никем то не открыто...») 394
181. Слезы бедности 394

Полезные игрушки для детей

182. Семейственная жертва одному дому 395
183. К одному дитяти 395
184. К маленькому другу Шв. 396

185. К одной тринадцатилетней воспитаннице в генваре 397
186. Маленькая жертва двум любезным дочерям 398
187–188. Две апрельские утренние песенки им же 399
1. «Драгоценный мой цветочик!..» 399
2. «Встань, дитя, сим утром ясным!..» 399
189. Рождение розы 402
190. Восприятие розы особою того же имени 403
191. К милой девочке 403
192. Сердечный подарок Клариньке на имянины 404
193. Рождение лилеи 404
194. Отеческий поцелуй Саше в отсутствии 405
195. К новорожденному 406
196. На смерть сего же самого младенца, случившуюся в 17 день после его рождения 408
197. Кратковременность красоты 409
198. От сестры к сестре в день Ангела 409

Погудки моей Каллиопы
199. Выкладка жизни бесталанного *Ворбаба* 410
200. К кораблю («О ты, носимое жилище меж волнами...») 412
201. К слову *завтра* 413
202. К женившемуся на зиме лет своих *Седонегу* на веснолетней девице вскоре после Пасхи 414
203. Превращение Бахуса в Диогена 417
204. К Вакху в Светлую неделю 418
205. Против сахара 419
206. Честь русскому пиву 421
207. Нравственная арифметика для имянинника 423
208. К пресмыкающимся за нашим Пиндаром 423
209. Судьба славного Кука 424
210. Сердечное лекарство 424
211. К старо-юной Белинде 424
212. Вечеринка 425
213. Ложная тоска насмешливой красавицы по Эскулапиевом исчадии 428
214. Увещание дядьки к долгоспящей воспитаннице *Лаисе* 429
215. К скромной Лукреции, но не во всем 431
216. К болтливой и открытой Аспазии, но не во всем 431
217. Описание ночи г. Драйдена. С англ. 432
218. Та же мысль наизнанку. Его же с англ. 433

219. Разные нравы человеческого рода. С англ. 433
220. Надпись г. Приора к самому себе. С англ.......................... 434
221. К бедности Иова. С англ.......................... 434
222. Нежный супруг. С англ. 434
223. К стихотворцам. Соч. Приора. С англ. 434
224. Не совсем похвала жене. С франц. 435
225. Ограниченность власти ума. С франц. 435
226. Песня застольная Бр. служащего. Вольный перевод с англ. 435

Эротические черты и им подобные

227. Раздраженный пастух на неверность Хлои в новый год 438
228. Выздоровление любезной матери после родов 440
229. Чувствование *Милены* при выздоровлении ея подруги от оспы 441
230. К двум любопытным посетительницам художественного места в марте 443
231. Брачная песнь от *Милены* к *Саше* 443
232. От нее же к другой подруге («Пусть сребристый вихрь крутится...») 445
233. Еще от нее же на подобный случай («Уже и ты, – уже и ты...») 445
234. К *совосприемнице* девушке («Долг первой матери – долг жизнь младенцу дать...») 446
235. К ней же («В твоих устах цветет, как розон, поцелуй...») 447
236–240. Надписи пяти любезным дамам 447
1. Генр. А. М⟨ордвиновой⟩ 447
2. Ан. С. К. 447
3. Ел. С. П. 447
4. Мар⟨ии⟩ Ю⟨рьевне⟩ Г⟨еринг⟩ 447
5. Гр. В. 447
241. Пятнадцать лет минуло *ей* 448
242. Мечтание в лесках 448
243. Пробуждение чувства на одной уединенной даче 450
244. Излияния горестного сердца к шестнадцатилетней *Пленире* 451
245. Майский день. К Пленире 453
246. Сердечная болезнь при совосприемничестве 456
247. Идиллия. Пленира 457
248. Идиллия. Унылый Миртид, примечающий надежду в глазах пастушки во время собственного ея праздника 459

249. Грусть в разлуке с любезной ... 466
250. Тоска по ней в уединении ... 469
251. Отчаянный вопль влюбленного *Миртида* к мудрецу ... 471
252. Лучшая надежда *Миртида* ... 473
253. Утешение ей ... 473
254. Сладкое оправдание пред нею ... 474
255. Торжественный час любви Миртида в конце июля ... 474
256. Душегреечка Миртида ... 475
257. Небольшое терпение Миртида ... 476

ДОПОЛНЕНИЯ ... 477

РАННИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ ... 479

ПРИЛОЖЕНИЯ ... 533

ПРИМЕЧАНИЯ ... 535

Научное издание

Семен Бобров

РАССВЕТ ПОЛНОЧИ
*
ХЕРСОНИДА

В двух томах

Том первый

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Заведующая редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *Е.В. Белова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая,*
Р.В. Молоканова, Т.А. Печко

Подписано к печати 01.12.2007
Формат 70 × 90$^{1}/_{32}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ. л. 23,9 + 0,5 вкл. Усл.кр.-отт. 26,7. Уч.-изд.л. 20,4
Тип. зак. 2251

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52
Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@litras.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б";
(код 812) 235-40-64 ak@akbook.ru

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

690002 Владивосток, Океанский проспект, 140
("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137
("Книга-почтой"); (код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой");
(код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17)
292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495)
621-55-96 (Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90;
(код 495) 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4;
(код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51;
(код 383) 221-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22
("Книга-почтой"); (код 383) 330-09-22
akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1
(“Книга-почтой”); (код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”);
(код 3472) 23-47-62, 23-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей:
(код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@litras.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru

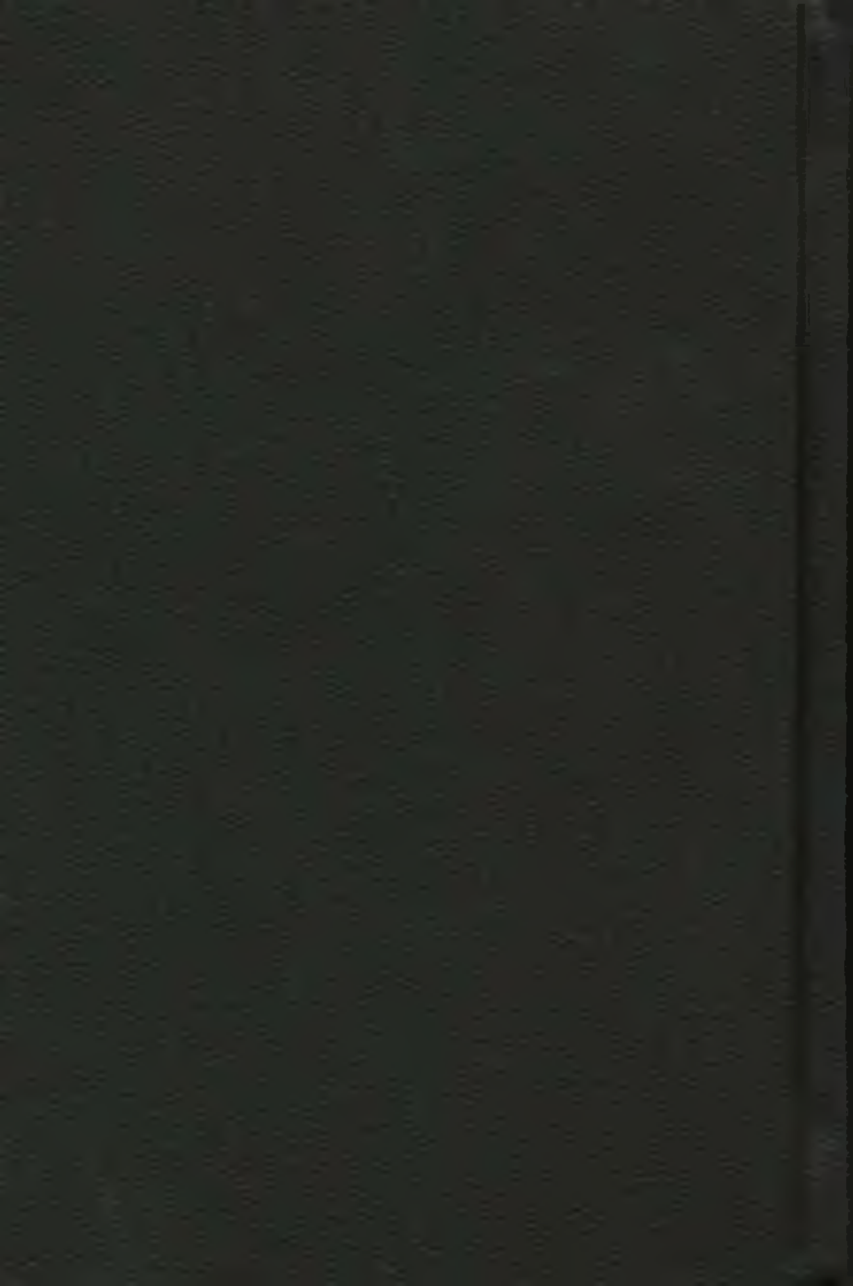
В СЕРИИ
"ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ"
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. – М.: Наука, 2007. – 39 л.

Описание путешествия в Константинополь, Египет и Иерусалим, совершенного в 1701–1703 гг. московским священником, который после возвращения на родину стал одним из руководителей старообрядчества – ценный исторический источник петровского времени и оригинальный литературный памятник, развивающий традиции школы протопопа Аввакума. Издание включает текст трех редакций "Хождения", статьи об историко-литературном процессе конца XVI–XVIII вв.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-035666-5
9 785020 356665

Сражение у мыса Калиакрия
1791 г.
Акварель гардемарина А. Депальдо
(фрагмент)

ISBN 978-5-02-035666-5
9 785020 356665

Семен Бо
Рассвет пс
*
Херсонида

Петербург.
Картина неизвестного художника.
Первая четверть XIX в.
(фрагмент)

НАУКА